

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО "ВТУ им. П.М. Машерова"

ТОМ 28

ВИТЕБСК 2018

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова»

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

2018 • Том 28

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)бя54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 08.10.2018 г.

Редакционная коллегия:

А.В. Егоров (главный редактор),
М.А. Слемнев (зам. главного редактора),
В.Ю. Боровко, Е.В. Давлатова, А.Н. Дулов, И.П. Зайцева, А.П. Косов, О.В. Лапатинская,
И.В. Мандрик, В.А. Маслова, А.М. Мезенко, С.А. Моторов, Е.Ю. Муратова, В.И. Нестерович,
И.В. Николаева, С.В. Николаенко, Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий

Редакционный совет:

София Абрамович (Польша), Зина Гимпелевич (Канада),
Эрик Екабсонс (Латвия), И.А. Королева (Россия), А.А. Михайлов (Россия),
В.Н. Никитин (Россия), Н.Л. Пушкарева (Россия), Т.А. Яценко (Украина)

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим и философским наукам

Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. — Витебск :
В54 ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. — Т. 28. — 188 с.

УДК 378.4(476.5)(060.55)
ББК 74.583(4Бей-4Вит)бя54

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

История

<i>Мандрык І.У.</i> Крыніцы агульнай гісторыі і гісторыі Беларусі аб утварэнні дзяржаўнасці на землях усходніх славян: іх навуковая надзейнасць, ідэалагізацыя і палітызацыя ...	7
<i>Ковтуненко О.И.</i> Польско-российские отношения в исследованиях историка Павла Муханова	15
<i>Весельская Н.В.</i> Материалы по истории Киевщины и Брацлавщины в публикациях польского историка Александра Яблоновского (вторая половина XIX в.)	22
<i>Карнялюк В.Р.</i> Рээвакуацыя беларускіх бежанцаў Першай сусветнай вайны ў межах савецкай міграцыйнай палітыкі (1918–1923 гг.)	28
<i>Крывашэй Д.А.</i> Двухбаковыя культурныя сувязі Рэспублікі Беларусь: фарміраванне дагаворнай базы (1991–2017 гг.)	33
<i>Краско Г.Г.</i> Послевоенная репатриация советских граждан: деятельность органов государственной безопасности БССР в контексте государственной политики	43
<i>Козлов А.А.</i> Контроль информационного пространства БССР местными органами цензуры в период «оттепели».	49
<i>Ходин С.Н.</i> Формирование национальной модели модернизации в условиях новой экономической политики в БССР в 1920-е гг.	59
<i>Попова Е.М.</i> К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время	65
<i>Болтрушевич Н.Г.</i> Взаимоотношения православной церкви и государства в 1944–1948 гг. (на примере Витебской области)	70
<i>Бездель В.Я.</i> Беларускія вучоныя ў галіне матэматыкі і фізікі ў канцы XVIII – XIX ст.	78
<i>Косов А.П.</i> Российско-американские отношения в период второго президентства В. Путина	83

Философия

<i>Слемнев М.А., Табачков А.С.</i> Онто-историческая проекция марксизма и перспективы его теоретического развития	93
<i>Демидов А.Б.</i> Коммунизм между невозможностью и неизбежностью	98

Филология

<i>Крикливец Е.В.</i> Социально-психологическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века	113
<i>Климкович О.А.</i> Личные и неличные местоимения в витебских и московских завещаниях второй половины XVI века: состав и функционирование	120
<i>Бобчинец Л.И.</i> Способы терминологической номинации табачной индустрии (на материале испанского языка)	128
<i>Падстаўленка В.Ф.</i> Ідэйна-мастацкі свет казкі “Нямоглы бацька” У. Караткевіча	132
<i>Чернышев М.В.</i> Классификация тональности мнений для задачи автоматического сентимент-анализа текста	136
<i>Гладкова Г.А.</i> Цыкл гістарычных раманаў Ф.А. Асяндоўскага як мастацкі летапіс роду	141
<i>Кабылкова А.А.</i> Специфика наррации дневников В.Н. Крупина (на примере сборника «Железный почтальон»)	145
<i>Кириленко О.В.</i> Возможности семантической интерпретации многозначной синтаксической стереотипической конструкции <i>ne ... que</i> во французском языке	150
<i>Гапанович Е.А.</i> Семантическая эволюция единиц тематического поля «Семья» (на материале французского и белорусского языков)	158
<i>Карпилович Т.П.</i> Когнитивно-коммуникативный подход к распознаванию содержательно-концептуальной информации медиатекста	165
<i>Поплавская Т.В.</i> Прагматика города: вывеска как реплика	171
<i>Брицын В.М., Казимирова И.А., Коляденко Е.А.</i> О некоторых аспектах антропоцентрических исследований языка	174
<i>Солодовникова Т.В.</i> Феноменологические особенности дискурса социальной рекламы в Республике Беларусь	180

CONTENTS

History

<i>Mandrik I.V.</i> General History and History of Belarus Sources on the Establishment of State in Eastern Slavonic Lands: their Scientific Reliability, Ideologization and Politization	7
<i>Kovtunen O.I.</i> Polish-Russian Relations in the Studies by the Historian Pavlo Mukhanov	15
<i>Veselska N.V.</i> Materials on the History of Kyiv and Bratslav Regions by the Polish Historian Alexander Yablonovsky in the publication «Źródła dziejowe» (the Late XIX Century)	22
<i>Karnialiuk V.G.</i> Re-evacuation of Belarusian Refugees in World War I as Part of the Soviet Migration Policy (1918–1923)	28
<i>Kryvashei D.A.</i> Bilateral Cultural Relations of the Republic of Belarus: Contractual Base Formation (1991–2017).....	33
<i>Krasko H.H.</i> Post-War Repatriation of Soviet Citizens: Activities of the State Security Bodies of the BSSR in the Context of State Policy	43
<i>Kozlov A.A.</i> Control of the BSSR Information Space by Local Censorship Bodies during the «Thaw» (Ottepel) Period	49
<i>Khodin S.N.</i> Formation of the National Model of Modernization in the Conditions of New Economic Policy in the BSSR in the 1920s	59
<i>Popova E.M.</i> To the Issue of the Nature of Robberies in Novgorod Land in the Time of Trouble	65
<i>Boltrushevich N.G.</i> Interrelations between the Orthodox Church and the State in 1944–1948 (the Example of Vitebsk Region)	70
<i>Bezdel V.Ya.</i> The Late XVIII – XIX Century Belarusian Scholars in the Field of Mathematics and Physics	78
<i>Kosov A.P.</i> Russian-American Relations during the Second Presidency of V. Putin	83

Philosophy

<i>Slemnev M.A., Tabachkov A.S.</i> Onto-historical Projection of Marxism and Prospects of its Theoretical Development	93
<i>Demidov A.B.</i> Communism between the Impossibility and Inevitability	98

Philology

<i>Kriklivets E.V.</i> Social and Psychological Story in the Russian and Belarusian Prose of the Late XX Century	113
<i>Klimkovich O.A.</i> Personal and Non-personal Pronouns in Vitebsk and Moscow Wills in the Late XVI Century: Composition and Function	120
<i>Bobchinets L.I.</i> Ways of Terminology Nomination in Tobacco Industry (Based on the Spanish Language)	128
<i>Podstavlenko V.F.</i> Ideological and Artistic World of the Fairy Tale “Helpless Father” by V. Karatkevich	132
<i>Chernyshevich M.V.</i> Opinion Classification for Automatic Sentiment Analysis of the Text	136
<i>Gladkova A.A.</i> The Cycle of Historical Novels of F.A. Ossendovski as an Artistic Chronicle of the Family	141
<i>Kabylkova A.A.</i> Specificity of the Narration of V.N. Krupin’s Diaries (on the Example of «The Iron Postman»)	145
<i>Kirilenko O.V.</i> Possible Ways of Semantic Interpretation of the Polysemantic Syntactic Stereotypical Construction <i>ne ... que</i> in French	150
<i>Hapanovich Y.A.</i> Semantic Evolution of Units Belonging to the Thematic Area «Family» in the French and the Belarusian Languages	158
<i>Karpilovich T.P.</i> The Cognitive and Communicative Approach in Distinguishing the Content and Concept Information of the Mediatext	165
<i>Poplavskaia T.V.</i> Pragmatics of the city: a signboard as a message	171
<i>Britsyn V.M., Kazimirova I.A., Koliadenko E.A.</i> Some Aspects of Anthropocentric Studies of the Language	174
<i>Solodovnikova T.V.</i> Phenomenological Features of the Discourse of Social Advertisements in the Republic of Belarus	180

ИСТОРИЯ

Крыніцы агульнай гісторыі і гісторыі Беларусі аб утварэнні дзяржаўнасці на землях усходніх славян: іх навуковая надзейнасць, ідэалагізацыя і палітызацыя

Мандрык І.У.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул падрыхтаваны шляхам перакрываванага аналізу шматлікіх друкаваных крыніц, у якіх асвятляецца працэс утварэння палітычных структур дзяржавы ва ўсходніх славян і яе першапачатковай назвы. Разгледжаны самыя дыскусійныя пытанні, якія вядуцца па праблеме прысутнасці варагаў на тэрыторыі Старажытнай Русі, іх значэнні для фарміравання тут дзяржаўнасці, а таксама аб паходжанні беларускай дзяржавы і яе эвалюцыі. Указваецца на недастатковую навуковую распрацаванасць дадзенай тэмы і сур'ёзныя метадалагічныя цяжкасці пры яе даследаванні, што звязана з мноствам поглядаў, іх недакладнасцямі і палітызацыяй.

Мэта артыкула — высвятленне сапраўднасці выкладзеных у крыніцах агульнай гісторыі і гісторыі Беларусі фактаў аб фарміраванні і развіцці нацыянальна-дзяржаўных утварэнняў на Русі.

Матэрыял і метады. Выкарыстаны шматлікія замежныя і айчыныя гістарычныя крыніцы, у якіх разглядаецца працэс утварэння і станаўлення дзяржаўнасці і дзяржаў ва ўсходніх славян, а таксама з'яўлення выкладзеных на сёння канцэпцый аб утварэнні і эвалюцыйным станаўленні беларускай дзяржавы. Даследаванне праводзілася на аснове комплекснай сістэмы метадаў: храналагічнага, рэтраспектыўнага, аналізу, актуалізацыі, аўтарскіх высноў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Расійскія і беларускія гісторыкі, навукоўцы іншых краін прысвяцілі шмат намаганняў стварэнню канцэпцый пра з'яўленне перадумоў для дзяржаўнага аб'яднання славянскіх плямён, даследаванню ролі варагаў у фарміраванні раннефеадальнай старажытнарускай дзяржавы з назвай Русь, вытокам беларускай дзяржавы і яе эвалюцыі. У артыкуле звяртаецца ўвага на тое, што ў друкаваных раней крыніцах яшчэ і на сёння пры апісанні дадзенага гістарычнага этапу нашай мінуўшчыны наглядаюцца сур'ёзныя недакладнасці, схематызм, а то і проста блытаніна. З улікам усіх даследаванняў аўтар праводзіць іх аналіз, выказвае ўласныя меркаванні, робіць асабістыя высновы.

Заклучэнне. Калі браць пад увагу ўсе, што існуюць на гэты момант, навуковыя погляды аб утварэнні і эвалюцыйным станаўленні дзяржавы ва ўсходніх славян, можна ўбачыць, што дадзены гістарычны этап нашай агульнай мінуўшчыны яшчэ не мае глыбокага асэнсавання. Версіі і тлумачэнні гісторыкаўносяць аўтарскую інтэрпрэтацыю і даволі супярэчлівыя. Аўтар артыкула падтрымлівае канцэпцыю навукоўцаў аб тым, што наступовы пераход ад родаплемяннога ладу да класавага і дзяржаўнага на землях усходніх славян абумоўлены не з'яўленнем тут вікінгаў, а эканамічнымі, сацыяльнымі і палітычнымі фактарамі.

Ключавыя словы: варагі, Кіеўская Русь, Навагародскае княства, Полацкае княства, Русь, старажытнаруская дзяржава, усходнеславянская дзяржава.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 7–14)

General History and History of Belarus Sources on the Establishment of State in Eastern Slavonic Lands: their Scientific Reliability, Ideologization and Politization

Mandrik I.V.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is prepared by means of a cross-analysis of multiple edited sources which highlight the process of creating political structures of Eastern Slavonic state and its original name. Most controversial issues on the problem of the presence of enemies on the territory of Ancient Russia are considered, their significance in building up the state as well as the origin

of Belarusian state and its evolution. Insufficient research of this topic is pointed out as well as serious methodological shortcomings in studying it which is connected with multiple ideas, their indefiniteness and politization.

The purpose of the research is identification of the essence of the presented in General History and History of Belarus sources facts about the shaping and the development of national state establishments in Russia.

Material and methods. Multiple foreign and domestic historical sources are used, in which the process of shaping and maturation of the phenomenon of state and states of Eastern Slavs is considered as well as the contemporary concepts of shaping and evolutionary maturation of Belarusian state. The research is based on a complex system of methods: the chronological, the retrospective analysis, actualization of author's concepts.

Findings and their discussion. Russian and Belarusian historians, scholars from other countries made a lot of efforts to shape concepts about the creation of preconditions for the state union of Slavonic tribes, to study the role of enemies in shaping the early feudal Old Russian state which was called Russ (Russia), the sources of Belarusian state and its evolution. Attention is paid to the fact that in published earlier sources still nowadays there are serious mistakes, confusion and unclearness concerning the mentioned historical stage of our past. With the respect to all the researches, the author conducts their analysis, expresses his own ideas, and makes personal conclusions.

Conclusion. Taking into account all existing scientific ideas about the creation and evolutionary maturation of Eastern Slavonic state, we should understand the evidence that this historical stage of our common past hasn't been deeply considered yet. Historians' versions and interpretations are only authors' interpretations; they are rather contradictory. The author of the article supports the researchers' concept that a gradual transition from the tribal order to the class and state economy in Eastern Slavonic lands isn't conditioned by the intrusion of Vikings but by economic, social and political factors.

Key words: Vikings, Kiev Russ, Novgorod Principality, Polotsk Principality, Russ (Russia), Ancient Russian state, Eastern Slavonic state.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 7–14)

Расійскія, беларускія гісторыкі, навукоўцы іншых краін прыклалі шмат намаганняў для стварэння канцэпцый пра з'яўленне перадумоў для палітычнага аб'яднання славянскіх плямён, даследаванню ролі варагаў у фарміраванні раннефеадальнай старажытна-рускай дзяржавы з назвай Русь, значэнню беларускіх княстваў у часы яе станаўлення.

Канцэпцыі па кожнай з названых праблем штогод удасканаліваліся, але прызнаць іх цэльнымі пакуль нельга. Нягледзячы на вялікую колькасць навуковых прац, тут яшчэ шмат “белых плям”, недакладнасцей, схематызму, а то і проста блытаніны, якія прыніжаюць гісторыю народа, узрошчваюць палітычныя недарэчнасці паміж краінамі. Прычыны гэтага, хутчэй за ўсё, знаходзяцца ў тым, што гістарычныя падзеі і факты IX–X стст. аб пачатку Русі, вызначэнні этнічнага паходжання тут княжацкай дынастыі, аб узаемаадносінах паміж тэрытарыяльнымі адзінкамі (княствамі) у гэтым рэгіёне, а таксама аб усіх баках станаўлення ўласнай беларускай дзяржавы, якія выкладзены ў рускіх летапісах, нешматлікіх грэчаскіх і скандынаўскіх пісьмовых выданнях, народных сказаннях, не з'яўляюцца надзейнымі. Тое, што адбывалася ў IX ст. і на больш раннім этапе на дадзенай тэрыторыі, знайшло сваё адлюстраванне ў пісьмовых крыніцах амаль на два стагоддзі пазней. Пры нізкім узроўні тагачаснай пісьменнасці і захаванасці інфармацыі прызнаць за імі навуковую дакладнасць магчыма толькі ўмоўна. Аўтары старажытных летапісаў карысталіся малазначымымі падрабязнасцямі таго, што адбы-

валася раней, да таго ж асэнсаванне фактычнага матэрыялу рабілася імі з пункту погляду існуючай на гэты момант сітуацыі і ідэалогіі ўлады.

Мэта даследавання – высвятленне сапраўднасці выкладзеных у крыніцах агульнай гісторыі і гісторыі Беларусі фактаў аб фарміраванні і развіцці нацыянальна-дзяржаўных утварэнняў на Русі.

Матэрыял і метады. Выкарыстаны тры часткі летапіснага зводу (“Аповесць мінулых гадоў”, Кіеўскі і Галіцка-Валынскі летапісы), шматлікія замежныя і айчыныя гістарычныя крыніцы – манаграфіі, абагульняючыя працы па гісторыі Беларусі, артыкулы, у якіх разглядаецца працэс фарміравання і станаўлення дзяржаўнасці і дзяржаў ва ўсходніх славян, а таксама навуковыя канцэпцыі аб станаўленні і функцыянаванні палітычных інстытутаў і дзяржаўных устаноў на тэрыторыі Беларусі. Даследаванне праводзілася на аснове комплекснай сістэмы метадаў: храналагічнага, рэтраспектыўнага, аналізу, актуалізацыі, аўтарскіх высноў.

Вынікі і іх абмеркаванне. На сённяшні дзень у навукавай літаратуры склалася агульнае разуменне сутнасці тэрміна “дзяржава”. Канстатуецца, што дзяржава – гэта ўніверсальная самастойная цэнтралізаваная сацыяльна-палітычная арганізацыя, якая мае сваю тэрыторыю, валодае адмысловымі механізмамі кіравання і прымусу для рэгулявання сацыяльных адносін і ажыццяўлення ўнутраных і знешніх функцый. Такая трактоўка фарміравалася на працягу доўгага часу. З тым, каб закласці тэарэтычныя асновы аб развіцці першых дзяржаўных утварэнняў, аб транс-

фармацыі іх эканамічных і палітычных сістэм, указаць прычыны, якія абумовілі гэты працэс у далёкай старажытнасці, яны збіралі канкрэтныя факты, праводзілі іх сістэматызацыю. Абагульняючы здабытыя гістарычныя матэрыялы, прыйшлі да высновы, што найважнейшымі абставінамі пры стварэнні дзяржаў народамі свету з’яўляюцца сацыяльна-эканамічныя: неабходнасць забеспячэння грамадскай вытворчасці, падтрымання ў грамадстве парадку, вядзенне абаронных і захопніцкіх войнаў і інш. У большасці выпадкаў, як занатавана ў значнай колькасці крыніц, указаныя вышэй прычыны ўздзейнічалі сукупна. У розных народаў пры гэтым прысутнічалі своеасаблівыя і дынаміка працэсаў дзяржаўтварэння. У гэтай сувязі складваліся ўнікальныя версіі аб паходжанні дзяржавы і яе эвалюцыі.

Шмат намаганняў у даследаванні асноўных момантаў пры з’яўленні перадумоў для дзяржаўнага аб’яднання славянскіх плямён, высвятленні пытанняў аб ўтварэнні раннефеадальнай старажытнарускай дзяржавы з назвай Русь, яе эвалюцыі, вытоках беларускай дзяржавы прыкладзена расійскімі і беларускімі гісторыкамі, навукоўцамі іншых краін. Але неабходна прызнаць, што аўтарскія версіі і тлумачэнні гісторыкаў па дадзенай праблеменосяць пакуль даволі супярэчлівы характар. Тут шмат “белых плям”, наглядаюцца сур’ёзныя недакладнасці, схематызм, а то і проста блытаніна, якія прыніжаюць гісторыю народа, а часам узрошчваюць палітычныя недарэчнасці паміж краінамі.

Адзначым: доўгі час у літаратурных крыніцах была распаўсюджана (не адкінута цалкам і зараз) версія, што асновы дзяржавы на Русі закладзены варажскай дружынай Рурыка. Гэтая версія трансфармавалася ў нарманскую тэорыю, якая даказвала экспарт дзяржаўнасці на Русь праз нарманаў¹.

Падмуркам для ўвядзення дадзенай тэорыі ў навуковы зварот паслужыў летапісны расказ пра прызванне на княжанне ў Ноўгарад у 862 г. варажскіх князёў Рурыка, Сінявуса і Трувора. Маецца тры варыянты гэтага расказа: Лаўрэнцьеўскі і Іпацьеўскі спісы “Аповесці мінулых гадоў” і Наўгародскі першы летапіс. Яны паведамляюць, што першапачаткова варагі бралі даніну з наўгародцаў, затым скандынаваў выгналі, аднак паміж плямёнамі (па Наўгародскім летапісе – паміж га-

радамі) пачаліся міжусобицы: «и воевати почаша сами на ся». Пасля чаго славені, крывічы, чудзь звярнуліся да варагаў са словамі: “Земля наша велика и обильна, а наряда (парадка) в ней нет. Да поидите княжить и валодати нами”.

Летапіс апісвае гэты этап як час існавання на поўначы Русі міжплемянной палітычнай федэрацыі, складзенай са славян, крывічоў і чудзі (ці меры), рознагалосці ўнутры якой (“в’еста род на род”) і вызначылі прызванне князя. Варагі адказваліся на прызыў “и избрашася 3 брата с роды своими”: Рурык, сеўшы ў Ноўгарадзе, Сінявус – на Белавозеры і Трувор – у Ізборску. Указваецца і іншае месца, дзе спачатку прыпыніўся Рурык, – гэта Ладага. Тут ён, каб мець асабістую бяспеку і ў мэтах абароны ад нападаў на дадзеную вобласць іншых варагаў, будзе крэпасць [1, с. 263]. І толькі пасля смерці Сінявуса і Трувора Рурык пакінуў Ладагу, прыйшоў да Ільменю, паставіў горад над Волхвам, назваў яго Ноўгарадам і сеў тут княжыць і раздаваць гарады “мужам сваім” [2, с. 18].

На падставе рускіх летапісаў і старажытных скандынаўскіх саг нямецкія навукоўцы пры Пецярбургскай акадэміі навук Готліб Байер і яго аднадумцы Мілер і Шлёцер падрыхтавалі глебу для ўзнiкнення нарманскай тэорыі аб паходжанні Рускай дзяржавы. Яны, як адзначаюць асобныя вучоныя, сфармулявалі ілжэнавуковую тэорыю экспарту дзяржаўнасці на Русь, сцвярджаючы, што старажытная руская гісторыя з’яўляецца часткай скандынаўскай гісторыі [3, с. 4, 26–27].

У XVIII–XIX стст. нарманскай тэорыі сталі прытрымлівацца многія вядомыя расійскія гісторыкі. Шмат хто з іх дапускаў магчымасць самога факта прызвання іншаземных князёў у раннефеадальную дзяржаву. У навуковых творах В. Ключэўскага [4, с. 144], С. Салаўёва [5, с. 120–121], працах іншых гісторыкаў абгрунтаванне гэтай падзеі тлумачыцца тым, што існаванне сур’ёзных класавых супярэчнасцяў у палітычнай федэрацыі, складзенай са славян, крывічоў і чудзі, магчыма, патрабавала прысутнасці трэцяй нейтральнай у адносінах да варожых бакоў сілы. Не адмаўлялі таксама гэтыя, як і іншыя, навукоўцы, верагоднасці афармлення гвалтоўнага захопу ўлады варагамі ў якасці акта “добраахвотнага прызвання”, аб чым не ўзгадваецца ў летапісных помніках. Тут вучоныя абапіраюцца на тое, што пачатковы звод усходнеславянскага летапісу “Аповесць мінулых гадоў” (“Повесть временных лет”) складзены ў перыяд княжання Яраслава Мудрага (1019–1054), дапоўнены (каля 1113 г.) кніжным навукоўцам, манахам Кіева-Пячорскага манастыра Нестарам,

¹ Нарманы (ад сканд. *northman* – паўночны чалавек) – скандынавы, удзельнікі гандлёва-грабежніцкіх і заваявальных паходаў у Еўропе ў канцы VIII – сярэдзіне XI ст. Ва ўсходніх славян яны называліся варагамі, у самой Скандынавіі – вікінгамі.

калі Руская зямля выступала магутнай дзяржавай. Абставіны таго часу (моц Русі) не дазвалялі ўявіць сілавы захоп улады ў краіне, а варагаў як заваёўнікаў. Таму версія гвалтоўнага захопу ўлады варагамі ў гэтых крыніцах не ўзнікала. Не праявілася яна і ў пазнейшых творах: Лаўрэнцьеўскім (1377), Іпацьеўскім (пачатак XV ст.) летапісах.

Зразумела, у старажытных крыніцах маюць месца недакладнасці. Узяць хаця б гістарычны факт аб стварэнні Віцебска Вольгай. Віцебск, згодна з першым упамінаннем у летапісе, бярэ пачатак у 974 г. Вядома, што гэта не так: Вольгі ў гэты час ужо не было на гэтым свеце. Год яе смерці – 969. Таму яшчэ і сучасныя гісторыкі пры даследаванні старажытнага перыяду ўжываюць словы “відаць”, “хутчэй за ўсё”, “па нашай рэканструкцыі” і г.д.

Аднак нельга не заўважыць, што тэорыя аб прызначэнні варагаў на ўказаныя славянскія тэрыторыі “вучыць дзяржаўнасці” з моманту яе з’яўлення ўспрымалася вельмі востра, нараджала мноства крайніх адзнак і парадасальных меркаванняў. Погляды навукоўцаў пры разглядае пытанняў аб прысутнасці варагаў на тэрыторыі Старажытнай Русі, іх значэнні для фарміравання дзяржаўнасці разыходзіліся кардынальна. Тэорыя аб тым, што славяне не змаглі самі кіраваць на сваёй тэрыторыі, выклікала абгрунтаваную крытыку ў расійскім навуковым асяродку яшчэ ў час яе распрацоўкі. Першымі тут былі В.М. Тацішчаў і М.В. Ламаносаў. Калі В. Тацішчава магчыма прызнаць памяркоўным нарманистам (крытыкаваў нарманскую тэорыю, але абмяжоўваўся асобнымі нязначнымі заўвагамі, якія не парушалі цэльнасці канцэпцыі нямецкіх гісторыкаў), дык М. Ламаносаў наводзіў знішчальную крытыку ўсім асноўным палажэнням канцэпцыі “нарманскага пытання”, звязаным са Старажытнай Руссю. Апошні прыводзіць шэраг доказаў, якія мелі вялікае навуковае значэнне: ён абвяргае погляды замежных гісторыкаў аб адсталасці старажытнарускага народа ў параўнанні з іншымі насельнікамі Еўропы. На думку Ламаносава, старажытнаруская дзяржава існавала задоўга да прызначэння варагаў у форме племянных саюзаў і асобных княстваў. Варагі – росы, як уяўляе Ламаносаў, – гэта адно са славянскіх плямён, якія жылі па ўсходне-паўднёвых берагах Варажскага мора паміж Віслай і Дзвіной. Таму няма нічога дзіўнага, што наўгародцы звярнуліся да сваіх суседзяў – славян. Для пацвярджэння ўласнага пункту погляду М. Ламаносаў указвае на адсутнасць слоў скандынаўскага паходжання ў рускай мове [6].

З часам нарманская тэорыя набыла ўсё больш праціўнікаў. Асабліва іх колькасць узрастала тады, калі нарманскую тэорыю “навучыць дзяржаўнасці” сталі выкарыстоўваць у гітлераўскай Германіі для доказу непаўнацэннасці славян і прыналежнасці германцаў да расы паноў (гаспод).

У савецкі час айчынным гісторыкі цалкам разбурылі ідэю нарманскай тэорыі. Прапанова нямецкіх навукоўцаў весці адлік рускай гісторыі з часу прызначэння варагаў у расійскай і беларускай гістарычнай навуцы была прызнана шкоднай [3, с. 44]. Падзеі і факты IX–X ст., пакладзеныя ў аснову гісторыі раннефеадальнай старажытнарускай дзяржавы, а таксама і перыяду пачатку ўласнай гісторыі Беларусі, якія выкладзены ў рускіх летапісах, нешматлікіх грэчаскіх і скандынаўскіх пісьмовых выданнях, народных сказаннях, выказванні нямецкіх навукоўцаў, прызнаны ненадзейнымі. Тэорыя, якая зыходзіць з магчымасці “навучыць дзяржаўнасці”, згодна з марксісцка-ленінскімі поглядамі, названа ідэалістычнай, што адпавядае ўзроўню развіцця дваранскай і часткова буржуазнай навукі [3, с. 44].

Узнікненне дзяржаўнасці на сваёй тэрыторыі, як і ў іншых месцах, савецкімі навукоўцамі разглядалася як вынік арганічна заканамернага, унутрана абумоўленага, паступова прагрэсіўнага развіцця ўсіх народаў. Выказвалася слушная думка, што істотным этапам у стварэнні дзяржаўнасці ва ўсходніх славян у IX ст. з’яўлялася разлажэнне родаплемяннога ладу, станаўленне феадальных адносін, узнікненне класавага грамадства, вылучэнне дружыны князя і пераўтварэнне ўлады князя з родаплемянной у дзяржаўную. Дадзеныя перадумовы складваліся яшчэ ў VI ст. са з’яўленнем буйных племянных саюзаў, назва якіх захавалася ў летапісах (паляне, драўляне, улічы, ціверцы, крывічы, дрыгавічы, радзімічы, наўгародцы і інш.). На чале такіх племянных княжанняў стаялі князі і племянная знаць. Па сцвярджэнні навукоўцаў, саюзы плямён можна лічыць як пераходную палітычную форму, што падрыхтавала стварэнне раннефеадальных дзяржаў. Гэтыя дадзеныя гістарычнай навукі аб з’яўленні перадумоў стварэння дзяржавы на Русі ў выніку заканамернага сацыяльна-эканамічнага і палітычнага развіцця ўсходніх славян не змаглі абагульніць летапісцы старажытнасці, праігнаравалі іх і нямецкія гісторыкі. У канцы XVIII ст. летапісныя звесткі пра прызначэнне варагаў былі адрэдагаваны на карысць нарманскіх плямён. Нямецкія гісторыкі не прыдалі значэння такому важнаму факту летапісу, дзе гаворыцца

пра “раннія дзяржаўныя ўтварэнні – племянныя княжанні – у палян, драўлян, крывічоў-палачан, дрыгавічоў” [7, с. 8, 9, 14]. Таму і не зразумелі, што ў летапісным тэксце размова ідзе зусім не аб стварэнні дзяржаўнасці на Русі, а толькі аб з’яўленні варагаў у Новагародскай зямлі.

Абагульняючы гістарычныя працы, неабходна пагадзіцца з тымі навукоўцамі, якія лічаць, што ўплыў варагаў на ўтварэнне рускай дзяржаўнасці (калі ён меў месца) насіў акрэслены характар, пытанне аб этнічным паходжанні княжацкай дынастыі не з’яўляецца галоўным (варажская значыць лёгка і хутка асімілявалася з мясцовым насельніцтвам). Агульнапрызнанай трэба лічыць канцэпцыю, згодна з якой дзяржаўнасць не можа быць прадметам экспарту ці імпарту, гэта заканамерны вынік тысячагадовага гістарычнага шляху народа. Тое ж самае адносіцца і да праблемы станаўлення дзяржаўнасці беларускага этнасу. Калі давяраць “Аповесці мінулых гадоў”, то яшчэ пад 862 г. скандынаўскі князь Рурык, які прыняў уладу ў Ноўгарадзе, пры раздачы гарадоў “мужам сваім” накіраваў палачанам князя [2, с. 18]. Імя князя, які сеў у Полацку, не названа, верагодна, што як “муж” Рурыка, ён быў варагам. Згодна з летапісам Полацк як быццам бы трапляе з гэтага часу пад уплыў Ноўгарада. На падставе таго, што ў дагаворы Алега з грэкамі (907 г.) Полацк разам з іншымі гарадамі названы горадам, “дзе сидят подвластные Олегу князья”, у беларускіх крыніцах указваецца на тое, што пры пераходзе Алега, пераемніка ўлады Рурыка, з Ноўгарада ў Кіеў Полацкае княства, якое знаходзілася ў сферы інтарэсаў Ноўгарада, трапляла ў такія ж адносіны да Кіеўскай дзяржавы. У такім разе, хутчэй за ўсё, Полацк уваходзіў у дзяржаву з назвай Русь, межы якой пралягалі ад Карпат да берагоў Дняпра. Але адносіны з апошняй былі намінальнымі і абмяжоўваліся толькі стасункамі, якія прадугледжвалі ўдзел ва ўзаемавыгадных ваенных мерапрыемствах [8, с. 149]. Адначасова расійскі вучоны акадэмік Б.Д. Грэкаў у сваёй працы адзначае, што да падзей 980 г. Полацк ніколі не быў пад уладай Кіева [9, с. 295–296]. Другі знакаміты расійскі гісторык Б. Рыбакоў таксама падтрымлівае канцэпцыю незалежнасці Полацка ад Кіева. Падобную сітуацыю ён тлумачыць тым, што Смаленск быў самым аддаленым і паваротным пунктам палюддзя кіеўскіх князёў, якое ажыццяўлялася “па крузе” (было кругавым аб’ездам зямель) [10, с. 78]. Паколькі пасля 907 г. да 980 г. звестак аб падначаленым стане Полацка Кіеву ў пераліку падзей, што разгортваюцца вакол старажытна-

рускай дзяржавы, не ўзгадваецца, магчыма, гэта ёсць варыянт вольнага падыходу летапісцам да пераліку гарадоў, якія названы ў дагаворы. Дадзеная версія таксама існуе. У такім разе ўзнікае версія, што ўключаны ў дагавор Полацк трапіў замест Плоцка, што на Вісле.

Адасобленасць Полацкага княства ў перыяд 70–80-х гг. X ст. тлумачыцца аўтарамі паводзінамі полацкіх князёў трымаць свае землі ў незалежнасці ад Кіева [11, с. 158]. У 70-я гг. X ст., як адзначаецца ў беларускіх крыніцах, усёй Полацкай зямлёй адзінаўладна кіраваў Рагвалод, які, як сказана ў летапісе, “прышоў з-за мора” [8, с. 151]. Ёсць думкі, што ён славянскі князь. Імя Рагвалод чытаецца як “уладар рога”, у значэнні “ўладар мыса” [12, с. 25]. Безумоўна, пасля таго як рэчы скандынаўскага паходжання былі выяўлены пры археалагічных даследаваннях на тэрыторыі Полацка і Віцебска, цалкам адваргаць прысутнасць тут скандынаваў нельга [13, с. 111–117]. У той жа час прызнаць, што паходжанне княжацкай дынастыі з’яўляецца варажскім і скандынавы адыгрывалі рашаючую ролю ў падзеях станаўлення тут дзяржаўнасці (што раўназначна прызнанню нарманскай тэорыі), будзе вялікай памылкай. Няма сумневу, што дзяржаўная арганізацыя ў дрыгавічоў, крывічоў, радзімічаў узнікае найперш як вынік ускладнення грамадскага жыцця.

Такім чынам, дзяржаваўтваральныя працэсы на беларускіх землях, станаўленне Полацкага, Тураўскага, Навагародскага і іншых беларускіх дзяржаў-княстваў адбываліся праз стварэнне матэрыяльнай і духоўнай культуры яе сталымі насельнікамі. Найбольш прымальнай трэба прызнаць парадыгму: вытокамі дзяржаўнасці і важнейшым цэнтрам палітычнай кансалідацыі на беларускіх землях быў крывіцкі горад Полацк. Для такога меркавання ёсць важкія аргументы: ужо ў IX ст. Полацк актыўна ўключыўся ў палітычнае жыццё ўсходнеславянскіх плямён і нараўне з Ноўгарадам і Кіевам змагаўся за лідарства, за права аб’яднання славян.

Разыходзіліся думкі навукоўцаў (разыходзяцца і сёння) не толькі пры разглядзе пытанняў аб прысутнасці варагаў на тэрыторыі Старажытнай Русі, іх значэнні для з’яўлення дзяржаўнасці, але і па яе першапачатковай назве і паэтапнасці фарміравання цэнтралізаванай дзяржавы. Больш за тое, адсутнасць цэльнай канцэпцыі і абгрунтаванай высновы па пытанні аб вытоках рускай дзяржавы, аб яе назве час ад часу становілася полем палітычных спекуляцый. Такія прыклады ў гісторыі наглядаліся даволі часта, узнікаюць і сёння.

Так, пры ўскладненні адносін паміж Расіяй і Украінай на сучасным этапе кіеўскія палітыкі (пры падтрымцы навукоўцаў) паставілі на мэце знайсці доказ, што назва Русь (і вытворная ад яе Расія) з’яўляецца агульнапрызнанай назвай цяперашняй Украіны. Дзяржаўным арганізацыям Украіны афіцыйна прапанавана “забароніць выжывання найменвання «Росія»” (пры ўпамінанні Расійскай Федэрацыі. – *І.М.*), замяніць яго словам «Московія». У ліпені 2018 г. прэзідэнт Украіны Пётр Парашэнка заявіў, што князь Уладзімір 1030 гадоў назад хрысціў не Русь, а Украіну і такім чынам была створана ўкраінская царква, якая сёння, па яго словах, павінна стаць незалежнай.

Як бачна, некаторыя дзяржаўныя дзеячы Украіны, з падтрымкай асобных гісторыкаў і Канстанцінопальскага патрыярха, імкнуцца фарміраваць тую дзяржаўную ідэалогію і рэлігійную палітыку, што запатрабавана яе сучасным палітычным кіраўніцтвам. Для гэтага абапіраюцца на гістарычную навуку, яе інтэрпрэтацыю аб утварэнні ўсходнеславянскай дзяржавы з назвай Кіеўская Русь. Усе іншыя гістарычныя канцэпцыі па дадзеным пытанні ў разлік не бяруцца, паколькі гэта разбурае іх ідэалогію, якая прызначана фарміраваць “патрыётаў незалежнай дзяржавы”.

Уважлівае прачытанне крыніц паказвае, што гэта скажэнне гісторыі. Нагадаем: тэрмін “Кіеўская Русь” упершыню з’явіўся толькі ў першай палове XIX ст. у працы рускага і ўкраінскага гісторыка, батаніка і філолага М.А. Максімовіча “Откуда идет Русская земля”. У ёй дзякуючы выкарыстанню старажытных пісанняў даследуецца пытанне аб русах і варагах. Прычым знаёмства з гэтай і іншымі працамі дадзенага аўтара прыводзіць да дакладнай высновы: тэрмін “Кіеўская Русь” у сваім даследаванні М. Максімовіч ужывае ў вузкагеаграфічным сэнсе для абазначэння Кіеўскага княства ў адным радзе са словазлучэннямі “Чырвоная Русь”, “Суздальская Русь”, “Белая Русь” [14].

Прыхільнікамі такога падыходу на Беларусі з’яўляюцца гісторык і пісьменнік В. Ластоўскі, а таксама доктар гістарычных навук, прафесар Г.В. Штыхаў, гісторык М. Ермаловіч. Яны знаходзяць дадзеную канцэпцыю навукова абгрунтаванай. Катэгарычна выказваецца на гэты конт М. Ермаловіч. У сваёй працы “Старажытная Беларусь: полацкі і новагародскі перыяды” ён сцвярджае, што ў вывучаных ім крыніцах (летапісы, хронікі, старажытныя і самыя рэдкія кнігі) дзяржавы з назвай Кіеўская Русь ён не знайшоў. Згодна з яго даследаваннямі ў IX ст. уздоўж шляху, які атрымаў у летапісе назву

“з варагаў у грэкі”, склалася усходнеславянская дзяржава [12, с. 56].

Такое меркаванне (а яно выказваецца зараз у шматлікіх публікацыях) цалкам пацвярджаецца першаснымі крыніцамі – дагаворамі паміж *Руссю* і *Візантыяй*. Напрыклад, у дагаворах 907 г. сказана “давать содержание прибывающим из русских городов: прежде всего из Киева, а также из Чернигова, Переяславля, Полоцка, Ростова, Любеча и прочих городов, ибо тем городам, где сидят подвластные Олегу князья”.

У дагаворы Русі з Візантыяй 911 г. зноў сказана, што ён заключаецца “ад имя русскаго народа”. У пункце першым запісана “Мы, от (имени) русскаго народа (ідзе пералічэнне прозвішчаў падпісантаў. – *І.М.*), посланные Олегом, великим князем русским и всеми подвластными ему светлыми боярами». Далей у тэксце размова вядзецца зноў жа аб рускіх людзях – рускіх хрысціянах, рускіх, што праводзяць гандлёвыя аперацыі, рускіх чэлядзінах.

Аб гэтым жа сведчыць Дагавор 944 г.: “Мы от (имени) русскаго народа, послы и купцы, Ивор, посол Игоря, великого князя русскаго и общие послы (ідзе пералік прозвішчаў. – *І.М.*), которые посланы Игорем, великим князем русским и всяким князем и всеми людьми Русской земли”. Далей у дагаворы запісана, што той дагавор, які заключаўся раней, з’яўляецца старым, “уже много лет как нарушенный”, новы дагавор закліканы “утвердить дружбу между греками и русскими”.

У дагаворы часоў княжання Святаслава (971 г.) дадзены кантэкст падмацоўваецца наступным тэкстам: “Я, (Святослав), князь русский (тут і вышэй выдзелена намі. – *І.М.*), как клялся, так и подтверждаю настоящим договором свою клятву: хочу вместе с подвластными мне русскими боярами и прочими иметь мир и прочную дружбу с Иоанном, великим цесарем греческим, с Василием и Константином, Богом данными цесарями, и со всеми вашими людьми до конца мира” [7, с. 19–25].

З тэкстаў дагавораў вынікае толькі адна выснова: пасля прыходу ў Кіеў Алега (882 г.) дзяржава, якую ён узначаліў, а затым і яго паслядоўнікі, у афіцыйных дакументах называецца Рускай, без слова Кіеўская. У далейшым назва дзяржавы не змяняецца. У сувязі з тым, што дыпламатычныя дакументы як старажытныя пісьмовыя помнікі прызнаюцца навуковай грамадскасцю, напрошваецца заканамерны вынік: старажытнаруская дзяржава насіла ў гэтыя часы назву Русь. У Кіеве знаходзіцца княжацкі пасада, а дзяржава распасціраецца на велізарнай тэрыторыі, у тым ліку ахоплівае і беларускія землі.

Рускія гісторыкі абазначылі першапачатковы перыяд гісторыі Русі/Расіі, калі яе цэнтр знаходзіўся ў Кіеве. Умоўнай датай стварэння старажытнарускай феадальнай дзяржавы яны лічаць 882 год, калі Алег з наўгародскім войскам і наёмнай варажскай дружынай захапіў Кіеў, і, па словах летапісца, “нача города ставить, и уставы дани словенам, кривичам и мери”. Алег зацвердзіўся на землях дняпроўскіх крывічоў, замацаваў за сабой іх гарады Смаленск і Любеч. З часу захопу Кіева пад уладай Алега знаходзіўся ўвесь вялікі водны шлях “из варяг в греки”. У яго валоданні аказаліся землі паўночнай і паўднёвай часткі Русі. Па берагах воднага шляху з’явілася першапачатковая Руская дзяржава з пастаяннай цеснай сувяззю паміж Ноўгарадам і Кіевам. Галоўны князь трымае за сабой Кіеў, адначасова яму належыць і Ноўгарад. Аб’яднанне Ноўгарада і Кіева пад уладай аднаго князя – найважнейшы этап старажытнарускай дзяржаўнасці. Калі да ўзяцця Кіева Алегам магчыма было казаць пра існаванне на Русі дзяржаўнасці і дзяржавы, дык з 882 г. ёсць права казаць аб існаванні старажытнарускай дзяржавы з поўнай назвай Русь.

Алег аб’яднаў пад сваёй уладай два важнейшыя цэнтры ўсходняга славянства, пабудаваў гарады і ўстанавіў даніну ў плямён паўночных, потым падпарадкаваў сабе іншыя плямёны славянскія, якія жылі ад усходу і захаду ад Дняпра, у тым ліку драўлян, севяран і радзімічаў. Пасля Алега яго палітыку далучэння славянскіх плямён і здымання з іх даніны працягвалі Ігар (911–945 гг.), княгіня Вольга (945–964 гг.), Святаслаў (964–972 гг.).

Цалкам фарміраванне дзяржавы на тэрыторыі Старажытнай Русі завяршылася з 980 па 1015 г. пры князю Уладзіміру. Да часу яго княжання гісторыкі адносяць і далучэнне Полацка да Русі. Страта незалежнасці Полацкам звязваецца з паходам Уладзіміра ў 980 г. і захопам горада. У сувязі з гэтым зноў паўстае пытанне аб ступені залежнасці Полацка ад Кіева да гэтага часу. Зусім незразумела, чаму імкненне Рурыка даць палачанам князя паставіла пад пагрозу інтарэсы кіеўскіх князёў Аскольда і Дзіра раней гэтага тэрміну: 865 ці 867 года. “Аповесць мінулых гадоў” сведчыць, што дзеянні Рурыка паставілі пад пагрозу эканамічныя інтарэсы Кіеўскага княства. Гэта ўсхвалявала кіеўскіх князёў Аскольда і Дзіра. Як паведамляецца ў Іпацьеўскім летапісе, яны здзейснілі паходы на крывічоў, ваявалі палачан і шмат шкоды ім нарабілі [15, с. 9]. Зусім незразумела, як гэта магло адбыцца. Згодна з летапісам Аскольд і Дзір былі “мужамі” Рурыка, якія вызвалілі зямлю

палян ад даніны хазарам. Тут бачыцца супярэчнасць: іх хуткі выхад з падпарадкавання Ноўгараду, адкуль яны былі накіраваны ў Кіеў. У гэтым выпадку больш дасканалай магла б аказацца версія, заснаваная на пазнейшым летапісе: яны не былі варагамі, а патомкамі Кія. Таму і расправа з імі была такой суровай, Алег заманіў хітрасцю Аскольда і Дзіра з горада, забіў іх, захапіў Кіеў. Хаця адкінуць першую версію, што яны былі пасланы ў Кіеў Рурыкам, таксама нельга.

Пры Уладзіміру ў Старажытную Русь былі ўключаны амаль усе ўсходнеславянскія плямёны. Калі пагадзіцца з падобным ходам падзей, гісторыкам не будзе здавацца надзвычай складаным пытанне аб існаванні ў гэты час цэнтралізаванай адзінай старажытнарускай дзяржавы. Русь стала сапраўды буйнейшай дзяржавай Еўропы, мела раўнапраўныя партнёрскія адносіны з Візантыяй [16, с. 52]. Але зліццё зямель былых племянных саюзаў у адзіную старажытнарускую народнасць не было поўным і канчатковым.

Далейшага навуковага даследавання патрабуе паходжанне тэрміна “Русь”. Знакамітыя расійскія навукоўцы В.В. Ключоўскі, М.М. Ціхаміраў, Л.У. Чарапнін, А.А. Зімін лічаць, што Кіеўская Русь не была дзяржавай рускага народа, таму што яшчэ не існавала самога гэтага народа, а мелі месца толькі этнаграфічныя элементы, з якіх пасля другой паловы XI ст. пачаўся доўгі і цяжкі працэс фарміравання рускай народнасці. В. Ключоўскі пад уплывам даследаванняў прыхільнікаў нарманскай тэорыі распаўсюджаў тэрмін “Русь” на прышлы элемент, які быў звязаны з пануючым класам [16, с. 113]. Згодна з думкай вучонага, назва Русь мае, быццам бы, нарманскае паходжанне. Тады паўстае пытанне, з якой краіны прыйшлі варагі. Ёсць меркаванне, што Рурык з братамі, калі гэта было ў сапраўднасці, выйшаў з Прусіі, дзе са старажытных часоў Руснаю называецца Курскі заліў, а паўночны рукаў Нёмана ці Мемеля – Руссаю, а іх наваколле – Паруссем. Другой нарманскай мясцовасцю, з якой маглі прыйсці варагі, называюць Каралеўства шведскае, дзе адна паморская вобласць здаўна называецца Рускаю (ROS Lagen). Так, да сённяшняга дня не зразумела, з якой жа мясцовасці выйшлі варагі. А магчыма назва Русь (“рось”) зусім не скандынаўскага паходжання? Як гіпотэзу можна прыняць, што гэта чыста славянскае племя, якое пражывала ў раёне ракі Рось. Пацвярджэнне таму знаходзім у персідскага гісторыка сярэдзіны IX ст. Ібн-Хададбега, які пісаў, што “русы есть племя из славян”, такую ж выснову рабіў, як адзначалася вышэй, і М. Ламаносаў.

Заклучэнне. Такім чынам, калі браць пад увагу ўсе навуковыя погляды аб утварэнні і эвалюцыйным станаўленні дзяржавы ва ўсходніх славян, што існуюць на гэты момант, можна ўбачыць: дадзены гістарычны этап нашай агульнай мінуўшчыны яшчэ не мае глыбокага асэнсавання. Версіі і тлумачэнні гісторыкаў пастаянна ўдасканальваюцца, яны носяць аўтарскую інтэрпрэтацыю і з'яўляюцца даволі супярэчлівымі. У расійскіх і беларускіх крыніцах пачатковы перыяд утварэння дзяржавы ва ўсходніх славян адлюстраваны недастаткова. У крыніцах замежных аўтараў яшчэ і сёння пануе новая нарманская тэорыя, якая не адмаўляе ролі ўнутраных фактараў у фарміраванні дзяржавы на Русі, але ўсё ж аддае перавагу ролі нарманаў у гэтым працэсе. Такі падыход да падзей прыніжае славян, чуждз, крывічоў, дрыгавічоў, радзімічаў. Мы падтрымліваем канцэпцыю навукоўцаў, што цалкам адваргаць прысутнасць тут скандынаваў нельга, аднак, прызнаць, што паходжанне княжацкай дынастыі з'яўляецца варажскім і скандынавы адыгрывалі рашаючую ролю ў падзеях станаўлення тут дзяржаўнасці (што раўназначна прызнанню нарманскай тэорыі) будзе вялікай памылкай. Няма сумневу, што паступовы пераход ад родаплемяннога ладу да класавага і дзяржаўнага на землях усходніх славян абумоўлены не з'яўленнем тут вікінгаў, а эканамічнымі, сацыяльнымі і палітычнымі фактарамі. Больш верагодна прызнаць той погляд, што *дзяржаўнасць не можа з'явіцца вынікам экспарту ці імпарту, гэта заканамерны вынік шматвяковага гістарычнага шляху народа. Пераканаўчым сведчаннем таго, што фарміраванне старажытна-рускай палітычнай сістэмы і культуры на Русі адносіцца да больш ранняга даваражскага перыяду, з'яўляюцца рэчавыя і пісьмовыя крыніцы, значныя пасяленні: Пераяслаўль, Чарнігаў, Смаленск, Любеч, Растоў і інш., што тут былі створаны ўжо ў VIII ст. А ў IX ст. найважнейшымі цэнтрамі самастойных дзяржаўных адзінак на гэтых геаграфічных абсягах усходніх славян выступілі Ноўгарад, Кіеў і Полацк. Нават калі прыняць логіку самой легенды аб запрашэнні варагаў на княжанне, нельга не заўважыць тое, што гэта форма ўлады ўжо павінна існаваць. Тады трэба ўпэўнена сцвярджаць, што ў летапісным тэксе размова вядзецца зусім не пра стварэнне дзяржавы на Русі, а толькі аб з'яўленні на Новагародскай зямлі варажскай дынастыі.*

Першапачатковае гістарычнае найменне дзяржавы з вялікай колькасцю зямель ад Ладажскага возера да вусця ракі Рось, правага прытока Дняпра і Ворсклы, зямель Заходняга Буга мела назву *Русь*.

Пасля пераносу вялікакняжацкага цэнтра з Ноўгарада ў Кіеў назва дзяржавы заставалася без змен.

Старажытнаруская дзяржава з цэнтрам у Ноўгарадзе і Кіеве – гэта этап развіцця дзяржаўнасці адзінага народа, які ўключае ў сябе тых, хто называецца рускімі, украінцамі і беларусамі. Гісторыя Усходнеславянскай імперыі, якая да пачатку XIII ст. уключала ў сябе велізарную тэрыторыю, характарызавалася пастаяннымі спрэчкамі за прыярытэт на Русі з боку асобных княстваў, у тым ліку Полацкага. Полацкае княства з другой паловы IX ст. мела амаль поўную самастойнасць, па сваіх памерах і аўтарытэце знаходзілася на ўзроўні не толькі тагачасных княстваў Русі, але і многіх еўрапейскіх дзяржаў.

Літаратура

1. Русская летопись с Воскресенского списка. – М., 1793. – Ч. 1.
2. Повесть временных лет. – М.–Л., 1950. – Ч. 1.
3. Павленко, Н.И. История СССР с древнейших времен до 1861 года: учебник для студентов пед. ин-тов / Н.И. Павленко, В.Б. Кобрин, В.А. Федоров; под ред. Н.И. Павленко. – М.: Просвещение, 1989. – 559 с.
4. Ключевский, В.О. Сочинения: в 9 т. / В.О. Ключевский; под ред. В.Л. Янина; предисл. В.Л. Янина, В.А. Александрова. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1: Курс русской истории. – Ч. 1. – 430 с.
5. Соловьев, С.М. Сочинения: в 18 кн. / С.М. Соловьев; отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев; вступ. ст. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриева. – М.: Мысль, 1988. – Кн. 1. – Т. 1–2. – 797 с.
6. Древняя Российская история отъ начала Российскаго народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года, сочиненная Михайломъ Ломоносовымъ. – СПб., 1766.
7. Полное собрание русских летописей. – М., 1962. – Т. 2.
8. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2007. – Т. 1: Старажытная Беларусь: Ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. – 351 с.
9. Греков, Б.Д. Киевская Русь / Б.Д. Греков. – М.: Учпедгиз, 1953. – 341 с.
10. Рыбаков, Б.А. Мир истории. Начальные века русской истории / Б.А. Рыбаков. – М., 1987.
11. Барсов, Н.П. Очерки русской исторической географии начальной летописи / Н.П. Барсов. – Варшава, 1873.
12. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь: Полацкі і новагародскі перыяды / М. Ермаловіч. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 366 с.: іл.; Ігнатоўскі, У. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. Ігнатоўскі. – Мінск, 1925.
13. Гуревич, Ф.Д. Скандинавские находки X–XI вв. на территории Белоруссии / Ф.Д. Гуревич // Скандинавский сборник. – Таллин, 1990. – № 33.
14. Максімовіч, М.А. Откуда идет Русская земля. По сказанию несторовой повести и по другим старинным писаниям русским // М.А. Максімовіч. – Въ Университетской Типографіи, 1837. – 169 с.
15. История СССР: учебник для студентов ин-тов культуры: в 2 ч. / под ред. Н.Е. Артемова. – М.: Высш. школа, 1982. – Ч. 1. – 512 с.
16. Ключевский, В.О. Неопубликованные произведения / В.О. Ключевский. – М., 1983.

Паступіў у рэдакцыю 21.11.2018 г.

Польско-российские отношения в исследованиях историка Павла Муханова

Ковтуненко О.И.

*Житомирский государственный университет имени И. Франко,
Житомир (Украина)*

Первая половина XIX в. характеризовалась процессами научного становления российской исторической науки. Это связано с появлением трудов Н. Карамзина, который обозначил ряд тенденций в трактовке проблем исторического прошлого как Российского государства, так и связанных с ним соседних народов, в том числе и тех, которые входили в состав Речи Посполитой.

На данный процесс влияли политические и научные факторы. В первую очередь это разделы Речи Посполитой. Российские историки пытались доказать их историческую справедливость, изначальную принадлежность восточных земель Речи Посполитой к России.

Цель исследования — проанализировать археографические публикации и исторические труды русского историка П. Муханова в контексте развития русской исторической мысли первой трети XIX в.

Материал и методы. При написании статьи использованы опубликованные работы П. Муханова и его публикации источников по истории польско-российских отношений в начале XVII в. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, объективности, системности, последовательности в накоплении исторических знаний. Методы историографического исследования: историографический анализ и синтез, проблемно-хронологический.

Результаты и их обсуждение. На характер исторических источниковедческих публикаций и взгляды ученого на историю Речи Посполитой и в частности на прошлое Польского государства имели влияние в первую очередь политические факторы, например, внешнеполитические успехи Российского государства, его территориальные приобретения в результате разделов Речи Посполитой. Вместе с тем для историков и ныне представляют интерес публикации по истории Речи Посполитой, которые касаются и истории Украины, Беларуси, Литвы: сборник «Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время Самозванцев», «Сборник Муханова», мемуары коронного гетмана С. Жолкевского. Взгляды П. Муханова на отношения Речи Посполитой и Московского государства в начале XVII в. свидетельствуют, что в его трудах преобладает патристический настрой, они говорят об отношении российского общества к полякам в XIX ст.

Заключение. П. Муханов собрал большую коллекцию исторических документов. Часть их касается польской истории. Можем констатировать значительный вклад П. Муханова в публикацию исторических материалов о польско-российских отношениях XVII ст., что объективно способствовало развитию исследования этих проблем историками в дальнейшем. В то же время следует отметить, что он был патристически настроенным подданным Российского государства и на польско-российские отношения смотрел с официальной точки зрения и события объяснял с позиций интересов российской государственности.

Ключевые слова: П. Муханов, Речь Посполитая, Российское государство, исторические исследования, документальные публикации.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 15–21)

Polish-Russian Relations in the Studies by the Historian Pavlo Mukhanov

Kovtunen O.I.

Ivan Franko State University of Zhytomyr, Zhytomyr (Ukraine)

The first half of the XIX century was marked by processes of the scientific evolvement of the Russian historical studies. It was conditioned by the emergence of historical works by M. Karamzin, who had given rise to numerous trends in rendering the problems of historical background of both Imperial Russia and allied neighboring nations, including those which were the parts of the Polish-Lithuanian Commonwealth (pol. Rzeczpospolita).

Адрес для корреспонденции: e-mail: olyaolya1707@gmail.com — О.И. Ковтуненко

Both political and science factors, first of all partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth, affected these processes. Russian historians tried to demonstrate its historical justifiability based upon everlasting belonging to Russia of the Eastern lands of the Polish-Lithuanian Commonwealth.

The purpose of this study is to assess the archaeographic publications and historical works of the Russian historian P. Mukhanov through the lens of evolvement of the Russian historical conception in the first third of the XIX century.

Material and methods. For the purpose hereof P. Mukhanov's published works and source publications regarding the background of Poland-Russia relations at the beginning of the XVII century were used. The methodological basis of the study was built upon principles of historicism, objectivity, systematicity and consistency in accumulation of historical knowledge. The following main historiographic methods have been employed for the purpose of this study: historiographic analysis & synthesis, as well as problematic & chronological method.

Findings and their discussion. Character of the historical and source studying publications, as well as the author's views of the Polish-Lithuanian Commonwealth history, in particular historical background of the Polish state, were mainly dependable upon political factors, i.e. successful implementation of the foreign policy by the Russian state and gaining more territories due partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. At the same time, publications on the topic of the Polish-Lithuanian Commonwealth history in so far as they regard also history of Ukraine, Belarus and Lithuania are still not without interest of historians nowadays. We are talking about True Evidences of Poland-Russia Relations Predominantly in the Impostors' Days, (rus. «Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время Самозванцев»), Mukhanov Collector and Memoirs of Stanisław Żółkiewski, Hetman in the Crown. His views of relations between the Polish-Lithuanian Commonwealth and the State of Muscovy at the beginning of the XVII century are indicative of prevalence of the patriotic focus in his works, as well as attitude of the Russian society to the Poles in the XIX century.

Conclusion. P. Mukhanov managed to collect quite a lot of historical documents, part of which addresses the Polish history. It is possible to acknowledge the fact of P. Mukhanov's significant contribution into publishing of the historical materials on the topic of Poland-Russia relations in the XVII century, which had beneficial effect on the further studies of the problems described. However, it should be noted that he was patriotically minded national of the Russian state, whose vision of Poland-Russia relations were influenced by the official narrative and who offered insight to all events only in terms of the interests of the Russian statesmanship.

Key words: P. Mukhanov, Polish-Lithuanian Commonwealth (pol. *Rzeczpospolita*), Russian state, historical studies, documentary publications.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 15–21)

Первая половина XIX в. характеризовалась процессами научного становления российской исторической науки. В первую очередь это связано с появлением исторических трудов Н. Карамзина, который обозначил ряд исторических тенденций в трактовке проблем исторического прошлого как Российского государства, так и связанных с ней соседних народов, в том числе и польского и других, входивших в состав Речи Посполитой.

На данный исследовательский процесс влияли политические и научные факторы. В первую очередь это разделы Речи Посполитой. Российские историки активно включились в спор за их историческую справедливость, за исконную принадлежность восточных земель Речи Посполитой к России. Такие идеи были заложены в «Истории государства Российского» Н. Карамзина и были подхвачены и развиты его сторонниками. Несмотря на критику взглядов Н. Карамзина в трудах историков скептической школы М. Каченовского, его последователя Н. Полевого и других, тезис об извечной российской принадлежности восточных территорий Речи Посполитой ими не пересматривался. Суть научных взглядов российских историков как начала XIX в., так и последующих

периодов в том, что для них российская история заключалась в развитии государственности, а это в первую очередь, кроме органов власти, предусматривает изучение формирования и расширения территории. Поэтому в их исследованиях преобладает не научный анализ источников, а патристические чувства, официальность исторических лозунгов, выводов.

Например, М. Погодин патетически восклицал: «... что есть невозможного для Российского государства? Одно слово – и целая империя не существует, одно слово – из земли вытерта другая, слово – и вместо них возникает третья от восточного океана до Адриатического моря», будущее мира зависит от России – таким образом он видел историческую миссию своей страны [1, с. 115]. В первую очередь подобные взгляды распространялись на соседние государства, главным образом на Речь Посполитую, поскольку истории Украины, Беларуси, Литвы ими игнорировались и рассматривались как часть Речи Посполитой, но которые по праву должны принадлежать России.

В тени таких известных историков, как Н. Карамзин, Н. Полевой, М. Погодин, до сих пор в историографической науке остаются малоизвестными историки-архивисты, которые сделали

немало для формирования и развития источниковой базы исторических исследований, сами выполнили интересные научные работы, заложили определенные научные традиции. К таким следует отнести Павла Александровича Муханова. К сожалению, фигура ученого является неизученной в историографической науке, о нем можно найти лишь небольшие заметки в энциклопедических справочниках. Его жизненный путь и научное наследие осветил А. Ивановский в своей монографии [2]. Краткую характеристику его исторических исследований найдем в работе В. Антоновича «Лекции по источниковедению» [3, с. 116, 119, 163, 236, 253, 313, 341]. В. Иконников в своем фундаментальном «Опыте русской историографии» отметил, что П. Муханов стал известен прежде всего благодаря собиранию и изданию материалов, которые относятся к русской и польской истории, и кратко упомянул об этих изданиях [4]. Н. Улащик в монографии «Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода» также определил важность изданий П. Муханова [5]. Характеристику П. Муханова как человека оставил известный российский историк М. Погодин в некрологе «В память о Павле Александровиче Муханове» [6], где осветил жизненный путь П. Муханова, вспомнил его археографические публикации, заявил о вкладе в развитие источниковой базы исторических исследований российского прошлого. Он особо акцентировал внимание на его утверждениях о том, что восточные территории Речи Посполитой – это исконные «русские земли» [6, с. 338], и констатировал, что П. Муханов смотрел на события в Царстве Польском с российской точки зрения [6, с. 339]. Редакция «Русской старины» охарактеризовала его как «вполне русский человек», сердце которого жило любовью к Отчизне [6, с. 345]. Даже в изданном в советские времена биобиблиографическом словаре указано, что П. Муханов, будучи консервативно настроенным деятелем, активно проводил русификаторскую политику в Царстве Польском [7].

Все же его научное достояние остается неизученным, комплексного исследования взглядов П. Муханова на прошлое Российского государства до сих пор не проводилось. Задачей этой публикации станет рассмотрение его понимания польско-российских отношений.

Цель исследования – проанализировать археографические публикации и исторические труды русского историка П. Муханова в контексте развития русской исторической мысли первой трети XIX в.

Материал и методы. При написании статьи использованы опубликованные работы П. Муханова и его публикации источников по истории польско-российских отношений в начале XVII в. Методологическую основу исследования составили принципы историзма, который предусматривает анализ исторических явлений в их развитии от зарождения, этапов развития, последствий, объективности, системности, последовательности в накоплении исторических знаний. Применены методы историографического исследования, прежде всего историографический анализ и синтез, проблемно-хронологический. Биографический метод позволил персонифицировать научно-исследовательский процесс эволюции исторической мысли в России первой трети XIX ст.

Результаты и их обсуждение. П. Муханов происходил из дворянского рода, его отец в разные годы занимал должности казанского, полтавского, рязанского губернатора. Сам Павел Александрович получил образование в Московском университете, позже окончил училище для колонновожатых. С 1816 г. на военной службе, дослужился до полковника. Участвовал в военных действиях в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и в подавлении польского восстания 1830–1831 гг. В ходе последнего был приставлен к командующему русскими войсками И. Дибичу, за мужество в битве при Остроленке удостоен звания полковника. В 1834 году вышел в отставку, жил в Москве. С этого времени начал заниматься научными историческими исследованиями, публикацией археографических исследований.

В 1842 г. его снова пригласили на службу по линии Министерства народного просвещения. Он был назначен вице-президентом Совета народного образования Царства Польского, а в 1851 г. – попечителем Варшавского учебного округа (хотя фактически эти обязанности выполнял с 1844 г.), а в 1856 г. еще и директором Комиссии внутренних и духовных дел Царства Польского. При этом он не пользовался уважением среди поляков, в связи с чем радикально настроенные польские патриоты добились отстранения его от должности в Царстве Польском. В 1861 г. он был отозван в Россию (есть сведения, что поляки, провожая его, бросали камнями [6, с. 344]) и назначен членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел, с 1869 г. возглавлял Императорскую археографическую комиссию. Был избран действительным членом нескольких научных обществ, в том числе и исторических, почетным членом Российского археологическо-

го общества и др. За свою службу П. Муханов удостоился от царского правительства многочисленных наград – ордена святого Владимира 4-х степеней (интересно, что орден третьей степени ему был вручен за заслуги в обращении польских солдат на русскую службу), орденов св. Александра Невского, св. Станислава, Белого Орла, золотого оружия с надписью «За храбрость» [8].

Как видно из краткого обзора биографии, П. Муханов был энергичной, деятельной личностью. Нас в данном случае интересуют его научные исторические труды об отношениях России и Речи Посполитой/Польши. В этом плане можно выделить два направления исследовательских поисков ученого: первое более выразительное – археографические публикации документов, касающихся российско-польских отношений, и второе, производное от первого, – собственные толкования этих взаимоотношений на основе опубликованных материалов.

Наибольшее значение для изучения истории Речи Посполитой имеет его труд «Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время Самозванцев» [9]. В книге собран ряд рукописей польского происхождения начала XVII века. Наибольший интерес представляют письма польского короля Сигизмунда III, касающиеся российско-польской войны 1617–1618 гг., которая закончилась заключением Деулинского перемирия. После них, нарушая хронологическую последовательность, П. Муханов поместил «Дневник дороги и послов от Сигизмунда III к Московскому князю» 1606 г., письма Марии Мнишек к королю Сигизмунду III и коронному гетману С. Жолкевскому, ряд документов о переговорах поляков с московскими боярами в 1606 и 1610 гг.

В предисловии к своему сборнику П. Муханов отметил, что эта эпоха в российской истории малоизученная. К документам он подготовил собственный очерк истории похода королевича Владислава в Россию в 1617–1618 гг., который был написан на основании работ польских историков Адама Нарушевича «*Historya Jana Karola Chodkiewicza*» и Урсина-Юлиана Немцевича «*Dzieje panowania Zygmunta III*». П. Муханов использовал также некоторые касающиеся этого периода труды российских историков, в частности В. Берха «Царствование царя Михаила Федоровича».

У.-Ю. Немцевича он обвиняет в страстности и недоброжелательном отношении к русским и симпатиях к польскому народу. Хотя тут же заявляет, что такой же подход, только на оборот,

характерен и для российских авторов, которые ругали поляков и восхваляли русских.

Автор констатирует, что яблоком раздора между поляками и русскими был Смоленск, в то время входивший в состав Речи Посполитой, россияне постоянно совершали грабительские набеги на литовские территории. П. Муханов согласен с мнением А. Нарушевича, что ключевой причиной войны было то, что Речи Посполитой всерьез стоило позаботиться о возрастающей опасности со стороны Москвы, основанием для такой мысли стало желание Владислава силой оружия добиться московского престола [9, с. 4–5].

П. Муханов подробно рассказывает о ходе военных действий в 1617–1619 гг. Довольно часто он обращает внимание на финансовую сторону военного похода Владислава. Недостаточность средств для выплат жёлнерам постоянно вызывала у них недовольство, нежелание воевать, нехватка продовольствия и фуража создавали дополнительные трудности, что существенно сдерживало военные действия. Во всех письмах короля Сигизмунда III к польским комиссарам, которые сопровождали Владислава в походе и были обязаны помогать ему, красной нитью проходит проблема средств для выплаты войску. Из королевских писем видно, что польский сейм, от которого зависели сбор налогов и выдача денег, не горел желанием вести эту войну [9, с. 117]. Король жаловался на финансовые трудности, а также что не может пойти против решений сейма, но обещает вознаградить жёлнеров [9, с. 119].

К этому прибавлялись внешнеполитические осложнения, Речь Посполитая стояла на пороге войны с Турцией, усугублялись противоречия со Швецией. Отсутствие денег привело к тому, что ряды войск Владислава покинули несколько хоругв и много одиночных воинов, вызвало голод в армии. Россияне хорошо были осведомлены о трудностях в польском лагере, поэтому старались всячески затягивать переговоры, тянуть время в ожидании прихода зимы и холодов. П. Муханов подчеркивает, что московские бояры главными врагами поляков считали «голод и холод», которые и должны были бы уничтожить польское войско [9, с. 67].

Польское войско во время этого похода не проиграло ни одного сражения, но успеха достичь не смогло из-за действия других факторов, таких как большие территории ведения боевых действий, погодные условия, отсутствие средств для платы воинам, недостаточность питания. Факторы, которые, казалось бы, не имеют прямо-

го отношения к военным действиям, но оказываются решающими. У поляков начало преобладать мнение, что необходимо быстрее завершить эту войну путем переговоров.

Положительным моментом для поляков, по мнению П. Муханова, была весть о том, что запорожские казаки, «подкуплены золотом», пообещали вторгнуться в пределы Московии [9, с. 49]. Помощь двадцатитысячного казацкого войска под командованием П. Сагайдачного подошла очень вовремя для Владислава, в самый критический момент. П. Муханов сообщает, что благодарный королевич прислал казацкому предводителю клейноды – булаву с королевским гербом, флаг и серебряные литавры [9, с. 65].

Но даже помощь казаков, хоть она и была существенна для поляков и посеяла страх среди русских, вначале принципиально не изменила положения польского войска. Россияне и в дальнейшем выжидали и тянули, понимая, что главным врагом польского войска являются неблагоприятные погодные условия. В этой ситуации снова решающую роль сыграли казаки П. Сагайдачного, которые активно опустошали территории вокруг Москвы. Примечательно, что о казаках король Сигизмунд III вспоминает только один раз в письме к комиссарам от 21.XI.1618 г., говоря, что для запорожцев идет меньше выплат и нужно удерживать их на службе, рекомендует разместить их на таких местах, где бы они наносили русским больше вреда [9, с. 172]. Активность казаков сделала свое дело, россияне сразу же ускорили переговоры, местом проведения которых было определено село Деулино. Перемирие подписали 11 декабря, после чего поляки послали гонцов к П. Сагайдачному с уведомлением об этом и приказом прекратить грабеж московских территорий.

П. Муханов в своем очерке кратко пересказывает пункты договора и дает ему оценку с точки зрения россиян. По его мнению, в ходе этого военного противостояния россияне поняли, что единство и твердость характера, преданность престолу спасают государство [9, с. 104–105]. Оценку договора польским королем находим в его письме комиссарам от 12 января 1619 г. Известие об условиях договора он воспринял с сожалением, считая, что это позор и вред для Речи Посполитой. На войну было потрачено много средств и все зря. Враг не имел столько сил и помощи ниоткуда не ожидал, король даже заявил, что хватило бы средств продолжать войну [9, с. 179].

Важным направлением научной работы П. Муханова стали археографические поиски

и публикации исторических документов. Стремление к исследованиям у него проявилось во время военной службы и нашло свой выход в 30-х годах XIX века. Кроме вышеупомянутой работы «Подлинные свидетельства ...», наиболее заметным для историков стал «Сборник Муханова» [10]. В. Антонович отозвался об этом издании как о таком, где «в беспорядке собран довольно ценный материал» [3, с. 253]. Сборник содержит документы с конца XIV в. (1393 г.) и до 1729 г. Часть материалов взяты из Литовской метрики, часть обнаружены П. Мухановым. Ученый в первую очередь отметил, что эти официальные акты написаны «на русском языке» и могут служить лучшим доказательством того, что «западные наши провинции (которые поляки называют забранным краем, а русские весьма недавно начали называть возвращенными губерниями) были населены русскими, исповедовавшими Греко-российскую веру, что почти все жители говорили по-русски» [10, с. I]. Документы в этом сборнике свидетельствуют о характере отношений Московско-Русского государства с Польшей и Литвой с XV в., ряд грамот касается прямых отношений Великого княжества Литовского с русскими городами Новгородом, Псковом, Тверью. Материалы позволяют проследить нарастание военного противостояния между государствами уже с XV в., со времен короля Казимира IV Ягеллончика и московского князя Василия Васильевича Темного.

Кроме того, П. Муханов издал еще ряд отдельных произведений о польско-русских отношениях давних времен. В 1835 г. на польском языке и в русском переводе вышла «Рукопись С. Жолкевского» [11]. Следует отметить, что это одно из первых изданий мемуарного произведения коронного гетмана и канцлера Речи Посполитой о польско-московской войне 1610 г., когда польские войска заняли Москву. Впервые это мемуарное произведение С. Жолкевского на польском языке издал в 1833 г. директор библиотеки Оссолинских во Львове Константин Славинский по списку, который хранился в этом заведении. Мемуары С. Жолкевского тогда вышли под названием «*Historia wojny moskiewskiej aż do opanowania Smoleńska przez Stanisława Żółkieskiego ...*» (Львов, 1833). Вероятно, львовское издание было малоизвестным, П. Муханов о нем даже не упоминает.

П. Муханов опубликовал текст записок С. Жолкевского по двум спискам, которые были почти идентичными. Один из них ранее принадлежал библиотеке Залуских, а оттуда был взят в Императорскую Санкт-Петербургскую публич-

ную библиотеку. Второй нашел П. Муханов в Царстве Польском во время штурма Варшавы в 1831 г. и, по его утверждению, был копией первого. Дата написания произведения не была указана ни в одной из рукописей, на основании анализа содержания П. Муханов пришел к выводу, что он написан в 1611 г. [11, с. II, 342–343]. Печатаемая рукопись С. Жолкевского, он пытался передать ее содержание с максимально возможной точностью, без пропусков. К русскому переводу параллельно предлагался текст в оригинале на польском языке. К этому изданию П. Муханов добавил собственные комментарии и ссылки. В предисловии к произведению ученый выразил уверенность, что записки С. Жолкевского очень важны в историческом отношении и привлекут внимание поклонников русской истории. П. Муханов признал беспристрастность С. Жолкевского, особенно при описании деяний Лжедмитрия, который явно изображен самозванцем, обратил внимание на характеристику гетманом московских бояр. Заметил, что здесь есть много подробностей о том времени, полезных историкам, которые будут изучать малоисследованный российскими историками период. С. Жолкевского он назвал тонким и дальновидным политиком, рассудительным деятелем, который пытался действовать в интересах двух государств и который ценил россиян больше, чем Сигизмунд III [11, с. XII].

В связи с этим ученый выразил мнение, что С. Жолкевский понимал всю выгоду для обоих государств объединения Польши и России. Конечно, П. Муханов это понимал с точки зрения россиянина и провел параллель с разделами Речи Посполитой в конце XVIII в., отметив, что Провидением было определено, чтобы это объединение осуществилось не шведским домом Вазов (Сигизмунд III), а под началом «благословенного дома Романовых» [11, с. X].

Однако П. Муханов в толковании подобной мысли С. Жолкевского упустил ту важную деталь, что такое мнение гетман высказал во время аудиенции у короля Сигизмунда III в Смоленске при особых обстоятельствах и в несколько ином контексте. Гетман выразил королю свою обеспокоенность сложившейся ситуацией, обратил внимание на недовольство солдат задержкой зарплаты, отметил, что король должен отвлекать беды от Речи Посполитой, а не обострять ситуацию. В Речи Посполитой ведь немало недовольных (это был намек на рокош М. Зебжидовского 1606–1609 гг.). Поэтому предлагал королю в первую очередь положить конец войне: длительная война не пойдет на поль-

зу Речи Посполитой. Одним из средств принести мир и покой Речи Посполитой С. Жолкевский считал пребывание королевича Владислава на московском престоле. П. Муханов не заметил, что С. Жолкевский размышлял не о взаимной выгоде для Московии и Польши и не об объединении двух государств, а только о внутренней стабильности Речи Посполитой [11, с. 180–183].

В издание произведения П. Муханов добавил краткую биографию гетмана С. Жолкевского [11, с. 253–280]. Этот биографический очерк не оригинален, он взял его из научного труда Василия Берха «Царствование царя Алексея Михайловича» (СПб., 1831), который в свою очередь позаимствовал очерк у польского историка Францишека Сярчинского «*Obraz wieku panowania Zygmunta III zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem ...*» (Львов, 1828). Это же сочинение П. Муханов еще раз переиздал, только на русском языке в 1871 г. [12]. Второе издание более основательное, расширенное, оно учитывает новые исследования о жизни и деятельности С. Жолкевского и польско-российских отношениях. Все же пророссийский характер мыслей П. Муханова в нем становится еще выразительнее.

В 1837 г. П. Муханов издал «Рукопись Филарета» [13]. Историки говорят о высоком археографическом уровне этой публикации. П. Муханов провел детальный палеографический анализ источника, отметил, что ее писали шесть писарей, которые имеют разные почерки. П. Муханов оставил без ответа вопрос об авторстве рукописи. Название «Рукопись Филарета» дал произведению Н. Карамзин, имевший копию документа и использовавший ее в своей работе «История государства Российского». Возможно, произведение писалось под наблюдением и с правками Филарета.

П. Муханов подготовил интересные комментарии к публикации. Текст рукописи охватывает события от 1606 г. по 1613 г. (начало и конец рукописи не сохранился), имеет определенное отношение к российско-польским отношениям начала XVII века. В нем освещены события, связанные с Лжедмитрием, сам Филарет был сторонником Лжедмитрия I и II-го, не возражал против избрания польского королевича Владислава на московский престол, но в 1611 г. отказался подписать окончательный вариант договора с поляками, за что был арестован ими и освобожден из плена по условиям вышеупомянутого Деулинского перемирия 1618 г.

Заключение. За свою жизнь П. Муханов собрал большую коллекцию исторических доку-

ментов. Материалы с его собрания публиковались в различных российских периодических изданиях – в «Русском архиве», «Русской старине». Часть их касается польской истории.

После его смерти документы были переданы частично Археографической комиссии, частично Академии наук, в Московский публичный и Румянцевский музеи [4, с. 1262].

Таким образом, можем констатировать значительный вклад П. Муханова в публикацию исторических материалов о польско-российских отношениях XVII в., что объективно способствовало развитию научных исследований этих проблем историками в дальнейшем. В то же время следует отметить, что он был патриотически настроенным подданным Российского государства и на польско-российские отношения смотрел с официальной точки зрения, все события трактуя с позиции российской государственности.

Литература

1. Пичета, В. Введение в русскую историю / В. Пичета. – М.: Госиздат, 1922. – 205 с.
2. Ивановский, А. Павел Александрович Муханов / А. Ивановский. – СПб.: Типография В. Этингера, 1872. – 64 с.
3. Антонович, В. Лекції з джерелознавства / В. Антонович. – Острог–Нью-Йорк, 2003. – 382 с.
4. Иконников, В. Опыт русской историографии / В. Иконников. – К., 1892. – Т. 2, кн. 1. – 1260–1262, 68 (указатель имен) с.
5. Улащик, Н. Очерки по археографии и источниковедению истории Белоруссии феодального периода / Н. Улащик. – М., 1973. – 40–44 с.
6. Погодин, М. В память о Павле Александровиче Муханове, 1798–1871 / М. Погодин // Русская старина. – 1872. – Т. V. – Февраль. – С. 335–345.
7. Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь. – М.: Наука, 1979. – С. 245.
8. Рудаков, В. Муханов Павел Александрович / В. Рудаков // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. – СПб., 1897. – Т. XX. – С. 245–246.
9. [Муханов П.] Подлинные свидетельства о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время Самозванцев / собр. и изд. гвардии полковник Павел Муханов. – М.: в типографии Семена Селивановского, 1834. – 274, 2 с.
10. [Муханов П.] Сборник Муханова / П. Муханов. – М., 1836. – III, IV, IX, 262, 14 с.
11. Жолкевский, С. Рукопись Жолкевского (Начало и успех Московской войны в царствование Е.В. короля Сигизмунда III-го, под начальством его милости пана Станислава Жолкевского, воеводы Киевского, напольного коронного гетмана), изданная П. Мухановым / С. Жолкевский. – М., 1835. – X, 348 с.
12. Жолкевский, С. Записки гетмана Жолкевского о Московской войне / С. Жолкевский; изд. П.А. Мухановым. – 2-е изд. – СПб.: Типография Э. Праца, 1871. – XII, 132, 306 с.
13. Рукопись Филарета, патриарха Московского и всея Руси / (С предисл. П. Муханова). – М., 1837. – X, 80 с.

Поступила в редакцию 14.06.2018 г.

Материалы по истории Киевщины и Брацлавщины в публикациях польского историка Александра Яблоновского (вторая половина XIX в.)

Весельская Н.В.

Житомирский государственный университет имени И. Франко, Житомир (Украина)

Польская историография XIX в. имеет значительное количество исторических исследований, посвященных украинским землям. Это обусловлено тесной связью двух стран в течение их развития — вхождением украинских земель в состав Речи Посполитой, сосуществованием двух народов в составе одного государства, географическим размещением и др. Одним из важных изданий польских историков, что отразилось и на украинской историографии, является многотомный труд А. Яблоновского и его коллеги А. Павинского «*Źródła dziejowe*».

Названная работа стала одним из крупнейших собраний документальных материалов в польской и украинской историографии XIX в.

Цель статьи — изучение историко-географических и этнографических исследований А. Яблоновского, в которых рассмотрена история Киевского и Брацлавского воеводств Речи Посполитой.

Материал и методы. При этом использованы публикации источников А. Яблоновского по истории Киевских и Брацлавских земель в XVI–XVII вв. Для анализа многотомного издания «*Źródła dziejowe*» применены ключевые методы историографического исследования — историографический анализ и синтез, проблемно-хронологический, биографический и сравнительный методы. Методологическую основу исследования составили принципы историзма в сочетании с конкретно-историческим подходом, принцип системности, объективности, всесторонности и преимуществ научного знания, который предусматривает анализ исторических явлений в их развитии от зарождения в последовательности с накоплением исторических знаний.

Результаты и их обсуждение. Дается общая характеристика научных достижений польского историка А. Яблоновского по истории Киевского и Брацлавского воеводств в XVI–XVII вв. Содержится анализ нескольких томов издания источников по истории украинских, польских, отчасти белорусских и русских земель «*Źródła dziejowe*», которые касаются исторического развития Киевских и Брацлавских территорий и выводов польского историка об особенностях исторического развития этих земель.

Заключение. Материалы, опубликованные А. Яблоновским, имеют историческую ценность, так как оригиналы их сейчас уже утрачены. Благодаря опубликованным материалам современная историческая наука имеет возможность собрать важную топографическую, статистическую, хронологическую информацию по истории Киевских и Брацлавских земель, данные о торговле, экономических отношениях разных категорий населения.

Ключевые слова: историография, А. Яблоновский, «*Źródła dziejowe*», Киевское воеводство, Брацлавское воеводство.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 22–27)

Materials on the History of Kyiv and Bratslav Regions by the Polish Historian Alexander Yablonovsky in the publication «*Źródła dziejowe*» (the Late XIX Century)

Veselska N.V.

Ivan Franko State University of Zhitomir, Zhitomir (Ukraine)

Polish historiography of the XIX century has a lot of historical research dedicated to Ukrainian lands. This is due to the close connection of the two countries during their historical development — the inclusion of Ukrainian lands in

Адрес для корреспонденции: e-mail: ninogradarchuk@gmail.com — Н.В. Весельская

the Commonwealth, the coexistence of the two nationalities in one state, geographical location, etc. One of the biggest publications of Polish historians, which are reflected in Ukrainian historiography, is the publication of a multivolume work by A. Yablonovsky and his colleague A. Pavinsky «*Źródła dziejowe*».

This publication became one of the largest collections of documentary materials in the Polish and Ukrainian historiography of the XIX century.

The purpose of the article is to analyze the historical, geographical and ethnographic studies of A. Yablonovsky which consider the past of the Kiev and Bratslav lands of the Commonwealth.

Material and methods. In the article publications of A. Yablonovsky's sources on the history of the Kiev and Bratslav lands in the XVI–XVII century were used. For the analysis of the multivolume edition of «*Źródła dziejowe*» basic methods of historiographic research were used: methods of historiographic analysis and synthesis, problem and chronological method and biographical and comparative methods. The methodological basis of the study was the principles of historicism, combined with a specific historical approach, the principle of systemativity, objectivity, comprehensiveness and advantages of scientific knowledge, which provides the analysis of historical phenomena in their development from their birth in sequence with the accumulation of historical knowledge.

Findings and their discussion. The general description of the scientific achievements of the Polish historian A. Yablonovsky on the history of the Kiev and Bratslav regions during the 16th – 17th centuries is given. An analysis of several volumes of the publication of sources on the history of Ukrainian, Polish, partly Belarusian and Russian lands «*Źródła dziejowe*», which relate to the historical development of the Kiev and Bratslav areas and the conclusions of the Polish historian about the peculiarities of the historical development of these lands.

Conclusion. The materials that were published by A. Yablonovsky are of great historical value, since their originals have already been lost. Thanks to the published materials, modern historical science has the opportunity to collect important topographic, chronological, statistic information on the history of the Kiev and Bratslav lands, data on trade, economic relations of different categories of the population.

Key words: historiography, A. Yablonovsky, «*Źródła dziejowe*», Kiev Region, Bratslav Region.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 22–27)

В польской историографии XIX в. имеется значительное количество исторических исследований, посвященных прошлому украинских земель. Это обусловлено тесной взаимосвязью двух стран в течение их развития – вхождением украинских земель в состав Речи Посполитой, сосуществованием двух народов в составе одного государства, географической близостью и др. Одним из важных изданий польских историков в этой сфере, имевшим влияние и на украинскую историографию, явился многотомный труд А. Яблоновского и его коллеги А. Павинского «*Źródła dziejowe*».

В украинской историографии к частичному освещению издания «*Źródła dziejowe*» обращались разные ученые: А.И. Киян – при исследовании биографии А. Яблоновского [1], И.И. Ярмошук – при рассмотрении истории Правобережной Украины в составе Речи Посполитой и исследовании биографий выдающихся историков или ее любителей [2], М.С. Грушевский – при изучении проблем социально-экономического и культурного развития киевских земель [3], Н.Г. Крикун – при исследовании географических границ Брацлавского и Киевского воеводств [4; 5] и др. Однако и сейчас в украинской историографии отсутствует комплексный анализ научных исследований польского историка А. Яблоновского. Указанное издание было одним из крупнейших собраний документальных материалов в польской и украинской историографии XIX в.

Цель статьи – изучение историко-географических и этнографических исследований А. Яблоновского, в которых рассмотрены история Киевщины и Брацлавщины.

Материал и методы. При написании работы использовались публикации А. Яблоновского по истории Киевских и Брацлавских земель в XVI–XVII вв. Для анализа многотомного издания «*Źródła dziejowe*» были применены ключевые методы историографического исследования – историографический анализ и синтез, проблемно-хронологический, биографический и сравнительный методы. Методологическую основу исследования составили принципы историзма в сочетании с конкретно-историческим подходом, принцип системности, объективности, всесторонности и преимущества научного знания, который предусматривает анализ исторических явлений в их развитии от зарождения в последовательности с накоплением исторических знаний.

Результаты и их обсуждение. Работа над многотомным корпусом материалов «*Źródła dziejowe*» была организована совместно А. Павинским и А. Яблоновским как серийное издание, ставшее важной подборкой исторических источников по истории земель Речи Посполитой. Значительная часть материалов, обработанных и опубликованных учеными, касалась истории украинских земель, которые входили в состав Польско-Литовского государства. Кроме публикации исходного материала, в этом издании были

размещены научные труды А. Яблоновского. Он рассматривал проблемы истории украинских земель, в частности особенности земельных отношений в XVI–XVII вв., процессы колонизации, существование замков, вопросы развития отдельных украинских земель – Волыни, Киевщины, Брацлавщины, Черниговщины, Подолья. Своими исследованиями ученый сделал важный вклад в развитие польской, а также украинской исторической мысли, поскольку эти труды не только содержали его субъективные выводы об историческом развитии тех или иных украинских регионов, но и сопровождались оригинальными документами, которые он изучал и анализировал и на основании которых пришел к определенным выводам в своих научных поисках.

Двадцатый, двадцать первый и двадцать второй тома издания «*Źródła dziejowe*» были опубликованы в 1894 и 1897 годах и имели общее название «Ukraina». Двадцатый том обладал структурой такой же, как и предыдущие книги серии. В начале располагалось монографическое исследование историка, далее следовала публикация источников. Следующий том содержал лишь публикацию источников, а двадцать второй том – продолжение монографического исследования.

В этом исследовании автор большое внимание уделяет понятию «Украина». Историк относит к нему и территорию Черниговщины, однако в том не включены материалы этого края, поскольку в XVI в. он был во власти Московского государства. Из-за нехватки исторических ресурсов, ответственность за что ученый возлагает на казаков и их восстания, которые уничтожили местные архивы документов на этих территориях, опубликованные материалы не так систематизированы, как в предыдущих томах издания.

Особое внимание историк уделяет определению названия «Украина». Следует отметить, что А. Яблоновский воспринимает это понятие в широком и узком смысле. В узком смысле «Украина» – это территории Киевского и Брацлавского воеводств, которые являются объектом исследования (как, к примеру, Волынь и Подолье, Подляшье в предыдущих томах). В широком смысле, по мнению историка, на протяжении XVI в. с «ukrainy» появилась «Ukraina». Сначала это название не имело официального употребления и во времена отмены Киевского княжества после 1471 г. под понятием «Ukraina» подразумевали пограничье («ugranicze») литовских земель с ордынцами. Лишь после унии 1569 г. термин постепенно начинает обретать свое привычное значение [2, с. 6].

На правительственном уровне слово впервые было использовано в названии известного постановления польского сейма за 1589 г. «*Porządek ze strony Nizowców i Ukrainy*», хотя тоже как обычное название. Только дальнейшие непрерывные беспорядки на южной границе Речи Посполитой дали этим краям широкую огласку и закрепили за ними «ukrainy», превратив ее из нарицательного названия в собственное («*na imię własne*»). По мнению А. Яблоновского, с тех пор под понятием «Украина» в широком смысле слова в Короне и Литве начали именовать всю территорию земель, которые начинались за Случем и Муравною, тянулись вдоль Днепра и Буга до Муравского пути и Очаковских полей. Позже в этот простор вошла также часть Полесья южнее новых литовских рубежей [6, с. 15].

Можно сказать, что это название не столько историческое, сколько традиционное («*zwyczajowa*»), и в древнерусское, домонгольское время нигде не встречается. В его основе лежит выражение «*kraj*», которое является общеславянским и означает, что земля была «*krańcowa, graniczna*», здесь же автор подробнее указывает границы украинских земель в середине XVII в., которые занимали степной простор Днепра ниже устья Муравы, через нижнее Побужье и Поднепровье к Муравскому пути по водоразделу между Днепром и Донцом. На севере – южнее линии Житомир–Киев на правом берегу Тетерева и Ирпеня и до Буга и Роси; на левом берегу Днепра – между реками Десна и Сейм и верхушками Трубежа и Сулы до Муравского пути и Днепровских порогов [2, с. 7].

Современник А. Яблоновского Францишек Равита-Гавронский высоко оценивает труд ученого и соглашается с его взглядами. В рецензии, опубликованной в журнале «*Kwartalnik Historyczny*», он называет историка важным автором и знатком истории русских земель, сумевшим собрать в работе значимые сведения географическо-статистической, экономической и социальной истории и истории казачества [7].

Киевское воеводство состояло из Мозырского, Любецкого, Чернобыльского, Овруцкого, Житомирского, Киевского, Остерского, Черкасского, Каневского уездов. Брацлавское – из Винницкого, Брацлавского, Звенигородского уездов [6, с. 21–22]. Из-за неправильного толкования данных историка в историографии распространилось утверждение, что Киевское воеводство с последней трети XVI в. включало в себя Киевский, Житомирский, Овручский уезды (в 1566–

1569 гг. – и Мозырский). На самом деле такое деление существовало только определенное время [8, с. 168].

Ученый отмечает, что украинские земли никогда не представляли однородной территории в географическом смысле. Киевщина состояла из двух территориальных контрастов – полесья и степного поля – территории, которые изначально были неравномерно заселены и подвергались набегам кочевников. Все поселения Брацлавщины и Киевщины А. Яблоновский разделяет на две большие группы – сельские и городские, к первой относит хутора, села и поселки, а ко второй – городские поселения разного типа и размера. В первой части труда историк подробно рассматривает количество населенных пунктов в каждом из уездов, заселение территории Украины (только Брацлавского и Киевского воеводств), результаты своего исследования он предоставляет в виде таблиц, где сравнивает численность сельского и городского населения, общее количество дворов в разных уездах, отмечает преимущество городского населения над сельским [6, с. 35–89].

Во второй части работы автор опубликовал источники – это реестры замков за 1570 г. и 1571 г., поборовые реестры, люстрации за 1616 г. и 1622 г., подымный тариф 1628 г. и 1629 г., границы Овручского и Мозырского уездов, суммариушы документов, реестры казаков низовых запорожских и реестровых 1581 г. и другие документы [6].

В двадцать первом томе опубликованы выдержки из актов Люблинского коронного трибунала от 1591 г. до конца первой четверти XVII в., которые касались истории Киевского и Брацлавского воеводств [9]. Люблинский трибунал был образован в 1578 г. и стал высшей судебной инстанцией для земель южной части территорий Речи Посполитой, а именно для земель Брацлавского, Волынского, Киевского, Подольского, Русского и Черниговского воеводств вплоть до разделов Речи Посполитой [10].

Следующий том представляет собой географическо-статистический очерк по истории украинских земель за период конца XVI – начала XVII в. В целом том обобщает информацию, размещенную в двух предыдущих изданиях, и содержит выводы автора. В первой части работы ученый вновь обращается к определению названия «Украина», однако рассматривает данный вопрос с точки зрения историографии, приводя источники, в которых упомянуто это название. Хотя название «Украина» закреплено за Киевским

и Брацлавским воеводствами, по мнению А. Яблоновского, уместно было бы его распространить и на Волынь с Подолем и Черниговскую землю [11, с. 1–3].

Историк обращает внимание на исторические аспекты формирования Киевских и Брацлавских земель, топографические особенности этих территорий, изменения в пограничье уездов и воеводств до заключения Люблинской унии и после. Вся Украина (Киевское и Брацлавское воеводства) занимала пространство в 3162,75 квадратной мили, кроме этого, казацкое «Дикое поле» – 1537,23 квадратной мили, что вместе составляет территорию Украины площадью около 4700 квадратных миль [11, с. 45].

Во второй части монографии А. Яблоновский дает краткую характеристику обороноспособности Украины. Сюда включены выводы по поводу исключительного географического положения украинских земель – в частности особенности влияния соседства с татарами на оборонную систему украинских земель, исследования системы обороны во времена литовского господства, место замков в обороноспособности земель, оборонительные обязанности казаков, военные силы и др. Ценным является то, что историк предоставляет читателям перечень украинских замков и их краткую характеристику, включая год основания, владельца и оборонное состояние – это киевские замки, замки по правую и левую сторону Днепра и замки в низовьях Днепра [11, с. 47–92].

Отдельно ученый исследует процессы колонизации на территории украинских земель – до заключения унии 1569 г. и после нее, состояние заселения украинских земель от начала XVI в. до начала XVII в., необходимость и препятствия в проведении колонизации. В течение первых нескольких лет второй половины XVI в. колонизационное движение на южных украинских землях значительно усиливается. Причинами этого были, по мнению А. Яблоновского, заключение унии 1569 г., ослабление Крымского государства, что существенно уменьшило набеги кочевников и меры польского короля Сигизмунда II Августа по усилению обороноспособности Речи Посполитой. При этом историк особое внимание уделяет выяснению этнического состава переселенцев – это были не только славяно-русские поселенцы, а и представители других народов – армяне, евреи, поляки, валахи и др. [11, с. 93–113].

В отдельном разделе рассматривается хозяйственное положение украинских земель. В целом, по мнению А. Яблоновского, экономическое

положение украинских земель было одним из самых слабых по сравнению с другими территориями Речи Посполитой. Частично развивались сельское хозяйство и промыслы в городах. Польский историк говорит о разных формах землепользования, влиянии унии на отрасли ремесла, фермерском типе хозяйства и проводит его детальный анализ. Исследуя характер поселений и экономики украинских земель, ученый представил в своей работе данные о населении этой территории – разные категории населения, проблема «уходничества», занятость людей различными типами хозяйства, казачество и др. [11, s. 260–323].

При расчетах численности населения на украинских землях А. Яблоновский обращает внимание на то, что его данные отражают положение ситуации очень приблизительно из-за отсутствия достаточного количества достоверных источников. Пользуясь доступными источниками, историк рассуждает о категориях населения, об уровне тогдашнего экономического положения, о земельных отношениях между различными категориями населения и других общих вопросах [11, s. 473].

В отличие от предыдущих томов, в которых ученый больше внимания обращал на вопросы географическо-статистического характера, в двадцать втором томе он подробно рассматривает земельные отношения различных категорий населения Черниговщины и Киевщины с начала XVI в. до начала XVII в., анализируя собственность короля, духовенства, шляхты. Сравнивая земельную собственность в начале века и в конце, историк утверждает, что за этот период значительно возросли землевладения шляхты и духовенства, особенно католического, появилась отдельная категория населения – казаки, занявшие особое место в историческом развитии украинских земель, а также уменьшилась королевская собственность на землю – в конце XVI в. она имеет место в основном только на Киевщине, тогда как на других территориях возросла земельная собственность магнатов [11, s. 647–649].

К тому же в последнем разделе труда описывается географическое распределение отраженных форм собственности на землю на территории Киевщины и Брацлавщины в XVI в. При этом в качестве основного ориентира используются названия рек и их притоков [11, s. 650–736].

Значительную часть исследования польского историка занимает вопрос казачества. Казачество

А. Яблоновский рассматривает как отдельный социальный класс, который окончательно сформировался в конце XVI в. на юге украинских земель и с запада имел границы с Волынью и Подолем. Ученый предлагает свою версию происхождения этого термина. По его мнению, слово «козак» тюркского происхождения, сначала в переводе означало «юноша», но впоследствии стало применяться татарами к тому, кто сидит в засаде. Историк отмечает существование казаков в Литве и Украине и упоминания о них в различных источниках, в частности новгородские казаки, литовско-русские, татарские и др. Однако в отдельное социальное положение трансформировалось только казачество на территории Украины. Казачество украинской степи, в отличие от литовского, что вышло из боярского сословия, в своей основе содержало различные социальные элементы [11, s. 395–398].

Для А. Яблоновского колыбелью украинского казачества являются Черкассы – ведь именно из Черкасской области в конце XV в. на территории степной Украины появились «бровники» (или Бродники, что часто упоминаются в летописях с XII в.), ставшие, как считает польский историк, основой позднейшего казачества. Стоит отметить, что в современной историографии большинство специалистов считает, что бродники не стояли у истоков казачества. Первое упоминание о казаках содержится в актах, касающихся Надднепрянщины конца XV в., в том смысле, что это худой парень, который ищет добычу и никому не служит, потому что за службу хочет получать деньги. С начала XVI в. упоминания о казаках увеличиваются, и в большей степени о казаках говорится в различных жалобах. Например, в 1500 г. киевские и черкасские казаки напали на московского гонца в Крым, в 1505 г. – ограбили купцов из Кафы на Днепре и др. В польской историографии казачество впервые упоминается в хронике Й. Бельского под 1516 г., который обратил внимание на рост казачества и их социальную основу [11, s. 405–411].

К середине XVI в. казачество, по мнению А. Яблоновского, организовалось в отдельный общественный слой, имевший свое так называемое «местное самоуправление», обычаи, хозяйственную систему, укрепления в отдаленных районах украинской степи. Более того, историк отмечает, что в это время казацкий элемент присутствовал во многих городах на территории Украины, и по ряду причин (в том числе из-за необходимости создания защитной линии на юге)

польскими властями было принято решение о регистрации казачества, которая была проведена в 1572 г. в правление короля Стефана Батория. Важное место в истории казачества ученый отводит фигурам первых известных казацких вожаків – Остафию Дашкевичу, Дмитрию Вишневецкому и изменению положения казаков после заключения унии 1569 г. [11, с. 415–430].

Заключение. Материалы, опубликованные А. Яблоновским в двадцать первом томе, чрезвычайно важны тем, что после разделов Речи Посполитой и закрытия Люблинского трибунала все архивные дела были перенесены в бернардинский монастырь, позже переданы в Варшавский архив, где в 1944 г. полностью уничтожены. В опубликованных актах содержится не только топографическая, хронологическая информация, но и ценные данные о торговле и экономическом положении украинских земель. В частности, рассмотрены договоры купли-продажи, аренды, залога, решение споров о границах, деятельность таверн в разных поселениях – новых хуторах или старых городах, особенности колонизации и основания новых поселений. В конце тома помещен алфавитный указатель населенных пунктов исследуемого периода. Монографическое исследование историка, построенное на обработанных материалах, позволяет проанализировать взгляды польской исторической мысли на положение и историческое развитие Киевщины и Брацлавщины в XVI–XVII вв. Таким образом, можем констатировать значительный вклад А. Яблоновского в публикацию исторических материалов по истории Киевских и Брацлавских земель в XVI–XVII вв., что в целом способ-

ствовало эволюции научных исследований в дальнейшем.

Литература

1. Киян, О.І. Олександр Яблунівський як дослідник історії України / О.І. Киян // Український історичний журнал. – 1994. – № 4. – С. 61–74.
2. Ярмошик, І.І. Поняття України та Волині у польській історіографії XIX століття / І.І. Ярмошик // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Сер. 6. Історичні науки: зб. наук. пр. – Вип. 6: Ювілейний випуск до 175-річчя Національного педагогічного університету імені М.П. Драгоманова. – К., 2010. – С. 236–244.
3. Грушевський, М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия / М.С. Грушевський. – К.: Типографія Імператорського Університету Св. Володимира В.І. Завадзкого, 1891. – 520 с.
4. Крикун, М.Г. Брацлавське воєводство у XVI–XVIII століттях: статті і матеріали / М.Г. Крикун. – Львів: Видавництво Українського католицького університету, 2008. – 412 с.
5. Крикун, М.Г. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст.: Кордони воєводств у світлі джерел / М.Г. Крикун. – К.: Інститут української археографії. Академія наук України, 1993. – 186 с.
6. Źródła dziejowe. – Warszawa: Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1894. – T. 20: Ziemia Ruskie. Ukraina (Kijów–Braclaw). Dział I-szy. – 304 s.
7. Rawita-Gawronski, Fr. Jablonowski Aleksander: Pisma. T. III: Ukraina. Warszawa, 1911 / Fr. Rawita-Gawronski // Kwartalnik Historyczny. – 1911. – S. 549–552.
8. Крикун, М.Г. Воєводства Правобережної України у XVI–XVIII століттях: статті і матеріали / М.Г. Крикун. – Львів: Поліграфічний центр Видавництва Львівської політехніки, 2012. – 702 с.
9. Źródła dziejowe. – Warszawa: Skład Główny w Księgarni Gebethnera i Wolffa, 1894. – T. 21: Ziemia Ruskie. Ukraina (Kijów–Braclaw). Dział II-gi. – 717 s.
10. Balzer, O. Geneza trybunału koronnego: studyum z dziejów sądownictwa polskiego XVI wieku / O. Balzer. – War (http://pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadadata?id=2451).
11. Źródła dziejowe. – Warszawa: Druk Jana Cotty, 1897. – T. 22: Ziemia Ruskie. Ukraina (Kijów–Braclaw). Dział III. – 800 s.

Поступила в редакцію 09.07.2018 г.

Рээвакуацыя беларускіх бежанцаў Першай сусветнай вайны ў межах савецкай міграцыйнай палітыкі (1918–1923 гг.)

Карнялюк В.Р.

Установа адукацыі “Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы”, Гродна

У артыкуле на падставе спецыяльных даследаванняў і новых архіўных крыніц Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі прааналізаваны падзеі рээвакуацыі беларускіх бежанцаў Першай сусветнай вайны ў межах савецкай міграцыйнай палітыкі ў 1918–1923 гг.

Мэта — прааналізаваць працэс рээвакуацыі беларускіх бежанцаў Першай сусветнай вайны ў межах савецкай міграцыйнай палітыкі (1918–1923 гг.)

Матэрыял і метады. На падставе новых гістарычных крыніц Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, найперш фонду Беларускага Нацыянальнага Камісарыята, і Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі зроблена спроба аналізу дадаковых акалічнасцяў і наступстваў вяртання беларускіх бежанцаў у ходзе ажыццяўлення савецкай міграцыйнай палітыкі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Аўтарам акрэслены асноўныя падыходы ў ажыццяўленні такой міграцыйнай палітыкі, звернута ўвага на поўную падпарадкаванасць дзеянняў міграцыйных службаў БССР расійскім і агульнасаюзным структурам. Аўтар робіць выснову аб тым, што пасля захопу ўлады большавікамі рээвакуацыя эвакуіраваных і бежанцаў беларускіх губерняў часоў Першай сусветнай вайны ў 1918–1923 гг. савецкімі органамі ажыццяўлялася ў поўным падпарадкаванні патрабаванням кіраўніцтва РКП(б).

Заклучэнне. Па шэрагу прааналізаваных у даследаванні прычын беларускія нацыянальныя палітычныя дзеячы хаця і займаліся бежанскім пытаннем, але не мелі магчымасці павярнуць велізарную масу бежанцаў-беларусаў у накірунку нацыянальнага дзяржаўнага будаўніцтва.

Пасля захопу ўлады большавікамі рээвакуацыя эвакуіраваных і бежанцаў беларускіх губерняў часоў Першай сусветнай вайны ў 1918–1923 гг. савецкімі органамі ажыццяўлялася ў поўным падпарадкаванні патрабаванням кіраўніцтва РКП(б).

Ключавыя словы: рээвакуацыя, беларускія бежанцы, Першая сусветная вайна, савецкая міграцыйная палітыка.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 28–32)

Re-evacuation of Belarusian Refugees in World War I as Part of the Soviet Migration Policy (1918–1923)

Karnialiuk V.G.

Educational Establishment “Grodno State Yanka Kupala University”, Grodno

On the basis of special researches and new archival sources of the National Archive of the Republic of Belarus and the State Archive of the Russian Federation, the article analyzes the events of re-evacuation of Belarusian refugees of the First World War in the framework of the Soviet migration policy in 1918–1923.

The aim is to analyze the process of re-evacuation of Belarusian refugees of the First World War within the framework of the Soviet migration policy (1918–1923).

Material and methods. On the basis of new historical sources from the National Archive of the Republic of Belarus, primarily the Fund of the Belarusian National Commissariat, and the State Archive of the Russian Federation we have made an attempt to analyze additional circumstances and consequences of the return of Belarusian refugees as an implementation of Soviet migration policy.

Findings and their discussion. The author outlines the main approaches in the implementation of the migration policy, attention is drawn to the complete subordination of the actions of the migration service of the Byelorussian SSR to the Russian, and later — to the Union one. The author concludes that after the seizure of power by the Bolsheviks the reevacuation of evacuees and refugees of Belarusian provinces during the First World War in 1918–1923 by Soviet authorities was conducted according to the requirements of the RCP(b) leadership.

Conclusion. The analyzed causes illustrate that Belarusian national political figures, although engaged in refugees issue, were not able to turn a huge mass of Belarusian refugees in the direction of the national state-building.

After the seizure of power by the Bolsheviks the reevacuation of evacuees and refugees of Belarusian provinces during the First World War in 1918–1923 by Soviet authorities was conducted according to the requirements of the RCP(b) leadership.

Key words: re-evacuation, Belarusian refugees, World War I, Soviet migration policy.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 28–32)

Падчас і пасля заканчэння польска-савецкай вайны працэс вяртання бежанцаў і эвакуіраваных Першай сусветнай вайны набыў самыя вялікія памеры. Паколькі пасля Рыжскага дагавора ўся тэрыторыя былой Гродзенскай і Віленскай губерняў была ў складзе Польшчы і Літвы, то большасць рэпатрыянтаў трапляла ў новыя для іх дзяржавы. Розныя аспекты гэтага міграцыйнага працэсу знайшлі адлюстраванне ў работах А. Бабкова, М. Галас, А. Ціхамірава, В. Цынкевіча [1–4]. Для ацэнкі вынікаў і наступстваў рээвакуацыі бежанцаў-беларусаў неабходна мець на ўвазе дзве акалічнасці гэтага працэсу. Па-першае, гэтае тое, што пытаннямі рэпатрыяцыі і рээвакуацыі ў савецкай Расіі займаўся Цэнтрэвак НКУС РСФСР, у структуры якога пры ўрадзе БССР было створана рэспубліканскае ўпраўленне па эвакуацыі – Белэвак [2, с. 108]. Агульнарасійская ўстанова складала агульныя планы перавозак рэпатрыянтаў, кіравала фінансаваннем эвакоганаў, размеркаваннем ім матэрыяльных сродкаў. Такая цэнтралізацыя з’яўлялася часткаю ўсталяванай ад пачатку савецкай улады агульнай аўтарытарнай сістэмы кіравання, была звязана з агульнасцю эвакуацыйна-транзітных шляхоў і накіравана на ўнітарны характар узаемаадносін Масквы і асобных, фактычна несамастойных, савецкіх рэспублік [2, с. 108]. Па-другое, правядзенне міграцыйнай палітыкі савецкай улады насіла комплексны характар, з практычным улікам самых розных – эканамічных, знешне- і ўнутрыпалітычных фактараў. Ад пачатку ўзровень дзяржаўнага адміністравання савецкіх бежанскіх устаноў зверну дадзена падчас арганізацыі рээвакуацыі быў непараўнальна вышэйшым за адпаведныя намаганні ў 1918 г. лідараў БНР.

Мэта – прааналізаваць працэс рээвакуацыі беларускіх бежанцаў Першай сусветнай вайны ў межах савецкай міграцыйнай палітыкі (1918–1923 гг.)

Матэрыял і метады. На падставе новых гістарычных крыніц Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, найперш фонду Беларускага Нацыянальнага Камісарыята, і Дзяржаўнага архіва Расійскай Федэрацыі намі зроблена спроба аналізу дадаковых акалічнасцяў і наступстваў

вяртання беларускіх бежанцаў у ходзе ажыццяўлення савецкай міграцыйнай палітыкі.

Вынікі і іх абмеркаванне. Адразу адзначым, што вымушаныя мігранты разглядаліся савецкай уладай як чалавечы рэсурс, якім можна скарыстацца ва ўмовах грамадзянскай вайны і замежнай інтэрвенцыі, а таксама глыбокага эканамічнага крызісу. Як вядома, Цэнтрпалонбеж загадваў мясцовым савецкім органам не ўключаць у спісы бежанцаў прызыўнога ўзросту. Эмісар Смаленскага аддзялення Белнацкама ў сваёй справаздачы ў кастрычніку 1918 г. прыводзіць прыклад гвалтоўнай мабілізацыі бежанцаў-беларусаў у Чырвоную Армію (калі сярод чырвонаармейцаў, якія былі забіты і без весткі прапалі, у спісах «Известий» Смаленскага Савета ад 24 кастрычніка 1918 г. – 99% жыхары акупаваных тэрыторый і толькі 1% – велікаросаў), што “павінны былі ісці службы за савецкую ўладу, пакінуўшы на палове шляху свае сем’і” ў прамежкавых “перасылках”, літаральна “пад адкрытым небам” [5, арк. 22]. Разам з тым органамі Усерасійскай Надзвычайнай Камісіі ў складзе “бежанцаў выяўляліся ўрачы, інтэлігенцыя, ваенныя спецыялісты, кваліфікаваныя рабочыя, якія не дапускаліся да рэпатрыяцыі” [2, с. 106, 108]. Красамоўным прыкладам такой падкрэсленай увагі да спецыялістаў можа быць архіўная “Справа аб Зенгбушы”. Яна змяшчае шырокую перапіску накіраваную Іосіфа Паўлавіча фон Зенгбуша, жыхара г. Гродна, вышэйшакласнага спецыяліста з адукацыяй Межавога інстытута і вялікім досведам працы, які, маючы на руках польскую візу, цягам чатырох месяцаў не атрымаў дазвол ад самых розных дзяржаўных савецкіх устаноў на рэпатрыяцыю [6, арк. 76–111].

Арганізацыя вяртання вымушаных мігрантаў патрабавала каардынацыі дзеянняў савецкіх міграцыйных структур з адпаведнымі структурамі Польшчы і Літвы. Кожная краіна мела свае падыходы да рэпатрыянтаў, таму час вяртання бежанцаў стаў часам сутыкнення інтарэсаў усіх удзельнікаў гэтага міграцыйнага працэсу. Справамі рэпатрыяцыі ў Польшчы займалася Дзяржаўнае ўпраўленне па справах вяртання вязняў, бежанцаў [4, с. 77]. Таксама тым, хто вяртаўся, дапамагалі

дабрачынныя арганізацыі, сярод якіх найбольшай актыўнасцю выдзяляўся Амерыканскі Камітэт Дапамогі дзецям. Сваю ролю ў гэтай справе адыгралі дзеянні АРА (Амерыканскай Адміністрацыі Дапамогі). Як заўважае В. Саматыя, дапамога даходзіла да бежанцаў праз дзейнасць Польскай і Рускай АРА, а пазней савецкага аддзялення гэтай арганізацыі, якія акрамя забеспячэння Польшчы, у тым ліку і Заходняй Беларусі пасля Рыжскага дагавора, і РСФСР займаліся дастаўкай і размеркаваннем грузаў на тэрыторыі БССР і УССР [7, с. 63].

Вярталіся бежанцы рознымі шляхамі і відамі транспарту. Разумеючы гэта, Цэнтрпалонбеж запланавалі толькі на першую палову 1919 г. выдаткаваць на арганізацыю перамяшчэння мігрантаў чыгункай 20 000 000 рублёў, рачным транспартам – 1 000 000 руб., грунтавымі дарогамі – 3 000 000 руб. Акрамя таго, на гэты перыяд Цэнтрпалонбеж вымушаны быў запланавалі 6 000 000 руб. на дапамогу рээвакуіраваным мігрантам [8, арк. 355 адв.]. Гэта тлумачыцца наступным: ад пачатку сваёй міграцыйнай палітыкі савецкая ўлада адмовілася ад выдачы пайкоў бежанцам, што пагоршыла і без таго цяжкі стан вымушаных мігрантаў.

Хаця рээвакуацыя ў час польска-савецкай вайны не прыпынялася, яе ходу перашкаджалі баявыя дзеянні і палітыка новай акупацыйнай улады на беларускіх землях. Вясна 1919 г. стала часам прыняцця чарговых экстранных мер, накіраваных на ўрэгуляванне бежанскага руху ў раёне Заходняй вобласці. З Цэнтрэвака ў губернскія і павятовыя эвакуацыйныя камітэты ішлі наступныя тыповыя адказы: “Паведамце бежанцам..., што адпраўка іх у раён Заходняй вобласці пакуль не магчыма з-за ваенных дзеянняў з Польшчай” [9, арк. 6, 11, 32, 37, 41, 43, 55]. Згодна з мікрадаследаваннем дакументаў перапіскі Асобага Аддзела Усерасійскай Надзвычайнай Камісіі і ўстаноў Цэнтрэвака за перыяд з 6 чэрвеня па 16 жніўня 1920 г. адмовы ў руху бежанцаў, абумоўленыя падзеямі польска-савецкай вайны, зафіксаваны 16 разоў [9, арк. 6, 11, 13, 32, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 55, 57, 65, 80, 89]. Гэтыя цяжкасці рээвакуацыі чаргаваліся з перыядамі, калі бежанцаў прапускаралі праз лінію фронту, што, у сваю чаргу, цягнула чараду дзеянняў, накіраваных на інфармаванне і тлумачэнне становішча ў самых розных частках савецкай Расіі і іншых рэгіёнах былой імперыі, дзе знаходзіліся бежанцы, падрыхтаваныя да вяртання. Інструментамі для такога тлумачэння выступалі мясцовыя мітынгі, сходы і друк. Толькі падобныя мерапрыемствы па каардынацыі вяртання дапамагалі часткова. Даведзеныя да адчаю

бежанцы, каб паскорыць час вяртання, неаднаразова адрасавалі свае запыты да самых высокіх чыноў савецкай Расіі: У. Леніна і Л. Троцкага [10, арк. 26 адв., 28, 38, 50 адв., 51 адв.].

2 мая 1919 г. у Мінску адбылося аб’яднанае пасяджэнне Галоўнай Камісіі апекі аб палонных і бежанцах, разам з прадстаўнікамі Мінскай Губернскай Калегіі, Наркамздрава Мінскага накірунку, Мінскага Упраўлення Чырвонага Крыжа, Галоўнай Місіі Чырвонага Крыжа, Акругі Шляхоў Зносін, Камісарыята Сацыяльнага Забеспячэння, Акруга-Транспартнага аддзелу Мінскай Надзвычайнай Камісіі. Па выніках аналізу сітуацыі канцэнтрацыі некалькіх дзясяткаў тысяч бежанцаў у раёнах станцый Замір’е (Гарадзея) і Стаўбцы (8,5 тыс.), Слуцк (4 тыс.), Лунінец (5 тыс.), на іншых станцыях, у тым ліку і ў Мінску, а таксама стварэння Саветам Абароны супраць бежанцаў загараджальных атрадаў у раёне Барысава і Асіповічаў было прапанавана, у прыватнасці, звярнуцца да Цэнтрпалонбежа і Наркамшляху, каб прыпыніць перамяшчэнне бежанцаў у раён на мяжы з ваеннымі дзеяннямі, а да Савета Абароны – аб ліквідацыі загараджальных атрадаў як меры неэфектыўнай. Узамен гэтага было вырашана паспрабаваць узмацніць бежанскія пункты і прыёмнікі, больш дасканала ўзгадняць з ваеннымі працэдуру адпраўкі бежанцаў праз лінію фронту, у большай ступені абаперціся ў вырашэнні бежанскага пытання на грамадскія арганізацыі, якія былі зацікаўлены ў гэтым [11, арк. 88–88 адв.]. Было вырашана ўсталяваць дэзінфекцыйныя атрады для ўсяго раёна заходніх абласцей Чырвонага Крыжа, стварыць урачэбна-харчавальныя пункты ў Бельску, Брэст-Літоўску, Кобрыне, Гарадцы, Гарадзішчы, Янаве, Замір’і, Пінску, Гомелі, Лунінцы, Гродна, Баранавічах з прапускной магчымасцю ад 1000 да 6000 чалавек [11, арк. 103]. У шпіталях, у тым ліку тых, што дзейнічалі пад эгідай Чырвонага Крыжа, якія размяшчаліся, у прыватнасці, у Дзвінску, Мінску, Гомелі, Вільна, Гродна, з даволі вялікай колькасцю коек – ад 1000 да 4000 – часам не знаходзілася месца для ўсіх бежанцаў з-за перапоўненасці савецкімі вайскоўцамі [11, арк. 103].

Напрыканцы 1920 г. у час савецка-польскіх дыпламатычных стасункаў на прадмет польска-савецкіх меж, пытанне, у якую менавіта дзяржаву трапляць рээвакуіраваныя бежанцы з беларускіх зямель, заставалася адкрытым. Дакладнасці ў гэтым пытанні не было нават тады, калі 2 лістапада 1920 г. прадстаўнікі краін-удзельніц Рыжскага прэлімінарага дагавора абмяняліся

ў Лібаве ратыфікацыйнымі граматамі [3, с. 56]. У дадатак да мірных дагавораў РСФСР яшчэ раней заключыла дагаворы аб рээвакуацыі бежанцаў з Латвіяй ад 12 чэрвеня 1920 г. і з Літвой ад 30 чэрвеня 1920 г. Напярэдадні, 28 чэрвеня 1921 г., было падпісана пагадненне з Літвой аб парадку агітацыі літоўскага грамадзянства [2, с. 107].

Яшчэ большыя памеры рээвакуацыя набыла пасля 24 лютага 1921 г., калі Пагадненне аб рэпатрыяцыі паміж РСФСР і УССР, з аднаго боку, і Польшчай, з другога боку, было падпісана. Вядома, што колькасць людзей, якіх неабходна было абмяняць з абодвух бакоў, істотна адрознівалася. Па ацэнцы старшыні двухбаковай змешанай Спецыяльнай Камісіі па вяртанні закладнікаў, палонных, інтэрніраваных, бежанцаў і эмігрантаў І. Лорэнца, якая дзейнічала ў Рызе, колькасць асоб, што трэба было рэпатрыяваць, уключаючы бежанцаў, з тэрыторыі Расіі і Украіны было ў 15–20 разоў больш, чым з тэрыторыі Польшчы. Становішча палепшылася з заключэннем Рыжскага мірнага дагавора 18 сакавіка 1921 г. Гэтаму садзейнічаў і змест артыкула VI Рыжскага дагавора, у якім, як нагадвае В. Цынкевіч, было вызначана шырокае кола асоб, што маюць права набыцця польскага і, наадварот, расійскага і ўкраінскага грамадзянства. Паводле дагавора, асобы, якія дасягнулі на момант яго ратыфікацыі 18-гадовага ўзросту і “прыпісаныя да адной з гарадскіх, вясковых ці саслоўных супольнасцяў на тэрыторыі былой Расійскай імперыі, што ўвахо дзяць у склад Польшчы”, лічыліся грамадзянамі Польшчы, калі яны ва ўсталяваным дагаворам парадку аптацыі выказвалі на тое сваё пажаданне. Яны набывалі права “бесперашкоднага выезду ў дзяржаву, на карысць якой апціравалі, разам з маёмасцю” [4, с. 77].

Паводле дадзеных А. Бабкова на забеспячэнні Белэвака ў ліпені-жніўні 1921 г. штодзень знаходзілася ў сярэднім да 4,4 тыс. бежанцаў [1, с. 14]. Для абмену ваеннапалоннымі і бежанцамі былі вызначаны толькі два пераходы – па лініях Роўна–Шапятоўка і Мінск–Баранавічы. В. Цынкевіч нагадвае пра стварэння загараджальныя атрады для змяншэння “самацёку” ўцекачоў да мяжы ў Мінск [4, с. 77]. Працэс абмену паміж РСФСР і Польшчай не прыпыняўся і напрыканцы 1921 г. За перыяд з 20 верасня па 31 снежня 1921 г. праз розныя эвакупункты Галоўэвака, па выніках нашага мікрагістарычнага аналізу, прайшло 235465 чалавек, якія рухаліся самі па сябе, на фурманках і з баракаў, што былі пры эвакупунктах [9, арк. 1–89 (падлік наш. – В.К.)].

Трэба адзначыць, што падчас усяго перыяду, вяртання сам рух замаруджваўся з-за недахопу кадраў з беларускага боку. Мірныя ўмовы пасляваеннага жыцця, з разбуранай эканомікай, новай савецка-польскай мяжой спрыялі росквіту кантрабандызму, у якім “сваё месца займалі і ніжэйшыя супрацоўнікі эвакаў”. Практыка суправаджэння эшалонаў з рээвакуіраванымі патрабавала, каб “у кожную змену пропуск эшалона забяспечвалі пяць чалавек (камендант, намеснік, фельчар і два санітары)”. Пры той інтэнсіўнасці руху, які быў у 1921–1923 гг., адпаведных кадраў проста не хапала [12, арк. 2]. Адсутнасць дыпламатычнага прадстаўніцтва Польшчы ў Мінску, якое, згодна з высновай В. Цынкевіча, не было ўсталявана з-за супраціву Масквы, таксама не спрыяла паскарэнню працэсу перамяшчэння рээвакуіраванага насельніцтва заходніх зямель Беларусі [4, с. 81]. Расійскае, а потым саюзнае савецкае кіраўніцтва ўсе аспекты працэсу рээвакуацыі трымала пад няўхільным кантролем, дзякуючы чаму Мінск стаў выключна месцам тэхнічных працэдур арганізацыі вяртання мас бежанцаў.

З другога боку, павелічэнню эфектыўнасці вяртання і пропуску рээвакуіраванага насельніцтва спрыяла тое, што “з ліпеня 1921 г. у Мінск прыехалі ўжо пастаянныя ўпаўнаважаныя расійска-ўкраінскай і польскай камісій, каб адкрыць аддзяленне змешанай камісіі па рэпатрыяцыі па Заходняй вобласці і БССР (ад кожнага боку – 1 упаўнаважаны і 4 чалавекі дапаможнага персаналу). Упаўнаважаныя мелі наступныя правы і абавязкі: нагляд за рэпатрыяцыйнай мігрантаў, складанне спісаў памерлых, нагляд за выкананнем пагаднення аб рэпатрыяцыі, дапамога і апыкунаства над бежанцам, наведванне лагераў, турмаў. Яны таксама мелі права непасрэднага звяроту да мясцовых улад па вышэйпералічаных пытаннях, права пасрэдніцтва ў перапісцы рэпатрыянтаў з Польшчай, у тым ліку пры перасылцы дакументаў для рэпатрыяцыі, разглядзе скаргаў, у тым ліку ад ваеннапалонных. Усе справы вырашаліся па ўзгадненні двухбаковай камісіі. Функцыі агульнай канцылярыі выконвала канцылярыя расійска-ўкраінскай дэлегацыі. Польскія прадстаўнікі мелі права накладвання віз на спісы і аказання матэрыяльнай дапамогі. У падкантрольную акругу ўпаўнаважаных увайшлі БССР, Віцебская, Гомельская і Смаленская губерні РСФСР” [4, с. 77].

Заканчэнне вайны сведчыла пра неабходнасць інтэнсіўных дзеянняў па адпраўцы мігрантаў у Польшчу. Такая адпраўка суправаджалася вырашэннем пытанняў аптацыі мігрантаў.

Гэтае даволі канфліктагеннае пытанне было звязана з узаемнай падазронасцю як савецкага, так і польскага бакоў. Тым не менш, паводле аналізу В. Цынкевіча, “упаўнаважанымі змешаных камісій па рэпатрыяцыі была зроблена значная праца па садзейнічанні выезду бежанцаў. З сакавіка па кастрычнік 1921 г. у Мінску былі складзены спісы на выезд 116911 бежанцаў [4, с. 78]. Большасць з накіраваных у Польшчу бежанцаў былі выхадцамі з Заходняй Беларусі, сярод іх пераважалі беларусы [1, с. 158].

Аб тым, што катастрофічныя ўмовы вяртання былі ўласцівы для перамяшчэння розных груп мігрантаў, сведчаць дакументы, якія адлюстроўваюць рээвакуацыю менавіта эвакуіраваных груп насельніцтва беларускіх губерняў. У лісце ад 8 кастрычніка 1922 г. служачых Гомельскага чыгуначнага вузла, былых палескіх і прывісленскіх чыгунак, ад імя больш чым 600 чалавек, адрасаваным у Гомельскі губэрак, у якасці галоўных аргументаў выступае халодная пара года, якая набліжалася і пагражала гібеллю хворым і зняможным бежанцам [7, арк. 61].

Хаця асноўная маса бежанцаў з’ехала ў Польшчу да канца 1922 г., у 1923 г. гэты працэс яшчэ працягваўся і быў звязаны з новымі абставінамі працэдур рээвакуацыі. В. Цынкевіч адзначае такія адметнасці гэтага апошняга этапу, як “заканчэнне дзейнасці змешаных рэпатрыяцыйных камісій, перадачу справы вяртання астатніх грамадзян Польшчы ў веданне паўпрэдства РСФСР у Польшчу, прыпыненне эшалоннай адпраўкі з Расіі ў Польшчу, увядзенне новага парадку афармлення бежанскага білета з польскай і савецкай візамі” [4, с. 78].

Заклучэнне. Працэс рээвакуацыі беларускага насельніцтва, які скончыўся ў 1923 г., стаў асобным этапам усяго міграцыйнага руху, выкліканага падзеямі Першай сусветнай вайны. Яго час ахапіў, з аднаго боку, перыяд рэвалюцыйнай чарады змены ўлад і няспынных ваенных дзеянняў, звязаных з рознымі ўзброенымі канфліктамі, а з другога – уздым палітычнага беларускага нацыянальнага руху, пачатак новага дзяржаўнага будаўніцтва. Усё пералічанае мела непасрэднае ўздзеянне на характар, тэмп і вынікі вяртання вымушаных мігрантаў. Таксама на гэтае вяртанне меў уплыў увесь назапашаны за гады эпохі бежанства вопыт ажыццяўлення новай міграцыйнай палітыкі, які, пры даволі розных мэтах разнастайных палітычных улад, улічваўся і выкарыстоўваўся імі.

Адначасова на працягу ўсяго перыяду рээвакуацыі ўдзел бежанцаў у рэвалюцыйных падзеях насіў абмежаваны характар і быў акрэслены пе-

раважна інтарэсамі вяртання дадому і ратаваннем сваіх родных і маёмасці. Менавіта такія прапановы бежанцы бачылі прывабнымі сярод заклікаў і зваротаў розных палітычных і грамадскіх арганізацый. Ва ўмовах знішчаных рэвалюцыйным крызісам вынікаў сацыяльнай адаптацыі маса бежанцаў, якую было цяжка кантраляваць і каардынаваць, не стала аб’ектам мэтанакіраванай увагі з боку тых ці іншых сіл. Бежанскае пытанне заўсёды стаяла на перыферыі запланаваных дзеянняў палітычных арганізацый. Бежанцы палохалі іх сваёй этнічнай і сацыяльнай разнастайнасцю і звязанасцю з комплексам бытавых праблем, якія з’яўляліся прыкрытэтнымі для апошніх у параўнанні з пытаннямі нейкага палітычнага ўплыву.

Па шэрагу прааналізаваных у даследаванні прычын беларускія нацыянальныя палітычныя дзеячы хаця і займаліся бежанскім пытаннем, але не мелі магчымасці павярнуць велізарную масу бежанцаў-беларусаў у накірунку нацыянальнага дзяржаўнага будаўніцтва.

Пасля захопу ўлады большавікамі рээвакуацыя эвакуіраваных і бежанцаў беларускіх губерняў часоў Першай сусветнай вайны ў 1918–1923 гг. савецкімі органамі ажыццяўлялася ў поўным падпарадкаванні патрабаванням кіраўніцтва РКП(б).

Літаратура

1. Бабков, А. Деятельность Белорусского управления по эвакуации населения (январь-август 1921 г.) / А. Бабков // Изв. Гомел. гос. ун-та имени Ф. Скорины. Сер., Гуманитар. науки. – 2011. – № 5(68). – С. 14.
2. Галас, М. Государственно-институциональная и социальная адаптация репатриантов и реэвакуируемых беженцев в России в 1920-е гг. / М. Галас // Власть. – 2011. – № 4. – С. 105–108.
3. Тихомиров, А. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920 – начале 1921 г. / А. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2004. – № 2. – С. 56.
4. Цынкевіч, В. Проблема рэпатрыяцыі бежанцаў і адкрыццё польскага консульства ў Мінску (1921–1924 гг.) / В. Цынкевіч // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3. – С. 77.
5. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, г. Мінск (далей НА РБ, г. Мінск). – Фонд 4. – Воп. 1. – Адз. зах. 41.
6. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі, г. Масква (далей ДА РФ, г. Масква). – Фонд Р3333 с. – Воп. 3. – Адз. зах. 225.
7. Саматія, В. Деятельность АРА по оказанию помощи беженцам на территории Беларуси / В. Саматія // Журнал международного права и международных отношений. – 2005. – № 2. – С. 62–65.
8. ДА РФ, г. Масква. – Фонд Р3333. – Воп. 7. – Адз. зах. 2.
9. НА РБ, г. Мінск. – Фонд 39. – Воп. 1. – Адз. зах. 427.
10. ДА РФ, г. Масква. – Фонд 130. – Воп. 4. – Адз. зах. 285.
11. ДА РФ, г. Масква. – Фонд Р3341. – Воп. 2. – Адз. зах. 61.
12. ДА РФ, г. Масква. – Фонд Р3333. – Воп. 3. – Адз. зах. 70.

Паступіў у рэдакцыю 06.09.2018 г.

Двухбаковыя культурныя сувязі Рэспублікі Беларусь: фарміраванне дагаворнай базы (1991–2017 гг.)

Крываашэй Д.А.

Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск

Адным з найбольш трывалых і плённых відаў культурнага супрацоўніцтва з’яўляюцца двухбаковыя сувязі. У большасці краін стала традыцыяй замацоўваць двухбаковыя адносіны шляхам падпісання рознага кшталту пагадненняў як на самым высокім узроўні, так і паміж асобнымі ведамствамі, рэгіянальнымі органамі ўлады.

Мэта артыкула — абагульненне вопыту фарміравання дагаворнай базы двухбаковага культурнага супрацоўніцтва Беларусі і вызначэнне асноўных тэндэнцый яе развіцця, напрамкаў і краін-партнёраў.

Матэрыял і метады. *Збор, абагульненне і аналіз звестак аб двухбаковых міжнародных прававых актах у сферы культурных сувязей. Для вызначэння асноўных краін-партнёраў, геаграфічных напрамкаў і тэндэнцый развіцця двухбаковай дагаворнай базы выкарыстаны статыстычныя метады, сістэматызацыя і параўнанне, прынцып гістарызму, гісторыка-генетычны і гісторыка-тыпалагічны падыходы.*

Вынікі і іх абмеркаванне. *Геаграфія краін-партнёраў у перыяд 1991–1996 гг. яскрава сведчыць аб шматвектарнасці знешняй культурнай палітыкі Рэспублікі Беларусь. У гэтыя гады Беларусь заключыла пагадненні з амаль усімі краінамі-суседкамі, акрамя Латвіі. Актыўнай была дзейнасць па заключэнні пагадненняў з краінамі СНД. Закладзены прававы фундамент стасункаў з асобнымі краінамі Еўропы і Азіі.*

Другая палова 1990-х гг. — 2001 г. сталі перыядам ахаладжэння двухбаковых адносін з шэрагам краін, у першую чаргу Цэнтральнай і Заходняй Еўропы, відавочна паступовая змена геаграфіі новых партнёраў. Значна павялічылася дагаворна-прававая база з Расіяй, рабіліся крокі па наладжванні культурнага супрацоўніцтва з краінамі Азіі.

У 2002–2012 гг. прасочваюцца дзве фазы ажыўлення з краінамі Еўропы (2002–2005; 2009–2011). Пасля значнага перапынку прадоўжылася практыка заключэння міжведамасных пагадненняў з краінамі СНД (Туркменістан, Таджыкістан). Пашыраліся стасункі з краінамі іншых кантынентаў.

Дынаміка заключэння двухбаковых дакументаў у 2013–2017 гг. сведчыць аб актывізацыі азіяцкага вектара культурных кантактаў Беларусі і значным росце (пасля перапынку ў 2002–2014 гг.) дагаворнай базы з суб’ектамі Расійскай Федэрацыі.

Заключэнне. *Відавочны ўплыў як унутры-, так і знешнепалітычных фактараў на дынаміку і геаграфію заключэння двухбаковых прававых дакументаў у сферы культурнага супрацоўніцтва.*

Толькі з асобнымі краінамі Беларусь здолела наладзіць рэгулярнае супрацоўніцтва на аснове канкрэтных праграм і планаў. На працягу ўсяго абазначанага перыяду гэта былі Расія, Літва, Індыя, Кітай. З 2011 г. да іх можна дадаць Арменію.

Ключавыя словы: *дагаворна-прававая база, двухбаковыя культурныя сувязі, культурнае супрацоўніцтва, знешняя культурная палітыка.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 33–42)

Bilateral Cultural Relations of the Republic of Belarus: Contractual Base Formation (1991–2017)

Kryvashei D.A.

Institute of History, National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

One of the most enduring and productive kinds of cultural cooperation is the bilateral ties. The consolidation of bilateral relations through signing agreements of various kinds both at the highest level as well as between individual departments, regional authorities has become a tradition in most countries.

The purpose of the study is to generalize the experience of the formation of contractual framework of bilateral cultural cooperation between Belarus and to determine the main trends of its development, directions and partner countries.

Material and method. Collection, compilation, and analysis of information on bilateral international instruments used in the field of cultural relations. To determine the main partner countries, geographical areas and development trends of bilateral contractual framework, statistical methods, systematization, and comparison of the principles of historicism, historical, genetic and historical-typological approach have been used.

Findings and their discussion. The geography of partner countries in the period of 1991–1996 clearly indicates a multi-vector foreign cultural policy of the Republic of Belarus. During this time frame, Belarus concluded agreements with almost all neighboring countries, except for Latvia. Work was being done on the conclusion of agreements with CIS countries. The legal foundation of the relations with certain countries in Europe and Asia was laid.

The period from the second half of the 1990s to 2001 was the time of alienating some countries, primarily in Central and Western Europe. The gradual change in the geography of the new partners was visible. The legal base with Russia enlarged. Steps to establishing the cultural cooperation with Asian countries were made.

During the period between 2002 and 2012, two phases of revival of connections with Europe were seen (2002–2005, 2009–2011). At that time, the practice of concluding interdepartmental agreements with the CIS countries (Turkmenistan, Tajikistan) continued after a considerable hiatus. Relations with the countries of other continents expanded.

In 2013–2017, the dynamics of bilateral agreements indicate the activation of the Asian vector of cultural contacts of Belarus and the considerable growth (after a break in 2002–2014) of the contractual framework with the entities of the Russian Federation.

Conclusion. The impact of both internal and foreign policy factors on the dynamics and geography of signing bilateral legal documents in the field of cultural cooperation is visible.

Belarus managed to establish a regular cooperation only with certain countries on the base of specific programs and plans. During the entire study period, those countries were: Lithuania, India, Russia, China and Armenia (since 2011).

Key words: legal base, bilateral cultural relations, cultural cooperation, foreign cultural policy.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 33–42)

Выхад адноўленай незалежнай Рэспублікі Беларусь на міжнародную арэну патрабаваў самастойнай пабудовы міжнародных стасункаў, пошуку эфектыўных форм прэзентацыі краіны за мяжой. Адным з найбольш трывалых і плённых відаў культурнага супрацоўніцтва з’яўляюцца двухбаковыя сувязі. У большасці краін стала традыцыяй замацоўваць двухбаковыя адносіны шляхам падпісання рознага кшталту пагадненняў як на самым высокім узроўні, так і паміж асобнымі ведамствамі, рэгіянальнымі органамі ўлады.

Мэта артыкула — абагульненне вопыту фарміравання дагаворнай базы двухбаковага культурнага супрацоўніцтва Беларусі і вызначэнне асноўных тэндэнцый яе развіцця, напрамкаў і краін-партнёраў.

Матэрыял і метады. Канкрэтнымі міжнароднымі прававымі крыніцамі культурных сувязей Рэспублікі Беларусь з іншымі дзяржавамі з’яўляліся дагаворы аб дружбе, супрацоўніцтве і ўзаемадапамозе, міжурадавыя пагадненні аб культурным супрацоўніцтве; міжведамасныя пагадненні па асобным пытанням культурнага супрацоўніцтва; канкрэтныя міжурадавыя і міжведамасныя планы і праграмы культурных сувязей Рэспублікі Беларусь.

У дадзеным артыкуле мы абагульнілі звесткі аб наяўнай базе двухбаковых нарматыўных прававых актаў, рабочых праграм і пратаколаў у галіне культурнага супрацоўніцтва. Затым з вы-

карыстаннем статыстычных метадаў, а таксама метадаў сістэматызацыі і параўнання мы паспрабавалі вызначыць асноўныя краіны-партнёры, геаграфічныя напрамкі і тэндэнцыі развіцця двухбаковай дагаворнай базы. Пры аналізе таксама выкарыстаны прынцып гістарызму, гісторыка-генетычны і гісторыка-тыпалагічны падыходы.

Вынікі і іх абмеркаванне. Ужо ў Законе “Аб культуры” (ліпень 1991 г.) асобны раздзел (XIII, арт. 49) быў прысвечаны знешнім культурным сувязям. У ім адзначалася, што Рэспубліцы Беларусь належыць выключнае права ўстанаўліваць і развіваць знешнія культурныя сувязі, заключаць міжнародныя дамовы і пагадненні ў галіне культуры, здзяйсняць узаемны абмен дасягненнямі культуры. Прадпрыемствы, установы і арганізацыі культуры, грамадскія аб’яднанні, творчыя саюзы атрымалі права самастойна заключаць дамовы (кантракты) з замежнымі юрыдычнымі і фізічнымі асобамі на любыя формы супрацоўніцтва ў сферы культуры.

З паступовым фарміраваннем самастойнай знешняй палітыкі паўстала задача ўдасканалення сістэмы сувязей з замежнымі краінамі ў галіне культуры. У снежні 1991 г. Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь накіравала ў Савет Міністраў прапановы па гэтым пытанні [1]. Зыходзячы з таго, што наданне рэспубліцы права самастойнага здзяйснення культурных сувязей з замежнымі краінамі, дэмакратызацыя і дэцэнтралізацыя культурных сувязей, увядзенне ме-

ханізму прамой знешнепалітычнай дзейнасці ў сферы культуры радыкальна змянілі сітуацыю, Міністэрства культуры звяртала ўвагу на тое, што магчымасць удзелу ў міжнародных абменах недастаткова выкарыстоўвалася з-за адсутнасці ўласнай канцэпцыі замежных культурных сувязей. Такая канцэпцыя павінна была мець распрацаваную сістэму нацыянальных прыярытэтаў, якія ўлічвалі б ужо існуючыя сувязі з суседнімі дзяржавамі і рэгіёнамі, замежнымі зямляцтвамі.

Вялікая роля надавалася культурнаму ўзаемадзеянню са славянскімі краінамі. Неабходна адзначыць, што наша рэспубліка, калі яшчэ знаходзілася ў складзе СССР, на ўзроўні Міністэрства культуры заключыла дагаворы аб прамым культурным супрацоўніцтве з Польшчай, Славеніяй, Славакіяй.

Другім напрамкам бачылася ўстанаўленне прамых культурных кантактаў з краінамі Бенілюксу, Германіяй, Вялікабрытаніяй, Францыяй, Скандынаўскімі краінамі.

Новай дамінантай культурнай палітыкі рэспублікі павінны былі стаць узаемаадносіны з беларускім зямляцтвам за мяжою. Прапаноўвалася гэтыя пытанні выносіць на абмеркаванне пры правядзенні перамоў з ЗША, Канадай, Аўстраліяй, Аргенцінай і інш.

У наступныя гады работа над канцэпцыяй знешняй палітыкі Беларусі ў галіне культуры працягвалася. Першая спроба яе прыняцця як асобнага дакумента была ў кастрычніку 1995 г. на калегіі Міністэрства культуры і друку. У ім у якасці прыярытэтных краін для культурнага супрацоўніцтва былі вызначаны Расія, Украіна, Літва, Польшча, Латвія, ФРГ, Францыя, Вялікабрытанія, Славакія, Малдова, Эстонія, Чэхія, Славенія, Румынія, Балгарыя, Турцыя, КНР і ЗША [2]. Але дакумент так і не быў зацверджаны. У хуткім часе змяніліся і знешнепалітычныя ўмовы.

За развіццё міжнародных культурных кантактаў у абазначаны перыяд адказвала Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь, якое рэалізоўвала задачы знешняй культурнай палітыкі ва ўзаемадзеянні з Міністэрствам замежных спраў, дыпламатычнымі прадстаўніцтвамі, дзяржаўнымі і грамадскімі арганізацыямі розных узроўняў.

У сувязі з павелічэннем аб'ёму міжнародных сувязей Міністэрства культуры і ўстаноў, што яму падпарадкоўваліся, неабходнасцю распрацоўкі і своечасовага прыняцця рашэнняў па пытаннях міжнароднага супрацоўніцтва ў галіне культуры ў пачатку 1993 г. быў створаны Савет па міжнароднай дзейнасці Міністэрства культуры [3].

Першыя міжурадавыя пагадненні, у якіх з'яўляліся і пытанні супрацоўніцтва ў сферы культуры, былі заключаны ў 1992 г. з Кітаем і Польшчай. Найбольшай плённасцю характарызаваўся 1995 г., калі было заключана сем толькі міжурадавых пагадненняў і дэкларацый. Геаграфія краін-партнёраў яскрава сведчыць аб шматвектарнасці знешняй культурнай палітыкі Рэспублікі Беларусь у гэты перыяд. Побач з краінамі-суседкамі (Польшча, Літва, Украіна, Расія) прысутнічалі такія краіны Еўропы, як Балгарыя, Румынія, Вялікабрытанія, Югаславія, Славакія і Італія, краіны СНД (Малдова, Казахстан, Азербайджан, Узбекістан і Таджыкістан), а таксама азіяцкія краіны (Кітай, Індыя, Іран, Турцыя).

Яшчэ ў рамках СССР 5 лютага 1989 г. у г. Мінску было заключана міжведамаснае пагадненне з Літвой на трохгадовы тэрмін з працягам. Перазаклучэнне адбылося ў 1993 г. Артыкулам 12 гэтага пагаднення прадугледжваліся штогадовая падрыхтоўка і зацвярджэнне праграм канкрэтнага супрацоўніцтва, умовы арганізацыі і фінансавання [4]. У далейшым падобныя праграмы заключаліся на два гады.

Двухбаковыя пагадненні заключалі і асобныя рэгіёны. Напрыклад, у 1992 г. Мінск і Лодзь падпісалі пагадненне аб супрацоўніцтве, у якім увага была нададзена і культурнаму напрамку [5, с. 96]. У сакавіку 1996 г. Гродзенскі аблвыканкам і адзел культуры, спорту і турызму ваяводскай управы ў Беластоку падпісалі пагадненне аб культурным супрацоўніцтве на 1996–1998 гг. [6, с. 214].

Другая палова 1990-х гг. стала перыядам ахаладжэння двухбаковых адносін з шэрагам краін, у першую чаргу Цэнтральнай і Заходняй Еўропы. Амаль праз год пасля праведзенага ў лістападзе 1996 г. у Беларусі рэферэндуму Рада міністраў замежных спраў Еўрапейскага саюза разгледзела сітуацыю ў краіне і прыняла рашэнне аб мінімізацыі афіцыйных кантактаў. Савет Еўропы адклікаў у Беларусі статус “спецыяльнага гасця”.

У той жа час інтэграцыя з Расіяй, што распачалася ў 1996 г., прывяла да значнага павелічэння ў 1996–2001 гг. дагаворна-прававой базы з гэтай краінай. Пры гэтым развівалася супрацоўніцтва з рэгіёнамі. Былі заключаны міжведамасныя пагадненні з Мурманскай, Калінінградскай і Саратаўскай абласцямі, Краснадарскім краем, міжведамасны пратакол з адміністрацыяй Санкт-Пецярбурга. Міжведамасны пратакол быў заключаны і з аўтаномнай Рэспублікай Крым (Украіна). У гэты час былі заключаны міжурадавыя пагадненні з Сірыяй і Ізраілем (табл.).

Дынаміка заключэння Рэспублікай Беларусь двухбаковых міжнародных прававых актаў, якія рэгулявалі адносіны ў галіне культуры (1991–2017 гг.) [10–12]

	Пагадненні, дэкларацыі		Міжведамасныя пратаколы	Праграмы, планы
	Міжурадавыя	Міжведамасныя		
1991	Славенія (03.06.)	Эстонія (дэкларацыя, 13.12.)		
1992	Кітай (25.11.) Польшча (18.11.)	Мары Эл (Расія, 09., на 1992–1993)		Польшча (на 2 гады)
1993	Індыя (14.05.) Балгарыя (19.10.)	Літва (05.02.) Украіна (10.02.)		Літва (05.02., на 2 гады)
1994	Германія (03.03., не ўступіла ў сілу, аднак прымянялася з дня падпісання) Узбекістан (міждзярж., 22.12.)		Славакія (12.05., на 1994–1995)	
1995	Расія (21.01.) Польшча (25.03.; 27.11.) Румынія (07.05.) Іран (14.07.) Вялікабрытанія (25.07.) Турцыя (08.08.)	Малдова (11.09.)	Кітай (14.12., на 3 гады) Польшча (03., на 1995–1996)	
1996	Казахстан (17.01.) Югаславія (06.09.) Таджыкістан (15.05., не ўступіла ў сілу)	Азербайджан (06.03.) Расія (Калінінградская вобл., 02.10.)	Расія (кіно, 19.04., на 2 гады) Расія (Масква, 14.10., на 3 гады)	Італія (міжурад. рабочая праграма на 4 гады, 27.09.)
1997		Польшча (06.03., на 4 гады) Куба (15.09.)	Расія (28.01., на 1 год) Польшча (06.03., на 1 год) Расія (Адміністрацыя Санкт-Пецярбурга, 16.05., на 2 гады)	План сумесных мерапрыемстваў у рамках Садружнасці Беларусі і Расіі (28.01., на 1 год) Украіна (міжвед., 12.05., на 2 гады)
1998	Сірыя (11.03.)	Расія (Мурманская вобл., 28.09., на 3 гады)	Кітай (на 3 гады) Расія (10.02., на 1 год)	Індыя (міжурад., на 3 гады)
1999		Казахстан (04.11.) Расія (Краснадарскі край, 17.03., на 2 гады) Расія (Саратаўская вобл., 15.04., на 5 гадоў)	Украіна (Рэспубліка Крым, 18.02., на 5 гадоў)	

2000	Ізраіль (11.04., ратыфікавана Беларусь 07.05.2007 г.)			Україна (міжвед., 08.07., на 3 гады) Турцыя (міжурад., 15.11., на 3 гады)
2001		Расія (Мурманская вобл., 28.03., на 3 гады) Расія (Краснадарскі край, 13.08., на 4 гады) Малдова (28.08.) Літва (22.11.)	Кітай (24.04., на 3 гады) Расія (13.12., на 1 год)	Індыя (міжурад., 15.11., на 4 гады) Літва (22.11., на 2 гады)
2002	Курская вобл. (Расія, 25.01.)	Латвія (18.04., на 3 гады)		
2003		Арменія (17.10.)	Україна (16.06.) Расія (21.01., на 1 год) Кітай (28.11., на 3 гады)	
2004	Егіпет (24.06.) Іран (10.09.)	Ліван (07.06.) Эстонія (24.08.) Польшча (09.12., на 2 гады)	Балгарыя (27.07., на 2 гады) Расія (на 1 год)	
2005		Славакія (18.10.)		Літва (28.09., на 2 гады)
2006	Паўднёва-Афры- канская Рэспубліка (28.08.)		Сірыя (13.04., на 3 гады) Расія (24.01., на 1 год)	
2007	Паўднёвая Карэя (05.11.) Венесуэла (міждзярж., 08.12.)	В'етнам (21.12.)	Кітай (05.11., на 3 гады) Турцыя (18.04.) Расія (г. Масква, 02.04.)	Індыя (міжурад., 16.04., на 3 гады) Літва (04.10., на 2 гады)
2008			Расія (12.07., на 2 гады) Кыргызстан (11.10., на 4 гады)	Расія (г. Масква, 15.01., на 2 гады) Арменія (20.05., на 3 гады)
2009	Катар (13.04., на 5 г. з праланг.) Венгрыя (14.05., бестэрмін.) Расія (аб культ.-інф. цэнтрах, 10.12., на 5 г. з праланг.)	Літва (ахова спадч., 12.09., на 5 г. з праланг.) Туркменістан (19.06., на 5 г. з пра- ланг.)		

2010	Україна (29.04.) Францыя (20.01., на 5 г. з праланг.)			Літва (09.03., на 2010–2011) Сірыя (28.04.) Україна (29.04., на 2010–2013) Расія (29.11., на 2011–2012) Расія (г. Масква, на 2 гады)
2011	Італія (10.06., бестэрм.)	Таджыкістан (27.10., на 5 г. з праланг.)		Арменія (19.05., на 2011–2013)
2012				Польшча (19.11., на 2012–2014) Сербія (28.10., на 2012–2017)
2013	Азербайджан (бараць- ба з крадзяжамі культ. кашт., 28.08., на 5 г. з праланг.)			Індыя (міжурад., 17.10., на 2014–2016) Латвія (на 2013–2015)
2014		Кітай (мемарандум, 27.09.) Шры-Ланка (08.09., на 5 г. з праланг.) Расія (Свярдлоўская вобл., 06.10.)		Арменія (17.10., на 2014–2017) Туркменістан (міжурад., 08.10., на 2015–2016 з планам) Катар (міжурад., 18.07., на 2011–2013) В’етнам (03.11., на 2014–2016) Курская вобл. (Расія, міжурад., на 2015–2016)
2015	Расія (Архангельская вобл., 07.04., на 5 г. з праланг.) Расія (Яраслаўская вобл., 19.11., бестэрм.) Расія (18.09., Белгород- ская вобл., Сахалінская вобл., Цюменская вобл., Камчацкі край, на 5 г. з праланг.; Пензенская вобл., бестэрм.) Расія (17.09. Уладзімір- ская вобл., на 5 г. з праланг.) Кітай (аб культурных цэнтрах, 10.05., на 5 г. з праланг.) Аўстралія (мемарандум, 24.02., на 5 г. з праланг.)			

2016	ЗША (ахова і захаванне некаторых культ. каштоўнасцей; 21.09., бестэрм.) Расія (Іркуцкая вобласць, 06.12., на 5 г. з праланг.) Расія (08.06., Пермскі край, Томская вобл. – бестэрм.; Хакасія, на 5 г. з праланг.) Расія (Арлоўская вобл., 24.03., на 5 г. з праланг.)	ААЭ (мемарандум, 16.12., на 3 гады з праланг.)		Туркменістан (міжурад., 11.05., на 2017–2020) Венгрыя (29.09., на 5 г. з праланг.) Літва (29.04., на 2016–2018) Латвія (10.06., на 2016–2018)
2017	Расія (Тамбоўская вобл., 25.10., на 5 г. з праланг.) Расія (Чувашская Рэспубліка, 28.08., на 5 г. з праланг.) Расія (29.06., Пскоўская вобласць, Разанская вобласць, Чачэнская Рэспубліка, на 5 г. з праланг.; Мардовія – бестэрм.) Расія (Стаўрапольскі край, 16.03., бестэрм.) Расія (Кастрамская вобласць, 07.02., на 5 г. з праланг.)	Грузія (16.11., на 5 г. з праланг.) Кітай (31.05., на 5 г. з праланг.) Куба (12.04., на 5 г. з праланг.) Македонія (мемарандум, 23.03., на 5 г. з праланг.) Манголія (06.02., на 5 г. з праланг.) Егіпет (мемарандум, 15.01., на 5 г. з праланг.) Казахстан (мемарандум, 29.11.)	Туркменістан (міжурад., 30.03., на 2017–2020)	Індыя (міжурад., 12.09., на 2018–2020) Украіна (21.07., на 2017–2021) Малдова (міжурад., чэрвень, на 2017–2019) В’етнам (на 2017–2019)

У аналітычнай запісцы ў адрас Адміністрацыі прэзідэнта Рэспублікі Беларусь у чэрвені 1998 г. адзначалася, што “Міністэрства культуры пры здзяйсненні культурных кантактаў з замежнымі краінамі арыентуецца на шматвектарнасць знешнепалітычнай дактрыны дзяржавы і прынцыпы прыярытэтнасці ў выбары партнёраў”. Такімі прыярытэтамі называліся: “Расійская Федэрацыя (Камітэт Расійскай Федэрацыі па кінематаграфіі, Міністэрства культуры, суб’екты і рэгіёны Расійскай Федэрацыі як самастойныя дзелавыя партнёры); дзяржавы СНД; краіны-суседзі (за выключэннем вышэйзгаданых); Кітай, Індыя, Карэя, Японія; Германія, Францыя, Англія, Італія і іншыя еўрапейскія дзяржавы; Куба і іншыя лацінаамерыканскія краіны; ЗША і іншыя дзяржавы Паўночнай Амерыкі” [7, арк. 15–16]. Міністэрства культуры падкрэслівала, што пры распрацоўцы і заключэнні пагаднен-

няў міждзяржаўнага, міжурадавага і міжведамаснага ўзроўня “мы сыходзім не з колькасных паказчыкаў падпісання міжнародных дакументаў па прынцыпе «чым болей, тым лепей». Асноватворным фактарам тут выступае захаванне знешнепалітычных інтарэсаў Рэспублікі Беларусь, магчымасць выхаду на рынак культурных паслуг той ці другой краіны, багацце і асабліва-сці культурных традыцый і шмат іншых фактараў” [7, арк. 20]. Як паказала практыка, менавіта “іншыя фактары” адыгрывалі істотную ролю ў дынаміцы асобных вектараў знешняй культурнай палітыкі нашай дзяржавы.

У ліпені 1998 г. у выніку канфлікту, звязанага з прымусовым высяленнем паслоў 22 краін з рэзідэнцый у Драздах, краіны ЕС уводзяць першыя ў гісторыі візавыя абмежаванні для беларускага ўрада. Гэты пакет санкцый пратрымаўся менш за год (9.07.1998 – люты 1999).

Палітычная сітуацыя адбілася і на культурных сувязях. Шэраг еўрапейскіх краін пачалі прытрымлівацца палітыкі “крытычнага дыялогу” ў дачыненні да Беларусі. У выніку была прыпыненая распрацоўка шэрага міжнародных пагадненняў і рабочых дакументаў планавага характару. Напрыклад, у 1999 г. была прыпыненая распрацоўка міжведамаснага пратакола Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь і Міністэрства культуры і нацыянальнай спадчыны Рэспублікі Польшча аб супрацоўніцтве. Пратакол аб супрацоўніцтве з Польшчай (1997 г.) стаў адным з апошніх міжнародных пагадненняў, заключаных Рэспублікай Беларусь з дзяржавамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы. Міністэрства культуры неаднаразова звярталася да адпаведных структур еўрапейскіх дзяржаў з прапановамі аб далейшай распрацоўцы міжведамасных пагадненняў. Аднак па прычынах палітычнага характару з боку замежных партнёраў гэтыя звароты не атрымалі належнага адказу [8, с. 54].

Еўрапейскі вектар у дагаворнай базе зноў стаў пераважаць у 2002–2005 гг. У 2002 г. было падпісана міжведамаснае пагадненне з Латвіяй (2002). У 2004 г. міністр культуры Рэспублікі Беларусь Л.П. Гуляка наведаў з рабочым візітам Эстонію для падпісання міжведамаснага пагаднення з Міністэрствам культуры Эстонскай Рэспублікі. У снежні таго ж года была адноўлена практыка заключэння міжведамасных пагадненняў з Польшчай. Папярэдні дакумент быў заключаны ў 1997 г. і быў разлічаны на тэрмін па 2000 г. уключна. Новае пагадненне было падпісана на два гады. Па словах Леаніда Гулякі, гэтым дакументам Міністэрства культуры “завяршыла фарміраванне своеасаблівага «пояса добрасуседства» з усімі сумежнымі дзяржавамі” [9, арк. 40]. У кастрычніку 2005 г. падобнае пагадненне было падпісана са Славакіяй. Працягваліся рабочыя кантакты з Літвой. Міжведамасны пратакол быў падпісаны з Балгарыяй (2004 г.).

Новы раўнд у фарміраванні дагаворнай базы з краінамі Еўропы прыпадае на 2009–2011 гг. У 2009 г. былі заключаны міжурадавыя пагадненні аб супрацоўніцтве з Венгрыяй, у 2010 г. – з Францыяй, у 2011 г. – з Італіяй. Толькі ў 2010 г. міністр культуры П. Латушка правёў перамовы з міністрамі культуры Літвы, Польшчы, Сербіі, Чэхіі, Латвіі, главамі дыпламатычных прадстаўніцтваў Італіі, Чэхіі, Славакіі, Грузіі, Украіны. Праграмы і планы двухбаковых кантактаў былі падпісаны з Літвой, Украінай, Расіяй, Арменіяй, Польшчай і Сербіяй.

У гэтыя ж гады Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь пасля значнага перапынку вярнулася да пытання пашырэння дагаворнай базы з краінамі СНД. Міжведамасныя пагадненні былі заключаны з Туркменістанам (2009 г.) і Таджыкістанам (2011 г., пагадненне 1996 г. не ўступіла ў сілу). Адзначым, што Кыргызстан заставаўся адзінай краінай-удзельніцай СНД, з якой да канца 2017 г. не было заключана ніякіх двухбаковых прававых актаў, якія б тычыліся культурнага супрацоўніцтва.

Працягваліся пошук і наладжванне стасункаў з краінамі Лацінскай Амерыкі, Азіі, Афрыкі. Відавочная пераарыентацыя на іх адбылася ў 2004 г., калі былі заключаны міжурадавыя пагадненні з Егіптам і Іранам, міжведамаснае пагадненне з Ліванам. Да гэтага за 1996–2003 гг. не было падпісана ніводнага новага міжнароднага двухбаковага пагаднення з краінамі з гэтых рэгіёнаў. У 2006–2007 гг. міжурадавыя пагадненні былі заключаны з Паўднёва-Афрыканскай Рэспублікай, Паўднёвай Карэяй, Венесуэлай, міжведамаснае пагадненне з В’етнамам і Ліванам, у 2010 г. – з Катарам.

У 2014–2017 гг. культурныя кантакты на ўзроўні падпісання афіцыйных двухбаковых прававых дакументаў наладжваюцца з такімі геаграфічна аддаленымі краінамі, як Аўстралія, Інданезія, Пакістан, ААЭ, Манголія. У 2016 г. міжурадавае пагадненне аб ахове і захаванні некаторых культурных каштоўнасцей было заключана з ЗША. У 2017 г. упершыню было заключана міжведамаснае пагадненне аб культурным супрацоўніцтве з такімі краінамі Еўропы, як Грузія і Македонія. У 2015–2017 гг. хуткімі тэмпамі расце колькасць заключаных двухбаковых пагадненняў з рэгіёнамі Расіі (2015 г. – 8 рэгіёнаў; 2016 г. – 5; 2017 г. – 8).

Нягледзячы на істотную колькасць заключаных міжурадавых і міжведамасных пагадненняў і дэкларацый, якія тычыліся культурнага супрацоўніцтва, толькі з асобнымі краінамі Беларусь здолела наладзіць рэгулярнае супрацоўніцтва на аснове канкрэтных праграм і планаў. На працягу ўсяго абазначанага перыяду гэта былі Літва, Індыя, Расія, Кітай. З 2011 г. да іх можна дадаць Арменію.

Заклучаныя пагадненні прадстаўлялі магчымасці для шырокага супрацоўніцтва ў сферы культуры. Напрыклад, Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Італьянскай Рэспублікі аб супрацоўніцтве ў галіне культуры, заключанае 10 чэрвеня 2011 г., вызначала разнастайныя формы супрацоўніцтва [13]. Сярод іх: організа-

цыя мерапрыемстваў у галіне культуры і мастацтва; спрыянне прамым кантактам паміж установамі, арганізацыямі і асацыяцыямі, творчымі саюзамі, абмену спецыялістамі, выканаўцамі і творчымі калектывамі, узаемнаму ўдзелу ў міжнародных творчых конкурсах і фестывалях; садзейнічанне арганізацыі гастроляў і выступленняў тэатральных груп і асобных артыстаў, правядзенню музейных выставак; абмен інфармацыяй, рэкламнымі матэрыяламі і публікацыямі ў сферы культуры; пераклад літаратурных твораў, а таксама навуковых прац у галіне культуры.

Асобнымі артыкуламі пагаднення прадугледжвалася: а) заахвочванне супрацоўніцтва ў галіне папулярызацыі, вывучэння, захавання, аховы і рэстаўрацыі гістарычнай і культурнай спадчыны; б) развіццё супрацоўніцтва па процідзеянню незаконнаму абароту культурных каштоўнасцей; в) умацаванне двухбаковага супрацоўніцтва ў галіне абароны аўтарскіх і сумежных правоў у сферы культуры; г) садзейнічанне ў дзейнасці на тэрыторыі сваёй краіны культурных устаноў другога боку: італьянскіх інстытутаў культуры ў Рэспубліцы Беларусь і беларускіх культурных цэнтраў у Італьянскай Рэспубліцы; д) спрыянне дзейнасці на тэрыторыі сваіх дзяржаў асацыяцый культуры дзяржавы другога боку, у тым ліку камітэтаў Таварыства імя Дантэ Аліг’еры; е) стварэнне сумеснай беларуска-італьянскай камісіі па супрацоўніцтве ў галіне культуры.

Кожная з краін выказала намер спрыяць атрымання доступу спецыялістаў да адпаведных устаноў культуры і навукі, архіваў, музеяў, бібліятэк. Асаблівая ўвага ў пагадненні была звернута на спрыянне супрацоўніцтву паміж краінамі ў мэтах рэалізацыі палажэнняў Канвенцыі ЮНЕСКА аб ахове нематэрыяльнай культурнай спадчыны ад 17 кастрычніка 2003 года, Канвенцыі ЮНЕСКА аб ахове сусветнай культурнай і прыроднай спадчыны ад 16 лістапада 1972 года, Канвенцыі ЮНЕСКА аб ахове і заахвочванні разнастайнасці форм культурнага самавыяўлення ад 20 кастрычніка 2005 года, Канвенцыі аб захарах, накіраваных на забарону і папярэджванне незаконнага ўвозу, вывазу і перадачы права ўласнасці на культурныя каштоўнасці ад 14 лістапада 1970 года.

З улікам мэтазгоднасці актывізацыі двухбаковага супрацоўніцтва ў рамках праграм ЮНЕСКА, Еўрапейскага саюза, Савета Еўропы, Цэнтральна-Еўрапейскай ініцыятывы і іншых міжнародных інстытутаў урады абедзвюх краін узялі на сябе абавязацельствы па пошуку і спрыянню сумеснаму ўдзелу ў гэтых праграмах.

Але нельга лічыць, што падпісанае пагадненне стала нейкім “ключом” да актывізацыі кантактаў. Яго наяўнасць хутчэй з’яўлялася дэманстрацыяй палітычных намераў. Неабходна таксама ўлічваць, што не з усімі краінамі падобная практыка была магчымай па прычыне іншай культуры. Напрыклад, Пасол Японіі ў Беларусі Сігэхіра Міморы, які адпрацаваў у Беларусі з 2012 па 2016 г., на пытанне, што было самым складаным за час працы ў Беларусі, адказаў: “Асноўная складанасць у маёй працы заключалася ў тым, што ў беларусаў і японцаў некалькі розных падыходы да арганізацыі і вядзення спраў. Мы ў Японіі пачынаем з малога і невялікімі крокамі паступова прасоўваемся наперад да пастаўленай мэты, а ў вас у Беларусі імкнучца пачаць адразу з нечага вялікага і значнага. Японцы ставяць на мэце спачатку набіраць практычны вопыт паспяховых дзелавых праектаў і потым на падставе дасягнутага будаваць больш глыбокія адносіны. У Беларусі вельмі часта ўсё адбываецца наадварот – спачатку заключаюцца пагадненні на высокім узроўні і толькі потым у рамках гэтых пагадненняў пачынаюцца нейкія крокі і практычныя дзеянні”. Менавіта такі розны падыход перашкаджаў супрацоўніцтву. Пасол адзначаў: “За час сваёй працы ў Беларусі я неаднаразова сутыкаўся з такімі сітуацыямі ў самых розных абласцях супрацоўніцтва. У сувязі з гэтым мне як главе дыпламатычнага прадстаўніцтва Японіі ў Беларусі і пасярэдніку паміж японскім і беларускім бокам было дастаткова складана знаходзіць рашэнні, якія б задавальнялі пажаданні абодвух бакоў” [14, с. 38].

Як паказвае практыка, адсутнасць падпісаных пагадненняў, пратаколаў, планаў, праграм і да т.п. не перашкаджала дастаткова плённаму і рэгулярнаму культурнаму супрацоўніцтву. Але гэта тэма асобнага даследавання.

Заклучэнне. На канец 2017 г. Рэспубліка Беларусь мела звыш за 90 двухбаковых міжнародных прававых актаў, якія рэгулявалі адносіны ў галіне культуры. З асобнымі краінамі было заключана некалькі дакументаў. Пагадненні былі падпісаны з усімі краінамі-суседкамі, амаль з усімі краінамі СНД (за выключэннем Кыргызстана) і Грузіяй. Міжурадавыя або міжведамасныя пагадненні і дэкларацыі былі таксама заключаны з 11 краінамі Еўропы (без уліку краін-суседак і краін СНД), 16 краінамі Азіі, дзвюма краінамі Афрыкі і дзвюма краінамі Лацінскай Амерыкі. Асобныя пагадненні былі заключаны з ЗША і Аўстраліяй. Заўважаецца значная скіраванасць на рэгіёны Расійскай Федэрацыі. На іх прыпадае звыш за 30% усіх пагаднен-

няў (дэкларацый). Прычым большасць з іх была падпісана ў 2015–2017 гг. (21 з 29).

На дынаміку і геаграфію заключэння двухбаковых прававых дакументаў у сферы культурнага супрацоўніцтва аказвалі ўплыў як унутры-, так і знешнепалітычныя фактары.

Геаграфія краін-партнёраў у перыяд 1991–1996 гг. яскрава сведчыць аб шматвектарнасці знешняй культурнай палітыкі Рэспублікі Беларусь. Адметным з’яўляецца факт заключэння першых міжурадавых дакументаў аб культурным супрацоўніцтве з такімі блізкімі па культуры краінамі, як Польшча і Балгарыя, і такімі геаграфічна і культурна далёкімі, як Кітай і Індыя. У гэтыя гады Беларусь заключыла пагадненні з амаль усімі краінамі-суседкамі, акрамя Латвіі. Актыўнай была дзейнасць па заключэнні пагадненняў з краінамі СНД.

Другая палова 1990-х гг. – 2001 г. сталі перыядам ахаладжэння двухбаковых адносін з шэрагам краін, у першую чаргу Цэнтральнай і Заходняй Еўропы. У абазначаны перыяд відавочна паступовая змена геаграфіі новых партнёраў. Інтэграцыя з Расіяй, што распачалася ў 1996 г., прывяла да значнага павелічэння ў 1996–2001 г. дагаворна-прававой базы з гэтай краінай, рабіліся крокі па наладжванні культурнага супрацоўніцтва з іншымі рэгіёнамі і краінамі.

У 2002–2012 гг. прасочваюцца дзве фазы ажыўлення з краінамі Еўропы (2002–2005; 2009–2011). Пасля значнага перапынку прадоўжылася практыка заключэння міжведамасных пагадненняў з краінамі СНД (Туркменістан, Таджыкістан). Пашыраліся стасункі з краінамі іншых кантынентаў.

Дынаміка заключэння двухбаковых дакументаў у 2013–2017 гг. сведчыць аб актывізацыі азіяцкага вектара культурных кантактаў Беларусі і значным росце (пасля перапынку ў 2002–2014 гг.) дагаворнай базы з суб’ектамі Расійскай Федэрацыі (21 пагадненне).

Аналіз дадзеных аб двухбаковых праграмах і планах дазваляе вылучыць краіны, з якімі сувязі на працягу ўсяго абазначанага перыяду мелі рэгулярны характар. Гэта Літва, Індыя, Расія, Кітай. З 2011 г. да іх можна дадаць Арменію.

Літаратура

1. Предложения о совершенствовании системы связей с зарубежными странами в области культуры. Письмо Министерства культуры Республики Беларусь в Совет Министров Республики Беларусь. Копия. 31.12.1991 г. //

- Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей НАРБ). – Фонд 974. – Воп. 1. – Спр. 2060. – Арк. 241–245.
2. Пратакол пасяджэння калегіі Міністэрства культуры і друку Рэспублікі Беларусь № 10 ад 25 кастрычніка 1995 г. Арыгінал // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 1. – Спр. 46. – Арк. 4–10.
3. Аб стварэнні Савета па міжнароднай дзейнасці Міністэрства культуры. Загад міністра культуры Рэспублікі Беларусь № 1 ад 06.01.1993 г. Арыгінал // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 1. – Арк. 1–2.
4. Праграма культурнага супрацоўніцтва і абмену паміж Міністэрствам культуры Рэспублікі Беларусь і Міністэрствам культуры і адукацыі Літоўскай Рэспублікі на 1993–94 гады. Копія // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 37. – Арк. 4–6.
5. Лазоркина, О. Сотрудничество городов как фактор укрепления белорусско-польского добрососедства / О. Лазоркина // Актуальныя пытанні беларуска-польскіх адносін: матэрыялы беларуска-польскага круглага стала / рэд.: В. Шадурыскі [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2012. – С. 94–99.
6. Пагадненні аб культурным супрацоўніцтве ўстановаў Гродзеншчыны і Польшчы (1991–1996 гг.) // Этнасацыяльныя і культурныя працэсы ў заходнім рэгіёне Беларусі: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук. канф., Гродна, 5–6 снеж. 1997 г. / пад рэд. І.П. Крэня. – Гродна: ГрДУ, 1998. – С. 213–215.
7. Информация о проведении Министерством культуры Республики Беларусь внешнеполитической пропаганды посредством международных культурных связей (1997–1998). Копия // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 217. – Арк. 15–49.
8. Шадурыскі, В.Г. Внешняя культурная политика Республики Беларусь: состояние и проблемы / В.Г. Шадурыскі // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 2. – С. 50–56.
9. Выступление министра культуры Республики Беларусь Л.П. Гуляко на итоговой коллегии Министерства культуры Республики Беларусь за 2004 год // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 1046. – Арк. 33–57.
10. Перечень международно-правовых актов Республики Беларусь, регулирующих отношения в области образования, культуры, искусства, средств массовой информации, спорта и туризма (по состоянию на 05.05.98). Копия // НАРБ. – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 220. – Арк. 111–113.
11. Пералік міжнародных дагавораў у галіне культуры (па стане на студзень 2002 г.) [Электронны рэсурс]. – 2002. – Рэжым доступу: http://library.by/portalus/modules/belarus/referat_readme.php?subaction=showfull&id=1096040150&archive=&start_from=&ucat=1&. – Дата доступу: 09.10.2018.
12. База данных “Эталон-онлайн”.
13. Пагадненне паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Італьянскай Рэспублікі аб супрацоўніцтве ў галіне культуры ад 10 чэрвеня 2011 г. Зацверджана пастановай Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь ад 23 снежня 2011 г. № 1727 “Аб зацвярджэнні Пагаднення паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Італьянскай Рэспублікі аб супрацоўніцтве ў галіне культуры” // Нац. рэестр прававых актаў Респ. Беларусь. – 2012. – № 1. – 5/34985.
14. Три вопроса на прощание. Экс-Временный Поверенный в делах, Посол Японии в Республике Беларусь Сигэхиро Мимори: “Надеюсь, что деревья сакуры приживутся в Минске” / Текст: Наталья Кривец // DipService. – 2016. – № 10. – С. 34–38.

Паступіў у рэдакцыю 11.12.2018 г.

Послевоенная репатриация советских граждан: деятельность органов государственной безопасности БССР в контексте государственной политики

Краско Г.Г.

*Государственное учреждение образования
«Институт национальной безопасности Республики Беларусь», Минск*

Научная актуальность проблемы, избранной для исследования, обусловлена тем, что многие вопросы истории органов государственной безопасности БССР продолжают оставаться малоизученными. Анализ различных элементов обстановки, в том числе связанных с репатриацией, выделение и характеристика отдельных ее особенностей, которые оказывали влияние на деятельность органов государственной безопасности БССР, содействуют дальнейшему научному изучению истории Беларуси в целом.

Цель статьи — исследовать влияние процесса репатриации на отдельные элементы обстановки в БССР, а также организацию и деятельность органов государственной безопасности.

Материал и методы. В основу работы положены принципы системности, объективности и историзма. Для достижения поставленной цели автор использовал общенаучные (анализ, обобщение, логический) и специальные исторические (генетический, ретроспективный и др.) методы.

Результаты и их обсуждение. Возвращение на родину советских граждан, оказавшихся в годы войны по различным причинам за пределами Советского Союза, являлось одной из важнейших политических задач. В свою очередь канал репатриации применялся спецслужбами иностранных государств для заброски в СССР своей агентуры. Это обстоятельство обусловило организацию контрразведывательного сопровождения процесса репатриации силами органов государственной безопасности. На территории республики основная цель участия органов государственной безопасности БССР в репатриации заключалась в выявлении среди перемещаемых лиц агентов иностранных спецслужб, а также возвращавшихся в СССР изменников родины, предателей и пособников немецких оккупантов.

Заключение. В целом органы государственной безопасности БССР, осуществляя контрразведывательное сопровождение репатриации, решали свойственные им задачи по защите интересов государства.

Ключевые слова: репатриация, органы государственной безопасности, контрразведывательная деятельность, спецслужбы.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 43–48)

Post-War Repatriation of Soviet Citizens: Activities of the State Security Bodies of the BSSR in the Context of State Policy

Krasko H.H.

*State Educational Establishment
«Institute of National Security of the Republic of Belarus», Minsk*

Nowadays a lot of issues of the history of state security services of the BSSR are not studied enough. This explains the topicality of the research issue. Analysis of various elements of the situation, including those related to repatriation, the identification and description of its specific features that influenced the activities of the state security bodies of the BSSR, contribute to the further scientific study of the history of Belarus in general.

The purpose of the paper is to study the influence of the repatriation process on some elements of the situation in the BSSR as well as the organization and the activities of state security bodies.

Material and methods. *The research is based on the systemic principles, on the principles of objectivity and historicism. To reach the goal the author used general scientific methods (analysis, generalization, logical) and special historical methods (historical-genetic, retrospective etc.).*

Findings and their discussion. *One of the most important political tasks was to return Soviet citizens back to their homeland, those who during the war years stayed abroad for various reasons. At the same time, the repatriation channel was used by foreign secret services to introduce their agents into the USSR. This circumstance led to the organization of counterintelligence support of the repatriation process by the state security forces. On the territory of the Republic, the main purpose of the participation of the state security bodies of the BSSR in repatriation was identification of agents of foreign secret services, traitors who went back to the USSR as well as accomplices of the Nazi invaders.*

Conclusion. *In general, the state security bodies of the BSSR, by carrying out counter-intelligence support for repatriation, solved their current tasks of protecting national interests.*

Key words: *repatriation, state security bodies, counterintelligence activity, security services.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 43–48)

Научная актуальность проблемы, избранной для исследования, обусловлена отсутствием в отечественной и зарубежной историографии работ, посвященных участию органов государственной безопасности БССР в процессе репатриации советских граждан на родину, происходившей с августа-сентября 1944 г. Разработка обозначенного направлена на устранение существующих пробелов и будет содействовать дальнейшему углублению научного познания о новейшем периоде отечественной истории.

Цель статьи – исследовать проблему, связанную с участием органов государственной безопасности БССР в оперативном сопровождении репатриации – наиболее массового процесса перемещения граждан в новейшей истории Беларуси.

Материал и методы. Теоретико-методологической основой при написании работы выступили принципы объективности и историзма. Для достижения поставленной цели использовались общенаучные (анализ, синтез, обобщение, дедукция, логический) и специальные исторические (генетический, сравнительный, ретроспективный и др.) методы.

Результаты и их обсуждение. Анализ состояния научной разработки исследуемой проблемы показал, что в историческом плане она является малоизученной. В советской, белорусской и зарубежной историографии специализированных исследований по обозначенной тематике не осуществлялось. Отсутствие объективной информации приводило к появлению публикаций, искажающих историческую реальность, в первую очередь написанных иностранными авторами. В частности, в 1977 году английский историк Н.Д. Толстой в своей книге «Жертвы Ялты» бездоказательно утверждал о массовых репрессиях и расстрелах репатриантов в СССР [1]. В подоб-

ном ключе также писали и зарубежные историки М. Геллер и А. Некрич в работе «Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней» в 1986 году [2].

В отечественной историографии по проблемам репатриации необходимо выделить подготовленное авторским коллективом историко-аналитическое исследование «Белорусские оstarбайтеры» [3]. В нем на основании анализа документов Национального архива Республики Беларусь рассмотрены вопросы международно-правового регулирования возвращения освобожденных граждан на родину, формирования и функционирования республиканских репатриационных органов, осуществления репатриации перемещенных лиц в БССР и их материально-бытового и трудового устройства на местах. Внимания заслуживают и работы российских ученых. В частности, некоторые вопросы реэмиграции и репатриации, в том числе наших соотечественников, освещены в вышедших в 1990–2013 гг. публикациях В.Н. Земскова «К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы» [4], «Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.)» [5], «Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг.» [6]. Автор, основываясь на ранее недоступных широкой общественности архивных материалах Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, как представляется, объективно раскрывает различные аспекты противоречивого процесса возвращения на родину советских граждан, оказавшихся в плену или угнанных на принудительные работы.

Важнейшим источником при проведении исследования выступили материалы Национального архива Республики Беларусь. В частности, глубже изучить и установить причинно-следственные связи между явлениями и процессами,

происходившими в советском государстве, обществе и органах государственной безопасности, позволяют материалы фонда «Управление переселения и репатриации при Совете Министров БССР» (фонд 787). В нем в концентрированном виде отложились документы по вопросам организации на территории республики фильтрации, проверок и обустройства репатриантов, реэмигрантов, а также отдельные аспекты взаимодействия уполномоченных структур с органами государственной безопасности и внутренних дел [7–11].

По официальным данным, из Белорусской ССР в период оккупации были вывезены в Германию и другие страны Европы 399 374 человека [9, л. 82]. Одни оказались за пределами СССР в качестве военнопленных, другие были угнаны на работы в рейх, третьи покинули оккупированную территорию по собственному желанию в поисках лучшей жизни или выехали на Запад вместе с отступающими войсками вермахта. В обеспечении процесса их возвращения на родину принимали участие различные ведомства, в том числе органы государственной безопасности. Основная цель участия в репатриации органов государственной безопасности заключалась в выявлении среди перемещаемых лиц агентов иностранных спецслужб, а также изменников родины, предателей и пособников немецких оккупантов. Это было обусловлено тем, что репатриация с учетом массового характера происходивших перемещений использовалась спецслужбами иностранных государств в качестве основного канала заброски в СССР своей агентуры.

Коренной перелом в ходе Второй мировой войны, освобождение оккупированных территорий СССР позволили начать репатриацию советских граждан на родину в августе-сентябре 1944 года [12, с. 45]. Уполномоченный СНК СССР по делам репатриации советских граждан из Германии и оккупированных ею стран генерал-полковник Ф.И. Голиков отмечал, что репатриация миллионов советских людей, разбросанных по многим странам, – дело огромной сложности, которое не приходилось когда-либо решать ни одному государству [13, с. 39].

Организационные основы репатриации были заложены постановлением ГКО СССР от 24 августа 1944 г. № 6457сс «Об организации приема возвращающихся на родину советских граждан, насильственно уведенных немцами, а также по разным причинам оказавшихся за пограничной линией между СССР и Польшей». Из содержания этого документа вытекало, что политика совет-

ского руководства в данном вопросе предельно ясная: все эти советские граждане должны быть возвращены в СССР. В дальнейшем ГКО принял ряд иных постановлений, регулировавших порядок возвращения советских граждан. Значительная масса репатриантов проходила проверку во фронтовых и армейских лагерях, сборно-пересыльных пунктах Наркомата обороны и проверочно-фильтрационных пунктах НКВД, которые в БССР начали создаваться вдоль границ уже в августе 1944 г. [3, с. 172–173].

Один из четырех основных потоков репатриантов в СССР проходил с территории Польши и находился в районе г. Гродно (позже – в Брестской области), где располагался соответствующий проверочно-фильтрационный лагерь. В свою очередь наблюдение за репатриантами после их прибытия к месту постоянного жительства осуществлялось, как правило, территориальными подразделениями органов НКГБ–МГБ. С первых дней репатриации ключевой целью участия органов государственной безопасности БССР было выявление среди перемещенных лиц:

- военных преступников, сотрудничавших с оккупантами;
- сотрудников и агентов нацистских разведывательных, контрразведывательных, полицейских и карательных органов;
- участников вооруженных формирований, созданных немцами из числа советских граждан и эмигрантских антисоветских организаций;
- агентов иностранных спецслужб, завербованных в послевоенный период.

Кроме того, органы государственной безопасности БССР в рамках контрразведывательных опросов репатриантов и проведения других оперативных мероприятий в отношении этой категории граждан получали значительный объем информации, имеющей отношение к организации и тактике разведывательной и иной деятельности спецслужб иностранных государств на советском направлении. Различные попытки иностранных разведывательных и контрразведывательных органов использования репатриантов и их связей в своих целях фиксировались органами государственной безопасности БССР вплоть до 1970–1980-х гг.

Для приема возвращающихся на родину советских граждан, насильственно угнанных захватчиками с северо-западных территорий РСФСР, Прибалтийских республик, БССР, УССР и из других временно оккупированных областей, а также оказавшихся за пограничной линией СССР, 23 октя-

бря 1944 г. было утверждено Положение об Уполномоченном СНК СССР по делам репатриации. В иностранные государства для проведения работы по репатриации советских граждан были направлены группы представителей Уполномоченного СНК СССР по делам репатриации. Вдоль границ создавались проверочно-фильтрационные пункты НКВД. Специальные структуры были образованы и в местных органах власти. Так, в соответствии с постановлением ГКО от 24 августа 1944 г. в аппарате СНК БССР 29 августа был сформирован отдел по приему и трудоустройству советских граждан, возвратившихся из немецкого рабства, который начал работу с 5 сентября 1944 г. [9, л. 24]. Постановлением СНК БССР № 533/с от 29 августа 1944 г. предусматривалось создание к 10 сентября на территории республики находившихся в подчинении НКВД проверочно-фильтрационных пунктов с дислокацией в Бресте, Волковыске, Высоко-Литовске, Гродно, Пружанах [7, л. 7, 20].

Вопросы возвращения на родину советских граждан, освобожденных войсками США и Великобритании, а также возвращение военнопленных и гражданских лиц США и Великобритании, освобожденных Красной Армией, рассматривались также на Крымской конференции Глав Правительств СССР, США и Великобритании 11 февраля 1945 г., в результате которой было заключено соответствующее Соглашение. В последующее время советское правительство приняло ряд постановлений, касающихся установления порядка приема, размещения и хозяйственного устройства граждан СССР, репатрируемых из европейских государств. В частности, советское правительство 6 января 1945 г. приняло постановление № 30/12с об организации приема и устройства репатрируемых граждан СССР и о порядке репатриации союзных военнопленных и интернированных граждан, освобожденных Красной Армией. В соответствии с ним было вынесено постановление СНК БССР от 15 января 1945 г. № 34с «Об организации приема и устройства репатрируемых советских граждан». Ранее образованный отдел при СНК БССР по приему и устройству граждан, возвращавшихся из освобожденных Красной Армией территорий, реорганизовывался в отдел по делам репатриации граждан СССР. В каждой области Белорусской ССР были созданы приемно-распределительные пункты: в Барановичах, Бобруйске, Бресте, Витебске, Гомеле, Гродно, Могилеве, Мозыре, Молодечно, Пинске,

Полоцке (с пропускной способностью 300 человек) и Минске (на 500 человек). В их функции входили принятие граждан, возвращающихся из немецкой неволи, оказание нуждающимся материальной помощи, а также их трудоустройство. Поскольку через территорию БССР пролегал один из четырех основных потоков репатриантов, только в 1945 г. через приемно-распределительные пункты, расположенные на территории нашей республики, прошли 578 354 человека. На железнодорожных станциях Орша и Лунинец были открыты продовольственные пункты для питания транзитных репатриантов. В целях организованного приема, трудоустройства и учета возвратившегося и угнанного населения постановлением СНК БССР от 30 мая 1945 г. № 739 при каждом облисполкоме создавались областные отделы по делам репатриации. Также при исполкомах областных Советов депутатов трудящихся и райисполкомах создавались и действовали областные и районные комиссии по приему и благоустройству репатриированных советских граждан. Персональная ответственность за работу органов репатриации в БССР возлагалась на заместителя Председателя СНК К.В. Киселева, а в областях – на первых заместителей председателей исполкомов областных Советов депутатов трудящихся [9, л. 25–26, 44].

На территории республики контроль за процессом репатриации – делом государственной важности – осуществлял Представитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации граждан СССР по Белорусской ССР подполковник интендантской службы Алексеев [8, л. 4].

По мере продвижения Красной Армии в глубь территории Западной Европы поток репатриантов увеличивался, что обуславливало необходимость ускорения их проверки. Так, в директиве НКВД–НКГБ СССР, адресованной в феврале 1945 г. НКВД и НКГБ УССР, БССР, ЛССР, МССР, Главному управлению погранвойск НКВД СССР и Главному управлению НКВД СССР по охране тыла действующей Красной Армии, в частности, указывалось: «В связи с успешным наступлением Красной Армии ожидается наплыв на проверочно-фильтрационные пункты НКВД возвращаемых на Родину советских граждан, находившихся в немецком плену и на каторжных работах в Германии... Разрешаем производить упрощенную проверку в пятидневный срок в отношении стариков, старух и женщин с детьми, с немедленным направлением их к постоянному месту

жительства» [6, с. 258–259]. Однако на практике проведение проверок в такие сжатые сроки было невозможно осуществить, и их продолжительность затягивалась на 1–2 месяца.

На органы государственной безопасности и внутренних дел было возложено оперативное сопровождение репатриации, которое в послевоенный период было организовано в соответствии с приказом НКВД–НКГБ СССР от 16 июня 1945 г. «О порядке проверки и фильтрации по месту постоянного жительства возвратившихся на родину репатриированных советских граждан». Его положения регламентировали организационные основы работы двух силовых ведомств по данному направлению. В частности, из числа сотрудников органов государственной безопасности и внутренних дел на базе местных подразделений милиции создавались фильтрационные комиссии, которые в процессе работы выявляли среди репатриантов:

- агентов, обучавшихся в германских разведывательных, диверсионных, контрразведывательных, полицейских школах и выполнявших задания спецслужб в советском тылу;
- агентов, завербованных для проведения работы среди советских граждан в лагерях противника;
- агентов, завербованных германскими спецслужбами для ведения разведывательной работы против СССР в послевоенный период;
- агентов, завербованных другими иностранными спецслужбами для ведения разведывательной и иной деятельности против СССР;
- сотрудников германских разведывательных, контрразведывательных, полицейских и карательных органов;
- изменников родины, предателей, пособников немецких оккупантов, участников вооруженных формирований, созданных немцами из числа советских граждан, членов антисоветских эмигрантских организаций.

На органы внутренних дел возлагались организация работы комиссий и обеспечение явки граждан, подлежавших фильтрации. Аресты изблеченных в преступной деятельности репатриантов допускались только с санкции руководства областных управлений НКВД и НКГБ.

Особое внимание отводилось перемещенным лицам, прибывшим из зон оккупации Германии, занятых США, Великобританией и Францией. Вербовочная работа спецслужб этих стран среди советских граждан, оказавшихся за рубежом, носила массовый характер. В дальнейшем в условиях нараставших противоречий между Совет-

ским Союзом, США и Великобританией акценты в контрразведывательной работе были смещены на выявление среди репатриантов агентуры спецслужб этих стран.

Согласно донесению «О движении репатриированных советских граждан по Белорусской республике» по состоянию на 1 января 1946 г. возвратилось на родину 154 496 граждан (из них: мужчины – 53 343 человека, женщины – 101 153, дети – 28 651) [9, л. 2].

Следует отметить, что со стороны местного населения не всегда было терпимым отношение к репатриантам из числа лиц, сотрудничавших с немецкими оккупационными властями. Например, в 1945 г. в ежемесячном докладе «О работе отдела СНК БССР по делам репатриации» говорилось, что «среди возвратившихся имеются и семьи полицейских, которые бежали со своими мужьями и сыновьями... Так, в Плещеницы прибыло несколько семей полицейских и заняли свои дома. Местные жители заявили: “При немцах они над нами издевались, а теперь им создаются условия. Разрешите нам мы их растерзаем”» [8, л. 53–54]. В свою очередь, органам государственной безопасности и внутренних дел в соответствии с директивой НКВД–НКГБ СССР от 3 ноября 1945 г. предписывалось при возникновении попыток со стороны местного населения и организации самочинной расправы с антисоветским элементом из числа репатриантов немедленно обеспечивать изоляцию таких лиц и проведение необходимых оперативно-следственных мероприятий.

В целях усиления работы по переселению и хозяйственному устройству белорусского населения, переселяемого из Польши в соответствии с белорусско-польским соглашением от 9 сентября 1944 г., а также репатриантов, постановлением СНК БССР от 22 января 1946 г. № 74 предписывалось провести реорганизацию отделов по делам репатриации советских граждан в аппарате СНК и исполкомах областных Советов депутатов трудящихся в отделы по делам переселения и репатриации. В связи с тем, что возвращение основной массы репатриантов по Белорусской ССР было закончено, Совет Министров БССР принял постановление от 11 мая 1946 г. № 765 «О закрытии приемно-распределительных пунктов по обслуживанию репатрируемых советских граждан». Дальнейшее обслуживание репатриантов, в том числе транзитных, возлагалось на областные отделы по делам переселения и репатриации [11, л. 42, 82]. Постепенно поток

репатриантов снижался. И хотя по неполным данным за границей оставалось около 10 000 белорусов, в 1950 г. на родину из них вернулось всего 319 [10, л. 23].

Однако проблемы, связанные с окончанием массового процесса репатриации, существовали еще на протяжении многих лет. В частности, некоторые группы репатриантов, к которым советское руководство испытывало недоверие, подлежали отправлению на спецпоселение. Так, в 1951 г. из Западной Украины, Западной Беларуси и Литвы были выселены вместе с семьями репатрианты – бывшие военнослужащие польской армии Андерса, прибывшие в СССР в 1946–1949 гг. в основном из Великобритании. Поляков среди репатриантов-«андерсовцев» было сравнительно немного, и подавляющее их большинство составляли украинцы и белорусы. Российский ученый В.Н. Земсков отмечает, что на спецпоселение только в Иркутскую область под наблюдение органов государственной безопасности в 1951 г. поступило более 4 500 «андерсовцев», включая членов их семей [6, с. 272–273]. По данным профессора Э.И. Иоффе, в 1951 г. количество высланных из БССР «андерсовцев» вместе с членами семей составило 4 520 человек, из которых 888 были бывшими польскими военнослужащими [14, с. 301]. На спецпоселении наши соотечественники находились до августа 1958 г.

До конца 1950-х гг. в БССР функционировали проверочно-фильтрационный лагерь, который в октябре 1954 г. был перенесен из-под Гродно в поселок Верховичи Высоковского района Брестской области, и пункты приема репатрируемых советских граждан, упраздненные в 1959 г. Кроме того, реализованная органами государственной безопасности БССР в период репатриации система мер позволила вплоть до 1970–1980-х гг. использовать полученную информацию в рамках организации противодействия разведывательной и иной деятельности спецслужб иностранных государств.

Заключение. Таким образом, возвращение на родину советских граждан, оказавшихся в годы войны по различным причинам за пределами Советского Союза, являлось одной из важнейших политических задач. Канал репатриации с учетом массового характера происходивших перемещений применялся спецслужбами иностранных государств в 1940–1950-х гг. для заброски в СССР своей агентуры. Однако его

специфические возможности использовались иностранными разведывательными органами вплоть до 1970–1980-х гг. Участие органов государственной безопасности в оперативном сопровождении репатриации заключалось, как правило, в выполнении контрразведывательных функций: выявлении лиц, причастных к деятельности германских разведывательных, контрразведывательных, полицейских и карательных органов, специальных служб иностранных государств, а также получении значимой для организации противодействия спецслужбам противника информации. В целом органы государственной безопасности, осуществляя контрразведывательное сопровождение репатриации на территории БССР, решали свойственные им задачи по защите интересов государства.

Литература

1. Tolstoi, N. Victim of Yalta / N. Tolstoi. – London: Hodder and Stoughton, 1977. – 496 p.
2. Геллер, М. Утопия у власти: история Советского Союза с 1917 года до наших дней / М. Геллер, А. Некрич. – 2-е изд., испр. и доп. – London, 1986. – С. 498.
3. Белорусские оstarбайтеры: историко-аналитическое исследование / Г.Д. Князько [и др.]; Нац. архив Респ. Беларусь, Белорус. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение». – Минск: Нац. архив Респ. Беларусь, 2001. – 335 с.
4. Земсков, В.Н. К вопросу о репатриации советских граждан. 1944–1951 годы / В.Н. Земсков // История СССР. – М., 1990. – № 4. – С. 26–41.
5. Земсков, В.Н. Репатриация советских граждан и их дальнейшая судьба (1944–1956 гг.) / В.Н. Земсков // Социологические исследования. – 1995. – № 5. – С. 3–13.
6. Земсков, В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. / В.Н. Земсков // Труды Института российской истории / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М., 2013. – Вып. 11 / [отв. ред. Ю.А. Петров]. – С. 244–285.
7. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 1.
8. НАРБ. – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 3.
9. НАРБ. – Фонд 787. – Оп. 1. – Д. 20.
10. НАРБ. – Фонд 787. – Оп. 2. – Д. 12.
11. НАРБ. – Фонд 787. – Оп. 2. – Д. 19.
12. Краско, Г.Г. Особенности обстановки, повлиявшие на организацию и деятельность органов государственной безопасности БССР в 1944–1990 гг. / Г.Г. Краско // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2018. – Т. 26. – С. 42–48.
13. Репатриация советских граждан / Упр. Уполномоч. Совнаркома СССР по делам репатриации сов. граждан. – М.: Воен. изд-во НКО, 1945. – 51 с.
14. Иоффе, Э.Г. Лаврентий Цанав: Его называли «Белорусский Берия» / Э.Г. Иоффе. – Минск: Адукацыя і выхаванне, 2016. – 520 с.

Поступила в редакцию 13.12.2018 г.

Контроль информационного пространства БССР местными органами цензуры в период «оттепели»

Козлов А.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В период хрущевской «оттепели» деятельность областных управлений по охране военных и государственных тайн в печати при облисполкомах (обллитов) по осуществлению контроля информационного пространства продолжала оставаться важной частью государственной политики.

Цель статьи — определить состояние контроля за информационным пространством БССР управлениями по охране военных и государственных тайн в печати (обллитами) в период «оттепели».

Материал и методы. *Использованы материалы Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, Государственного архива Могилевской области. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и объективности. Применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также специально-исторические — историко-генетический, ретроспективный, историко-сравнительный.*

Результаты и их обсуждение. *В период «оттепели», как и ранее, охрана военной и государственной тайны входила в основные обязанности обллитов. Чтобы не допустить выпуска в свет материалов, содержащих государственную и военную тайну или не соответствующих марксистско-ленинской идеологии, обллиты осуществляли контроль печатной продукции, радио и телевидения. Обллиты в своей работе опирались на местные партийные органы. В связи с сокращением областей БССР сократилось и количество обллитов. Показано, что структура, функции и объем работы каждого местного органа цензуры БССР были примерно сопоставимы. Среди других выделяется Брестский обллит, с 1954 г. по 1960 г. выполнявший таможенные функции. Передача обллитов в подчинение Государственного комитета по печати понизила их статус, уменьшились бюджетные отчисления на содержание цензурного аппарата, что вызвало определенные затруднения в деятельности органов цензуры.*

Заключение. *В период «оттепели» появилась возможность для относительно свободного обсуждения на страницах газет и журналов острых общественных проблем, а также для определенной критики в печати. Несколько ослабел «железный занавес», расширились связи с зарубежными странами. Сократился цензурский аппарат, были урезаны некоторые полномочия цензоров, произошло упрощение цензурских механизмов, смягчилась ответственность за допущенные ошибки. Но, несмотря на общую демократизацию общества, контроль за информационным пространством со стороны обллитов сохранился.*

Ключевые слова: *цензура, обллит, вычерки, «оттепель».*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 49–58)

Control of the BSSR Information Space by Local Censorship Bodies during the «Thaw» (Ottepel) Period

Kozlov A.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

During Khrushchev «thaw» (ottepel) period the activities of Region military and state secrets in mass media protection administrations (obllit) at Region Administrations, which controlled the information space, remained a significant part of the state policy.

The purpose of the article is to identify the state of the information space control in the BSSR by military and state secrets in mass media protection administrations (obllit) during the period of «thaw».

Material and methods. *The National Archive of the Republic of Belarus, the State Archive of Vitebsk Region and the State Archive of Mogilev Region materials are used in the article. The methodological basis of the research is principles of*

historicism and objectivity. The general scientific methods of analysis and synthesis as well as special historical methods, the historical genetic, the retrospective and the historical comparative, were used.

Findings and their discussion. During the period of «thaw», as well as earlier, obllits were in charge of the protection of the military and state secret. To prevent the publication of materials which contain state and military secret or do not correspond the marxist-leninist ideology obllits controlled the edited product, the radio and the television. In their work obllits relied on local Party bodies. The reduction of the number of the BSSR Regions resulted in the reduction of the number of onllits. The structure, functions and the amount of work of each local censorship body in the BSSR were compatible. Among others, Brest obllit stands out which performed the Customs functions between 1954 and 1960. After obllits had been submitted to the State Committee of Press their status was lowered, financing reduced which caused certain shortcomings in censorship bodies' activities.

Conclusion. During the period of «thaw» an opportunity of relatively free discussions of current social issues on newspaper and magazine pages appeared as well as the possibility of some criticism in press. The «iron curtain» slightly opened, cooperation with foreign countries developed. The censorship staff was reduced, some functions of censors were limited, censorship mechanisms were simplified, and responsibility for mistakes was softened. However, in spite of the general democratization of the society obllits preserved the control over information space.

Key words: censorship, obllit, cross outs, «thaw».

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 49–58)

В любом государстве далеко не вся имеющаяся информация передается гласности. Особенно в связи с необходимостью охраны военных и государственных тайн. В СССР эта функция была возложена на Главное управление по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит). На региональном уровне функционировали его подчиненные органы – обллиты. В настоящее время в связи с расширением информационных потоков проблема сохранения государственных секретов и доступа к информации не стала менее актуальной.

История советской цензуры нашла отражение в ряде публикаций российских ученых, таких как А.В. Блюм, Т.М. Горяева, М.В. Зеленов, М.С. Виноградов и др. Белорусские исследователи обращались к данной теме реже, чем их российские коллеги. Теме политической цензуры посвятили свои работы А.А. Гужаловский, Л.Л. Смиловицкий, В.М. Матох, В.К. Ракашевич и др. Однако отечественные ученые к анализу деятельности местных органов цензуры обращались крайне редко. В основном исследовалась деятельность местной цензуры в одном из регионов БССР и не предпринимались попытки показать функционирование всех областных управлений по охране военных и государственных тайн в печати.

Цель статьи – определить состояние контроля за информационным пространством БССР управлениями по охране военных и государственных тайн в печати (обллитами) в период «оттепели».

Материал и методы. Исследование основывается на документальном материале из Национального архива Республики Беларусь (фонд 1195), Государственного архива Витебской области (фонд 3991), Государственного архива Могилевской области (фонд 1195). Архивные источники, такие

как постановления Главлитов СССР и БССР, планы работы обллитов, годовые отчеты, переписка с Главлитом БССР и местными органами цензуры, протоколы производственных совещаний, позволяют рассмотреть деятельность органов политической цензуры по контролю информационного пространства на региональном уровне. Исследование опирается на принципы объективности и историзма. Были использованы как общенаучные (анализ и синтез), так и специально-исторические (историко-генетический, ретроспективный, историко-сравнительный) методы.

Результаты и их обсуждение. Аппарат цензуры в СССР представлял строгую иерархическую систему. Во главе ее стоял центральный аппарат Главлита СССР, в союзных и автономных республиках – республиканские главлиты, в округах – окрлиты, областях и краях – соответственно облкрайлиты, в городах – горлиты, районах – райлиты и, наконец, уполномоченные при крупных издательствах, газетах, радио, а позднее и телестудиях [1]. Таким образом, количество местных органов цензуры могло быть различным и зависело от сложности административно-территориального деления союзных республик: чем больше было подчиненных субъектов в республике, тем сложнее в ней была иерархия цензуры. При этом структура, функции и объем работы местных органов цензуры зависели от значимости региона в политической, культурной, научно-технической, военно-промышленной жизни страны [2, с. 45].

Обстановка, которая сложилась после смерти И.В. Сталина, оказала влияние и на положение органов политической цензуры. Постановлением СМ СССР № 769 от 15 марта 1953 г. Управление уполномоченного СМ СССР по охране военных и государственных тайн в печати (Главлит при СМ

**Штатное расписание областных управлений
по охране военных и государственных тайн в печати**

Обллит	1954	1958	1961	1966
Брестский	6	7	6	5
Брестский таможенный пункт при Брестском облисполкоме	3	3	-	-
Витебский	6	7	7	6
Гомельский	6	6	6	5
Гродненский	6	5	4	4
Минский	6	Ликвидирован		
Молодечненский	6	5	Ликвидирован	
Могилевский	6	6	5	5
Всего	45	39	28	25

[5, д. 43, л. 21; 5, д. 55, л. 12; 5, д. 84, л. 4].

СССР) было включено в состав МВД СССР под наименованием Главное управление МВД СССР по охране военных и государственных тайн в печати (11 главное управление МВД СССР) [3]. Были образованы 11 отделы и отделения, которые вошли в непосредственное подчинение местных управлений МВД [4]. Однако после ареста Л.П. Берии в октябре 1953 г. 11 управление было выведено из состава МВД в самостоятельное управление при СМ СССР. Из системы местных органов МВД БССР выделили отделы по охране военных и государственных в печати (обллиты), подчинив их исполнительным комитетам трудящихся [5].

Обллиты регулярно получали нормативные документы (постановления, приказы, циркуляры, решения, инструкции, указания) от Совета Министров СССР и БССР, Главлита СССР и БССР, согласно которым они осуществляли свою деятельность [4; 6; 7]. При контроле предназначенных для общедоступного пользования материалов органы цензуры руководствовались требованиями «Перечня сведений, запрещенных к опубликованию в открытой печати и по радио». После окончания обозначенных сроков нормативные акты подлежали уничтожению [7]. Находясь в подчинении облисполкомов, обллиты работали в тесном контакте с обкомами и райкомами КПБ. Именно в обком или райкомы обращались главы обллитов в случае спорных вопросов или с просьбой повлиять на ведомства в плане улучшения работы.

До 1954 г. в БССР было 12 обллитов: Барановичский, Бобруйский, Брестский, Витебский, Гомельский, Гродненский, Минский, Могилевский,

Молодечненский, Полесский, Пинский и Полоцкий [5, д. 46, л. 1]. После ликвидации в 1954 г. Барановичской, Бобруйской, Пинской, Полесской и Полоцкой областей были расформированы и их обллиты. Также расформирован и Минский обллит, а Минская область оказалась под непосредственным контролем Главного управления республики. В бывших областных центрах, как правило, оставались штатные цензоры. Так, например, было в Бобруйске [5, д. 46, л. 27]. В 1960 г. произошла ликвидация Молодечненской области и начальник обллита И.П. Петрачков также остался старшим цензором по г. Молодечно [5, д. 90, л. 185].

Количество штатных работников обллитов, как видно из табл. 1, всегда было небольшим.

За счет ликвидации обллитов и сокращения некоторых должностей аппарат местных управлений уменьшился к концу периода «оттепели» на 43,2%. Одновременно число работников в каждом обллите стало несколько различаться (табл. 1).

Контроль информационного пространства осуществляли не только штатные цензоры местных управлений. До 1955 г. в районах, которые не имели освобожденных работников по охране военных и государственных тайн в печати и где объем печатной продукции был незначительным, эта работа по совместительству возлагалась на одного из ответственных работников аппарата райисполкома или райкома КПБ [6, д. 11, л. 36]. Цензоры-совместители (райлиты) должны были утверждаться облисполкомом [6, д. 2, л. 1]. Но эти установленные требования соблюдались далеко не всегда. В 1955 г. ни один из райуполно-

моченных Брестской области не был утвержден облисполкомом [6, д. 12, л. 1].

С 1 апреля 1954 г. началось сокращение районных цензоров-совместителей в областных центрах: Минске, Могилеве, Гомеле, Бресте, Витебске, Могилеве и городских центрах Пинске, Бобруйске, Мозыре, Полоцке. Обязанности контроля за местными районными газетами возлагались на соответствующие обллиты и освобожденных цензоров. Также была сокращена должность штатного цензора по Лидскому району [8]. После подобного реформирования численность районных цензоров по Белорусскому управлению на 1954 г. составила 170 человек: семь штатных цензоров, в том числе два старших, и 163 цензора-совместителя с месячным фондом заработной платы 65200 рублей [5, д. 45, л. 34]. Занятые на своем основном месте работы цензоры-совместители допускали наибольшее количество нарушений ограничений «Перечня». С 1 октября 1955 г. были полностью упразднены должности цензоров-совместителей [4, д. 3, л. 2].

Но ликвидация института цензоров-совместителей вовсе не означала ослабление цензорского контроля. Теперь контроль газет в районных центрах мог быть передан штатному цензору. Если же это было невозможно, то, по договоренности с соответствующими партийными органами, контроль передавался редакторам соответствующих газет [5, д. 45, л. 2]. Для оказания практической помощи редакторам районных газет при изучении ограничений «Перечня» цензоры обллиты выезжали в районы области [6, д. 40, л. 51]. Со временем редакторы районных газет и журналисты районных газет и заводских многотиражек, изучив ограничительные документы, научились предотвращать ошибки.

Главной в деятельности цензоров была предварительная цензура, поэтому именно на этот этап ставили самых опытных и подготовленных работников. Цензоры обллитов внимательно читали материалы всех местных газет, материалы радиовещания и телевидения как с точки зрения предотвращения перечневых нарушений, так и анализа, обобщения их с точки зрения политико-идеологического содержания, а затем вносили конкретные предложения по повышению качества цензорского контроля. Если не было обобщений итогов последующего контроля, не было конкретных предложений, с которыми можно было бы обратиться в обком или Главлит, то руководство в Минске делало вывод, что газеты читаются цензорами плохо, поверхностно, формально [2, с. 44].

Начавшаяся «оттепель», кроме изменений в структуре и штатах обллитов, принесла некоторые перемены в осуществление цензорского контроля. В сталинский период цензура периодической печати достигла своего апогея. Даже ошибки технического характера нельзя было пропускать. Например, на газетной полосе, где располагался портрет Сталина, недопустимо было размещать информацию критического характера. Существовало понятие «политические вредные переносы», например, «бес-смертный Ленин», «по-беда коммунизма» или «кал-гаснік» [9, с. 143]. Такие ошибки в 1930–1940-е могли трактоваться как вредительство или контрреволюционная деятельность. В период «оттепели» Главлиты СССР и БССР встречающиеся опечатки перестали рассматривать как сознательное вредительство [2, с. 37]. Например, в 1953 г. в областной газете «Витебский рабочий» в № 192 от 30 сентября 1953 г. была опубликована «Нота правительства Франции» от 2 сентября 1953 г. по вопросу созыва совещания министров иностранных дел [10]. В конце четвертого абзаца в слове «спраў» была пропущена буква «п» и таким образом это слово приняло смысл политической вульгарщины. Опечатка была пропущена редакторскими работниками, не заметил ее и цензор обллита Г., который читал этот номер последним. Несмотря на кажущуюся анекдотичность, этот факт обсуждался на заседании обкома партии [6, д. 10, л. 5]. И хотя подобная опечатка была оценена как «корректорская ошибка», секретариат обкома принял постановление о повышении бдительности. Но большой объем работы приводил к повторению таких ошибок. В номере газеты за 4 октября 1953 г. в информации ТАСС вместо «Паўднёвай Карэі» было напечатано «Усходняй Карэі» [10, д. 334, л. 68–69]. На этот раз цензора Г. сначала сняли с должности, однако после апелляции в ЦК КПБ его восстановили на работе, но со строгим выговором по партийной линии [6, д. 10, л. 5].

Еще одна политическая опечатка, искажающая смысл, была обнаружена в четырех газетах Брестской области «Социалистический путь» политического отдела Брестской МТС, «Колхозный строй» политического отдела Черневицкой МТС, «За социалистическую жизнь» политического отдела Домачевской МТС и районной Домачевской газете «Сталинец». Вместо слова «непоколебимая» было напечатано «поколебимая». Как и в случае с газетой «Витебский рабочий», ее выявил только последующий контроль. Здесь цензоров не наказали, но на редакторов, допустивших по-

литическую ошибку, было наложено взыскание по партийной линии [4, д. 3, л. 9–10]. После этого случая цензоры области были проинструктированы, что они должны быть более внимательны.

С наступлением «оттепели» некоторые полномочия цензоров были урезаны, но это приводило к несуразностям на местах. Так, в письме Главного управления СССР № 1363 с. от 13 декабря 1961 г. указывалось на недопустимость оценки главрайоблуправлениями работы редакторов газет, которые были подотчетны соответствующим партийным организациям, а не находились в подчинении органов цензуры [5, д. 46, л. 24]. Было дано строгое указание цензорам, осуществляющим предварительный контроль, не допускать случаев давления и диктата к редакторам по вопросам, не связанным с ограничениями «Перечня». О политико-идеологических замечаниях цензор должен был доводить до сведения редактора издания и в необходимых случаях – начальника обллита, а последний информировать партийные органы [6, д. 55, л. 20].

Период «оттепели» отличался противоречивостью. С одной стороны, появилась возможность определенной критики. В газетах и журналах регулярно публиковались фельетоны и критические заметки с материалами сатирического характера, в которых критиковались различные негативные элементы в жизни советского общества. С другой стороны, Главлит требовал к подобным материалам от цензоров проявлять повышенную бдительность. В качестве примера можно привести слова начальника Витебского обллита Шепелева, который указывал: «Даже в самых безобидных материалах могут быть ошибки, заслуживающие внимания цензоров. Могут быть материалы, непосредственно не попадающие под цензорские ограничения, но помещать их нельзя. Надо внимательнее читать все заметки в газетах. Особое внимание обращать на разделы сатирического характера (оса, ежик, метла). Иногда излишнее обобщение фактов может привести к негативным выводам» [6, д. 38, л. 50–52]. Подобное неопределенное положение вызывало затруднения у работников обллитов. Так, в 1959 г. Могилевский обллит докладывал в Минск о нарушениях, которые, по мнению местных цензоров, были допущены в Быховской районной газете «Сцяг працы». В первую очередь это касалось стихотворения В. Бушлякова «Ветлівая прадаўшчыца», в котором критиковалось обслуживание в советских магазинах. Привлекла внимание цензоров и рубрика «Наш Вожык». В фельетоне также под-

черкивалось безразличие к людям со стороны местной бюрократии. Цензоры обллита явно надеялись на поддержку Главлита, но в Минске сочли замечания местных цензоров недостаточно аргументированными. «Тот факт, что газета поместила в данном номере несколько критических корреспонденций и заметок, в том числе под рубрикой “Наш Вожык”, не дает еще права делать выводы, что данная газета допускает ошибку», – отвечал на запрос Могилевского обллита начальник Главлита БССР Садовский. Следовало сообщать только о случаях конкретных фактов «невыдержанной критики», но не в Главлит, а в обком партии [8, д. 28, л. 24].

Изменения периода «оттепели» практически не коснулись основной обязанности обллитов – контроля за соблюдением военных и государственных тайн в печати. Тем более что напряженность в мире не утихала, особенно после событий в Венгрии и Польше 1956 г. и Карибского кризиса 1962 г. Хотя некоторые ограничения вызывают сомнения. Например, нельзя было показывать места нахождения аэродромов в военное и довоенное время. Нельзя было сообщать об иностранцах-слушателях минского военного училища и о многом другом [6, д. 38, л. 34]. Даже подготовка спортсменов к Олимпийским играм становилась государственной тайной [6, д. 42, л. 13].

В печати не следовало размещать информацию, которая не соответствовала официальной. Нельзя было разрешать к печати публикации обобщающего характера (в том числе цифровые данные о неграмотности в СССР, республиках, областях, районах и городах) [11]. В 1963 г. Главлит СССР категорически запретил вести учет каких-либо материалов о закрытых предприятиях и других специальных объектах, выпуске спецпродукции и т.д. [6, д. 38, л. 43]. Циркуляром № 2 Главлита СССР от 9 июня 1961 г. были усилены ограничения по картографическим материалам. Параграфом 67 «Перечня» циркуляра запрещено открытое издание географических, топографических и специальных карт и планов территории СССР масштабом крупнее 1:250000 [6, д. 38, л. 9–10].

Однако серьезные ошибки все-таки допускались, особенно в районной печати. В 1958 г. тов. Ф. в районной газете «Ленінскі прызыў» допустил грубое нарушение п. 1 «Перечня», раскрыв особое наименование воинской части «Оршанская» [6, д. 20, л. 9]. В районных газетах Брестской области за 1959 г. было выявлено последующим контролем нарушение в Березовской районной газете «Пламя». В № 5 (1679) от 19 января была помещена статья «Заслуженное

Объем работы обллитов БССР по контролю информационного пространства

	1954 г.	1956 г.	1960 г.
Брестский обллит	31	32	24
Газеты	30	29	20
Типографии	292 выпуска	323 выпуска	350 выпусков
Радиовещание	(72 печ. листа)	(1036 печ. листов)	(394 печ. листа)
Витебский обллит	19	28	26
Газеты	18	16	15
Типографии			
Радиовещание			
Областное	298 выпусков (1347 авт. листов)	281 выпуск (304,8 авт. листа)	317 выпусков (273,6 печ. листа)
Районное	298 выпусков (459,5 авт. листа)	—	—
Гомельский обллит	23	31	47
Газеты	24	24	24
Типографии			
Радиовещание	463 выпуска (509 авт. листов)	748 выпусков	716 выпусков (658 печ. листов)
Гродненский обллит	40	24	21
Газеты	27	24	21
Типографии			
Радиовещание	429 выпусков (415,6 авт. листа)	438 выпусков (671 печ. лист)	318 выпусков (291,2 печ. листа)
Могилевский обллит	23	22	25
Газеты	21	21	12
Типографии			
Радиовещание			
Областное	882 выпуска (262,5 авт. листа).	891 выпуск (272,5 печ. листа)	882 выпуска (250 печ. листов)
Районное	205 выпусков (65 авт. листов)	—	—
Молодечненский обллит			Ликвидирован
Газеты	23	23	—
Типографии	23	23	—
Радиовещание	348 выпусков	366 выпусков	—

[5, д. 43; 5, д. 55; 5, д. 84].

возмездие», в которой были показаны сведения о наличии в стране исправительно-трудовых лагерей, чем был нарушен параграф 99 «Перечня» [5, д. 80, л. 7].

Крупное нарушение было предотвращено в 1959 г., когда не был разрешен к печати материал Могилевского Дома пионеров. Этот материал представлял собой анкету детской игры. Анкету предлагалось издать массовым тиражом и разослать ученикам и пионерам всех школ Могилевской области.

Желающие принять участие в игре должны были тщательно собрать точные сведения в микрорайоне своей школы. Материалы этой игры не были допущены к печати на том основании, что дети, отвечая на вопросы анкеты, могли сообщить и секретные сведения. Кроме того, полные данные о промышленности, строительстве, знатных людях области и т.п. являлись сведениями, составляющими государственную тайну [8, д. 28, л. 41].

С середины 1954 г. началось некоторое упрощение цензурных механизмов. От предварительного контроля была освобождена печатная продукция министерств, ведомств, академий наук и вузов, вся мелкотиражная продукция. Разрешалось размещать в открытой печати сведения о выполнении предприятиями и транспортом государственного плана [9, с. 46–47].

Свидетельством ослабления позиций цензуры в печатных СМИ был приказ 1957 г. о снятии с цензоров обязанности подписывать номера газет в печать. В 1962 г. 50 газет территориально-промышленных управлений, 4 многотиражки, 10 колхозных и совхозных были освобождены от цензурского контроля под ответственность редакторов [9, с. 145]. В целом в период «оттепели» количество вмешательств, осуществляемых областными управлениями, сократилось в 5–10 раз. Не столь значительным было сокращение вычерков только в Брестском обллите [5, д. 46, л. 27–38].

К концу 1958 г. Главлит БССР и его органы на местах осуществляли контроль над материалами 7 издательств, 10 республиканских, 7 областных, 161 районной газет, 45 журналов, материалами БелТА, теле- и радиовещания, проверяли всю печатную продукцию, издававшуюся на территории БССР. Контролировались также книжные фонды 18.439 библиотек, 11 выставок, принималась продукция 5 художественных мастерских, контролю подлежали произведения искусства (драматургия всех жанров, эстрадные произведения, тексты музыкальных и вокальных номеров) [12].

Основными объектами контроля были печатные СМИ, типографии и радиовещание. Районное радиовещание в этот период было только в Витебской и Могилевской областях. Сведения, приведенные в табл. 2, наглядно показывают, что объем работы обллитов по контролю информационного пространства мог несколько разниться, но в целом был примерно сопоставимым.

Просматривалась вся печатная продукция, посылавшаяся частными лицами за границу, на минском Главпочтамте, а все ввозимые в СССР и вывозимые из страны печатные издания – на Брестской таможне [12]. В составе контрольного пункта при Брестской таможне, который официально относился к Управлению по охране государственных и военных тайн в печати при Брестском облисполкоме, работало три человека. Главной задачей цензурского пункта являлся контроль провозимых через Государственную границу СССР произведений печати, изопroduкции, грампластинок и других видов записи на пленке. Цен-

зоры контрольного пункта осуществляли свою деятельность совместно с сотрудниками КГБ и КПП погранвойск [5, д. 80, л. 23]. Уровень ответственности здесь был выше. Вероятно, поэтому размер заработной платы цензоров таможенного пункта превосходил средний уровень в других обллитах БССР. Так, если в среднем по республике заработная плата старшего цензора составляла 900 рублей, а цензора – 800 рублей, то здесь 1400 и 1200 рублей соответственно [11, д. 77, л. 21].

Цензоры контрольного пункта руководствовались в своей работе положением о цензурских пунктах при таможнях и указаниями начальника Главлита по осуществлению надзора за ввозом в СССР и вывозом за границу произведений печати, грамзаписи и изобразительного искусства [5, д. 58, л. 34]. Враждебные СССР и странам народной демократии буржуазные политические журналы, религиозно-пропагандистская и порнографическая литература и открытки, грамзаписи с антисоветскими текстами подлежали изъятию.

На задержанные и подлежащие изъятию материалы составлялись документы по утвержденному Главлитом СССР образцу. Всего на цензурском пункте только в 1959 г. прошло 525592 экземпляра произведений, из которых досмотрено 36095. Однако количество порнографии, провозимой через границу СССР, возросло, увеличившись по сравнению с 1958 г. в два раза. Она конфисковалась, в основном, у советских военнослужащих, приезжавших из Германии и Польши [5, д. 80, л. 23].

Неоднократно на таможенном пункте пресекались попытки контрабанды с целью личного обогащения. 4 февраля 1957 г. была попытка провести через границу 30 Библий нью-йоркского издательства. При досмотре владелец этих книг не назвал свою фамилию и они были конфискованы как бесхозные. 6 марта 1957 г. гражданка Н. попыталась провезти 14 молитвенников и 40 молитв, 87 икон, 23 католических журнала. Замысел был раскрыт и литература конфискована. 8 сентября у шведского гражданина, ехавшего по туристической путевке, было задержано 192 Библии, книги возвращены при выезде за пределы СССР [5, д. 80, л. 15]. Также задерживались материалы, которые иностранцы вывозили из СССР. Например, в 1960 г. у гражданина США И. Шпундера конфисковали 16 номеров газеты «Вольнае жыццё» и 11 номеров районной газеты «Чырвоны сцяг» на украинском языке [5, д. 80, с. 32].

В отдельных случаях по вопросам контроля, досмотра и конфискации религиозных материа-

лов была нарушена согласованность между КГБ, КПП и цензорами контрольного пункта. КГБ и КПП были против того, чтобы разрешать иностранцам провозить с собой Библию, молитвенники и другие издания даже в единственном экземпляре, что не согласовывалось с положением и указаниями Главлита СССР.

9 августа 1959 г. в обллите прошло совещание цензоров контрольного пункта, КГБ и КПП погранвойск. Его результатом стало издание «Инструкции о порядке пропуска в СССР иностранной религиозной литературы и предметов религиозного культа» [5, д. 80, л. 23]. В июне 1960 г. контрольные пункты на таможах «в связи с сокращением объема работы» были сокращены, а их обязанности возложены на пограничные войска КГБ СССР и таможен [9, с. 32].

Наибольшие проблемы у цензоров вызывала деятельность редакций местного радиовещания. В 1957 г. был создан Государственный комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров СССР. Вместе с тем начинало создаваться и областное телевидение. 31 декабря 1957 г. вышла первая программа Гомельского телецентра [13]. Весной 1960 г. начало проводить свои пробные передачи Витебское телевидение (первая передача вышла в эфир 20 апреля 1960 г.) [14]. 7 мая 1961 г. открыло вещание телевидение Бреста. А 26 декабря 1968 года зритель впервые увидел телепрограммы Гродненской областной студии телевидения [15]. В 1960-х гг. в Могилеве тоже должны были организовать областную студию телевидения. Под нее даже выделили и оборудовали здание. Но руководство Гостелерадио СССР решило приостановить развитие областных студий. Только в 1973 г. официально утвердили Комитет по телевидению и радиовещанию Могилевского облисполкома [16]. Но, едва появившись, телевидение было включено в сферу цензуры. В то время видеозаписи еще не было, все шло в прямом эфире.

Телепередачи местного телевидения начинались в 18.00. Программа состояла из трех-четырех передач: интервью, репортажей и фильмов.

В среднем в Витебский обллит предоставлялось на контроль более 50 печатных листов материалов радиовещания и телевидения. Согласно инструкции о порядке цензорского контроля материалы радио- и телевизионных передач должны были быть представлены в срок, необходимый для их тщательной проверки цензором и подписанным лицом, ответственным за передачу. Комитет по радиовещанию в основном

эти требования соблюдал. Но бывали случаи, когда материалы представлялись на контроль за 10 минут до конца рабочего дня цензора и за 20 минут до начала передачи в объеме 50–60 машинописных страниц [6, д. 41, л. 9]. Это создавало спешку и исключало возможность цензору, осуществляющему контроль, своевременно вычитывать передачи до поступления их в эфир [6, д. 39, л. 74]. Иногда материалы не были оформлены должным образом: тексты не были подписаны лицом, ответственным за передачу [4, д. 41, л. 9]. В феврале 1961 г. Витебским обллитом была подготовлена докладная записка секретарю обкома партии «Об имеющихся недочетах в содержании, оформлении и представлении на контроль в обллит телепередач». В присутствии председателя областного комитета по радиовещанию и телевидению и директора телестудии записка была обсуждена в отделе пропаганды обкома партии и «признана правильной» [6, д. 16, л. 67].

С работниками областного радио у цензоров Гродненского обллита сложились напряженные отношения. Обллит обвинял работников радио в подаче на проверку «грязных», т.е. со множеством правок, грубых ошибок, которые, по мнению цензоров, искажали смысл передач, материалов. В ответ главный редактор т. Булай обвинил цензоров обллита в придирчивости и потребовал документ, который подтверждал правомочность действий органов цензуры. «Инструкция о порядке цензорского контроля» не убедила главного редактора. Только после отказа принимать на цензорский контроль неподготовленные материалы т. Булай пошел на уступки обллиту, уменьшилось количество и улучшилось качество материала [5, д. 46, л. 136–137].

Для контроля типографий цензоры пользовались документом под названием «Единые правила издания открытых произведений печати», которые определяли общий механизм работы цензуры в СССР, в том числе порядок прохождения рукописей через редакционно-издательские учреждения, полиграфпредприятия и Главлит. Тут оговаривались особенности исполнения центральными, областными и районными (там, где не было цензоров Главлита) типографиями заказов военных учреждений, организаций, которые не имели права заниматься издательской деятельностью, а также частных лиц [7]. Без разрешительной визы представителя обллита руководители полиграфпредприятий не имели права изготовления тиража. Типографиям районных газет сле-

довало высылать в обллит по одному экземпляру всех без исключения печатных изданий, включая мелкопечатную продукцию (пригласительные билеты, бланки и т.д.) [6, д. 29, л. 8].

Однако осуществлять цензорский контроль было не так просто. Фактически цензоры не имели никакой власти, а поэтому работники подконтрольных объектов могли вступать с ними в конфликт. Например, цензор по г. Пинску В.Ф. Швецова боялась заходить в цех Пинской городской типографии, так как между ней и некоторыми начальниками производства возникли неприязненные отношения. В квартальных отчетах перед управлением она указывала, что в данной типографии нарушений «Единых правил» не обнаружено [5, д. 58, л. 28].

Отсутствие четко определенных правил идеологической игры в годы «оттепели» провоцировало появление в цензурном ведомстве многочисленных конфликтных ситуаций, когда желание общественных преобразований одних сталкивалось со стремлением других прекратить любые проявления либерализма [9, с. 26]. В 1957 г. начальник Гомельского управления т. Царик дал разрешение на издание «Инициативы добровольных изобретателей Гомельщины», проставив разрешительный штамп на отношении организации, чем нарушил «Инструкцию о порядке цензорского контроля». Этим самым он дал возможность печатать под таким названием любой текст. Областной комитет, рассмотрев на бюро данный вопрос, снял с работы Царика [5, д. 80, л. 69]. Кроме должности бывший начальник обллита лишился и членства в партии [9, с. 26].

В декабре 1959 г. Гродненским обллитом была подписана к печати и выпущена в свет на личные средства автора книга Т.Ф. Стенкович «Говоры Волковысского района Гродненской области Белорусской ССР». Кроме того, начальник обллита Закутовская незаконно получала ежемесячно в течение трех лет по 300 рублей на фиктивно числившуюся уборщицу. Деньги Закутовская расходовала на приобретение имущества и различные доплаты сотрудникам управления. Всего за это время было получено 9800 руб. За деньги на уборщицу расписывалась цензор С. В итоге за нарушение финансовой дисциплины, «Единых правил» и Приказа Главлита № 15 с. Закутовская была снята с занимаемой должности [5, д. 5, л. 1–2].

1 августа 1963 г. Главлит был включен в состав вновь созданного Государственного комитета Совета Министров СССР по печати. В сентябре был сформирован республиканский

Госкомитет, в состав которого вошел Главлит БССР. В результате недолгого пребывания Главлита в составе Государственного комитета Совета Министров СССР по печати (до 1966 г.) ухудшилось его материальное положение [17]. Из-за отсутствия средств не представлялось возможным проверять работу цензоров на местах, а также вызывать их на цензорские занятия [6, д. 53, л. 10]. И увеличения ассигнований на командировочные и хозяйственные расходы не предвиделось. На каждого работника госучреждений в год должно было расходоваться не более 33 рублей [6, д. 55, л. 5].

Заключение. Наступившая после смерти И.В. Сталина «оттепель» оказала влияние на местные органы цензуры. Произошло значительное сокращение цензорского аппарата. Однако усилилась самоцензура, ответственность за сохранение военных и государственных тайн была возложена на редакторов. Подобное реформирование себя оправдало: упразднение цензоров-совместителей сделало возможным несколько сократить бюджетные расходы на содержание цензурного аппарата, а количество произведенных цензорских вмешательств со стороны обллитов сократилось в несколько раз. Полномочия обллитов были урезаны, контролируемые объекты им не подчинялись, что приводило к многочисленным конфликтным ситуациям. Поэтому для оказания давления на них обллиты вынуждены были обращаться за помощью в партийные органы. Проявление излишней самостоятельности обллитами пресекалось. Появилась возможность для обсуждения на страницах газет и журналов острых общественных проблем. Но при определении границы допустимой критики важную роль играл субъективный фактор, как со стороны работников цензуры, так и представителей местных партийных органов.

Однако, несмотря на «оттепель», обллиты по-прежнему осуществляли контроль за изданиями, редакциями и другими организациями открытой печати, радиовещанием, только появившимся в некоторых областях местным телевидением с целью охраны военных и государственных тайн и соблюдения подконтрольными объектами марксистско-ленинской идеологии. Объем работы обллитов БССР был примерно сопоставим, выполнялись одни и те же функции. Исключение – Брестский обллит, осуществлявший совместно с КГБ и погранслужбой таможенный контроль с 1954 г. по 1960 г. Большую

часть изъятого составляли материалы религиозного и эротического содержания. Малое число подобных цензорских пунктов по всей стране и непродолжительный период их существования позволяет расценивать их наличие как эксперимент властей по усилению пограничного контроля, так как расширение связей СССР с зарубежными странами в период «оттепели» привело к значительному росту информационных потоков из-за границы.

Литература

1. Блюм, А.В. Статьи для энциклопедии «Цензура» [Электронный ресурс] / А.В. Блюм // Новое литературное обозрение. – 2011. – № 112. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/112/bl30-pr.html>. – Дата доступа: 20.08.2015.
2. Яковлева, Г.Н. Деятельность Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Витебском облисполкоме (обллита) в период «оттепели» / Г.Н. Яковлева // Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»: сб. науч. тр. – 2013. – Т. 16. – С. 35–45.
3. Постановление Совета Министров СССР № 769 «Об уполномоченном Совете Министров СССР по охране военных тайн в печати» от 15 марта 1953 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/law/nkvdmdvd/?id=5916>. – Дата доступа: 20.05.2018.
4. Государственный архив Витебской области (далее ГАВО). – Фонд 3991. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 3.
5. Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 1195. – Оп. 2. – Д. 10. – Л. 36.
6. ГАВО. – Фонд 3991. – Оп. 2.
7. Инструкция о порядке цензорского контроля. Главлит СССР, Москва, 1955 г. [Электронный ресурс] // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 9425. – Оп. 1. – Д. 884. – Л. 274–301. – Режим доступа: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/sov/org/glavlit/instructions/?id=4410>. – Дата доступа: 12.11.2017.
8. Государственный архив Могилевской области (ГАМО). – Фонд 1195. – Оп. 5. – Д. 30. – Л. 10–11.
9. Гужалоўскі, А.А. Чырвоны аловак: нарысы па гісторыі цэнзуры ў БССР: у 2 кн. / А.А. Гужалоўскі. – Мінск: А.М. Янушкевіч, 2018. – Кн. 2: 1943–1991 гг. – 320 с.
10. ГАВО. – Фонд 1-п. – Оп. 3. – Д. 333. – Л. 173.
11. НАРБ. – Фонд 1195. – Оп. 1. – Д. 77. – Л. 19.
12. Матох, В.М. Цензура в БССР [Электронный ресурс] / В.М. Матох // Белгазета. – 2007. – 23 лп. – Режим доступа: www.belgazeta.by/ru/2007_07_23/arhiv_bg/14455/. – Дата доступа: 27.11.2014.
13. История ТРК «Гомель» [Электронный ресурс] // ТРК «Гомель». – Режим доступа: <http://tvrhomel.by/content/about/history/>. – Дата доступа: 02.10.2017.
14. ГАВО. – Фонд 3075. – Оп. 1. – Д. 93. – Л. 14.
15. Телерадиокомпания «Гродно». Официальный сайт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.tvgrodno.by/about/>. – Дата доступа: 02.10.2017.
16. Бордиловская, И. От радио до телевидения: два юбилея [Электронный ресурс] / И. Бордиловская // Могилевские ведомости. – 2013. – 15 окт. – Режим доступа: <http://www.mogved.by/sled-v-istorii/5842>. – Дата доступа: 02.10.2017.
17. Горяева, Т.М. Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. [Электронный ресурс] / Т.М. Горяева. – М.: РОССПЭН, 2002. – 399 с. – Режим доступа: <http://www.fedy-diary.ru/html>. – Дата доступа: 14.10.2014.

Поступила в редакцию 01.10.2018 г.

Формирование национальной модели модернизации в условиях новой экономической политики в БССР в 1920-е гг.

Ходин С.Н.

Белорусский государственный университет, Минск

Понятие «советская модернизация» является одним из самых дискуссионных. Вместе с тем, очерчивая советский период, следует видеть не только различия в политике властей, но и в отношении населения к властным структурам, стремлении к изменениям или же к сохранению традиционных форм жизнедеятельности. В этом аспекте наиболее интересным представляется обращение к периоду «новой экономической политики», которая способствовала возможности формирования и реализации национальной концепции (модели) модернизации.

Цель статьи — определить предпосылки формирования, особенности и сущность национальной модели советской модернизации в Беларуси в 1921–1928 гг.

***Материал и методы.** Рассматриваются возможности использования модернизационной парадигмы для исследования политики и трансформационных процессов в белорусской советской деревне. На основе анализа новых документальных комплексов, в том числе аграрного законодательства, применения компаративного метода и структурно-функционального анализа автором установлены различия в подходах к модернизации в 1920-е гг.*

***Результаты и их обсуждение.** Система новой экономической политики, формировавшаяся на протяжении 1921–1924 гг., переход к политике сотрудничества с крестьянством и мотивации к труду на основе товарно-денежных, рыночных отношений в условиях поиска сотрудничества с крестьянством, а соответственно с преобладающей частью населения БССР, способствовали укреплению белорусской советской государственности.*

***Заключение.** Сложившуюся в 1920-е гг. в БССР модель модернизации следует рассматривать как органическую, реформистскую. Ее реализация основывалась на собственных природных и социально-экономических ресурсах, учете традиций и особенностей исторического развития Беларуси, труда как базового принципа справедливости, традиций громады и отрицании уравнительного подхода в землепользовании; интеграции коллективных и индивидуальных хозяйств через многоуровневые кооперативы.*

***Ключевые слова:** белорусская деревня, крестьянство, община, громада, кооперация, новая экономическая политика, модернизация, советская модернизация.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 59–64)

Formation of the National Model of Modernization in the Conditions of New Economic Policy in the BSSR in the 1920s

Khodin S.N.

Belarusian State University, Minsk

The concept of «Soviet modernization» is one of the most controversial. At the same time, outlining the Soviet period, one should see not only differences in the policies of the authorities, but also in the attitude of the population to the authorities, the desire for change, or the preservation of traditional forms of life activity. In this regard, the most interesting seems to be an appeal to the period of «new economic policy», which contributed to the possibility of the formation and implementation of the national concept (model) of modernization.

The purpose of the article is to determine the prerequisites for the formation, features and essence of the national model of the Soviet modernization in Belarus in 1921–1928.

***Material and methods.** The possibilities of applying the modernization paradigm to the study of policies and transformation processes in the Belarusian Soviet village are considered. Based on the analysis of new documentary complexes, including agrarian legislation, the application of the comparative method and the structural-functional analysis, the author investigated the differences in approaches to modernization in the 1920s.*

***Findings and their discussion.** The system of new economic policy that emerged during 1921–1924, the transition to the policy of cooperation with the peasantry and motivation to work on the basis of commodity-money, market relations in the context of the search for cooperation with the peasantry, and accordingly with the majority of the population of the BSSR, contributed to the strengthening of the Belarusian Soviet statehood.*

***Conclusion.** The developed in the 1920s in the BSSR modernization model should be regarded as organic and reformist. Its implementation was based on own natural and socio-economic resources, taking into account the traditions and peculiarities of the historical development of Belarus, labor as the basic principle of justice, the traditions of the community and the negation of the leveling approach in land use, integration of collective and individual farms through multi-level cooperatives.*

***Key words:** Belarusian village, the peasantry, community, gromada, cooperation, new economic policy, modernization, Soviet modernization.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 59–64)

В белорусской историографии в последние десятилетия все более отчетливо выявляется тенденция отхода от противопоставления различных эпох. Стремление вернуться к истории как целостной науке о человеке предопределило более настойчивое обращение к терминам и методам других наук. Все чаще историки оперируют понятиями «бифуркация», «синергетика», «модерн», «экономическое поведение» и др.

Только за последние два года в Беларуси увидели свет несколько монографий, в основу которых была положена модернизационная парадигма [1]. Сам термин «модернизация» пока еще очень сложно приживается в названиях исторических трудов. Одной из причин является недостаточная определенность этого понятия. Довольно часто можно прочесть, что модернизация – просто движение вперед, к современному обществу. Стремление конкретизировать это современное общество как западное («вестернизация»), определенный идеологический оттенок в подходах к формулировке понятия «модернизация» продолжает формировать аргументы «против».

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что модернизационная парадигма в купе с цивилизационной позволяют сформировать ту междисциплинарную интеграцию, которая уже давно востребована стремлением к истории как науке о человеке. Теория модернизации прошла продолжительный период развития, впитывая значительный фактологический материал, реагируя на современные вызовы и формируя новые подходы. «Множественность модернизаций» С. Айзенштата отразила стремление к учету роли традиции и тех факторов (в том числе временных и пространственных), которые обуславливают темпы, формы и основное содержание модернизационных процессов.

Цель статьи – определить предпосылки формирования, особенности и сущность национальной модели советской модернизации в Беларуси в 1921–1928 гг.

Материал и методы. Рассматриваются возможности использования модернизационной парадигмы для исследования политики и трансформационных процессов в белорусской советской деревне. На основе анализа новых документальных комплексов, в том числе аграрного законодательства, применения компаративного метода и структурно-функционального анализа автором установлены различия в подходах к модернизации в 1920-е гг.

Результаты и их обсуждение. Летом 1921 г. на сравнительно небольшой территории 6 уездов Минской губернии возобновляется экономическая жизнь независимой Советской Социалистической Республики Беларусь. Однако провозглашение независимости ССРБ происходило в обстановке незавершенности военных действий как на внешнем, так и внутреннем фронте, в условиях усталости от войны, бесконечных реквизиций, продразверстки. Большевики, осознавая экономическую угрозу от разделов крупной земельной собственности, пытались на землях бывших помещичьих имений создать совхозы и коммуны, а левозеровское руководство Наркомзема РСФСР инициировало переселения хуторян обратно в деревни. Конфликт большевиков и левых эсеров лишь видоизменил конструкцию в руководстве Наркомата, но реальное влияние Наркомзема РСФСР на политику в Беларуси, как и влияние эсеров на местах, в начале 1920-х гг. сохранялось.

Следует подчеркнуть относительно спокойное отношение белорусского крестьянства к вопросу реализации Декрета о земле, который отменял право частной собственности на землю и сохранял общинную форму землевладения. В преобладающей части Беларуси общинное землевладение разрушалось уже с XVI в., окончательный удар был нанесен аграрной реформой Столыпина. Первые опросы крестьян, проведенные в конце 1920 г., показали стремление крестьянства Витебской, части Смоленской и Могилевской губерний исключительно к выделению на хутора.

Вместе с тем сохранялась такая форма социальной организации белорусского крестьянства, как громада. Она объединяла собственников для решения целого ряда задач общественной жизни: выплаты налогов, строительства дорог, организации школ, использования коллективных угодий и т.д. В этом отношении белорусский крестьянин также дорожил громадой, как и российский крестьянин – общиной. Трансформация общины в сельское общество обосновывается в статьях молодой отечественной исследовательницы А.И. Маскевич [2]. По ее мнению, сельское общество (громада) – это форма общественной организации крестьян, единица самоуправления, а крестьянская община – форма крестьянского землевладения, которое существовало в обществе наряду с подворным [3, с. 13]. Крестьянская громада оставалась важнейшим регулятором социальных отношений, прежде всего в сфере земель общего пользования (лес, выгоны, сенокос). Она воспринималась как некое коллективное, объединяющее начало, в котором соединились национальные и социальные требования белорусов. «А кто там идет, а кто там идет в огромной такой громаде? Идут белорусы», – писал белорусский поэт Я. Купала.

Белорусские социалистические партии, как и эсеры, отстаивали требование отмены частной собственности на землю. Оно было закреплено в частности во Второй Уставной грамоте БНР. Вместе с тем понимание справедливости не было связано с уравнительностью. У белорусов, проживавших почти исключительно в сельской местности, в основу всего был положен принцип труда. «Крестьянская семья проникнута трудовым началом. Это представляется особенно ясным там, где труд прилагается к земле. Сама земля для белоруса имеет значение постольку, поскольку к ней прилагается труд пахаря. Оттого мы и встречаем такой взгляд в народном обычном праве, что право на землю признается за лицом, приложившим к ней свой труд», – отмечал известный белорусский историк М.В. Довнар-Запольский [4, с. 276]. Он приводил многочисленные свидетельства о том, что громада пустовавшую землю отдавала тому, кто ее обрабатывал. «Обычное право относится с глубоким уважением к долголетнему труду, полагаемому на нее, признает часто права на владение землею и посторонних лиц, долго трудившихся на ней и приобретших таким образом право на самое землю», – писал М.В. Довнар-Запольский. «Здесь принцип один – принцип труда», – констатирует он [5, с. 46–48].

Приход большевиков к власти в огромной крестьянской стране вынуждал большевистских теоретиков к адаптации марксистского учения к условиям и особенностям территории и населения формировавшихся советских республик. Сутью новой политики становилось признание крестьянства в качестве субъекта социального взаимодействия. Уже в декабре 1920 г. на VIII Всероссийском съезде Советов, обобщая трехлетний опыт отношений с крестьянством, В.И. Ленин подчеркивал: «Надо опираться на единоличного крестьянина, он таков и в ближайшее время другим не будет, и мечтать о переходе к социализму и коллективизму не приходится» [6, с. 181]. Весной 1921 г. «первым практическим шагом» новой (в сравнении с «военным коммунизмом») экономической политики стала замена продразверстки на продовольственный налог. Впоследствии, на IX Всероссийском съезде Советов, В.И. Ленин по-прежнему утверждал: «Продналог в общем и целом дал крестьянам во всей массе улучшение. Это не требует доказательств...» [7, с. 17]. Значимость подобного мероприятия не была оценена крестьянством Беларуси в условиях, когда продналог оказался больше продразверстки [8]. Этот период в земельной политике определяли как переход от нейтрализации середняка к прочному союзу с ним. «Новостью являлось то, – отмечал один из руководителей Компартии Белоруссии, – что мы приступаем к строительству социализма вместе с крестьянством». Первоначально основным содержанием этой новой по отношению к «военному коммунизму» политики виделся товарообмен. С данной целью 17 мая 1921 г. СНК утвердил Генеральный договор между Наркомпродом и Центросоюзом на заготовку для государства сельскохозяйственных продуктов и сырья путем товарообмена [9].

В советской литературе исключительное значение придавалось решениям X съезда партии. На наш взгляд, такой подход закрепился позднее. Отчет о деятельности Наркомзема РСФСР за 1917–1922 гг. и доклад об основных результатах аграрной политики, сохранившийся в Российском государственном архиве экономики, о X съезде не упоминают вообще. По мнению авторов документа, самостоятельным рубежом является время от VIII до IX Всероссийского съезда Советов (декабрь 1920–декабрь 1921), целью которого явилось стимулирование расширения крестьянской запашки. IX Всероссийский съезд Советов в декабре 1921 г. рассматривается как форум, определивший начало политики, направленной на «поднятие самостоятельности крестьянского

населения на почве хозрасчета и личной их заинтересованности в производстве сельскохозяйственной продукции» [10]. Именно на этом съезде руководитель большевистской партии В.И. Ленин отметил, что союз крестьянства и рабочего класса должен быть построен на «других началах». «Основой, сущностью экономической связи, – подчеркнул он, – должна стать торговля». А ведь еще совсем недавно лозунг свободы торговли звучал так же контрреволюционно, как «Советы без большевиков». «Для коммунистов, – продолжал глава большевиков, – это неприятное открытие. Очень может оказаться, что это открытие – чрезвычайно неприятное...» [7, с. 13–14]. В.И. Ленин утверждал, что необходимо учиться, нужен новый культурный уровень, это требует «новой культуры» и несколько раз повторил: «... научиться работать другими темпами, считая работу десятилетиями, а не месяцами, и здесь работа целых десятилетий» [7, с. 23–24].

В свете ожидавшихся кардинальных изменений представляется совершенно очевидным, почему первой и главной резолюцией X съезда ВКП(б) готовящихся к IX Всероссийскому съезду большевиков стало принятие резолюции «О единстве партии». Сама атмосфера подготовки к IX Всероссийскому съезду Советов подталкивала к отходу от догматических положений, поиску новых форм. Критикуя позицию Наркомата земледелия (НКЗ) БССР на X конференции (V съезде) КП(б)Б (15–30 октября 1921 г.), выступавшие подчеркивали: «Законы диктует нам жизнь, а не коммунистическое исповедание, которое мы все знаем». Они считали, что «новая экономическая политика всерьез и надолго» [11, л. 216]. Впрочем, нарком земледелия БССР А.И. Славинский отстаивал позицию, согласно которой утверждалось, что «крестьянство не представляет никакого класса», что крестьянин стал «хищником, кулаком, и он стремится еще больше обогатиться» [11, л. 173, 219–220]. На партийной конференции в следующем, 1922 г. А.И. Славинский заявил: «Вы называете это новой экономической политикой? Это анархия, и анархию необходимо остановить». Он призвал опираться на коммуны и сельскохозяйственные артели [12, л. 192, 219, 220]. Подобная позиция А.И. Славинского, в конечном счете, привела его к расхождению с позицией ЦИК БССР (А.Г. Червяков) и отставке в 1924 г.

Следовательно, на протяжении 1921–1924 гг. формировались предпосылки национальной советской модели модернизации в Беларуси. Важнейшими из них явились:

1) переход к политике сотрудничества с крестьянством и мотивации к труду на основе товарно-денежных, рыночных отношений. Это вызвало к жизни политику белорусизации (а точнее, «коренизации» – участия в управлении и культурном строительстве представителей всех наций, проживавших в республике). На этой основе формируется белорусская (не только этнически, но и по территории проживания) партийно-хозяйственная элита, имевшая представление о традициях населения и отстаивавшая хозяйственные интересы Белорусской республики;

2) укрупнение территории БССР, которое значительно увеличило не только численность населения, но и номенклатуры, отстаивавшей необходимость учета белорусских интересов в партийно-хозяйственной политике. Существенным субъективным фактором явилась смена руководства Наркомата земледелия БССР. Возвращение в состав БССР части территорий Витебской, Гомельской и Смоленской губерний предопределило распространение здесь белорусского законодательства;

3) национальная консолидация, имевшая существенное значение для реализации политики в сфере культуры. Рада БНР как второй центр инициирования белорусской государственности заявила о своем самороспуске и о поддержке строительства белорусской модели советского государства;

4) система новой экономической политики, формировавшаяся на протяжении 1921–1924 гг. Реализуется свободный выбор форм землепользования, разрешается свободный наем рабочей силы и инвентаря, аренда земли, укрепляется финансовая система, способствовавшая развитию товарно-денежных отношений на селе и углублению специализации сельского хозяйства БССР;

5) в условиях поиска сотрудничества с крестьянством, а соответственно с белорусским населением, укрепляется белорусская советская государственность. Формируется собственная правовая база, укрепляются государственные институты. Был подготовлен первый проект Конституции независимой БССР, предложенный к утверждению в Москве в 1925 г.

Реализация белорусской модели модернизации начинается с 1924–1925 хозяйственного года. Важнейшей ее характеристикой явилась опора преимущественно на свои силы и ресурсы. В основу развития было положено стремление интенсифицировать сельскохозяйственное производство, а также лесное хозяйство и связанные

с ними отрасли промышленности и коммуникации. Отстаивая необходимость реализации новой экономической политики в Советской Беларуси как политики, направленной на развитие хозяйственной инициативы крестьянства, заместитель наркома земледелия БССР в октябре 1924 г. Д.Ф. Прищепов подчеркивал: «Вы видели развитие нэпа в городе и что же, неужели из-за этого страдала наша политика, страдали рабочие? Понятно, нет. И сейчас нам нужно дать возможность развиваться нэпу в деревне» [13, л. 152]. Научной основой для модернизации становится «Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26 – 1929/30 гг.».

Особенно заметными являлись отличия в области земельной политики и земельного законодательства. Основные положения базировались на общих традициях отказа от частной собственности на землю. Вместе с тем новый нарком земледелия БССР Д.Ф. Прищепов резко выступил против общины. В целом ряде своих статей в 1926 г. он утверждал, что в восточных округах Беларуси общины не существовало и требовал проведения земельной политики на принципах, установленных в Беларуси [14]. «Если теперь провести раздел земли по едокам, который фактически является “черным переделом”, – писал он, – то я уверен в том, что через несколько лет, как только изменится число едоков, снова крестьяне начнут искать неправильности и снова будут делить землю по едокам. Таким образом, мы такой политикой ставим деревню на путь перманентного “черного передела”, при котором реорганизации сельского хозяйства нельзя будет провести. Крестьяне будут уметь делить землю, а не хозяйствовать» [14]. Отметим, что в Российской Федерации, идя навстречу требованиям крестьянства, в конце 1927 г. правительство РСФСР разрешило произвести общий уравнильный передел земли в тех земельных обществах, где он не проводился с 1922 г. и в которых сохранилась значительная неравномерность в землепользовании дворов. «В этих случаях, – пишет Л.В. Алиева, – общий передел земель мог производиться даже по требованию меньшинства членов общества» [15, с. 150].

Еще до первого укрупнения в БССР был разработан Земельный кодекс 1923 г., который существенно отличался от Земельного кодекса РСФСР 1 декабря 1922 г., в первую очередь в сфере общинных отношений. В 1925 г. утвердили новый Земельный кодекс, который распространял свое влияние на всю территорию Советской Беларуси. Главное отличие было в неприятии общинной формы землепользования, не допускались и уравнильные переделы.

В условиях низкого качества почв было очень важно поддержать заинтересованность крестьянства в их улучшении. В связи со стремлением ограничить уравнильные тенденции, преобладающие в некоторых восточных округах БССР, было определено, что установление нормы наделения землей остается за Наркоматом земледелия. Руководство НКЗ БССР в 1925–1928 гг. поддерживало поселки, а не хутора как основную форму землепользования, при сохранении свободы выбора за крестьянами [16, л. 109–111]. В поселках планировалось развивать многофункциональные кооперативы, а колхозы и совхозы вкупе с имеющимися у них предприятиями по переработке сельскохозяйственной продукции намеревались использовать как локомотивы такой кооперации, интегрируя общественный сектор производства с индивидуальным. Обрезка земли проводилась земельными органами Беларуси с таким расчетом, чтобы затронуть не более 10% хозяйств и сохранить так называемые показательные («культурные») хозяйства. К ним относили тех хозяев, которые совершенствовали агротехнику, занимались семеноводством и племенным скотоводством, способствовали распространению сельскохозяйственных знаний и навыков.

Существенным отличием явилось также установление максимальных и минимальных норм трудового землепользования [16, л. 212–214 об.]. Очевидно, что данная норма исходила из убеждения белорусского крестьянина в том, что в основе всего должен лежать труд. Поэтому при расчете максимальной нормы предполагалось «оставить двору землю в таком количестве, чтобы он мог обработать трудом членов своей семьи, при условии, что хозяйство будет вестись не менее интенсивно, чем позволяют естественные и экономические условия района». Хозяйства, содержащие излишек земли, подлежали обрезке в целях обеспечения безземельных и малоземельных крестьян минимальной нормой наделения землей [12]. Тщательные расчеты не избавили руководителей НКЗ от обвинений в искривлении «классовой линии». Малоземельные многодетные семьи, очевидно, рассчитывали на возможность увеличения землепользования при распределении по едокам. Малограмотность рождала непонимание, оно позволяло, в свою очередь, использовать впоследствии недовольство крестьян для репрессий против руководства Наркомата земледелия БССР и Д.Ф. Прищепова.

В период 1925–1927 гг. происходит дальнейшее укрепление институтов государственной власти. На VIII Всебелорусском съезде Советов принимается Конституция БССР, в которой за-

крепляются свободный выбор землепользования, принцип разделения властей и право свободного выхода из СССР. На съезде все более отчетливо звучат призывы-требования к союзному руководству учитывать особенности развития Беларуси. Стремление к национальной консолидации вызывало определенную настороженность в среде центрального партийного аппарата, уже взявшего курс на значительное усиление авторитарных методов. С этой целью во внимание были приняты недовольство части крестьянства земельной политикой правительства БССР, перегибы в сфере белорусизации, недочеты в государственном строительстве и хозяйственной практике. На заседании Пленума ЦК КП(б) 27–29 апреля 1926 г. отмечалось, что 75% товаров промышленности потребляет город, происходит натурализация хозяйства. Развитие деревни упиралось в развитие промышленности, в недостаток сельскохозяйственных машин. Наметившийся уже с 1927–1928 хозяйственного года слом нэпа как рыночной системы основывался не только на классовых принципах. Важнейшей задачей становилась ускоренная индустриализация СССР в условиях нарастания угрозы мировой войны.

Заключение. Неравномерность развития стран закономерно порождает феномен «догоняющего» развития. При этом, по выражению С.П. Капицы, происходит «сжатие времени»: «отстающие» страны имеют возможность использовать технологические наработки более развитых стран и сделать более быстрый рывок к современности, но современные социальные институты и структуры не успевают сформироваться или же адаптироваться к новым условиям. Подобного рода фрагментарность модернизации может не только усиливать имеющиеся социальные противоречия, но и приводит к революционного рода катаклизмам, продвигая восстановление архаических норм в поведенческой, а нередко и в материальной сфере. Модернизация требует значительного напряжения всех общественных институтов и конкретного человека, определенной мотивации перемен, необходимость которых может не сразу осознаваться всем обществом. Сочетание микро- и макроисторических подходов, исследование повседневности позволяют обнаружить механизмы и формы преемственности развития.

Литература

1. Каханоўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861–1914 гг.) / А.Г. Каханоўскі. – Мінск: БДУ, 2013. – 335 с.; Токць, С.М. Сацыяльныя і культурныя працэсы ў беларускай вёсцы ў другой палове

- ве XIX – пачатку XX ст. / С.М. Токць. – Мінск: ДІКСТ БДУ, 2015. – 328 с.; Ходзін, С.М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921–1939) / С.М. Ходзін. – Мінск: БДУ, 2014. – 240 с.
2. Маскевіч, Г.І. Да пытання аб вызначэнні тэрмінаў «сельская грамада» і «абшчына» ў Беларусі ў другой палове XIX ст. / Г.І. Маскевіч // Этнокультурное развитие Беларуси в XIX – начале XXI в.: материалы междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Т.А. Новгородского. – Минск: БГУ, 2011.
3. Маскевіч, Г.І. Сацыяльная арганізацыя сельскай грамады Беларусі ў 60–90 я гг. XIX ст. / Г.І. Маскевіч // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. – Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Эканоміка. Права. – 2007. – № 3. – С. 13–18.
4. Довнар-Запольский, М.В. Исследования и статьи. Т. 1: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1909. – 488 с.
5. Довнар-Запольский, М. Очерки обычного семейственного права крестьян Минской губернии / М. Довнар-Запольский // Этнограф. обозрение. – 1897. – № 2. – С. 46–48.
6. Ленин, В.И. Речь при обсуждении законопроекта СНК «О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства» на фракции РКП(б) VIII съезда Советов 24 декабря / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. – 5-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1970. – Т. 42. – 607 с.
7. IX Всероссийский съезд Советов. Стенографический отчет РСФСР. – № 1. – М., 1921. – 26 с.
8. Бяспалая, М.А. Беларуская вёска ў першыя гады нэпа (1921–1923 гг.) / М.А. Бяспалая. – Мінск: БУК, 1999. – 253 с.
9. Генеральный договор на заготовку для государства с/х продуктов и сырья путем товарообмена, заключенный между Наркомпродом и Центросоюзом, утвержденный Советом Народных Комиссаров 17.05.1921 г. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 476.
10. Отчет о деятельности Наркомзема за 1917–1922 гг. и доклад «Основные сравнительные данные, характеризующие результаты земельной политики за годы революции» (без автора). 1922, на 218 л. // Рос. гос. архив экономики. – Фонд 478. – Оп. 1. – Д. 851.
11. Стенограмма V съезда КП(б)Б (X конференции КП(б)Б) от 15–20 окт. 1921 г. 334 л. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 417. – Л. 216.
12. Стенограмма заседания пленума ЦК КП(б)Б от 2–8 мая 1925 г. 104 л. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 1992.
13. Протоколы заседаний I, II, III Всебелорусских съездов уполномоченных сельскохозяйственных товариществ и промышленной кооперации, сельскохозяйственных кооперативных совещаний при Центробелсоюзе, материалы к протоколам // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 334. – Оп. 1. – Д. 51.
14. Прищепов, Д. Земельная политика на присоединенных территориях / Д. Прищепов // Звезда. – 1927. – № 170, 171.
15. Алиева, Л.В. Реализация Земельного кодекса РСФСР 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины (на материалах Псковской губернии) / Л.В. Алиева // Псков. – 2006. – № 24. – С. 148–152.
16. Документы о состоянии сельского хозяйства и очередных задачах аграрной политики в БССР (доклады, тезисы докладов, сведения, выводы и др.). 18 февр.–31 июля 1925 г. 375 л. // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 1. – Д. 2295.

Поступила в редакцию 19.12.2018 г.

К вопросу о природе разбоев в Новгородской земле в Смутное время

Попова Е.М.

*Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого,
Великий Новгород (Россия)*

В представленном исследовании рассматривается период шведской оккупации Новгорода в начале XVII в. Предметом изучения в настоящей публикации явился документ о разбойном деле, хранящийся в архиве СПбИИ в «Коллекции Соловьева».

Цель статьи — внести существенные коррективы в устоявшиеся представления о разбоях, совершавшихся в Новгородской земле в период Смутного времени: доказать, что новгородцы являлись не только жертвами грабежей и разбоев, но и сами совершали преступления подобного характера.

Материал и методы. *Анализируется документ «Отписка Федора Аминева новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород». Методологической базой исследования являются общенаучные и историко-системные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции.*

Результаты и их обсуждение. *Опираясь исключительно на нарративные данные, можно сделать вывод о том, что новгородцы были жертвами, которые терпели притеснения со стороны шведских оккупантов. Однако источник свидетельствует об участии в разбоях самих новгородцев, что не позволяет считать их исключительно жертвами массовых разбоев в Новгородской земле.*

Заключение. *К грабежам прибегали не только шведы, контролировавшие северо-запад Руси, казаки, поляки, но и сами мирные жители Новгорода, которые пользовались ситуацией ради наживы. Жертвами становились все, у кого можно было что-либо украсть: как новгородцы, так и иностранцы.*

Ключевые слова: *Смутное время, Великий Новгород, разбои, грабежи, шведская оккупация.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 65–69)

To the Issue of the Nature of Robberies in Novgorod Land in the Time of Trouble

Popova E.M.

Novgorod State Yaroslav the Wise University, Veliky Novgorod (Russia)

The present study covers the period of Swedish occupation of Novgorod in the early XVII century. The object of the study in this article is the document about the robbery case, stored in the Archive of St. Petersburg in the Solovyov Collection.

The purpose of the work is to make significant adjustments to the established ideas about the robberies committed in Novgorod land during the Time of Trouble, namely, to prove that the Novgorodians were not only victims of robberies, but also committed crimes of this nature themselves.

Material and methods. *The document «Letter by Fedor Aminev to Novgorod Governor Ants Martynovich Boi about an investigation made in Ivangorod of the robbery of the British Ambassador's ship on the River Luga by Poluzhski peasants and the exile of three of them to Novgorod» is analyzed. The methodological base of the research is general scientific and historical-system methods of analysis, synthesis, induction and deduction.*

Findings and their discussion. *Based solely on narrative data, it can be concluded that Novgorod dwellers were victims who suffered oppression from the Swedish occupiers. However the source testifies to participation in robberies of Novgorodians, that doesn't allow to consider them only as victims of mass robberies in Novgorod land.*

Conclusion. *Not only the Swedes who controlled the North-West of Russia resorted to robberies, Cossacks, Poles as well as the civilians of Novgorod, who used the situation for profit also did it. Victims were all who could be robbed, both Novgorodians and foreigners.*

Key words: *Time of Trouble, Veliky Novgorod, robberies, Swedish occupation.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 65–69)

Дьяк Иван Тимофеев описывает плачевное состояние Великого Новгорода в начале XVII века в своем известном «Временнике»: «Увы! Теперь он со всеми его пределами взят обманом этими (врагами) как бы в вечное наследие, и шесть лет без малого оставался в чужих иноверных руках, всячески и явно каждый день ими попираемый и пожираемый» [1, с. 325]. Подобное скорбное описание положения города не является для нас чем-то необычным, ведь в начале XVII в. в России начался затяжной период Смуты, который прокатился по всей стране. Данный период вполне оправданно характеризуется тяжелым экономическим, политическим кризисом и разорением. О таком положении дел свидетельствуют не только русские источники, но и записки иностранцев, какое-то время имевших возможность находиться в России и наблюдать ситуацию воочию [2, с. 190–193].

Цель статьи – внести существенные коррективы в устоявшиеся представления о разбоях, совершавшихся в Новгородской земле в период Смутного времени: доказать, что новгородцы являлись не только жертвами грабежей и разбоев, но и сами совершали преступления подобного характера.

Материал и методы. В отечественной историографии тяжелое положение Новгородской земли в годы Смуты хрестоматийно связывают с появлением на северо-западной земле шведского корпуса во главе со шведским главнокомандующим Якобом Делагарди [3, с. 76–77, 699; 4, с. 99]. Делагарди был отправлен шведской короной в Россию после Выборгского договора с русским царем Василием Шуйским в качестве союзника в борьбе с поляками и самозванцами. Отечественные историки нередко рисуют нам печальную картину того, как новгородцы стали жертвами шведских узурпаторов, которые грабили и убивали мирное население. Безусловно, в реалиях тяжелой внешней обстановки подобные ситуации не являлись редкостью. Однако в данном ключе не стоит забывать, что положение в Новгороде стало плачевным еще до того, как шведы заняли город. Многие города и селения Новгородской земли были разграблены литовцами, московскими казаками и ворами [5, с. 308–309]. Так, П.В. Седов отмечает, что представитель ополчения Василий Бутурлин, отступая из Новгорода с казаками, повредил монастырские луга [6]. Так кто же занимался разбоем и терроризировал мирное население?

Шведы, поляки, русские? Какова природа грабежей в период Смутного времени, кто становился жертвой?

Для решения поставленных задач недостаточно обращения к нарративным источникам, т.к. они, зачастую носят субъективный характер и отражают оценку ситуации конкретным человеком. Так, например, нельзя целиком и полностью доверять свидетельствам дьяка Ивана Тимофеева, который был вынужден находиться в оккупированном шведами городе. Более того, дьяк столкнулся с рядом проблем, которые способствовали усилению недовольства. Также нельзя целиком опираться исключительно на данные русских летописей, т.к. в большинстве своем они скудны и однотипны. Необходимо рассмотреть документы административного характера, например следственные дела, которые дадут возможность не голословно утверждать, а объективно оценить ситуацию со всех сторон.

Большой фонд источников – материалы Новгородской Приказной избы, известные как Новгородский оккупационный архив (далее НОА) – Riksarkivet, Stockholm. Ockupation sarkivetfrån Novgorod. Series I, II, хранится в Королевском архиве в Стокгольме (Швеция) и представляет собой богатейший актовый материал, условно разбитый на две серии. В начале 2000-х гг. группа шведских славистов, возглавляемых Э. Лёфстранд и Л. Нордквист, при содействии российских ученых из Москвы, Санкт-Петербурга и Великого Новгорода подготовила и опубликовала полную и комментированную опись сохранившихся документов НОА в двух томах (Account of an Occupied City: Catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611–1617 / Elisabeth Löfstrand and, Laila Nordquist. Series I. Stockholm, 2005; Series II. Stockholm, 2009). Первая серия включает в себя таможенные, кабацкие, дозорные, кабальные, дворовые, лавочные, приходно-расходные книги; книги, связанные со сбором налогов, книги сбора судной пошлины и т.д. Материалы второй серии состоят из купчих записей, служилых кабал, отпускных, судных дел, судебных грамот, расспросных речей, ведомостей об оплате, обыскных грамот, росписей, мировых грамот, поручных записей, т.е. из отдельных дел, записанных на отдельных листах и склеенных в свитки. Однако часть материала НОА еще в XIX в. была вывезена профессором Гельсингфорского университета С.В. Соловьевым в Россию [7], и теперь хранится в архиве СПбИИ

в «Коллекции С.В. Соловьева» [8]. Данная коллекция представляет собой очень интересный материал, касающийся не только Новгорода, но и земель Центральной России за 1611–1697 гг. Для настоящего же исследования оттуда был взят один уникальный документ, который до этого нигде не упоминался и будет опубликован нами впервые. С помощью данного документа мы сможем частично приблизиться к ответам на сформулированные выше вопросы.

Результаты и их обсуждение. Этот документ – «Отписка Федора Аминева новгородскому воеводе Анцу Мартыновичу Бою о произведенном в Ивангороде розыске относительно ограбления судна английского посла на реке Луге полужскими крестьянами и о высылке трех из них в Новгород» [9] – представляет собой подлинник на полулисте с оборотом, печать утрачена. Сохранность текста и писчего материала хорошая. Документ датируется 30 июня 1616 г. Теперь познакомимся с содержанием источника: «Королевского величества воеводе Анцу Бою Мартиновичю Федор Аминев челом бьет.

Нынешняго сто двадцать четвертого году июня в двадцать первый день писал, государь, ко мне боярин и большой ратной воевода Яков Пунтосович Делагард по моей прежней отписке про посольскую рухлядь аглинского (имеется в виду английского – здесь и далее прим. авт. – Е.П.), которую громили в судах псковские шарпальники (*шарпанить – грабить, шарпальник – грабитель*), а достальную рухлядь подпирали (*подбирали*) полуские (*полужские*) крестьяне Иванко, да Левушка, да Гришка, и мне б их за то велети держати в тюрьме до его боярсково указу. А в роспросе и у пытки те полуские мужики мне сказали про аглинского посла судно, как ево громили на Луге реке. Приходили де шарпальники из Пскову, атаман Прошка Хромой, а с ним казаков тринадцать человек. А сумерских крестьян не было. И как оне то судно громили и посольскую рухлядь розграбили оне де побирати достальные рухляди, чево оне с собою не подняли. Да с ними ж де ходили ис того же Полужья деревни Клескуши Фишко Носов да Трешка Ондреев да Ямсково уезда Ясегрибинсково деревни Гонкова Фетка Межжеринде Иванка с товарищем деревни Хинка с Ъванком взято быле тое посольские рухляди тряпок немецких пол десятка и иное мелкое платьишко и то де у них все пришед пограбили сумерские

волости крестьяне деревни Сары – Микитка с товарищем. А Ивушка Тимофеев деревни Клат в роспросе и у пытки сказал, что оне с казаки шарпать не ходили, а ходили де они Левушка с товарищи на завтрее шарпальницкой погромни к тем судом и взял он Левушка той посольские рухляди, что казаки покинули: шляпу немецкую, да чулки, да две юпки немецкие вязеные белые, да сапоги немецкие, да попону лошадиную, да полог. А достальные лежит той рухляди шляпа, да чулки, да две юпки у него Левушки подтое ж деревнею в лесу от деревни наша верстах в двух. А Гришка сказал, взял де он две юпки немецких да кафтанишко русское да две рубашки муских (*мужских*) немецких и иное мелкое рухлядишко драное. И сведав де у него то рухлядишко имали его немецкие люди в Зарецкой острожек и его де пытали и он де тое рухлядь посольскую,

оборот

что он взял, отдал в Зарецкой острог немцом Раману Иванову да Аксер Мартинову, а в земте тое рухляди у него у Гришки отпустили ево домой и грамоту иво отпускную дали, а книги де и письмо немецкое збирали крестьяне Фишко Носов да Трешка Ондреев. А ныне оне приставают в той же Полуже в Дремьтцком погосте в деревни на Клетблиско от острошку, где ставили Фектист Муравьев. И мы о тех крестьянх к Феклисту писали, чтоб их сыскав прислал для сыску к нам в Ъвангород. И Феклист по борской грамоте не послушал и крестьян в посольской рухляди сыскивати не посылал и к нам их не прислал и приставом нашим ивангородским пушкарем в помоч немецких людей и русских не дал с ким было им тех воров крестьян переймати и письмо и книги посольское сыскати. А писал к нам, что де мне о том боярина указу нет, а вашево де я указу не слушаю, а для сыску поземсково дьячка по Агейка (да по старосту по старосту по Спирка) з братом, да по Сидорка Мазиху, да по Степанка Торокана, да по Микитку мы посылали и земской дьячек Агейко да и староста Спирко сказал, что оне в прошлом в сто двадцать третьем году по приказу воеводы Эверт Бремена сыскали у Микитки Сарского да у Сидорка Мазихи тое посольские рухляди купленные и что они взяли у полуских мужиков две, да шубу выдряную немецкую, да две юпки, да попону лошадиную, да штаны немецкие черная, да полог браной, да сермяга ветшаная, да скатерть ветшаная, да сукна ормянного, да белого локоть с пятнадцать, да юпка немецкая

драная и ту де оне рухлядь везли в Ывангород к воеводе Эверт Бремену и мы по боярской грамоте земского дьячка Агейка да старосту Спирка велели мы дати крепкую поруку з записью до боярского указа в Ыванегороде. А Степанко Тороканшол в шарпальники недель с тритцеть, а Сидорка де Мазиханы нешняго сто двадцать четвертого года марта в двадцать восьмой день федь збежал в Шелонскую пятину, а Микитка Сарской живет избегаючи и мы по них и в другие послали сыскивати своих приставов и всею Сомерскою волостью сыскати. А велели их изымав (*изыскав*) привести к себе в Ывангород, а по сию пору тех крестьян в Сумерской волости изымав не смогли. А по указу боярина и большого ратного воеводы Якова Пунтосовича Делагарда полуских мужиков Ловошку да Гришку да Иванка послали к тебе в Великий Новгород».

Исходя из документа, можно предположить, что судебному разбирательству дали ход ввиду жалобы, поступившей от пострадавшей стороны. Пострадавшим в данной ситуации оказался английский посол со своими людьми, а грабителями были псковские и новгородские крестьяне, которые поживились за счет имущества приезжих иноземцев. Виновных было решено привлечь к ответственности: допросить и держать в тюрьме до вынесения приговора. Найденное имущество иностранного посла у грабителей, часть из которого была спрятана после совершения преступления, было изъято старостами. Некоторые причастные к делу крестьяне начали скрываться, с этой целью было решено прибегнуть к сыску. По указу Якова Делагарди троих крестьян велели отправить в Великий Новгород для более серьезных допросов и вынесения приговора.

Под пытками преступники говорят о конкретных лицах, причастных к преступлению (например, об атамане Прошке Хромом с казаками), и о том, что именно из имущества посла и его людей было украдено. Многие не видят серьезности своего преступления, ссылаясь на то, что они лично не крали, они лишь подобрали брошенное грабителями. В списке краденого перечисляются вещи, в основном, это вещи личного пользования, одежда (чулки, юбки, кафтаны, шуба и т.д.), вероятнее всего, не новые, т.к. при характеристике вещей используется слово «ветшая», т.е. старая, ношенная. О чем это свидетельствует? Скорее всего, крестьяне использовали ситуацию, чтобы поправить свое

материальное положение, т.е. продать или использовать награбленное. Данное обстоятельство говорит о том, что в реалиях Смутного времени общество было деморализовано и использовало любую возможность нажиться.

Сложно сказать, совершено ли было этими крестьянами преступление впервые или они давно стали бывалыми грабителями, промышлявшими подобными делами. Также не представляется возможным узнать, впервые ли были замечены данные люди за разбоем. Вполне возможно, что это была попытка возродить Береговое право, суть которого сводилась к представлению о том, что если судно прибило к берегу, то местные вполне вправе позволить себе пограбить, т.к. это «их» берег. Береговое право (лат. *juslitoris, seulitorale, seunaufragii*, франц. *droitdenaufrage*, нем. *Strandrecht*) – древний обычай прибрежных регионов. Он гласил, что все предметы, которые море выбрасывает на берег, будь то корабли или перевозившиеся на них товары, являются достоянием того, кто их найдет; при этом выжившие при кораблекрушении мореходы нередко подвергались насилию – их брали в плен в расчете на выкуп или даже убивали [10, с. 135]. Данный вывод мы можем сделать исходя из того, что произошло ограбление судна в рамках Новгородской земли, которой также было не чуждо понятие берегового права в предшествующий период истории [10, с. 141–143].

К сожалению, не представляется возможным проследить дальнейшую судьбу преступников, т.к. на данном моменте документ заканчивается. Мы не знаем, понесли ли новгородские и псковские крестьяне заслуженное наказание, однако тот факт, что виновников отправляют к воеводам в Новгород, свидетельствует о том, что дело не закрыли, а последовало дальнейшее серьезное разбирательство. Подобный вывод мы делаем исходя из имеющихся данных по документам НОА, где неоднократно прослеживается тот факт, что наиболее серьезные дела всегда отправлялись для рассмотрения в Великий Новгород к воеводам Якову Делагарди и Ивану Никитичу Большому-Одоевскому – для пресечения обозначенных ситуаций и определения меры наказания виновных.

Заключение. Таким образом, в реалиях Смутного времени, которое характеризовалось тяжелой экономической ситуацией, сложным было положение многих людей, вне зависимости от их национальности. К грабежам при-

бегали не только шведы, контролировавшие северо-запад Руси, казаки, поляки, но и сами мирные жители Новгорода, в первую очередь, менее обеспеченные, пользовавшиеся ситуацией, как и все остальные, ради наживы. Жертвами становились все, у кого можно было что-либо украсть, т.е. обладатели какого-либо имущества, как новгородцы, так и иностранцы. И чем богаче и обеспеченнее был человек, тем вероятнее он становился жертвой ограбления. Следовательно, мы не вправе обвинять только иностранный элемент в совершении грабительских и разбойничьих действий. Однако, несмотря на наличие подобных преступлений, важно уточнить, что в период общей разрухи были предприняты попытки восстановить справедливость и наказать виновных в содеянном преступлении, что, на наш взгляд, является крайне важным ввиду поддержания порядка.

Литература

1. Временник Ивана Тимофеева / подг. к печ., пер. и коммент. О.А. Державиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1951. – 511 с.
2. Воспоминания Антониса Хутеериса // Коваленко, Г.М. Великий Новгород. Взгляд из Европы. XV – начало XX в. / Г.М. Коваленко. – СПб.: Европейский дом, 2010. – 456 с.
3. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – М.: Голос, 1994. – Т. 7–8, кн. 4. – 758 с.
4. Лихачев, Д.С. Новгород Великий: очерк культуры Новгорода XI–XVII вв. / Д.С. Лихачев. – Л.: Госполитиздат, 1945. – 103 с.
5. Тимошенкова, З.А. Дозорная книга Старой Руссы 1611 г. / З.А. Тимошенкова // Государство и общество в России XV – начала XX в.: сб. ст. памяти Н.Е. Носова. – СПб., 2007. – С. 308–315.
6. Седов, П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. / П.В. Седов // НИС. – Великий Новгород. – 1993. – Вып. 4(14). – С. 116–127.
7. Коваленко, Г.М. Архивные изыскания С.В. Соловьева в Швеции / Г.М. Коваленко // Скандинавский сборник. – Таллин, 1988. – Т. 32. – С. 179–183.
8. Архив СПбИИ. – Кол. 124. – Оп. 1–2.
9. Архив СПбИИ. – Кол. 124. – Оп. 1. – Ед. хр. 580.
10. Бессуднова, М.Б. Береговое право Средневекового Новгорода: в продолжение дискуссии / М.Б. Бессуднова // НИС. – Великий Новгород, 2015. – Вып. 15(25). – С. 135–147.

Поступила в редакцию 21.12.2018 г.

УДК 94(476)«1944/1948»:364.682:394-055.2

Взаимоотношения православной церкви и государства в 1944–1948 гг. (на примере Витебской области)

Болтрушевич Н.Г.

Учреждение образования

«Витебский государственный медицинский университет», Витебск

Взаимоотношения православной церкви и советского государства в различные исторические периоды имели свои особенности.

Цель статьи — показать основные изменения государственно-церковной политики в отношении православной церкви в 1944–1948 гг. (на примере ситуации в Витебской области).

Материал и методы. *Исследование осуществлялось на основе докладных записок республиканских и областных уполномоченных Совета по делам РПЦ, содержащихся в Национальном архиве Республики Беларусь и Государственном архиве Витебской области, а также научных публикаций.*

Результаты и их обсуждение. *На примере Витебской области раскрываются аспекты государственно-церковной политики в послевоенный период в отношении православной церкви, выявлены особенности функционирования православных общин в восточных районах БССР. После войны религиозность среди населения Витебской области оставалась высокой. Православные приходы нуждались в квалифицированных церковных кадрах. Священники на территории Витебской области активно осуществляли религиозные обряды крещения, венчания, организовывали церковные хоры.*

Заключение. *На территории Витебской области после окончания войны советские власти не препятствовали функционированию церквей и открытию новых. Под контролем сложившейся еще после 1943 г. системы взаимоотношений между государством и церковью, во главе с Советом по делам РПЦ при СМ СССР, происходила их регистрация. На территории Витебской области к концу 1948 г. действовало 28 церквей, зарегистрированных в Совете. Используя любую возможность, духовенство активно осуществляло работу с верующими в разных направлениях. В дни религиозных праздников проводили повсеместные церковные службы, где проповедовали нравственное христианское учение. До 1947 г. православные общины Витебской области осуществляли сбор средств на благотворительность.*

Ключевые слова: *православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР, государственно-церковная политика.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 70–77)

Interrelations between the Orthodox Church and the State in 1944–1948 (the Example of Vitebsk Region)

Boltrushevich N.G.

Educational Establishment «Vitebsk State Medical University», Vitebsk

The interrelations between the Orthodox Church and the Soviet state in the USSR in different historical periods had certain peculiarities.

The purpose of the article is to present basic changes of the state and religious policy in relation to the Orthodox Church in 1944–1948 (on the example of the situation in Vitebsk Region).

Material and methods. *The research was conducted on the basis of reports by the Republic and the Region authorized officials of the Russian Orthodox Church Council which are stored in the National Archive of the Republic of Belarus and the State Archive of Vitebsk Region as well as in research papers.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: pronirvgmu@mail.ru — Н.Г. Болтрушевич

Findings and their discussion. The example of Vitebsk Region illustrates features of the state and religious policy in the post-war period in relation of the Orthodox Church; features of Orthodox parishes' activities in the Eastern areas of the BSSR are revealed. After the War Vitebsk Region population remained highly religious. Orthodox parishes needed qualified clergymen. Priests on the territory of Vitebsk Region actively performed religious rites of baptism, marriage, organized church choirs.

Conclusion. On the territory of Vitebsk Region after the end of the War Soviet authorities did not hamper the activities of churches and the opening of new ones. They were registered under the control of the system of interrelations between the state and the Church, which was shaped after 1943 and was headed by the Russian Orthodox Church Council at the USSR Council of Ministers. On the territory of Vitebsk Region by the end of 1948 there had been 28 churches registered in the Council. Clergymen actively worked with church goers in different directions using every opportunity. During religious holidays church services were conducted on the large scale where spiritual Christian teaching was preached. Before 1947 Orthodox parishes of Vitebsk Region raised money for charities.

Key words: Orthodox Church, Russian Orthodox Church Council at the USSR Council of Ministers, state and religious policy.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 70–77)

В годы войны и в послевоенный период советская религиозная политика претерпела некоторые изменения. С сентября 1943 г. руководством страны был определен курс по нормализации государственно-церковных отношений. При этом следует подчеркнуть, что данной политике не доставало последовательности, она распространялась только, в первую очередь, на Русскую православную церковь и не предусматривала отступления от основных взглядов в целом на религию и церковь в жизни советского общества.

В результате гонений на церковь на Витебщине, как в целом во всех восточных областях БССР, к июню 1941 г. не осталось ни одного действующего храма. Хотя в дореволюционный период по всей Витебской губернии имелось 425 церквей [1, л. 297], а в г. Витебске до 1917 г. насчитывалось 30 действующих церквей и часовен [2, л. 16–17]. Все церкви в г. Витебске и 11 уездах были закрыты еще до 1930 г. Многие из них были превращены в склады. В Витебске в бывшем костеле святого Антония был устроен антирелигиозный музей, где размещались мощи преподобной Евфросинии Полоцкой [3, с. 12].

В годы Великой Отечественной войны произошло активное оживление религиозной жизни, которое сопровождалось восстановлением церквей, в том числе и на оккупированных территориях. Уже в августе-сентябре 1941 г. была приведена в порядок Витебская Свято-Покровская церковь, первое богослужение в которой прошло 14 октября 1941 г. За время немецкой оккупации во всех районах Витебской области начали действовать православные храмы [3, с. 12].

В довоенный период сложилось определенное противоречие между политической и социокультурной сферами жизни общества по вопросу отношения к религии и церкви. Если власти пытались минимизировать влияние церкви в со-

ветском обществе, то на бытовом уровне религиозная вера продолжала существовать в разных проявлениях (чувства, традиции религиозной жизни). Неслучайно с ослаблением внимания советской власти к религиозному вопросу население с начала войны стало возвращаться к тем традициям религиозной жизни, следовать которым к концу 1930-х гг. было невозможно.

Цель статьи – на примере ситуации в Витебской области показать основные изменения государственно-церковной политики в отношении православной церкви в 1944–1948 гг.

Материал и методы. Исследование построено на использовании широкого спектра источников Национального архива Республики Беларусь (фонд уполномоченного Совета по делам РПЦ), Государственного архива Витебской области (фонд уполномоченного Совета по делам РПЦ) и научных публикаций, что позволило сформулировать выводы о развитии взаимоотношений православной церкви и советского государства в данный исторический период.

Методологическую основу публикации составили принципы объективности и историзма. Принцип историзма позволил рассмотреть связь религиозных процессов и политических факторов во взаимоотношениях советского руководства и Русской православной церкви. Принцип научной объективности дал возможность на основе широкой источниковой базы на примере Витебской области сформулировать особенности послевоенного функционирования православных общин в восточных районах БССР. В работе применялись общенаучные (индукция и дедукция, анализ и синтез) и специально-исторические (историко-генетический, ретроспективный) методы.

Результаты и их обсуждение. 26 июня 1944 г. в результате Витебско-Оршанской операции войсками Красной Армии был освобожден Витебск. Несмотря на послевоенные сложности в осуществ-

влении учета православных общин и церквей, сотрудникам Совета по делам Русской православной церкви, созданного еще в 1943 г. при Совете Народных Комиссаров Союза ССР, к 1 октября 1945 г. удалось поставить на учет в Витебской области 29 церквей. Были взяты на учет и недействующие церкви: в августе 1945 г. их насчитывалось 34, в октябре 1945 г. – 36 [4, л. 179, 189].

Для улучшения и регулирования отношений между советским государством и церковью еще в годы войны был принят курс на обновление ее нормативно-правовой базы. Так, согласно постановлению СНК Союза ССР от 28 ноября 1943 г. № 1325 «О порядке открытия церквей» в п. 8 указывалось, что вопрос открытия церкви мог решить только Совет по делам Русской православной церкви при СНК Союза ССР с одобрения союзного правительства. Райисполкомы, пересылая заявление уполномоченным Совета, обязаны были одновременно сообщить: добровольно ли объединились верующие, подавшие заявление, все ли они совершеннолетние, проживают в данной местности и не лишены избирательного права по суду, а также в каком состоянии находится просимое церковное здание, чем оно занято и расстояние до ближайшей действующей церкви. Церковь считалась действующей, если она была зарегистрирована уполномоченным Совета по делам РПЦ и получила соответствующую справку. Без разрешения Совета по делам Русской православной церкви при СНК Союза ССР запрещалось закрывать действующую церковь [5, л. 8].

В постановлении «О порядке открытия церквей и молитвенных зданий на территории, освобожденной от немецкой оккупации», принятом 1 декабря 1944 г. Совнаркомом СССР, указывалось, что решения об открытии церквей, закрытии, освобождении помещений государственных и общественных зданий, занятых за период немецкой оккупации под церкви, переоборудование церковных зданий для других целей, слом, разборка церковных зданий, религиозные шествия могли проводиться с разрешения райисполкома, облисполкома и Совета по делам РПЦ при СНК Союза ССР [5, л. 11].

Разрешены были и некоторые правовые вопросы религиозных объединений. В постановлении СНК СССР от 22.08.1945 № 2137-546-с. религиозным объединениям предоставлялось право юридического лица в части приобретения транспортных средств, производства и продажи церковной утвари, предметов религиозного культа, аренды, покупки в собственность и строи-

тельства домов для нужд религиозных объединений. Этим же постановлением СНК республик и обл(край)исполкомам было предложено: во-первых, не препятствовать церковным общинам производить колокольный церковный звон в городах и селах, используя имеющиеся колокола, и не препятствовать их приобретению; во-вторых, при планировании предусматривать, в пределах возможного, необходимость снабжения строительными материалами приходские общины для ремонта церковных зданий, обусловленного договором с общиной, по представлениям уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР [6, л. 61].

В целом изменения в законодательной части, их основное содержание доводились до сведения патриархии, а в некоторых случаях подробно комментировалось на страницах «Журнала Московской патриархии». Вне всяких сомнений это и другие подобные решения способствовали возрождению религиозной жизни в СССР [7, с. 339].

Обозначенная в годы войны новая церковная политика предусматривала государственную поддержку патриаршей церкви. На Архиерейском соборе Русской православной церкви 8 сентября 1943 г. был избран патриархом Московским Сергей. Либерализация в церковном вопросе, начавшаяся в годы Великой Отечественной войны, предусматривала в первую очередь сокращение количества подпольных общин и легализацию деятельности церкви. Ведь, несмотря на массовые гонения, которые длились несколько десятилетий, в СССР по-прежнему существовала религиозная жизнь, которая ушла в подполье и для власти представляла большую опасность. Вызывали тревогу и непонимание у властей распространенные еще с дореволюционных времен «неофициальные» формы народной религиозности. Эти традиции свидетельствовали о незыблемости той национальной культуры, которая передавалась из поколения в поколение, ее носителями, в основном, являлись жители сельской местности [8, с. 172]. Именно борьба с подпольными формами существования религиозной жизни и явилась одной из главных задач созданного в 1943 г. Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР [8, с. 171]. В то же время и многочисленные незарегистрированные общины, и священники получили основания добиваться легализации своей деятельности и требовать открытия церквей. Возможность осуществлять религиозную деятельность без явных преследований и открытие церквей действительно способ-

ствовали возвращению в патриаршую церковь подпольных общин и групп. Решающую роль в примирении последних с патриархией стало избрание в феврале 1945 г. патриархом Алексия (Симанского): ведь многие подпольные общины испытывали неприязнь в основном лично к митрополиту Сергию. Легализация различных форм подпольной церковной деятельности стала «одним из важнейших механизмов, благодаря которым в этот период происходило возрождение церковной жизни» [8, с. 173–174].

На территории Витебской области, как в целом по всей республике, сразу после окончания войны советские власти не препятствовали функционированию уже существующих церквей и открытию новых. Так, Бешенковичский райисполком решением от 7 мая 1945 г. № 278 разрешил открыть церковь в д. Вяжище Стрелищанского с/с. Исполком даже нашел возможным передать церкви здание, в котором с 1932 г. помещался склад заготзерна, выделил средства и лесоматериал на ремонт этого помещения [5, л. 10]. В IV квартале 1946 г. Витебский облисполком удовлетворил 2 ходатайства об открытии церквей в г. Орша и г. Витебске, направив материалы в Совет. Всего в Орше стали функционировать 2 церкви. В период 1944–1946 гг. в г. Витебске действовала одна церковь, в 1947–1948 гг. – 2 церкви. Следует отметить, что в 1946 г. и 1947 г. фактически функционировала только 1 церковь, так как в Покровской церкви г. Витебска, которую с разрешения Совета по делам РПЦ удалось открыть 21 августа 1946 г., службы не проводились из-за необходимости осуществления крупного восстановительного ремонта здания церкви [2, л. 16–17]. Во время оккупации Покровская церковь не закрывалась, обслуживала не только жителей города, но и прилегающую территорию сельской местности в 25 км от города [9, л. 4].

Ситуация с открытием новых церквей в послевоенный период была достаточно неоднозначной. В первые годы своего существования, 1943–1944 гг., Совет по делам РПЦ скупой давал санкции на их проведение. В 1945–1946 гг. подобные вопросы стали разрешаться гораздо успешнее для верующих. Начиная с 1947 г. положение вновь ухудшается [9, с. 336]. Несмотря на ряд законодательных и административных инициатив по открытию православных церквей, этот процесс шел медленно и в Витебской области, о чем свидетельствует количество действующих церквей и молитвенных домов: на 1.01.1944 – 28, 1.01.1945 – 29, 1.01.1946 – 29, 1.01.1947 – 30, 1.01.1948 – 30. По области

на 1.01.1948 г. действующие церкви и молитвенные дома распределялись следующим образом: в городах и рабочих поселках – 16, в сельских населенных пунктах – 14 [2, л. 18]. По состоянию на 01.01.1949 г. на территории Витебской области действовало 28 церквей, которые были открыты в годы немецкой оккупации, за исключением 2-х, которые открылись по решению Совета в послевоенный период [10, л. 28].

В то же время количество ходатайств об открытии церквей росло. Если в 1944 г. поступило 2 ходатайства об открытии церквей, в 1945 г. – 4, то только за второй квартал 1948 г. поступило 5 ходатайств [2, л. 51]. Однако при этом можно отметить, что из 6 заявлений об открытии церквей в области, поступивших в третьем квартале 1945 г., 3 заявления были отклонены, 1 – возвращено для надлежащего оформления, по 2 – ожидалось материалы для окончательного оформления и направления в Совет [5, л. 13]. Численность вновь открываемых церквей возросла незначительно, что объяснялось медлительностью, с которой рассматривались ходатайства и высоким процентом отклоняемых заявлений. Как результат, в 1948 г. в Витебской области, после завершения периода массовой регистрации, насчитывались 34 недействующие церкви, из них 3 здания были заняты под клуб, 1 – под школу, 11 – под склады, 19 были ничем не заняты [2, л. 50].

Среди официальных причин отказа в удовлетворении просьб верующих об открытии молитвенных помещений назывались следующие: наличие в непосредственной близости действующего культового здания; отказ епископов поддержать заявления верующих из-за отсутствия приходского духовенства; просимое здание уже занято под иные цели или оно находится в ветхом состоянии; «нецелесообразно» открывать храм [7, с. 313]. Однако основной причиной, препятствующей легализации деятельности православных церквей, являлось открытое или скрытое противодействие властей (от сельсовета до областного Совета и республиканского Совнаркома) данному процессу. Принятый еще в 1943 г. порядок рассмотрения ходатайств об открытии и регистрации церквей устанавливался, в первую очередь, для того, чтобы руководство религиозной политикой на всей территории СССР осуществлялось централизованно. Москва оставляла за собой право устанавливать численность церквей и их распределение по территории страны там, где их открытие будет сочтено целесообразным. В послевоенный период советское политическое руководство именно на ранее оккупированных террито-

риях страны проводило политику, направленную на сдерживание дальнейшего роста численности культовых зданий, не используя при этом репрессивных методов [8, с. 179].

Так, церковное здание в поселке Лиозно было изъято советской властью в 1943 г., сразу после освобождения поселка от немецко-фашистских захватчиков. В 1945–1946 гг. община поднимала вопрос о возвращении ей церковного здания, но ходатайства были отклонены. В поселке Копысь церковное здание было изъято в начале 1946 г. и стало использоваться как школьное помещение. С разрешения Совета по делам РПЦ церковная община начала строительство молитвенного дома, но и к 1947 г. работы были не завершены [11, л. 119].

Таким образом, еще в годы войны был взят курс на легализацию религиозной деятельности, который предполагал открытие, регистрацию церквей и верующих под контролем государства. Данный курс рассматривался Русской православной церковью как определенное пространство для самостоятельности, которую им предоставляло государство. В то же время Сталин и политическое руководство страны сохранило зависимое положение церковных структур от государственных органов власти, возможность вмешательства во внутренние дела церкви, осуществление постоянного контроля и при необходимости использование церкви во внешней и внутренней политике [8, с. 163]. Тем не менее данный период, даже с учетом всех сохранившихся ограничений, можно рассматривать как период существенных уступок для церкви, которая с 1917 г. знала в основном произвол со стороны государства, испытывала лишения и постоянные разорения церковных учреждений.

В послевоенный период государственно-религиозной политики ключевым вопросом являлся вопрос не просто открытия, а именно регистрации действующих церквей. Первый этап регистрации должен был завершиться до 1 октября 1945 г. [4, л. 17]. Однако данная установка не была выполнена. Она не нашла поддержки ни у местных властей, ни со стороны верующих и духовенства. 19 июня 1945 г. Витебский облисполком принял решение за № 522 «О проведении подготовительной работы к регистрации церквей». Однако из документов 1945 г. следует, что «в Витебской области большинство райисполкомов не выполнили указаний облисполкома и сорвали проведение данной работы в срок» [5, л. 10]. Так, в Витебской области в III квартале

1945 г. из 29 церквей зарегистрированы были только 13. В Оршанском районе из 10 действующих церквей была зарегистрирована 1 – в г. Орше. В свою очередь и православное духовенство всячески противилось регистрации, находя для этого различные поводы. Отдельные священники под теми или иными предлогами не оформляли регистрацию, а на предупреждение о запрете совершения богослужения и треб, например, священник Улльской церкви Бешенковичского района Борсукович ответил: «Ну что же, побуду в отпуске и отдохну». Священник церкви в местечке Островно Бешенковичского района Хоботов, несмотря на то, что и сам уклонялся от регистрации, обслуживал параллельно еще две соседние церкви. Только после того, как было запрещено служить священнику Хоботову в этих церквях, от верующих поступило ходатайство об открытии церквей в их населенных пунктах [5, л. 13].

На освобожденных территориях Белорусской ССР важным являлся вопрос об управлении православными церквями. С 1944 по 1947 г. управление Минско-Белорусской епархией осуществлял архиепископ Василий (Василий Михайлович Ратмиров). С января 1947 г. и на протяжении 12 лет архиепископом Минским и Белорусским был Питирим (в миру Петр Петрович Свиридов). Основной задачей правящего духовенства в послевоенной Беларуси стала организация церковной жизни в новых условиях. Так, с назначением архиепископом Питирима в области, как в целом в республике, проводилась работа по активизации деятельности духовенства, росту доходности приходов, привлечению паствы.

Контроль за православными церквями в Витебской области осуществляли с 1945 г. 4 благочинных, при этом наибольшую организованность и активность в управлении проявлял благочинный Толочинского района Абрамов. «Именно в данном районе все православные церкви были зарегистрированы, средства, собранные на патристические цели, сдавались вовремя», – подчеркивал в отчетных документах уполномоченный Совета [5, л. 19].

Вместе с тем в послевоенный период в связи с возрождением религиозной жизни и увеличением численности приходов остро стояла проблема квалифицированных церковных кадров, подготовки новых священников, чтобы они смогли восполнить убыль духовенства, уничтоженного во время гонений и в годы войны. Права иметь свои духовные учебные заведения церковь лишилась еще в конце 1920-х гг. Только в марте 1945 г. были

открыты православные пастырско-богословские курсы в Минске, а с 1946 г. все богословские курсы получили разрешение стать семинариями [8, с. 175]. При непосредственном участии Питири-ма была открыта Минская духовная семинария. И, как результат, из 14 человек духовенства, назначенных Питиримом в Витебскую область в 1948 г., имели среднее духовное образование – 7, общее среднее – 3, специальное высшее – 1, общее низшее – 3 человека [2, л. 51].

В целом при архиепископе Питириме активно шла работа с духовенством. Так, только в 1947 г. 9 священников Витебской области перевели в другие церкви области или республики, в область были назначены 6 новых священников, 2 священника лишены сана и 1 уволен за штат. Подобные изменения проводились и в среде диаконов и псаломщиков [11, л. 113]. Боролся Питирим и с негативными явлениями среди духовенства, такими как пьянство, присваивание материальных средств, предназначенных для патриотических целей (священники Браздеченской и Крапивенской церквей Оршанского района) [12, л. 10].

Основная роль в сохранении православных традиций, распространению их среди населения отводится духовенству. В послевоенный период священники Витебской области активно проводили религиозные требы и обряды и, в первую очередь, обряд крещения детей. Так, в 1948 г. в одном колхозе священник Оберенко крестил 22 ребенка [2, л. 51]. Если в 1947 г. в церкви Толочинского района окрестили 215 детей, то в 1948 г. уже 260, в молитвенном доме в райцентре Коханово рост количества крещений детей в те же годы с 216 до 290 [13, л. 26]. Этому способствовало возрождение практики совершения таинств и обрядов в период немецкой оккупации, когда на территории области происходило массовое крещение детей, подростков и взрослых. После войны родители считали возможным крестить всех детей. В документах, которые характеризуют ситуацию в Витебской области, встречаются факты, когда крестными при крещении были и милиционер, и молодой мобилизованный офицер. Так, в г. Орша крестил ребенка член партии, который, объясняя данное участие в обряде, отмечал, «что сейчас религия является личным частным делом» [11, л. 122].

Активность духовенства Витебской области проявлялась и в дни общих поминовений умерших, когда священники объезжали все деревни своего прихода для служения панихид на кладбищах (священник Крапивенской церкви – Ленок, Оршанской церкви – Поминальный). Некоторые

священники проводили религиозные обряды не только в своих приходах, но и совершали поездки по другим районам. Так, священник г/п Лепель Витебской области Забелло активно совершал поездки по своей области, а также неоднократно посещал соседнюю Полоцкую область для осуществления обрядов крещения детей.

В целом следует отметить, что в послевоенный период религиозность среди населения оставалась высокой. Яркими свидетельствами этого служат отчеты уполномоченных Совета по делам РПЦ о празднованиях религиозных праздников. Так, в день Пасхи, в ночь с 1 на 2 мая 1948 г., в Казанской церкви г. Витебска на богослужении было не менее 800 чел., что значительно превышало количество посетителей пасхальной службы в 1947 г. Церковь, вместимость которой составляла 500–600 чел., была заполнена полностью и в Вербное воскресенье [2, л. 12]. В 1949 г. на пасхальном богослужении присутствовало уже более 1000 человек, что вызвало давку, и часть людей находилось около церкви (площадь церкви равна 234 кв. м) [13, л. 48].

Повсеместные церковные службы с большим количеством молящихся сопровождали празднования, посвященные 500-летию автокефалии Русской православной церкви. 18 октября 1948 г. соборные богослужения, с привлечением большого количества молящихся, были совершены и в г. Витебске [14, л. 77].

Активное посещение верующими церквей отражалось и на материальной обеспеченности приходов. Так, доходность церкви г. Орша за 1946 г. составила 140 092 руб. и включала: пожертвования – 7 261 руб., кружечный сбор – 9 144 руб., продажу свечей (чистый доход) – 104 413 руб., случайные поступления – 1 895 руб., прочие доходы – 9 970 руб. Годовой доход Толочинской церкви за 1946 г. составил 51 920 руб. [11, л. 34]. Доходы Лиозненского молитвенного дома за 1947–1948 гг., после денежной реформы, почти не уменьшились, в то время как цена свечей, дающая основные средства, уменьшилась с 10 до 3 рублей. Следовательно, потеря в цене была компенсирована ростом количества проданных свечей, что говорит об увеличении посещения церкви и проведенных богослужений [13, л. 26].

В послевоенной жизни православных церквей вновь стали организовываться церковные хоры и выделяться существенные средства на их содержание. Так, витебский священник Цитович организовал церковный хор, сам им руководил и расходовал на его содержание 5 тыс. рублей

в месяц. Посещаемость в этой церкви сразу увеличилась, а на богослужениях стали присутствовать по 200–300 человек, в том числе и молодежь, и родители с детьми [11, л. 122].

Одним из основных средств духовного воздействия на сознание верующих является проповедь. Как следует из документов 1945–1948 гг., проповедническая деятельность в районах области не носила системного характера. Регулярный характер проведения проповедей в послевоенный период наблюдался в церквях только городов Витебска и Орши. Произносимая священнослужителем в храме во время богослужения проповедь основывалась на вероучении православия, внимание верующих обращалось на духовно-нравственные, моральные основы жизни человека и общества, согласно христианским традициям. Наряду с упоминанием ключевых тем проповедей встречаются в документах и темы, отражающие особенности советского послевоенного времени: призыв верующих к ответственному труду в колхозах и на предприятиях, с подтверждением «наложенной на человека Богом обязанности в поте лица своего добывать хлеб» (священник Витебской церкви Мороз); о притеснениях церкви в СССР. Так, священник Бешенковичской церкви Витебской области Миловский, выступая 12 июня 1949 г. на Троицу с проповедью, употреблял такие выражения: «враги церкви и религии стремятся закрыть церкви. Но мы должны усилить свою помощь церкви и доказать врагам, что церковь живет и будет дальше жить, расширяя свою деятельность» [13, л. 47].

Еще одним направлением деятельности православного духовенства в послевоенный период оставалась благотворительность. Вплоть до начала 1947 г. церковь вносила сотни миллионов рублей на общественно-политические цели, в том числе большую часть в благотворительные организации и фонды – помощи детям-сиротам, семьям военнослужащих, Красный Крест и т.п. Многие выплаты имели конкретные адреса – детских интернатов, домов ветеранов, отдельных инвалидов войны через собесы. В пасхальную неделю священник церкви в г. Лепеле Дейнека подарил находящемуся там детскому дому значительное количество собранных от верующих яиц. Такой же подарок он сделал и для находящихся в камере предварительного заключения [13, л. 47].

Эта практика, поднимавшая авторитет церкви, вызывала озабоченность властей, и в феврале

1947 г. согласно указанию из Совета Министров Патриарх Алексий предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели. Сокращение поступлений в государственный бюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства, а также ростом налогов [9, с. 340]. В 1947 г. сбор средств по всем церквям Витебской области на патриотические цели был прекращен, начался сбор средств в фонд мира, а также на строительство и восстановление храмов [11, л. 38].

Заключение. На территории Витебской области, как в целом по всей республике, сразу после окончания войны советские власти не препятствовали функционированию церквей и открытию новых. Этому способствовали создание в 1943 г. Совета по делам РПЦ при СМ СССР, изменения нормативно-правовой базы, регулирующей отношения между государством и церковью. Одновременно следует подчеркнуть, что советское руководство в целом не отказывалось от цели искоренения «религиозных предрассудков» и не шло на узаконивание стихийного и массового открытия церквей. До 1948 г. активно проводилась регистрация церквей, которой всячески противились как сами власти, так и верующие. На территории Витебской области к концу 1948 г. действовало 28 церквей, зарегистрированных в Совете, которые были открыты в годы немецкой оккупации, кроме 2-х, которые были открыты по решению Совета в послевоенный период.

В послевоенный период религиозность среди населения Витебской области оставалась высокой. В обозначенное время православные приходы нуждались в квалифицированных церковных кадрах. Священники на территории Витебской области активно осуществляли религиозные обряды крещения, венчания, организовывали церковные хоры. В дни религиозных праздников проводили повсеместные церковные службы, где активно проповедовали христианское учение. До 1947 г. собирали средства на благотворительность.

Во второй половине 1948 г. произошло резкое падение заинтересованности руководства СССР в Русской православной церкви. В отношении к церкви была избрана новая тактика государства, основанная на активном ограничении и вытеснении церкви из всех сфер общественной жизни. Начинается преследование прихожан, разгон молящихся в храмах, но главное – это постепенное сокращение количества действующих церквей.

В Витебской области за период с 1948 по 1954 г. по разным причинам были сняты с регистрации 6 действующих церквей, из них типовых – 5 и молитвенных домов – 1.

Литература

1. Отчетно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по западным областям БССР // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 12.
2. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви и уполномоченного Совета по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 4.
3. Силова, С.В. Крестный путь. Белорусская православная церковь в период немецкой оккупации (1941–1944 гг.) / С.В. Силова. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – 71 с.
4. Отчетно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви по областям БССР // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 2.
5. Указания Совета по делам Русской православной церкви, отчеты и переписка уполномоченного Совета по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 1.
6. Циркулярно-инструктивные письма и протоколы заседаний Совета по делам Русской православной церкви // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 27.
7. Одинцов, М.И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма. 1917–1953 гг. / М.И. Одинцов. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 424 с.
8. Роккуччи, А. Сталин и патриарх: Православная церковь и советская власть, 1917–1958 / А. Роккуччи; [пер. с итал. О.Р. Щелоковой]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 582 с.
9. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2005. – 400 с.
10. Материалы о деятельности Русской православной церкви (отчеты, докладные записки, решения исполкомов, заключения уполномоченных и переписка) // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 20.
11. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви и уполномоченного Совета по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 3.
12. Указания Совета по делам Русской православной церкви уполномоченным Советом по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 2.
13. Постановления и указания Совета по делам Русской православной церкви, уполномоченного Совета по БССР, отчеты, сведения и переписка уполномоченного по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Фонд 4131. – Оп. 1. – Д. 5.
14. Приказы и протоколы заседаний Совета по делам Русской православной церкви, протоколы совещаний уполномоченных Совета, докладные записки // Нац. архив Респ. Беларусь. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 13.

Поступила в редакцию 22.12.2018 г.

Беларускія вучоныя ў галіне матэматыкі і фізікі ў канцы XVIII – XIX ст.

Бездзель В.Я.

Віцебскі філіял УА ФПБ “Міжнародны ўніверсітэт «MITSO»”, Віцебск

Канец XVIII – XIX ст. у гісторыі беларускага народа – гэта перыяд станаўлення беларускай нацыі і фарміравання нацыянальнай мовы, літаратуры, культуры, самасвядомасці. На жаль, вучоныя і іх дасягненні ў галіне прыродазнаўчых і дакладных навук у гэтым кантэксце займаюць даволі сціплае месца.

Мэта артыкула – ахарактарызаваць дзейнасць вучоных, ураджэнцаў беларускіх губерняў, у галіне матэматыкі і фізікі ў канцы XVIII – XIX ст.

Матэрыял і метады. Даследаванне падрыхтавана па матэрыялах навуковых прац і энцыклапедычных даведнікаў, прысвечаных пытанням развіцця матэматычных ведаў і адукацыі на беларускіх землях і ў краінах Заходняй Еўропы, біяграфічных слоўнікаў пачатку XX ст. Для дасягнення пастаўленай мэты выкарыстоўваліся гісторыка-генетычны, гісторыка-сістэмны і гісторыка-тыпалагічны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У XVIII–XIX стст. пад уплывам эпохі Асветніцтва і навукова-тэхнічнай рэвалюцыі ў Заходняй Еўропе імкліва развіваюцца матэматыка і фізіка. Навуковыя адкрыцці і вынаходніцтвы змаглі растлумачыць сутнасць прыродных з’яў, змянілі ўяўленні чалавека пра сусвет. Вучоныя, ураджэнцы беларускіх губерняў, вывучалі і карысталіся дасягненнямі еўрапейскіх навукоўцаў, паглыблялі і дапаўнялі іх. Вынікам іх працы былі падручнікі па матэматыцы, механіцы, адкрыцці ў галіне электрамагнетызму, оптыкі і спектраскапіі. Разам з тым уваходжанне беларускіх зямель у склад Расійскай імперыі, закрыццё Віленскага ўніверсітэта, адсутнасць вышэйшай навукальнай установы адмоўна паўплывалі на працэс фарміравання беларускай навуковай школы ў галіне матэматыкі і фізікі.

Заклучэнне. Пералічаныя ў артыкуле нешматлікія імёны беларускіх навукоўцаў і іх дасягненні дазваляюць гаварыць пра актыўнае фарміраванне ў канцы XVIII – XIX ст. беларускай навукі, якая развівалася, абаяраючыся на еўрапейскія навуковыя адкрыцці, пашырала і паглыбляла накопленыя веды. Адсутнасць у беларусаў дзяржаўнасці замарудзіла гэты працэс, але не спыніла яго.

Ключавыя словы: матэматыка, фізіка, беларусы, навука, нацыя.

(Ученые записки. – 2018. – Том 28. – С. 78–82)

The Late XVIII – XIX Century Belarusian Scholars in the Field of Mathematics and Physics

Bezdel V. Ya.

*Vitebsk Branch of the Belarusian Trade Union Federation Educational Establishment
International University of MITSO, Vitebsk*

The late XVIII – XIX centuries in the history of Belarusian people are the period of the maturation of Belarusian nation and shaping the national language, literature, culture and self-identification. Unfortunately, scholars and their advances in the field of natural and precise sciences in this context take a very modest place.

The purpose of the article is to characterize the activities of Belarusian scholars in the field of mathematics and physics in the late XVIII – XIX centuries.

Material and methods. The research is based on scientific works and encyclopedia directories on the issues of the development of mathematical knowledge and education in Belarusian lands and Western European countries, biographic directories of the early XX century. To reach the goal the historical and genetic, the historical and system and the historical and typological methods were used.

Findings and their discussion. In the XVIII–XIX centuries under the influence of the epoch of Enlightenment and the scientific and technological revolution in Western Europe mathematics and physics develop rapidly. Scientific discoveries and inventions could explain the essence of natural phenomena, changed the existing man’s picture of the world. Scholars who came from Belarusian lands studied and used the advances of European researchers and contributed to them. The results of their work were textbooks on mathematics, mechanics, discoveries in the field of electromagnetism, optics and spectroscopy.

At the same time, joining by the Belarusian lands the Russian Empire, closure of Vilna University, absence of a university had an impact on the process of shaping Belarusian scientific school in the field of mathematics and physics.

Conclusion. *The scarce number of names of Belarusian scholars and their achievements listed in the article make it possible to speak about active shaping of Belarusian science in the late XVIII – XIX centuries, which developed on the basis of European scientific discoveries, widened and contributed to the accumulated knowledge. The absence of Belarusian state impaired the process but did not stop it.*

Key words: *mathematics, physics, Belarusians, science, nation.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 78–82)

Канец XVIII – XIX ст. у гісторыі беларускага народа – гэта перыяд станаўлення беларускай нацыі і фарміравання нацыянальнай мовы, літаратуры, культуры, самасвядомасці. На жаль, вучоныя і іх дасягненні ў галіне прыродазнаўчых і дакладных навук у гэтым кантэксце займаюць даволі сціплае месца. Разам з тым у XVIII–XIX стст. закладваліся асновы як самастойнага беларускага этнасу, так і беларускай навукі. Нашы суайчыннікі шмат зрабілі для развіцця матэматыкі, біялогіі, медыцыны, аховы здароўя і многіх іншых навуковых накірункаў не толькі на тэрыторыі беларускіх губерняў, але і Расійскай імперыі. Па прычыне адсутнасці ўласнай дзяржаўнасці многія беларускія навукоўцы лічыліся рускімі або палякамі.

Тэма развіцця матэматыкі і фізікі на беларускіх землях у абазначаны перыяд атрымала асвятленне яшчэ ў савецкі час. Гэта ў першую чаргу даследаванні В.Я. Пруднікава, В.А. Дабравольскага, А.М. Багалюбава, В.С. Віргінскага, Я.Г. Дорфмана, у якіх разглядаліся аспекты распрацоўкі тэарэтычных пытанняў вучонымі, роля іх дасягненняў у фарміраванні навуковай карціны свету [1]. Адзначаныя аўтары заклалі факталагічны падмурак для далейшага аналізу гісторыі матэматыкі і фізікі, але іх работы не пазбаўлены ўплыву савецка-марксісцкай ідэалогіі, калі навуковыя адкрыцці тлумачыліся выключна зменамі грамадска-эканамічных фармацый, а асноўная ўвага надавалася аналізу дзейнасці расійскіх матэматыкаў і фізікаў.

У сучаснай беларускай гістарыяграфіі існуе пэўны прабел па дадзеным пытанні. Адною з першых спроб комплекснага падыходу і навуковага аналізу дасягненняў вучоных, ураджэнцаў беларускіх губерняў, стала калектыўная манаграфія аўтара артыкула [2].

Мэта артыкула – ахарактарызаваць дзейнасць вучоных, ураджэнцаў беларускіх губерняў, у галіне матэматыкі і фізікі ў канцы XVIII – XIX ст.

Матэрыял і метады. Даследаванне падрыхтавана па матэрыялах аўтарэфератаў дысертацый, перыядычнага друку, артыкулаў энцыклапедыч-

ных даведнікаў, прысвечаных пытанням развіцця матэматычных ведаў і адукацыі на беларускіх землях і ў краінах Заходняй Еўропы, біяграфічных слоўнікаў пачатку XX ст. Для дасягнення пастаўленай мэты і задач выкарыстоўваліся гісторыка-генетычны, гісторыка-сістэмны і гісторыка-тыпалагічны метады.

Вынікі і іх абмеркаванне. У XVIII ст. многія тэхнічныя працэсы здзяйсняліся на аснове чыста практычнага вопыту без тэарэтычнага абгрунтавання. Пытанні тэрмадынамікі паравых машын, тэхнічнай механікі, балістыкі патрабавалі папярэдніх разлікаў, што і дало штуршок для бурнага, у параўнанні з папярэднім перыядам, развіцця матэматыкі.

Матэматыку, якая была раней заняткам нешматлікіх спецыялістаў або аматараў, паставілі на службу вайсковым, гаспадарчым і палітычным інтарэсам дзяржавы. Перад гэтай навукай узнікае шэраг навуковых праблем, для вырашэння якіх патрабаваліся новыя метады і тэорыі. Найбольш гібкімі і ўніверсальнымі аказаліся матэматычны аналіз і заснаваная на ім тэорыя дыферэнцыраваных ураўненняў, распрацоўка якіх стала асноўным напрамкам у матэматыцы XVIII ст. Працы па матэматычным аналізе, у сваю чаргу, садзейнічалі з'яўленню новых накірункаў у матэматычнай навуцы: тэорыі шэрагаў, дыферэнцыраванай геаметрыі, затым тэорыі верагоднасці і тэорыі лічбаў. На аналітычнай аснове ствараюцца механіка цвёрдых і вадкіх цел і нябесная механіка, друкуюцца “Гідрадынаміка” Д. Бернулі, шматтомныя “Аналітычная механіка” Лагранжа і “Нябесная механіка” Лапласа. Матэматыка паспяхова знаходзіць прымяненне ў навігацыі, караблебудаванні, ваеннай справе, балістыцы і г.д. Лідарам матэматыкаў XVIII ст. быў Л. Эйлер, які зрабіў з матэматычнага аналізу дасканалы інструмент даследавання. Ён распрацаваў тэхніку інтэгравання, на аснове яго навуковых прац пазней ствараюцца падручнікі па дыферэнцыраваным вылічэнні, аналітычнай геаметрыі і алгебры.

Беларускія матэматыкі актыўна карысталіся напрацоўкамі еўрапейскіх вучоных у адука-

цыйным працэсе і навуковых вынаходніцтвах. З 1767 г. вышэйшую матэматыку ў Віленскай акадэміі выкладаў Францішак Міліконт Нарвойша. У сваёй выкладчыцкай дзейнасці ён абапіраўся пераважна на работы Ньютана, Лагранжа, Эйлера і іншых вядомых матэматыкаў эпохі [3, с. 89]. Ф.М. Нарвойша меў званне каралеўскага матэматыка, быў абраны членам-карэспандэнтам італьянскага навуковага таварыства ў Вероне, членам Варшаўскага таварыства сяброў навукі і Віленскага таварыства навукі і мастацтва. Ён пакінуў пасля сябе шмат цікавых картаў па гідратэхніцы, якія разам з іншымі яго працамі захоўваюцца ў бібліятэцы Віленскага ўніверсітэта.

З 1780 па 1803 г. рэктарам гэтай навучальнай установы быў вядомы беларускі педагог, прафесар матэматыкі Марцін Пачобут-Адлянцікі (1728–1810 гг.), аўтар кніг-падручнікаў “Пачатак геаметрыі...”, “Астранамічныя назіранні”.

Асаблівасцю навуковых даследаванняў на мяжы XVIII–XIX стст., безумоўна, было выкарыстанне матэматычных метадаў у іншых навукх: у механіцы, фізіцы, астраноміі, філасофіі. Так, Бенедыкт Дабшэвіч (1722 – каля 1794 г.) з’яўляўся выкладчыкам матэматыкі, філасофіі і тэалогіі, а потым прафесарам філасофіі Віленскай акадэміі. Яго працамі “Лекции по логике, написанные на основе одобренных мнений древних и более новых мыслителей для употребления слушателей философии”, “Взгляды новых философов” быў пакладзены пачатак перагляду наяўных пастулатаў філасофіі на аснове логікі і матэматыкі [4, с. 130–131]. На наш погляд, падобны падыход у пэўным сэнсе можна назваць інтэграваным падыходам да навуковага пошуку.

Навукоўцы ў той час прыходзяць да высновы, што матэматыка з’яўляецца ўзорам навуковай дакладнасці і вывучэнне фізічных, механічных, прыродных з’яў пры дапамозе матэматычных метадаў садзейнічае больш грунтоўнаму вывучэнню фізікі, хіміі, астраноміі, артылерыі і інш. Матэматыка зноў становіцца пераважна ўніверсітэцкай навукай. З’яўляюцца першыя матэматычныя таварыствы: Лонданскае, Амерыканскае, Французскае, Маскоўскае.

Пасля трох падзелаў Рэчы Паспалітай месцам атрымання якаснай матэматычнай адукацыі і цэнтрам матэматычных навуковых пошукаў становіцца фізіка-матэматычны факультэт Віленскага ўніверсітэта. У 1820 г. дэканам фізіка-матэматычнага аддзялення стаў Тамаш Іванавіч Жыцкі, урадженец Віленскага павета, выпускнік Галоўнай Віленскай школы, доктар філасофіі. Ён

склаў прагрэсіўную праграму лекцый па матэматыцы, якая доўгі час карысталася поспехам [5, с. 364–365].

Знакамітым настаўнікам матэматыкі і логікі быў Міхаіл Палінскі-Пёлка, які чытаў аналітычную геаметрыю, выкарыстоўваючы новыя французскія падручнікі (Біа, Монжа і інш.). Аўтар прац «Пачаткі плоскай трыганаметрыі» (1816 г.), «Аб геадэзіі» (1816 г.), «Пачаткі геаметрыі для юнацтва» (1817 г.) і іншых. У 1828 г. выйшла ў свет трэцяе выданне яго плоскай трыганаметрыі з дадаткам табліцы лагарыфмаў [6, с. 60]. З’яўленне гэтага падручніка – невыпадковая падзея, бо XIX ст. лічыцца стагоддзем геаметрыі.

Вялікі ўклад у развіццё геаметрыі зрабіў Платон Пагарэльскі (1800–1852 гг.). Ён пераклаў на рускую мову і пашырыў пэўнымі ўдакладненнямі “Курс чыстай матэматыкі”, які быў складзены французскімі матэматыкамі Алезам, Білі, Будро і Пьюсанам для ваенных школ, паколькі выкладанне гэтага прадмета ў Расійскай імперыі ў той час істотным чынам ускладнялася амаль поўнай адсутнасцю якасных падручнікаў [7, с. 177–178]. Падручнік быў падзелены на асобныя кнігі: “Арыфметыка” (1832 г.), “Алгебра” (1833 г.) і “Геаметрыя” (1834 г.). Усе яны неаднаразова перавыдаваліся і былі высока ацэнены Міністэрствам народнай асветы Расійскай імперыі.

Выкладчык матэматыкі Ваеннай гімназіі ў Арэнбургу Іван Пятровіч Доўбня (1853–1912 гг.) з’яўляецца аўтарам каля 100 навуковых і навукова-метадычных работ. У сваёй працы “Об основаниях прямолинейной тригонометрии” (1894 г.) ён прапанаваў ідэю вызначаць трыганаметрычныя функцыі “сінус” і “косінус” як прамавугольныя дэкартавыя каардынаты кропкі адзінкавай акружнасці. Гэта ідэя знайшла рэалізацыю ў сучасных падручніках па алгебры і пачатках аналізу.

Згодна з дадзенымі Mathematics Genealogy Project, І.П. Доўбня лічыцца заснавальнікам другога па колькасці сямейства матэматыкаў, саступае толькі Палькастра і апырэджае Лейбніца і Д’аламбера [8, с. 17]. Іван Пятровіч быў не толькі таленавітым вучоным, але і педагогам, які здолеў пакінуць пасля сябе цэлую плеяду выдатных навукоўцаў.

У 1870 г. Васіль Пятровіч Ермакоў вынайшаў новую прымету збежнасці лікавых шэрагаў, якая пераўзыходзіла ўсе астатнія прыметы сваёй адчувальнасцю. Гэтае даследаванне знайшло адлюстраванне ў артыкулах “Общая теория сходимости рядов” і “Новый признак сходимости и расходимости бесконечных знакопеременных

рядов” [9]. У 1874 г. В.П. Ермакоў бліскуча абараніў магістарскую дысертацыю “Общая теория интегрирования линейных дифференциальных уравнений высших порядков частными производными и проч.”. У 1884 г. яго абіраюць членам-карэспандэнтам Пецябургскай акадэміі навук. У гэтым жа годзе В.П. Ермакоў пачынае выданне навуковага часопіса “Журнал элементарной математики”. Ён пакінуў пасля сябе шмат таленавітых вучняў, сярод якіх вядомыя матэматыкі Барыс Букрэў, Уладзімір Вельмін, Антоні Пшаборскі і інш.

Фізіка. У XVIII ст. штуршком для развіцця фізікі паслужыла патрэба патлумачыць прычыны прыродных з’яў, а таксама патрэбы вытворчасці. Цікава, што адкрыццям у фізіцы садзейнічалі не толькі прафесіяналы, але вельмі часта аматары. Яркі прыклад – Бенджамін Франклін, які вынайшаў громаадвод, вывучаў электрычнасць, зрабіў вывад пра сувязь гэтай з’явы з магнетызмам.

У канцы XVIII ст. А. Вольт стварыў “вольтаў слуп”, першую электрычную батарэю ў гісторыі чалавецтва; Г. Фарынгейт вынайшаў ртутны тэрмометр. У XIX ст. актыўна развіваецца не толькі эксперыментальная, але і прыкладная фізіка: А. Ампер увёў паняцце электрычнага току, М. Фарадэй адкрыў з’яву электрамагнітнай індукцыі, законы электролізу і інш., Т. Юнг абгрунтаваў закон захавання энергіі, Д.К. Максвел прапанаваў уласную электрамагнітную тэорыю. Як вынік, склаліся новыя раздзелы навукі: тэрмадынаміка, тэорыя пругкасці, статычная фізіка, радыёфізіка, сейсмалогія, метэаралогія.

На беларускіх землях таксама былі фізікі, якія зрабілі значны ўнёсак не толькі ў айчынную, але і ў сусветную навуку.

Мікалае Феліксавіча Ястрэмбскага (1808–1874) называюць першым у Расійскай імперыі гісторыкам механікі. Ён стаў першым актыўным распрацоўшчыкам і папулярызатарам тэорыі супраціўлення матэрыялаў. Галіна яго інтарэсаў – мостабудаванне, асабліва ўзвядзенне мастоў, якія вісяць. Ён даказаў, што для іх лепш падыходзіць не сталь, якая пры пэўных тэмпературах становіцца крохкай, а жалеза. Узведзены па яго праекце драўляны мост праз Дняпро ў Магілёве прастаяў без нараканняў больш за 80 гадоў, пакуль не быў узарваны нямецка-фашысцкімі захопнікамі ў ліпені 1941 г. Ён аўтар шэрага навуковых публікацый: “Влияние способа прикрепления цепей на сопротивление устоев висячих мостов”, “Описание динамометрического нажима, употребляемого для изменения количества действия, прини-

маемого круговращающимися частями машин”, “Общая теория движения машин”, “Выводы из опытов над трением, произведенных Мореном”, “О построении мостовых арок из чугуна”, “Курс практической механики” (у 2-х тамах). У канцы 40-х гг. XIX ст. ім быў складзены “Атлас образцовых механических устройств”, які змяшчаў чарцяжы розных механізмаў і машын і выкарыстоўваўся ў якасці дапаможніка пры выкладанні практычнай механікі.

Іпаліт-Дамінік Антонавiч Яўнeвiч (1831–1903) з’яўляецца не толькі шырокавядомым аўтарам першага вучэбнага дапаможніка па тэорыі пругкасці на рускай мове, але і вялікай колькасці іншых публікацый. Асобныя артыкулы І.А. Яўнeвiча перакладаліся на польскую мову і друкаваліся ў часопісе “Przegląd Techniczny” [10, с. 236]. Актыўная навуковая дзейнасць Яўнeвiча не засталася без увагі дзяржавы. Ён быў узнагароджаны Ордэнам святой Ганны I-й ступені; Ордэнам святой Ганны II-й ступені з імператарскай каронай; Ордэнам святога Станіслава I-й і II-й ступені; Ордэнам святога Ўладзіміра III-й і IV-й ступені.

Якуб Адамавіч Наркевіч-Ёдка (1848–1905) шляхам доўгага і ўсебаковага вывучэння электрычных з’яў прыйшоў да высновы, што электрычнасць падпарадкоўваецца агульным законам фізікі, што яна, як гук і святло, распаўсюджваецца хвалепадобнымі ваганнямі. І гэта ў той час, калі многія вядомыя вучоныя не разумелі фізічнага сэнсу ўраўненняў Максвела.

Ужо ў 1890 г. Я.А. Наркевіч-Ёдка ўжыў для рэгістрацыі навальнічных разрадаў свайго роду “радыёпрыёмнік”. Прыбор, галоўнай часткай якога служыла тэлефонная трубка, дазваляў рэгістраваць электрычныя разрады ў атмасферы на адлегласці да 100 км [11, с. 167]. Так, Наркевіч-Ёдка раней за А.С. Папова паказаў магчымасць рэгістрацыі навальнічных разрадаў.

Праз сістэму маланкаадводаў вёў барацьбу з градам, чым садзейнічаў ахове палёў. За заслугі ў галіне метэаралогіі ў 1890 г. ён быў узнагароджаны сярэбраным медалём Рускага геаграфічнага таварыства. За навуковыя працы ў 1890 г. зацверджаны членам-супрацоўнікам Інстытута эксперыментальнай медыцыны ў Пецябургу.

Жыгімонт Фларэнцы Урублеўскі (1845–1888), удзельнік паўстання 1863–1864 гг., быў амнісціраваны ўладамі ў 1869 г., вярнуўся ў Беларусь, а пасля выехаў на вучобу ў Берлінскі ўніверсітэт. Працяглы час працаваў у фізічных лабараторыях Гер-

маніі і Францыі пад кіраўніцтвам славутых фізікаў Г. Гельмгольца, Г. Кірхгофа, А. Кунта. У 1883 г. ён арганізаваў у Ягелонскім універсітэце фізічную лабараторыю, дзе ў красавіку 1884 г. сумесна з К. Альшэўскім упершыню ў свеце атрымаў у вымяральной колькасці вадкі кісларод, а таксама звадкаваў азот, вокіс вугляроду і вадарод. Жыгімонт Урублеўскі выканаў першыя ў свеце даследаванні электраправоднасці металаў пры нізкіх тэмпературах. Ім былі вызначаны крытычныя тэмпературы вокісу вугляроду, кіслароду і азоту [12, с. 37]. У 1883 г. ён быў абраны членам-карэспандэнтам Польскай акадэміі навук, а ў 1886 г. – Акадэміі навук у Вене. За працы над звадкаваннем газаў атрымаў прэстыжную прэмію імя Баўмгартнера. З’яўляўся ганаровым членам Таварыства фізікі ў Жэневе (Швейцарыя).

Аляксандр Іванавіч Садоўскі (1859–1923) праводзіў навуковыя даследаванні ў галіне оптыкі і спектраскапіі. У 1898 г. ён упершыню тэарэтычна даказаў існаванне вярчальнага дзеяння светлавых хваляў, якія падаюць на крышталі (эфект Садоўскага), вылічыў вярчальныя моманты і даказаў магчымасць непасрэднага пераўтварэння светлавой энергіі ў механічную. Слушнасць тэарэтычных высноў А. Садоўскага была эксперыментальна даказана толькі ў 1935 г. амерыканскім вучоным Р. Бэтам, пасля чаго яны і атрымалі сусветнае прызнанне.

Аляксандр Іванавіч быў адным з арганізатараў і ўдзельнікаў першага ў Расійскай імперыі з’езда выкладчыкаў фізікі ў 1902 г.

Заклучэнне. Пералічаныя ў артыкуле нешматлікія імёны беларускіх навукоўцаў і іх дасягненні дазваляюць гаварыць пра актыўнае фарміраванне ў канцы XVIII – XIX ст. беларускай навукі, якая развівалася, абапіраючыся на еўрапейскія навуковыя адкрыцці, пашырала і паглыбляла накопленыя веды. Адсутнасць у беларусаў дзяржаўнасці замарудзіла гэты працэс, але не спыніла яго.

Літаратура

1. Прудников, В.Е. Русские педагоги-математики XVIII–XIX веков / В.Е. Прудников. – М.: Учпедгиз, 1956. – 641 с.; Добровольский, В.А. Очерки развития аналитической теории дифференциальных уравнений / В.А. Добровольский. – Киев: Высшая школа, 1974. – 456 с.; Боголюбов, А.Н. Математики. Механики. Биографический справочник / А.Н. Боголюбов. – Киев: Наукова думка, 1983. – 639 с.; Виргинский, В.С. Очерки истории науки и техники XVI–XIX вв.: пособие для учителя / В.С. Виргинский. – М.: Просвещение, 1984. – 287 с.; Дорфман, Я.Г. Всемирная история физики: в 2 т. / Я.Г. Дорфман. – М.: Наука, 1979.
2. Бездзель, В.Я. Беларускія вучоныя, даследчыкі і вынаходнікі ў галіне тэхнічных і натуральных навук (другая палова XVII – першая чвэрць XX ст.): манаграфія / В.Я. Бездзель, В.М. Хаданёнак. – Віцебск: ВА “ВДТУ”, 2018. – 179 с.
3. Берэзкіна, Н.Ю. Библиотеки и распространение научных знаний в Беларуси (XVI–XX вв.) / Н.Ю. Берэзкіна. – Минск: Беларуская навука, 2013. – 520 с.
4. Асветнікі зямлі Беларускай: X – пачатак XX ст.: энцыкл. даведнік / рэдкал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2006. – 496 с.
5. Bieliński, J. Uniwersytet Wileński (1579–1831) / J. Bieliński. – Kraków: Druk W.L. Anczyca i spółki, 1900. – Т. III.
6. Беспамятных, Н.Д. Математическое образование в Белоруссии: ист. очерк / Н.Д. Беспамятных. – Минск: Вышэйшая школа, 1975. – 286 с.
7. Русский биографический словарь: в 25 т. / изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцева. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1905. – Т. 14: Плавильщиков–Примо. – 802 с.
8. Баборченко, Л.В. И.П. Долбня – горный инженер, заведующий кафедрой высшей математики, директор горного института (к 150-летию со дня рождения) / Л.В. Баборченко, Е.Л. Барт, М.Ю. Сысоева // Записки горного института. – 2003. – Т. 163. – С. 16–18.
9. Ермаков, В.П. Новый признак сходимости и расходимости бесконечных знакопостоянных рядов / В.П. Ермаков. – Киев: Унив. тип., 1872. – 20 с.
10. Мелуа, А.И. Инженеры Санкт-Петербурга / А.И. Мелуа // Энциклопедия. – СПб.: Издательство Международного фонда истории науки, 1997. – 1040 с.
11. Киселев, В.Н. Парадоксы “электрического человека”: жизнь и деятельность белорусского ученого Якова Оттоновича Наркевича-Иодко / В.Н. Киселев. – Минск: Бел. наука, 2007. – 316 с.
12. Гапоненка, В. Уладар гранічнага холаду: Жыгімонт Урублеўскі / В. Гапоненка, А. Кіштымаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1995. – 62 с.

Паступіў у рэдакцыю 22.12.2018

Российско-американские отношения в период второго президентства В. Путина

Косов А.П.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

В статье исследуются проблемы российско-американских отношений во время второго президентства В. Путина. Автор анализирует основные направления сотрудничества и соперничества Москвы и Вашингтона в обозначенный период, акцентируя внимание на основных точках двустороннего взаимодействия.

Цель работы — рассмотреть эволюцию российско-американских отношений в 2004–2008 гг.

***Материал и методы.** Представленная статья основывается на публикациях, посвященных проблемам международного развития. При этом используются общенаучные и специально-исторические методы.*

***Результаты и их обсуждение.** Особое внимание автор уделяет российским и американским подходам к борьбе с международным терроризмом, решению проблем стратегической безопасности и вопросам нераспространения оружия массового уничтожения (ОМУ). Кроме того, в статье показывается разное видение политической элитой России и США современного мирового порядка, американское вмешательство во внутренние дела Российской Федерации и ответная реакция Москвы, подчеркивается тенденция усиления геополитического соперничества двух держав на постсоветском пространстве, особенно в Закавказье, Центральной Азии и Украине.*

***Заключение.** Сделан вывод, что в период второго президентства В. Путина в российско-американских отношениях сотрудничество между двумя державами по важным направлениям мировой политики и международной безопасности стало уступать место конфронтации. Главной причиной ухудшения атмосферы взаимоотношений стало концептуальное расхождение Москвы и Вашингтона относительно практически всей повестки их отношений — от создания нового мирового порядка до политического развития постсоветского пространства и самой России.*

***Ключевые слова:** Россия, США, В. Путин, Дж. Буш-мл., российско-американские отношения.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 83–91)

Russian-American Relations during the Second Presidency of V. Putin

Kosov A.P.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Issues of Russian-American relations during the second presidency of V. Putin are considered in the article. The author analyzes basic directions of the cooperation and competition of Moscow and Washington in period under review and draws attention to the main points of the bilateral interaction.

The purpose of the work is to consider the evolution of Russian-American relations in 2004–2008.

***Material and methods.** The present paper is based on publications on the problems of international development with the application of general scientific and special historic methods.*

***Findings and their discussion.** Special attention is paid to Russian and American approaches to combating international terrorism, to solving the problems of strategic security as well as issues of non-proliferation of mass destruction weapons (MDW). Besides, different vision by the political elite of Russia and the USA of the contemporary global order is presented as well as American intrusion into the internal affairs of the Russian Federation and Moscow's response, the increase the tendency of strengthening of geopolitical competition of the two powers in the post-Soviet space, especially in the South Caucasus, Central Asia and Ukraine.*

***Conclusion.** Conclusion is made that during the second presidency of V. Putin in Russian-American relations the cooperation between the two countries on significant directions of global policy and international security was gradually substituted by confrontation. The main cause of the worsening of the atmosphere of interrelations was the concept divergence between Moscow and Washington regarding practically all the addenda of their relations — from building a new world order to the political development of the post-Soviet space and Russia itself.*

***Key words:** Russia, the USA, V. Putin, G. Bush, Russian-American relations.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 83–91)

Как показывает современная история российско-американских отношений, США по-прежнему занимают одно из ведущих мест во внешней политике России. Не стал исключением и период второго президентства В. Путина, ознаменовавшийся существенным охлаждением между Москвой и Вашингтоном. В 2004–2008 гг. несовместимость позиций РФ и США проявилась по всем направлениям: от проблем создания нового мирового порядка до конкретных действий по решению российских внутриполитических проблем и вопросов отношений России и США с другими странами [1, с. 166].

Цель статьи – рассмотреть эволюцию российско-американских отношений в 2004–2008 гг.

Материал и методы. Представленная работа базируется на публикациях российских и американских авторов, посвятивших свои исследования проблеме взаимоотношений Москвы и Вашингтона. Так, можно назвать работы Р. Кагана, А. Стент, А. Арбатова, В. Батюка, М. Братерского, Т. Кашириной, В. Согрина, Т. Шаклеиной и др., в которых освещены вопросы взаимодействия двух держав в обозначенный период.

Методологической основой статьи стала совокупность научных принципов объективности, историзма и достоверности. Для осмысления эволюции российско-американских отношений нами использовались как общенаучные (анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение, сравнение), так и специально-исторические (историко-типологический, историко-генетический, историко-сравнительный) методы исследования, а также системного анализа.

Результаты и их обсуждение. Весной 2004 г. В. Путин переизбрался на второй президентский срок и тем самым продолжил реализацию внутри- и внешнеполитического курса страны, ориентиры которого были намечены еще в период первого президентства. Конечно, в 2004–2008 гг. в его политике произошли изменения, вызванные рядом факторов, в том числе и действиями Вашингтона. В частности, на протяжении второго президентства В. Путина со стороны США существенно усилилась критика поведения российского руководства как внутри страны, так и за ее пределами. Разумеется, Россия в этом плане стремилась не отставать. Для подавляющей части политического истеблишмента двух стран оказались неприемлемыми базовые внешнеполитические принципы друг друга, критиковались конкретные действия Москвы и Вашингтона на мировой арене, нацио-

нальные интересы характеризовались как неправомерные, что свидетельствовало об усилении русофобии в США и антиамериканизма в РФ.

На официальном уровне Вашингтон признавал Россию великой державой, без которой невозможно решить многие важнейшие проблемы, прежде всего в сфере безопасности. На деле же американцы рассматривали РФ как страну, проигравшую «холодную войну», слабую политически и экономически, а значит обязанную подчиняться и вести себя по американским правилам. Но для путинской России статус «проигравшей стороны» был более не приемлем, поэтому Москва стремилась вести себя как великая держава, пусть и уступающая США по целому ряду показателей. Тем самым РФ вернулась в большую политику, и Вашингтон должен был это признать [1, с. 167]. Но американская политическая элита никак не хотела с этим мириться и пыталась всячески противодействовать «возвращению» России. Так, в Стратегии национальной безопасности США, появившейся в марте 2006 г., прямо указывалось на то, что характер отношений с Россией будет напрямую зависеть от российской внутренней и внешней политики. Препятствование Москвой развития демократии внутри РФ и за ее пределами будет ухудшать развитие российско-американских отношений [2].

В целом в период второго президентства В. Путина узловыми проблемами российско-американских отношений, оказывающими воздействие на их развитие, стали борьба с международным терроризмом, подходы к созданию нового мирового порядка, вопросы стратегической безопасности, нераспространения ОМУ, вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела России и реакция Москвы, соперничество на постсоветском пространстве.

Борьба с международным терроризмом. В 2004–2008 гг. борьба с международным терроризмом по-прежнему оставалась в повестке дня взаимоотношений РФ и США. Свидетельством стали многочисленные встречи и мероприятия, на которых обсуждались вопросы противодействия террористической угрозе. Например, 1 июня 2005 г. прошло первое совместное заседание Комитета по международным делам Госдумы РФ и Комитета по международным отношениям Палаты представителей Конгресса США, по итогам которого было подписано Совместное заявление о противодействии терроризму и незаконному обороту наркотиков. Однако, несмотря на осуществление российско-американского

сотрудничества в вопросах борьбы с терроризмом, даже здесь у сторон проявлялись разногласия. В первую очередь: кого считать террористами? Особенно тогда, когда речь шла о Северном Кавказе. По словам В. Путина, после отдельных случаев, связанных с деятельностью боевиков на Северном Кавказе, у российской стороны сложилось впечатление, что «американские партнеры на словах говорят о поддержке России, говорят о готовности к сотрудничеству, в том числе в борьбе с терроризмом, а на самом деле используют этих террористов для раскачивания внутривнутриполитической ситуации в России» [3, с. 43]. Вашингтон же ссылаясь на то, что США поддерживают не террористов, а политическую оппозицию [3, с. 46]. При этом Москва возлагала ответственность на Вашингтон за ситуацию в Ираке, ставшем после американского вторжения одним из анклавов терроризма и дестабилизирующем весь регион. Не лучше обстояли дела и в Афганистане.

Таким образом, осуществляя сотрудничество по борьбе с международным терроризмом, Российская Федерация и Соединенные Штаты порой по-разному подходили к определению того, кто является террористом, а кто – нет.

Подходы к созданию нового мирового порядка. В рассматриваемый период руководство США стремилось окончательно утвердить однополярный миропорядок, особо не считаясь с мнением международного сообщества. Неудивительно, что, претендуя на роль мирового лидера, Вашингтон не был готов и не собирался признавать на деле Москву равноправным партнером. Россия же не хотела больше играть по американским правилам и быть младшим партнером Соединенных Штатов.

Российские политики в подавляющем большинстве ратовали за многополярный мир, отстаивая право суверенных государств на собственный путь развития, отвергали гегемонию и диктат даже во имя демократии. В действовавшей Концепции внешней политики РФ, утвержденной президентом В. Путиным в 2000 г., говорилось о том, что Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений на основе взаимного учета интересов и коллективного решения ключевых проблем [4]. В многочисленных публикациях и выступлениях представителей политической элиты России жестко критиковалось и осуждалось внешнеполитическое поведение США в мире, особенно на Большом Ближнем Востоке. Правда, порой безусловно справедливая критика действий Ва-

шингтона переходила все разумные границы и в патриотическом угаре в вину американцам ставился даже Афганистан, хотя в 2001 г. Кремль поддержал антитеррористические усилия администрации Дж. Буша-мл.

Важнейшим пунктом, по которому позиции Москвы и Вашингтона разошлись, явилась американская политика демократизации мира. У России и США сложилось различное понимание того, как сочетаются западные нормы демократии с традиционализмом той или иной страны, а также того, правомерно ли насильственное внешнее вмешательство и насаждение демократии [1, с. 167–168]. Так, РФ снова ощутила свое величие на международной арене, вновь обрела потерянное достоинство и гордость. Москва стала оперировать такими категориями, как сфера влияния и держава, диктующая собственные условия в том или ином регионе мира. Россия была доминирующей силой в прошлом и должна была вернуть этот статус [5]. В 2006 г. на совещании послов в МИД РФ В. Путин впервые упомянул об ответственности России за глобальное развитие и призвал привести политическое влияние страны в мире в соответствие с ее возросшими экономическими возможностями [6, с. 265].

Несогласие Москвы с поведением США в мире получило широкую известность 10 февраля 2007 г., когда В. Путин на международной конференции по вопросам политики безопасности в Мюнхене заявил о неприемлемости однополярного мира, о гипертрофированном использовании Вашингтоном военной силы, нарушении норм международного права со стороны США. По его словам, однополярный мир «в конечном итоге означает на практике только одно: это один центр власти, один центр силы, один центр принятия решения. Это мир одного хозяина, одного суверена. И это в конечном итоге губительно не только для всех, кто находится в рамках этой системы, но и для самого суверена, потому что разрушает его изнутри» [7]. Речь российского президента стала настоящим шоком для Запада. Многие сочли это выступление даже началом новой «холодной войны». Но Белый дом отреагировал на мюнхенскую речь Путина относительно спокойно. Это объяснялось обострением положения в Ираке и Афганистане, поэтому дальнейшая конфронтация в российско-американских отношениях не отвечала интересам Вашингтона. Наоборот, Соединенным Штатам требовалось содействие России по ряду актуальных проблем мировой политики и международной безопасности. Тем не менее отношения продолжили ухудшаться.

Следовательно, позиционирование России в качестве независимого центра силы шло вразрез с американскими ожиданиями «попослушной России» и вызывало нарастание конфликтного потенциала в двусторонних отношениях.

Проблемы стратегической безопасности. США и Россия как две сильнейшие в военном плане ядерные державы мира были заинтересованы в сохранении стратегической безопасности, что находило подтверждение в заявлениях руководства двух стран. Так, 20 ноября 2004 г. во время саммита АТЭС в чилийском Сантьяго В. Путин и Дж. Буш-мл. обсудили совместную работу в интересах укрепления международной безопасности и стратегической стабильности, противодействие новым глобальным вызовам и угрозам. При этом Москва стремилась к новому договору по СНВ, но администрация Дж. Буша-мл. была к этому безразлична. Она преуменьшала значение договоров, направленных на предотвращение распространения ОМУ и осуществление контроля над ним. Вашингтон исходил из того, что в строгом контроле над ядерными арсеналами России нет особой необходимости, поскольку они и так слабеют [8]. Но когда Кремль начал масштабную программу обновления своих стратегических ядерных сил, многие в Америке забили тревогу. Огромные средства Москва направила на модернизацию баллистических ракет наземного («Тополь-М») и морского («Булава») базирования. В Вашингтоне стали раздаваться голоса о том, что возвращение сильной России чревато мировой дестабилизацией [9, р. 94].

В начале 2007 г. российское руководство впервые заговорило о возможном выходе России из Договора по РСМД. Однако ясности с мотивами такого решения не было. Если президент В. Путин и тогдашний министр обороны С. Иванов обосновывали его наличием ракет у целого ряда стран – Ирана, Индии, Пакистана, КНР, Северной и Южной Кореи, то начальник генштаба генерал Ю. Балухович мотивировал подобный шаг Москвы планами развертывания в Польше и Чехии к 2012 г. элементов американской ПРО. Данные разночтения свидетельствовали о том, что реальные мотивы заключались в стремлении Кремля, после всех международных отступлений 1990-х гг., утвердить собственную самостоятельность на мировой арене, продемонстрировав стремление не отставать от США в ломке договоров по разоружению [10, с. 8–9]. Кроме того, за таким решением могли стоять интересы влиятельной кооперации ОПК и ведомств МО [10,

с. 16]. В свое время в запрещении этих ракет Москва была заинтересована намного больше, нежели Вашингтон [10, с. 7]. Действительно, выход из Договора по ПРО снова вернет в Европу американские ракеты средней дальности, которые будучи размещенными на территории стран ЦВЕ приобретут стратегическое значение. Кроме того, выход станет дополнительным аргументом по сплочению членов НАТО на антироссийской основе, в том числе по вопросам расширения на постсоветское пространство [10, с. 19].

Одновременно в российско-американских отношениях набирала остроту проблема противоракетной обороны. В своем выступлении в Мюнхене 10 февраля 2007 г. В. Путин подверг резкой критике планы Вашингтона по развертыванию элементов ПРО в Восточной Европе. Намерения США были расценены им как нарушение баланса сил в мире, влекущее новый виток гонки вооружений. При этом российский президент заявил, что в качестве ответных мер РФ может начать разработку новых видов наступательных вооружений [7]. Однако спустя неделю, 19 февраля 2007 г., на совместной пресс-конференции премьер-министр Польши Я. Качиньский и премьер-министр Чехии М. Тополанек выразили готовность своих стран участвовать в планах США по развертыванию ПРО. Тем самым вопрос, волнующий Москву, остался на повестке дня стратегической безопасности. Стороны, понимая наличие разногласий, пытались путем переговоров склонить друг друга к собственному видению ситуации. Так, 14–15 мая 2007 г. проблемы ПРО обсуждались С. Лавровым и К. Райс во время ее визита в Москву, а 7 июня 2007 г. на саммите «большой восьмерки» в немецком Хайлигендамме В. Путин предложил Дж. Бушу-мл. совместно использовать Габалинскую РЛС в Азербайджане в качестве альтернативы РЛС на территории Европы. Во время неформальной встречи Дж. Буша-мл. и В. Путина в американском Кеннебанкпорте, которая состоялась 1–2 июля 2007 г., российский президент развил свое предложение о совместном использовании Габалинской РЛС предложением включить в общую систему также строящуюся РЛС в Армавире. Вашингтон согласился на совместное использование Габалинской станции, но не отказался от собственных планов размещения десяти ракет-перехватчиков в Польше и радара в Чехии под предлогом защиты от предполагаемой иранской угрозы. Москва выразила несогласие с таким подходом, на что американцы обвинили Россию в нежелании

сотрудничать [11, с. 95]. После этого к проблеме ПРО стороны обращались еще неоднократно: например, 8–9 сентября 2007 г. во время разговора В. Путина и Дж. Буша-мл. на саммите АТЭС в Сиднее, а также 12–13 октября 2007 г., когда в Россию состоялся визит госсекретаря К. Райс и министра обороны Р. Гейтса для обсуждения со своими российскими коллегами вопросов стратегической безопасности.

В сочинской Декларации о стратегических рамках российско-американских отношений от 6 апреля 2008 г., принятой по итогам встречи В. Путина и Дж. Буша-мл., нашли отражение серьезные разногласия между Москвой и Вашингтоном по проблеме ПРО и вывода ударных средств в космос, над преодолением которых сторонам предстояло работать дальше [11, с. 95]. Ее обсуждения продолжились, но уже при Д. Медведеве.

Вопросы нераспространения ОМУ. Важное место в российско-американских отношениях занимали вопросы нераспространения ОМУ, которые неоднократно обсуждались во время встреч руководства двух стран. Как известно, наибольшую озабоченность мирового сообщества вызывали иранская и северокорейская ядерные программы, а также возможность попадания ядерного оружия в руки террористов, что являлось предметом обсуждения Москвы и Вашингтона. Но нередко стороны по-разному смотрели на решение данных вопросов. Позиции США и РФ существенно расходились относительно сотрудничества с Ираном: если американцы выступали за сохранение режима санкций в отношении Тегерана, то Кремль продолжал развивать российско-иранские отношения по разным направлениям, за исключением создания ОМУ. Так, 8 июня 2004 г. во время встречи В. Путина и Дж. Буша-мл. в американском Си-Айленде в рамках саммита «большой восьмерки» российский президент заявил своему коллеге о нежелании Москвы прекращать сотрудничество с Ираном. Это вызывало раздражение Вашингтона. Поэтому иранская проблема обсуждалась российским руководством с К. Райс во время ее визитов в Москву в октябре 2005 и 2006 г. Задачей США было не допустить блокирования РФ американской резолюции по Ирану в СБ ООН. Однако в результате переговоров С. Лавров заверил К. Райс в том, что Россия не станет препятствовать принятию этой резолюции [12]. При этом Кремль не свернул сотрудничество с Тегераном, в том числе и в сфере обороны. Вашингтон реагировал на него вводом санкций в отношении российских структур, заподозренных в поставках

Ирану военной продукции или продукции двойного назначения. Разумеется, Москва выражала протест. Так, 4 августа 2006 г. МИД РФ назвал неприемлемыми введенные Госдепартаментом США санкции против российских госкорпораций «Рособоронэкспорт» и «Сухой» по обвинениям в сотрудничестве с Ираном в сфере распространения ОМУ. Однако 28 декабря 2006 г. США ввели новые санкции против Рособоронэкспорта, а также Конструкторского бюро приборостроения и Конструкторского бюро машиностроения по обвинениям в содействии оборонным программам Ирана и Сирии. Тем не менее российско-иранское сотрудничество продолжилось. 16 января 2007 г. РФ завершила поставки Тегерану зенитно-ракетных комплексов Тор-М1, что вызвало негативную реакцию Вашингтона.

Иные направления российско-американского сотрудничества в сфере нераспространения ОМУ не вызывали таких разногласий. Что касается северокорейской ядерной программы, то Москва и Вашингтон осуществляли сотрудничество в рамках, начавшихся в августе 2003 г., шестисторонних переговоров по денуклеаризации Корейского полуострова. В результате переговоров Пхеньян на время не только «заморозил» свою ядерную программу, но и приступил к демонтажу реактора в Йонбене. Руководители России и Соединенных Штатов сходились во мнении относительно недопустимости распространения ядерного оружия. Поэтому 14 октября 2006 г. СБ ООН была принята резолюция 1718, требующая от КНДР приостановить свою ракетную программу и восстановить мораторий на запуски баллистических ракет. Данная резолюция ограничивала также поставки Пхеньяну продукции и технологий двойного назначения. В ответ Северная Корея пообещала отказаться от ядерных вооружений, как только перестанет ощущать угрозу со стороны США [13].

В целом Москвой и Вашингтоном активно принимались заявления, касающиеся вопросов ядерного нераспространения, поскольку обе державы были в этом заинтересованы. Так, 24 февраля 2005 г. на встрече в Братиславе В. Путин и Дж. Буш-мл. заявили о сотрудничестве по вопросам безопасности в ядерной сфере, а также достигли договоренности о сотрудничестве в области усиления контроля над переносными зенитными ракетными комплексами. Спустя два месяца, 19–20 апреля 2005 г., вопросы, касающиеся нераспространения ОМУ, были обсуждены в Москве К. Райс с В. Путиным и С. Лавровым. Затем

на саммите «большой восьмерки», проходившем 14–17 июля 2006 г. в Санкт-Петербурге, В. Путин и Дж. Буш-мл. приняли совместное заявление относительно сотрудничества в мирном использовании атомной энергии и противодействии распространению ядерного оружия, а также совместное заявление о борьбе с актами ядерного терроризма. Наконец, во время неформальной встречи Дж. Буша-мл. и В. Путина в американском Кеннебанкпорте 1–2 июля 2007 г. было принято Заявление о начале реализации совместной инициативы по укреплению режима ДНЯО и развитию международного сотрудничества в области ядерной энергетики путем создания глобальной инфраструктуры ядерной энергетики, которая должна позволить государствам развивать эту отрасль без размещения на своей территории чувствительных элементов ядерного топливного цикла.

Вмешательство США во внутренние дела России и реакция Москвы. В период второго президентства В. Путина «фактор демократического развития Российской Федерации и всего постсоветского пространства» стал определяющим со стороны Соединенных Штатов в российско-американских отношениях. Хотя на уровне президентов двух стран поддерживался дух дружбы и стремления к сотрудничеству по всем направлениям, в политическом истеблишменте США нарастали серьезные претензии к российскому руководству по причине сворачивания демократии и роста авторитаризма в России. Одним из поводов для критики со стороны Вашингтона стало усиление централизации в управлении страной и замедление стимулов для развития рыночных механизмов в российской экономике [14, с. 66]. Так, в сентябре 2004 г. сенаторы Дж. Маккейн и Дж. Байден инициировали обращение к лидерам западных стран, в котором говорилось о том, что РФ целенаправленно движется к авторитаризму, а В. Путин использует «милитаристскую и имперскую риторику» [14, с. 70]. По мнению политико-академического сообщества США, путинская Россия стала все больше отворачиваться от демократии. Кремль не только отказался от дальнейшего развития демократических институтов в стране, но и начал целенаправленный демонтаж созданных ранее демократических структур [15, с. 325].

В преддверии своего первого официального визита в Москву в качестве госсекретаря в апреле 2005 г. К. Райс в интервью раскритиковала процесс демократизации в России. По ее словам, «тенденции в области демократии не являются

оптимистичными. Централизация власти в руках президента за счет уравнивающих институтов, таких как дума или независимая судебная система, действительно очень беспокоят. Отсутствие независимых СМИ нас очень беспокоит» [16].

В 2005 г. Конгресс США вернулся к обсуждению вопроса о возможности исключения России из «большой восьмерки» по причине отхода российских властей от демократии. Так, 17 февраля 2005 г. была принята резолюция Сената о членстве РФ в «группе восьми». 14 мая 2005 г. аналогичная резолюция была принята Палатой представителей по инициативе конгрессмена К. Кокса, в которой говорилось о том, что американское руководство должно предложить другим членам «восьмерки» приостановить российское членство в группе, если Москва не будет придерживаться норм свободного, демократического общества. Подобное заявление сделал и сенатор Дж. Либерман, охарактеризовавший данные резолюции «ответом на действия президента Путина по подрыву демократии в России» [14, с. 70–71].

В связи с принятием в России закона о НПО в декабре 2005 г. Б. Лоуэнкрон, занимавший пост помощника госсекретаря по вопросам демократии, прав человека и труда, заявил, что Кремль действует наперекор демократическим тенденциям в мире, подвергая российское гражданское общество возрастающему давлению. В связи с этим Палата представителей и Сенат приняли резолюции, предложенные конгрессменом Г. Хайдом и сенатором Дж. Маккейном соответственно, в которых содержалось обращение к правительству РФ отозвать и переписать закон о НПО [14, с. 67, 71].

В целях давления на Москву американским истеблишментом использовалось и «дело Ходорковского». Так, в 2005 г. после вынесения приговора олигарху М. Ходорковскому сенаторы Дж. Байден, Б. Обама, Дж. Маккейн, Б. Карден, а также конгрессмены Р. Викиер, Т. Лантос внесли в Сенат и Палату представителей резолюции, в которых «дело олигарха» было названо политически мотивированным, а сам бизнесмен незаконно осужденным.

В 2006 г. критика России со стороны американских русофобов усилилась в связи с вступлением РФ на пост председателя «большой восьмерки» и проведением ее саммита в Санкт-Петербурге. К вышеназванным предложениям американских законодателей об исключении России из Г-8 отдельные представители политико-академического сообщества США рекомендовали Дж. Бушу-мл. не ехать на саммит. Кроме того,

американские законодатели активно выступали за ужесточение политики в отношении Москвы. Так, в марте 2006 г. сенатор Р. Лугар призвал президента США во время визита в Санкт-Петербург поставить вопрос о демократии в России [14, с. 75, 77].

В ответ на американскую критику связанные с Кремлем политтехнологи в рамках стратегического противоборства с США стали разрабатывать новые концепции развития страны. Как справедливо отметил российский американист В. Согрин, в отличие от одобренной В. Путиным и Дж. Бушем-мл. на встрече в Кроуфорде 13 ноября 2001 г. концепции «новых отношений», подчеркивавшей приверженность двух стран общим ценностям демократии и свободного рынка, эти концепции обосновывали «уникальность российской цивилизации», ее евразийский характер и защищали придуманную модель «суверенной демократии» как для России, так и для других стран [17, с. 518]. Тем самым подчеркивались самобытность РФ, ее непохожесть на Запад. Соответственно делался вывод о том, что западные политики и эксперты не вправе критиковать российские власти.

Таким образом, различия сторон в подходах к демократизации России легли в основу российско-американских разногласий и стали основным препятствием для формирования взаимовыгодного партнерства двух стран.

Соперничество на постсоветском пространстве. В 2004–2008 гг. администрация Дж. Буша-мл. продолжила курс на противодействие интеграционным процессам на постсоветском пространстве под эгидой Москвы. Целью Вашингтона в данном регионе стало геополитическое вытеснение России. Как известно, начиная с 2003 г. в ряде постсоветских государств (Грузии, Украине) произошла смена правящих режимов на еще более антироссийские. Прозападные политические силы получили существенную поддержку со стороны таких правительственных и неправительственных западных структур, как Национальный демократический институт при Демократической партии, Международный республиканский институт при Республиканской партии, Госдепартамент, Агентство США по международному развитию, «Фридом хаус» и Институт «Открытое общество» Дж. Сороса [18, с. 63].

Москва не скрывала своей обеспокоенности в связи с проникновением Соединенных Штатов на постсоветское пространство, которое российский политический истеблишмент считал жизненно важной сферой национальных интересов страны.

Поэтому Кремль был крайне недоволен прозападным курсом пришедших к власти в результате «цветных революций» политических элит в Грузии и Украине.

Одним из главных раздражителей в российско-американских отношениях на постсоветском пространстве в рассматриваемый период стала Украина. На президентских выборах 2004 г. в конечном итоге российский фаворит В. Янукович проиграл, а победил проамериканский политик В. Ющенко. Победа Оранжевой революции оценивалась в Вашингтоне как геополитическое поражение Кремля, стремившегося к воссозданию новой империи. При этом американцы не скрывали факт поддержки прозападных политических сил в Украине. Так, США официально признали, что на украинские выборы ими было потрачено 18 млн долл., поскольку администрация Дж. Буша-мл. рассматривала Украину в качестве «ответственного партнера» в решении международных проблем, Соединенные Штаты обязались оказывать Киеву всестороннюю поддержку [1, с. 172].

Когда в конце 2005 г. Москва увеличила цену природного газа для Украины, Вашингтон расценил это как применение «энергетического оружия». В частности, госсекретарь К. Райс раскритиковала Кремль за использование цены на природный газ в политических целях, заявив, что «так дела не делаются». По ее мнению, подобные действия России не отвечают требованиям, предъявляемым к участникам «большой восьмерки» [19]. Так, 4 мая 2006 г. вице-президент США Р. Чейни выступил в Вильнюсе на втором саммите Содружества демократического выбора с речью, в которой осудил использование Россией своих природных ресурсов в качестве инструмента внешнеполитического давления на своих соседей, а также обвинил российское руководство в нарушении прав человека, деструктивном поведении на международной арене и сотрудничестве с Ираном, Сирией, КНДР и Беларусью [20].

В период второго президентства В. Путина заметное место в российско-американских отношениях занял и грузинский фактор. По мере того как Тбилиси все больше сближался с Западом, Москва понимала, что прежнего российско-грузинского сотрудничества уже не будет. Как только Кремлю стало очевидно, что главная цель М. Саакашвили вернуть в состав Грузии Абхазию и Южную Осетию, а затем войти в НАТО, российская реакция в отношении грузинских властей становилась все жестче. Вашингтон, наоборот, всячески приветствовал движение Тбилиси

в западном направлении. Тем самым Грузия становилась одним из серьезнейших противоречий между РФ и США на постсоветском пространстве. Так, 29 сентября 2006 г. Соединенные Штаты заблокировали принятие на экстренном заседании СБ ООН российского проекта резолюции, осуждавшей «провокационные действия Грузии» и содержавшей требование вывести грузинские войска из Кодорского ущелья с целью мирного урегулирования конфликта с Абхазией. В ответ 3 октября 2006 г. С. Лавров на пресс-конференции в Москве заявил, что Вашингтон спровоцировал кризис вокруг Грузии, и отверг любые формы посредничества США в налаживании российско-грузинских отношений. Американскому руководству пришлось пойти на определенные уступки и 13 октября 2006 г. СБ ООН поддержал российский проект резолюции по Грузии благодаря сближению позиций России и США по ряду международных вопросов, призвав Тбилиси вывести свои войска из верхней части Кодорского ущелья и воздержаться от «воинственной риторики и провокационных действий». Однако М. Саакашвили не оставил собственных планов объединить Грузию и войти в НАТО. Тем более что намерения грузинского президента находили поддержку в Вашингтоне. В апреле 2007 г. Дж. Буш-мл. подписал «Акт о консолидации свободы», который закладывал политико-правовую основу для вступления Украины и Грузии в НАТО. В ответ Москва предупредила, что это является для России «прямой угрозой» и «будет иметь самые серьезные последствия для общеевропейской безопасности» [6, с. 264].

Еще одним районом геополитического соперничества Москвы и Вашингтона стал центральноазиатский регион. Присутствие США в Центральной Азии после окончания активной фазы контртеррористической операции в Афганистане стало вызывать у российского руководства все большее недовольство. Кремль был обеспокоен возможностью осуществления в среднеазиатских государствах «цветных революций», инспирированных Вашингтоном. Примером стали события в Кыргызстане и Узбекистане в 2005 г. В силу того что пришедший к власти в Бишкеке К. Бакиев не стал дистанцироваться от России, свержение режима А. Акаева не рассматривалось как открытый антироссийский шаг [21, с. 158]. Что же касается попытки свержения режима И. Каримова, то неудача в Андижане рассматривалась как потеря для интересов США в регионе и выгода Кремля [21, с. 161]. Это неудивительно, по-

скольку Москва испытывала откровенный дискомфорт от военного присутствия американцев в Центральной Азии. Кроме того, Соединенные Штаты смешали в своей политике принципы распространения демократии с поиском выгод для себя в геоэкономическом плане, что не могло не вызывать раздражения у российской элиты [22, с. 69–70].

Возможно, урегулированию российско-американских разногласий на постсоветском пространстве могла бы способствовать его «финляндизация» – отказ от продвижения НАТО на Восток в обмен на обязательства Кремля уважать независимость бывших советских республик [18, с. 73]. Однако ни Москва, ни Вашингтон не пошли на подобный шаг, поскольку все еще надеялись одержать верх в этой геополитической борьбе за регион.

Заключение. Следовательно, в период второго президентства В. Путина российско-американские отношения имели тенденцию к их ухудшению. Сотрудничество Москвы и Вашингтона в таких важных для обеспечения международной безопасности сферах, как борьба с терроризмом, сокращение СНВ, нераспространение ОМУ, уступало место нарастающей конфронтации. Главной причиной охлаждения российско-американских отношений стало разное видение сторонами формирующегося нового миропорядка и их места в нем. Возвращавшаяся в мировую политику Россия начала активно противодействовать США по всем направлениям как внутри страны, так и за ее пределами, в том числе на постсоветском пространстве. В свою очередь, Соединенные Штаты, несмотря на надрыв своей имперской мощи в результате вторжения в Ирак, остались ведущей мировой державой и были не готовы сдавать геополитические позиции конкурентам, особенно РФ, списанной десятилетием ранее многими представителями американского политико-академического сообщества со счетов.

Другими словами, в 2004–2008 гг. Москва и Вашингтон вновь не оправдали надежды друг друга, что и привело к очередному периоду ухудшения российско-американских отношений, за которым последовала кратковременная «перезагрузка» времен президентств Д. Медведева и Б. Обамы, а затем наступил новый виток конфронтации, продолжающийся и по сей день.

Литература

1. Шаклеина, Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 272 с.

-
2. National Security Strategy of the United States of America. The White House, Washington. March, 2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/NSSR/2006.pdf>. – Date of access: 09.06.2012.
 3. Стоун, О. Интервью с Владимиром Путиным / О. Стоун. – М.: Альпина Паблишер, 2017. – 350 с.
 4. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 года [Электронный ресурс] // Кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/901764263>. – Дата доступа: 19.07.2016.
 5. Каган, Р. Россия и Китай угрожают миру [Электронный ресурс] / Р. Каган // ИНОСМИ.РУ. – 28.01.2008. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/world/20080128/239199.html>. – Дата доступа: 01.07.2016.
 6. Внешняя политика России. 1991–2016 / Т.А. Шаклеина [и др.]; под общ. ред. А.В. Торкунова. – М.: МГИМО-Университет, 2017. – 538 с.
 7. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. 10 февраля 2007 г. Мюнхен [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>. – Дата доступа: 29.07.2018.
 8. A Return to Arms Control [Electronic resource] // The Washington Post. – 2008. – June 2. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/01/AR2008060101881.html>. – Date of access: 10.05.2010.
 9. Rosefelde, S. Russia in the 21st Century. The Prodial Superpower / S. Rosefelde. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – XXI+244 p.
 10. Арбатов, А. Россия – США – Евросоюз: проблемы ПРО и РСМД / А. Арбатов // Современная Европа. – 2008. – № 3. – С. 5–21.
 11. Каширина, Т.В. Проблема сокращения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в российско-американских отношениях постсоветского периода / Т.В. Каширина // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 91–103.
 12. Linzer, D. Russia Won't Block U.S. on Iran [Electronic resource] / D. Linzer // The Washington Post. – 2006. – January 12. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/01/11/AR2006011102124.html>. – Date of access: 10.05.2010.
 13. Ядерная программа КНДР [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 03.09.2017. – Режим доступа: <https://ria.ru/spravka/20170903/1501650356.html>. – Дата доступа: 31.07.2018.
 14. Россия в современной системе обеспечения глобальной стабильности: политика и восприятие / отв. ред. А.А. Кокошин. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 208 с.
 15. Баталов, Э.Я. Проблема демократии в американской политической мысли XX века / Э.Я. Баталов. – М.: Прогресс-традиция, 2010. – 622 с.
 16. Кондолиза Райс добралась до Москвы [Электронный ресурс] // LENTA.RU. – 19 апр. 2005. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2005/04/19/rice1/>. – Дата доступа: 10.05.2006.
 17. Согрин, В.В. США в XX–XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя / В.В. Согрин. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2015. – 592 с.
 18. Батюк, В. Политика США на постсоветском пространстве после окончания «холодной войны» / В. Батюк // Международная жизнь. – 2011. – № 8. – С. 61–74.
 19. Rice: Russia Uses Energy Wealth as Political Weapon [Electronic resource] // FOX News. – 2006. – January 05. – Mode of access: <http://www.foxnews.com/story/2006/01/05/rice-russia-uses-energy-wealth-as-political-weapon.html>. – Date of access: 10.05.2010.
 20. Cheney at Summit in Lithuania Says Russia Has «Choice to Make». 4.05.2006 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://usinfo.state.gov/usinfo/Archive/2006/May/04-398238.html>. – Date of access: 17.02.2007.
 21. Стент, А. Почему Америка и Россия не слышат друг друга? Взгляд Вашингтона на новейшую историю российско-американских отношений / А. Стент. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 464 с.
 22. Братерский, М. Политика США в Центральной Азии и интересы России / М. Братерский // Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 4. – С. 64–72.
-

Поступила в редакцию 26.12.2018 г.

ФИЛОСОФИЯ

Онто-историческая проекция марксизма и перспективы его теоретического развития

Слемнев М.А., Табачков А.С.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

В данном исследовании рассматриваются теоретические и онто-исторические аспекты наследия марксизма в контексте современной социально-политической ситуации.

Цель статьи — выявление перспективных направлений дальнейшего теоретического развития марксизма в текущих и возможных в ближайшем будущем исторических условиях.

Материал и методы. Материалом исследования явилась марксистская презентация будущего человечества. Привлечен ряд оригинальных работ по онтологии и философии истории. Используются сравнительно-исторический и феноменологический методы познания.

Результаты и их обсуждение. Намечены возможные пути дальнейшего теоретического развития марксистского учения. Выявлены сущностные дефициты современной социально-политической реальности, которые определяют необходимость его творческого обновления. Объективности и беспристрастности полученных результатов способствовало осмысление интерпретаций марксизма философами экзистенциалистского и религиозного направлений.

Заключение. Идеальный потенциал самого учения и особенности социально-политической ситуации, сложившейся в мире после распада СССР, позволяют сделать вывод о том, что марксизм и его адекватные теоретические толкования есть и будут в обозримом будущем главными стратегиями поиска путей прогрессивного исторического развития человечества.

Ключевые слова: марксизм, историческое развитие, исторический прогресс.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 93–97)

Onto-historical Projection of Marxism and Prospects of its Theoretical Development

Slemnev M.A., Tabachkov A.S.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masharov University», Vitebsk

Theoretical and onto-historical aspects of the heritage of Marxism in the context of the contemporary social and political situation are considered in the article.

The purpose of the article is to find out prospective directions of further theoretical development of Marxism in the current and possibly near future historical conditions.

Material and methods. The research material is Marxist presentation of the future of the humanity. A number of original works on ontology and philosophy of history have been used. The comparative historical and the phenomenological methods of cognition are applied.

Findings and their discussion. Possible ways of further theoretical development of Marxist teaching are outlined. Essence shortcomings of the contemporary social and political reality are identified which determine the necessity in its creative renewal. Understanding Marxism interpretations by philosophers of existence and religious directions provide objectivity and impartiality of the obtained findings.

Conclusion. The ideal potential of the teaching itself and features of the social and political situation, which exists in the world after the collapse of the USSR, make it possible to conclude that Marxism and its adequate theoretical interpretations are and will be in the near future main strategies of the search of ways of progressive historical development of the humanity.

Key words: Marxism, historical development, historic progress.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 93–97)

Современный глобализованный мир находится в состоянии глубокого военно-политического, экологического и антропологического кризиса. Назрела острая потребность поиска новых ценностных ориентиров развития социума в XXI столетии. Важную роль для разработки социокультурных программ преодоления возникших вызовов и угроз, связанных с образовавшимся онтологическим разрывом на линии прогрессивного развития социального бытия, может сыграть аутентичный, недогматизированный марксизм, идейно-теоретические основы которого концептуально очерчены К. Марксом в работах «Экономико-философские рукописи 1844 года» и «Экономические рукописи 1857–1859 годов», а также в написанном совместно с Ф. Энгельсом труде «Святое семейство», опубликованном в 1845 году [1–3].

Существенный вклад в решение этой задачи способен внести философско-методологический анализ достижений и просчетов недавнего социалистического прошлого стран, переключивших сегодня «реверс» своего социоисторического развития.

Цель статьи – выявление перспективных направлений дальнейшего теоретического развития марксизма в текущих и возможных в ближайшем будущем исторических условиях.

Материал и методы. Основным материалом исследования явилась марксистская презентация будущего человечества. Привлечен ряд оригинальных работ по онтологии и философии истории. Используются сравнительно-исторический и феноменологический методы познания.

Результаты и их обсуждение. В работе «Через линию» известный философ экзистенциалистской традиции Э. Юнгер отмечает: «Оптимизм способен достичь слоев, где дремлет будущее, и оплодотворить их. В этом случае его встречают как знание, которое проникает глубже, чем власть фактов, – и даже может творить факты. Его основа находится скорее в характере, чем в мире. Нужно ценить такой оптимизм сам по себе, поскольку его носителя воодушевляют воля и надежда, а также шанс выстоять в завихрениях и опасностях истории. От этого зависит многое» [4, с. 13].

Подобный оптимизм является способом отношения с социальным бытием. Поскольку о внеположенности последнему говорить все-таки нельзя, то в известном смысле он представляет собой особое состояние самого бытия. Речь идет о его готовности, пусть дальней, пусть почти невозможной, глядя из окружающих обстоятельств и их предполагаемого развития, быть иным и лучшим, чем сейчас.

В качестве претендента на получение статуса «задремавшего будущего», умелое обращение с которым может изменить опасный вектор развития современной цивилизации, в статье будет рассматриваться недогматизированный марксизм, связанные с ним революционные события в России и последующее вслед за этим созидание нового социального строя. В данной связи возникает много сложных вопросов. Почему учение К. Маркса, а также все результаты русской революции сегодня подвергаются практически огульному и, обычно, яростному отрицанию и деструкции? В чем, перед лицом бушующей сейчас реакции, неизменное, достигнутое революцией? Почему эта, как сейчас кажется, всесильная, окончательно победившая реакция, тем не менее, явным образом не удовлетворена? Что, кроме духовной пустоты, псевдопобедителей стимулирует это давление на, казалось бы, уже ушедшее прошлое? И, наконец, каковы специфика и способ бытия столь странного будущего, о котором говорит Э. Юнгер?

Для получения ответа на эти и многие другие, родственные с ними вопросы, указанные историко-событийные феномены полезно представить в виде онтологически неизбежных сущностных «узлов» глобальной эволюции, сохраняющей в соответствии с законами диалектической преемственности «синергетическую память» о всех позитивных моментах прошлого. Как показал в 1973 году американский физик Б. Картер, невероятно далекое начало глобальных эволюционных процессов обладало мощным, хотя пока что трудно объяснимым антропным потенциалом. Пройдя через огромное множество бифуркационных проб и ошибок, послевзрывная материя сотворила «человека одухотворенного», на долю которого выпала великая космическая миссия стать креативным социокультурным существом, активно включившимся в целенаправленный онто-исторический процесс восходящего развития природы. При таком подходе сводить произошедшее в октябре 1917 года, равно как и возникновение марксизма, к неким девиациям истории и мышления, чередой должного и неистинного, занявшего своим исторически неверным существованием место и время чего-то, по их вине не случившегося, должного, недопустимо.

Сумев, ценою страшных жертв, сбыться, это большее, иное, новое историческое бытие человека, проиграв пока в противостоянии со старым, тем не менее, не исчезло, не ушло в небытие. Поэтому оно подвергается и будет подвергаться атакам со стороны этого старого. Сравнение такого

противоборства с накалом ненависти религиозных войн, пожалуй, оказывается слабым.

Не вера в потустороннее, не спор об особенностях ее догматов, но знание, научная социально-политическая теория были здесь основой. И эта теория, со всеми известными ошибками и недостатками, была воплощена в бытие, в настоящую, а не предполагаемую наивными постулатами архаичных религиозных интерпретаций, реальность.

Конфликт здесь предельно. Дерзнувшее революционное, даже как прошлое – а оно с позиций отмеченного оптимизма есть прошлое будущего, чрезвычайно креативное, защищенное собственной онтологией и потому является для бытийно-исторически противостоящему ему абсолютным, надвременным врагом.

Нынешнему позднекапиталистическому порядку нечего предъявить для честного победительного сравнения, особенно в интеллектуальной и духовно-нравственной сфере. Социокультурная реальность ведущих стран Запада и отрекшейся от себя части постсоветского мира представляет собой весьма грустное, а, зачастую, и просто отвратительное зрелище. Создается впечатление, что самыми актуальными проблемами для одномерного «*homo consumens*» являются защита прав сексуальных меньшинств, создание комфортных условий для однополых браков, легитимация т.н. «третьего пола», борьба с «тотальными» сексуальными домогательствами и т.п. Происходящее «обесчеловечивание человека» превращает, по словам известного испанского философа Ортеги-и-Гассета, «цивилизованных» людей Запада в стадо «обезумевших дикарей», разрушающих выстраданные многовековой историей человечества моральные, эстетические и иные табу.

Капиталистический мир как будто менялся к лучшему, в сторону более человечную и гуманную, пока была, существовала бок о бок, социально-политическая, идеологическая альтернатива ему как строю, как смыслу и стилю общественного бытия. Как только она исчезла, он незамедлительно приступил к ликвидации этих, конечно же, тактических излишеств, причем, явно увлекаясь, часто срываясь в фашизм, скатываясь к невероятному примитивизму.

После исчезновения этого грозящего и побуждающего «завтра» его реальность двинулась обратно, в сторону собственного «вчера», с неизбежным для контр-исторического всплеском иррационализма и насилия. Своего «завтра», а вместе с тем и движения от настоящего к будущему, у капитализма, по изложенным еще Марксом причинам, просто нет.

Находясь в границах базовой логики научного познания и элементарного историзма, нельзя не признавать того, что марксизм является единственным проверенным, подтвержденным реальной практикой, научным способом ухода из капитализма, великой ценой добытым, картированным проломом в стене, препятствующей сегодня восходящему развитию социума.

Такое сочетание, единение социально-теоретического и практико-исторического – исключительное, уникальное пока в истории. Ничего похожего, сопоставимого в сродстве учения и общесоциальной жизни, так и не удалось, как считал В. Соловьев, создать даже христианству [5, с. 7]. И ничем в этом роде никогда не был капитализм, он, скорее, состояние, а не реализация.

За парадоксальным исключением предельно наивных позднесоветских работ, вся его как будто бы теоретическая апологетика написана уже из него, постфактум. Она и марксизм поэтому имеют совершенно различную ценность с научно-методологической точки зрения.

После того как знаменитый «11-й тезис» со всеми эксцессами и пока далеко не законченностью дела был воплощен в жизнь, считать марксизм, по словам М. Хайдеггера, всего лишь «очередным мировоззрением» [6, с. 207] означает просто не понимать произошедшего.

При всех немалых своих недостатках советский проект стал плацдармом в будущее, проектом в буквальном онтологическом прочтении слова. Его реализация позволила обеспечить стремительное прогрессивное развитие, отмеченное удивительными научно-техническими, социальными, образовательными и, при всех сложностях, вызванных излишними догматизмом и ригидностью идеологии, культурными достижениями. Созданное общество было достаточно сильным, чтобы защитить себя, отстоять свое право на существование в абсолютно враждебном ему окружении.

По тем или иным причинам этот плацдарм не был удержан. Новый социальный мир, частично войдя в будущее, остановился и начал попятное движение. Однако он оставил в так до конца и не наступившем «завтра» частицу самого себя, своеобразный притаившийся, ненадолго уснувший «эмбрион» прогрессивного социального развития. В итоге карта исторического бытия, отнюдь не в узкой проекции текущего настоящего, сверстана и изменена уже навсегда. Все исторически значимое обязательно входит в своем сущностно-эмпирическом виде в топологически-темпоральный континуум бытия. Деформировать его

можно, но никакими субъективными усилиями отменить нельзя [6, с. 304].

Начатое Марксом и Энгельсом должно получить надлежащее философское, социально-теоретическое продолжение в контексте нынешних политических, экономических и социокультурных реалий. Первостепенное внимание следует обратить на диалектическое толкование свободы и соразмерной ей ответственности как онтологической основы бытийного суверенитета человека; выявление специфики программных функций культуры для организации деятельности, поведения и общения людей в современном обществе; разработку путей сохранения цивилизационного многообразия мира – этого неременного условия устойчивого функционирования и развития социума [7, с. 351–352]; поиск объединяющих ценностей, ориентация на которые необходима для разрешения глобальных проблем, порожденных техногенной цивилизацией [8, с. 352–353], и др.

В связи с этим несомненный интерес представляет конструирование моделей цивилизационного развития с привлечением воззрений К. Маркса о будущем мироустройстве как «интегрированном человечестве», или обществе «реального гуманизма» [3, с. 3–17]. В качестве фундаментальных ценностей, которые смогли бы придать разнообразию культур органическую целостность и гуманизировать социальные отношения, предлагаются, в частности, жизнь, достоинство человека как базовая нравственная основа всех его прав и свобод и ненасилие в отношениях между отдельными людьми и целыми народами. Такую парадигму следует признать весьма перспективной, поскольку отмеченные ценностные предпочтения с той или иной степенью семантической прозрачности представлены уже в мифах и ранних верованиях различных народов. А в мировых религиях, не подвергшихся радикальной модернизации, эта ценностная триада по сути является их аксиологическим основанием.

Богатыми эвристическими возможностями при прогнозировании будущего постиндустриальной эры обладают размышления К. Маркса о тенденциях развития отчужденного труда как характерной черты капиталистического способа производства. Он показал, что внутренние противоречия последнего со временем приведут к неизбежному разрушению товарных отношений, основанных на меновой стоимости [9, с. 214]. Это предсказание в условиях компьютеризации, роботизации и нанотехнологизации производительных сил современного общества начинает сбываться. Уже сегодня во многих высокотехнологичных областях производственной деятельности больше не требуется использование при-

вычной рабочей силы и традиционных природных материалов (т.н. феномен «лишних людей»).

То, что Маркс видел как возможное в будущем, а Маркузе считал, при наличии на то доброй воли, реализуемым в настоящем, пришло уже как необходимость. Человеку придется теперь быть творческим – просто для того, чтобы быть, ибо в качестве живой машины, агента стереотипного и воспроизводимого трудового усилия, он более не нужен.

Научившийся работать, пусть пока не совсем умело, с геномом и атомом, создавать вещества с заранее заданными свойствами, квази-разумные самопрограммирующиеся машины человек онтологически не в состоянии жить так, как раньше, из-за этих своих новых,двигающихся к демиургии, способностей, по сумме вновь приобретенных качеств.

Как отмечает А.Б. Демидов, серьезным препятствием естественному отмиранию товарного производства с присущим ему наемным трудом «может стать выработанная человеческой цивилизацией в течение тысячелетий склонность к превосходству над другими людьми, основанная на богатстве, административной власти или простом насилии» [10, с. 83]. Для преодоления этой угрозы все прогрессивные слои мирового сообщества должны сконцентрировать свои усилия на фрактальном развитии сохранившихся ростков будущей гуманистической цивилизации.

Материализм марксизма следует начать понимать не в смысле отрицания идеализма, но как утверждение подразумевающей прямую ответственность родственности человека и бытия. Единственный по-настоящему значимый смысл существования – это всегда бессмысленность его самого, этого существования, истолкованного тем или иным образом. Все идеологии и религии, все предложения общества, государства, разнообразных групп индивидууму, одушевленному, но смертному существу, делятся по степени объективности и правдивости этого смысла. Каждое из них, прямо или косвенно, касается связи важнейшего в человеке – души и смертности, эйдетического и существования.

Желаемое и возможное общество, где важнейшей фундаментальной ценностью станет достойная человеческая жизнь, есть единение эйдетики, к которой причастны люди, и исторического бытия, избывание разделяющих души и космос преград. Цивилизация «реального гуманизма», возникновение которой предсказывал К. Маркс, будет вести борьбу за феноменологичность бытия, ликвидацию во всех его лгущих и отчуждающих формах фантазм, через катарактическую призму которого всегда смотрели на нас рабство, ненависть и война.

И поскольку имеется в виду не физическая, а социально-историческая реальность, марксизм в своем теоретическом усилии выяснил (и тем определил, до-определил, если угодно) не свойства, но, неизбежно, судьбу, не в фаталистическом смысле, конечно. В силу этого он, со всей его, часто, интеллектуальной неказистостью, игрой от Гегеля, излишним грузом отпечатавшихся в нем и нам сейчас не нужных особенностей времени его создания, тем не менее, есть нечто большее, чем даже теория. Он еще и удача предвидения, выпавшая, наконец, человечеству в его, марксизма, вахту. И поэтому даже сконцентрированное деструктивное усилие, как это было у Поппера, просто промахивается мимо него. Силою этой удачи марксизм онто-исторически, пусть отчасти за гранью понятного нам пока, начал принадлежать уже будущему.

Обоснованное теорией имеет очевидно иной онтологический статус, чем просто возможное – тем более, когда речь о теории, уже доказавшей собственную состоятельность, способность превращаться в фактическую реальность, уже явившей силу своего деятельного предвидения.

Именно поэтому сильные мира сего стремятся сформировать бездуховную социальную среду, затрудняющую человеку реализовать индивидуальную бытийную судьбу. С самой же теоретико-исторической истиной марксизма ничего уже поделать нельзя. Ее виртуальное существование создает реальное энергетическое поле с активным «целевым аттрактором», настойчиво направляющим социум в общую колею глобальной эволюции. Что касается исторического прошлого, то оно в бережно «снятом» виде будет забрано как свое собственное в новую жизнь человечества, уходящего к звездам и глубины творчества.

Думать и говорить об этом – безусловный исторический долг тех, не утративших разум и совесть, ученых, которые жили в социалистической действительности и стали свидетелями ее капиталистической трансформации. Если этот долг не будет исполнен, следующим поколениям исследователей ввиду отсутствия подобного личного опыта, наслоений исторической лжи и весьма возможной дальнейшей деградации культуры мышления будет много труднее справиться с такой задачей. Непросто передать в рациональных терминах то почти неуловимое обещание будущего – достойного, взрослого будущего человека, – которое, при всех своих несовершенствах, содержало в себе наше недавнее прошлое.

Добавление будущего к реальности окрашивало ее в оптимистические тона, вселяло непоколебимую уверенность в возможность преодоления

всех преград, возникающих на пути восходящего социального развития. И это сдвигало весь спектр социальных ожиданий человека в уже небесную, космическую, перевешивавшую все несовершенство, сторону. Само время (как в такое, не быв там, поверишь) текло тогда до регресса, в иную, чем сейчас, сторону [11].

При всех недостатках и сложностях той реальности микрокосм был более открыт космосу.

Заключение. Таким образом, идейный потенциал самого учения и особенности социально-политической ситуации, сложившейся в мире после распада СССР, позволяют сделать вывод о том, что марксизм и его адекватные теоретические толкования являются главными стратегиями поиска путей прогрессивного исторического развития человечества.

Литература

1. Ойзерман, Т.И. Возникновение марксизма / Т.И. Ойзерман. – М.: Канон+, 2011. – 601 с.
2. Степин, В.С. Эпоха перемен и сценарии будущего / В.С. Степин. – М.: ИФ РАН, 1996. – 174 с.
3. Лапин, Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в XXI столетии / Н.И. Лапин // Вопросы философии. – 2015. – С. 3–17.
4. Юнгер, Э. Через линию / Э. Юнгер // Судьба нигилизма: Эрнст Юнгер. Мартин Хайдеггер. Дитмар Кампер. Гюнтер Фигаль: сб. / пер. с нем., предисл. и коммент. Г. Хайдаровой. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. – 222 с.
5. Соловьев, В. Россия и Вселенская церковь / В. Соловьев. – М.: ТПО «Фабула» (репринт с издания А.И. Мамонтова, М., 1911). – 448 с.
6. Хайдеггер, М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
7. Смирнов, А.В. Проект многоцивилизационного мира как основание идеи многополярности: концепция всечеловеческого сегодня / А.В. Смирнов // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, редкол.: В.Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2017. – С. 350–352.
8. Степин, В.С. Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей / В.С. Степин // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т философии, редкол.: В.Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2017. – С. 352–353.
9. Маркс, К. Экономические рукописи 1857–1859 годов / К. Маркс // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1969. – Т. 46, ч. 2. – 626 с.
10. Демидов, А. Отчужденный труд и его постиндустриальная участь / А. Демидов // Белорусская думка. – 2018. – № 11. – С. 78–83.
11. Слемнев, М. Историческое время как онтологический феномен / М. Слемнев, А. Табачков // Literatury wschodniosłowiańskie. – Białystok: Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku, 2010. – Księga dedykowana profesorowi Janowi Czykwinowi w siedemdziesięciolecie urodzin. – S. 173–185.

Поступила в редакцию 21.11.2018 г.

Коммунизм между невозможностью и неизбежностью

Демидов А.Б.

Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск

Вследствие неудачи построения коммунистического общества путем упразднения частной собственности стали забываться и причины этого предприятия. Между тем не исчезло явление, в котором К. Маркс усмотрел корень человеческих неурядиц — отчуждение труда.

Цель статьи — ответить на вопрос: доказано ли, что коммунизм невозможен? И наоборот: доказано ли, что коммунизм неизбежен или хотя бы возможен при определенных условиях?

Материал и методы. Проанализированы аргументы противников и сторонников коммунизма. Особое внимание уделено понятию отчуждения труда, которое стимулировало социально-философские и экономические изыскания К. Маркса. Используются общелогические методы.

Результаты и их обсуждение. Установлено, что четкие критерии коммунизма не выработаны как его сторонниками, так и противниками. Ввиду отсутствия положительного проекта коммунизма невозможно судить, был ли он и может ли возникнуть. Однако наличие отчуждения труда и его негативное влияние на человеческое существование несомненно. До сих пор его причиной считали разделение труда или частную собственность. Автор полагает, что причина отчуждения труда — товарная форма производства.

Заключение. В ходе исследования выяснилось, что современное развитие производительных сил ведет, вероятно, к обесмысливанию товарной формы общественного производства, отмирание которой повлечет ненужность наемного, отчужденного труда.

Ключевые слова: коммунизм, отчуждение труда, постиндустриальное общество.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 98–111)

Communism between the Impossibility and Inevitability

Demidov A.B.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Following the failure of communist society construction by abolishing private property we started to forget causes of this attempt. Meanwhile the phenomenon of alienation of labor, which K. Marx considered to be the root of human misfortunes, did not disappear.

The purpose of the article is to answer the question if it has been proven that communism is impossible. And vice versa: has it been proven that communism is inevitable or at least possible in some circumstances.

Material and methods. Arguments of the opponents and the supporters of communism are analyzed. Special attention is paid to the notion of labor alienation, which stimulated social and philosophic as well as economic researches of K. Marx. General logical methods are used.

Findings and their discussion. It is found out that clear criteria of communism were not elaborated by either its supporters or its opponents. Since the positive communist project does not exist it is impossible to state if it was or it can emerge. However, the presence of labor alienation and its negative impact on human existence is obvious. So far its reasons have been considered to be labor separation or private property. The author thinks that the reason for labor alienation is commodity form of production.

Conclusion. In the course of the research it was found out that the contemporary development of production forces apparently leads to the senselessness of the commodity form of public production, the dying of which will result in the unnecessary in alienated labor.

Key words: communism, alienation of labor, post industrial society.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 98–111)

Вследствие неудачи построения коммунистического общества путем упразднения частной собственности стали забываться и причины этого предприятия. Между тем не исчезло явление, в котором К. Маркс усмотрел корень человеческих неурядиц – отчуждение труда.

Цель статьи – ответить на вопрос: доказано ли, что коммунизм невозможен? И наоборот: доказано ли, что коммунизм неизбежен или хотя бы возможен при определенных условиях?

Материал и методы. Проанализированы аргументы противников и сторонников коммунизма. Особое внимание уделено понятию отчуждения труда, которое стимулировало социально-философские и экономические изыскания К. Маркса. Используются общелогические методы.

Результаты и их обсуждение. 1. Отрицание коммунизма. Нетрудно найти высказывания, ставящие крест на коммунизме. Их авторы как будто испытывают облегчение: наконец-то все стало ясно: коммунизм – утопия, фикция, и хватит морочить ею головы. Вот, к примеру, заметки А.И. Зеличенко в «живом журнале»: «Теория коммунизма. Здесь ошибка на ошибке». «Выделение в качестве основного атрибута формы собственности. Недооценка главного фактора – личностного развития». «Все это сделало коммунизм исторически нежизнеспособным. Такая модель не работает. Точка» [1].

Московский философ Л.Е. Балашов считает несбыточными надежды избавить людей от пороков и взаимной вражды посредством коммунистического уничтожения частной собственности: «Попытки искоренить столкновения, конфликты, конфронтацию, борьбу между людьми заранее обречены на неудачу. Они утопичны в своей основе» [2, с. 197].

Арчи Браун, отрекомендованный в аннотации к его книге как ученый с мировым именем, прошедший новаторское и глубочайшее исследование о «взлете и падении коммунизма», вывел, впрочем, отнюдь не новаторскую мысль: «Идея построения коммунистического общества, в котором отомрет государство, оказалась опасной иллюзией» [3, с. 845].

Карл Поппер, известный специалист в области логики и философии науки, написал еще в годы Второй мировой войны книгу против врагов «открытого общества», попавших под чары «коммунистической иллюзорной идеологии» [4, т. 1, с. 15]. В добавленном позже письме к русским читателям он безапелляционно заявил, что

«марксизм – это совершенно ложная и весьма претенциозная теория» [4, т. 2, с. 478]. На деле возражения К. Поппера против марксизма и коммунизма опираются скорее на его личный опыт и эмоции, чем беспристрастный научный анализ. На основании этого опыта он почувствовал себя вправе судить марксистско-коммунистическую идею, поскольку на какое-то время она стала как бы его идеей. «Критикуя марксизм, я до некоторой степени критиковал и самого себя, поскольку в ранней молодости был марксистом и даже коммунистом. (Мне не было и 17 лет, когда я отверг это учение.)» [4, т. 1, с. 7]. И вот на протяжении двух томов своей книги Поппер развенчивал собственные идеи, будучи уверенным, что наносит сокрушительный удар по теории Маркса. Но Поппера можно понять, ведь он писал под влиянием личной подростковой психической травмы. О ней Поппер признался в послесловии к русскому изданию (1992 г.). Он доверительно обратился к русским читателям, еще не оправившимся от развала СССР и навалившейся нищеты (надо учесть этих читателей, пока они деморализованные!): «Расскажу вам о том, как сам я в молодости обратился... в марксистскую веру и как... накануне моего семнадцатилетия я стал противником марксизма и с тех пор не менял своих убеждений». Приступая к рассказу, он предупредил, чтобы было понятнее: «Мои родители были твердыми пацифистами», а папа – «весьма образованный юрист» и либерал [4, т. 2, с. 479]. Однажды в 1919 г. Карл «из любознательности» захотел «выяснить, что же представляет собой коммунистическая партия», зашел «в штаб-квартиру партии и предложил свои услуги в качестве добровольного помощника». Его «встретили с распростертыми объятиями высокие партийные чины». Он едва не угодил в «идеологическую мышеловку», но сумел выскользнуть из нее благодаря «моральному шоку». Летом того же года проходила «по призыву коммунистов демонстрация безоружных молодых людей». А сам Карл «одобрил призыв к ее проведению и даже уговаривал сомневающихся идти на нее». Демонстрация «была встречена огнем полицейских», погибло восемь человек. В результате пережитого шока Карл «стал критически анализировать марксизм» и «избежал марксистской ловушки» [4, т. 2, с. 484]. Однако осталось непонятным в его рассказе, почему потомственный пацифист Карл Поппер разобиделся на безоружных коммунистов, а не на полицейских, которые их расстреливали?

Заявлений о том, что коммунизм – это утопия, иллюзия и т.п. и что марксистская теория

ошибочна, ненаучна, много. Но кроме кивков на исчезновение СССР, «рожденного Октябрем», более основательных «доказательств» несостоятельности коммунизма за подобными декларациями не видно.

2. Что такое коммунизм? Не всякий, кто истово отрещивается от «призрака коммунизма», задается вопросом, знает ли он предмет, о котором судит, может ли внятно определить, что такое коммунизм. Вышеупомянутый А. Браун все-таки призадумался об этом и глубокомысленно заметил, что «использование термина “коммунистический” требует точности и осмотрительности» [3, с. 151]. Себе в союзники по данному вопросу А. Браун призвал Дж. Х. Каутского, писавшего: «Коммунизм в умах разных людей стал означать совершенно разные вещи... Как описательное, аналитическое понятие коммунизм стал бесполезен, он потерял содержательный смысл для характеристики людей, движений, организаций, систем или идеологий» [цит. по: 3, с. 151]. Заручившись такой поддержкой, А. Браун далее пишет: «слово “коммунизм” вошло в повседневный лексикон людей XX в., особенно в годы “холодной войны”. Многие из них, даже не зная точного определения этого термина, адекватно представляют себе его смысл, но редко способны точно сформулировать, чем коммунистические системы отличаются от иных тоталитарных или авторитарных систем. С усердием, достойным лучшего применения, политологи, изучавшие СССР, потратили немало времени, придумывая различные ярлыки для существовавшей в нем политической системы и споря о том, какой из них следует считать наиболее подходящим. Но они упускали из виду главное, заключающееся в том, что самое исчерпывающее и всеобъемлющее представление о сущности этой системы содержит в себе термин “коммунистическая”. Действительно, Советский Союз представлял собой самый типичный образец коммунистической системы» [3, с. 151]. Такой способ определения понятия (представления) или значения слова посредством указания на соответствующий предмет называется в логике остенсивным. У него есть свои достоинства, но имеются также изъяны. Например, на предложение дать определение выражения «плохой человек» кто-то может просто указать на того, кто ему очень не нравится, и сказать: «Вот, что такое “плохой человек”».

Недалеко ушел от подобного способа определения и А.А. Зиновьев. Он тоже отмечает, что «слово “коммунизм” не отличается однознач-

ностью и определенностью». А. Зиновьев указал разные варианты толкования этого слова, а для себя решил придерживаться двух значений, различая «коммунизм как идеологию» и «коммунизм как реальность» [5, с. 7]. Так вот, «реальный коммунизм... это – тип общественного устройства, которое в наиболее развитой для нашего времени форме можно наблюдать в Советском Союзе» [5, с. 7]. Здесь опять остенсивное определение. В конечном счете, А.А. Зиновьев дает следующую формулировку: «Во избежание терминологической путаницы и бессмысленных терминологических споров словом “коммунизм” (или “коммунистический социальный строй”) я называю тип общественного устройства, какое можно было наблюдать в Советском Союзе до 1985 года, в странах советского блока в Восточной Европе, в Китае, Вьетнаме, Северной Корее и других странах» [6, с. 468]. Предвидя возражение тех, кто считает, что в СССР не было коммунизма как такового, А.А. Зиновьев добавляет: «Я готов признать их мнение справедливым лишь при том условии, что они строят “настоящий коммунизм” в реальности, а не только в воображении» [6, с. 469].

Забавно получается. Человек, отождествивший понятие коммунизма с фактом существования Советского Союза, употреблял такие выражения, как «коммунистическая утопия», хотя СССР в отличие от острова Утопия, придуманного Томасом Мором, все-таки объективно существовал в нашем мире. Даже известному специалисту по логике эта самая логика может изменять, когда он заводит речь о коммунизме.

3. Определения коммунизма. 3.1. Нелояльные определения коммунизма. Итак, что же называют коммунизмом разные его друзья и недруги? К. Поппер понимал под коммунизмом отмену частной собственности [4, т. 1, с. 81]. М. Кастельс, которого его поборники причисляют к самым авторитетным социальным мыслителям современности, отличил коммунизм по его цели, каковой, по мнению этого автора, является тотальный контроль партии над государством и государства над обществом [7, с. 439]. У А.А. Зиновьева кроме вышеприведенных остенсивных определений есть и описательное: «реальный коммунизм» – это общество, в котором ликвидированы классы частных собственников и сама частная собственность, все граждане являются служащими государства, созданы мощные карательные органы и мощный аппарат идеологической обработки населения [6, с. 298]. Получается, что все в СССР,

что было не любо Зиновьеву (конечно, не только ему), это и есть «коммунизм». Так понимают коммунизм его недруги.

3.2. *Лояльные определения коммунизма.* А что называют коммунизмом его друзья? На XXII съезде КПСС в 1961 г. была принята Третья Программа КПСС, содержащая определение: «Коммунизм – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества»; в нем «на основе высокоразвитых производительных сил осуществится принцип “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям”»; в нем «труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью», а «способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» [8, с. 274]. Те признаки «коммунизма», которые выдвинуты на передний план, по сути, не утверждающие, а отрицающие то, чего не будет: не будет классов, частной собственности, социального неравенства. Из положительных признаков указано наличие высокоразвитых производительных сил, получение каждым членом общества своей доли от производимых продуктов по мере потребностей, обусловленность трудовой отдачи каждого его способностями. Эти положительные признаки не вполне понятны и нуждаются в разъяснениях.

Советские экономисты Л.И. Абалкин и А.М. Румянцев сформулировали для «Экономической энциклопедии» такое определение: «Коммунизм – социально-экономическая формация, основанная на общественной собственности на средства производства и дающая полный простор развитию производительных сил... гармоничный общественный строй, ведущий к окончательному устранению всех форм социального и национального угнетения и неравенства» [9, с. 194]. Здесь, как и в Программе КПСС, первейшим признаком коммунизма названа общественная собственность на средства производства. В той же энциклопедии выражение «общественная собственность» (она же социалистическая или общенародная) истолковывается как собственность государственная [10, с. 143, 601]. Однако правомерность отождествления выражений «государственная собственность» и «общественная собственность» вызывает сомнения. Когда частная собственность упраздняется путем национализации основных средств производства, частный капитал превращается в государственный капитал, а работники по-прежнему добыва-

ют себе средства к существованию путем найма на предприятия (хотя и государственные), т.е. занимаются отчужденным трудом, хотя бы и смягченным по социалистическим законам. Остается все та же противоположность между наемным трудом и капиталом, только уже не частным, а государственным.

3.3. *Определения у Маркса и Энгельса.* А как на вопрос «что такое коммунизм?» отвечают «первоисточники» марксизма? Почти никак. Вот ответ Ф. Энгельса, данный в его «Принципах коммунизма» (1847): «Коммунизм есть учение об условиях освобождения пролетариата» [11, т. 4, с. 322]. Здесь нет ни слова о том, как должен быть «устроен» коммунизм. В «Немецкой идеологии», которую К. Маркс и Ф. Энгельс вместе писали чуть раньше, заявлено: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние» [11, т. 3, с. 34]. Опять ни слова об «устройстве» коммунизма. И еще: «... Коммунизм не есть цель человеческого развития, форма человеческого общества» [11, т. 42, с. 127].

Пожалуй, наиболее насыщенная конкретикой формулировка содержится в «Критике Готской программы» Маркса (1875): «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: каждый по способностям, каждому по потребностям!» [11, т. 19, с. 20]. Здесь на первое место выдвинуто положение об исчезновении разделения труда, которое подчиняет себе человека и порабощает его. Все прочие подробности поставлены в зависимость от этого основного условия коммунизма. Однако нужно заметить, что Маркс в «Критике Готской программы» дает не определение коммунизма, а ответ на вопрос, возможно ли при социализме (первой фазе коммунизма) распределение общественного продукта по потребностям людей, а не по количеству труда, затраченного членом общества.

Коммунизм – то, чего нет в действительности. Маркс и Энгельс нигде и не говорят, «что такое» то, чего нет. Они говорят лишь о том, что фактически есть, но должно устраниться. Этим они отделяют себя от утопии, повествующей как раз о том, чего нет.

А исчезнуть должно отчуждение, вернее, те производственные отношения, на почве которых оно возникает. В «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс писал: «Коммунизм как *положительное* упразднение *частной собственности* – этого *самоотчуждения человека... присвоение человеческой* сущности человеком и для человека» есть «возвращение человека к самому себе как человеку *общественному*, т.е. человеческому» [11, т. 42, с. 116].

Пожалуй, более определенной характеристики коммунизма у Маркса не найти. В ней тоже ничего не сказано об устройстве коммунистического общества, но указан предполагаемый результат и смысл упразднения частной собственности – возвращение человека к самому себе, а именно присвоение человеком своей сущности, разрешение спора между его сущностью и существованием. Проще говоря, речь о том, что существование человека является отчужденно-враждебным к другим людям вопреки тому, что сущность человека общественная.

По словам Маркса, сущность человека есть «ансамбль общественных отношений» [12, S. 6]. Однако при всех способах производства, которые требуют рабского или наемного труда, эти «ансамбли» складываются не из любителей полифонии, добровольно сходящихся для создания симфонии, но из людей, гонимых насилием и нуждой, а не своими потребностями. Впрочем, и те, кто получает преимущества от использования чужого труда, тоже являются невольниками эксплуататорских отношений и тоже отчуждены от человеческой сущности.

4. Отчуждение и его преодоление. Н.И. Лапин, исследуя воззрения молодого Маркса, вывел такую формулировку: «Коммунизм есть упразднение всякого отчуждения» [13, с. 383], – получилась еще одна дефиниция коммунизма. Очевидно, представление об отчуждении дало 25-летнему Марксу толчок к дальнейшим его научным исканиям. Термином «отчуждение» еще до Маркса пользовались Фихте, Гегель, Фейербах, правда, говорили они не об одном и том же. Так, Фейербах представил отчуждение как создание людьми образа Всемогущего Бога. Люди создали Бога в своем воображении, наделив Его теми достоинствами, которыми люди

могли бы сами обладать, если бы действовали сообща, как единая сила, единый род, связанный доброжелательностью, дружбой, любовью. Но эту свою «родовую», т.е. общественную, силу люди отчуждают от себя в образе Бога, а сами остаются бессильными в своем обособлении друг от друга. Отдавая свою любовь Богу, люди обделяют себя любовью друг к другу. Чтобы вернуть себе свою «родовую жизнь», «родовую сущность» и силу, нужно преодолеть иллюзию и осознать, что «человек человеку бог – таково высшее практическое основаначало, таков и поворотный пункт всемирной истории» [14, с. 308–309]. По Фейербаху, сущность человека состоит в том, что «он общественный человек, коммунист» [15, с. 376].

Фейербаховская критика христианской религии и гегелевского идеализма в начале 40-х годов XIX в. увлекла многих современников, в том числе Маркса и Энгельса. «...Едва ли кто пришел к коммунизму иначе, чем через фейербаховское преодоление гегелевской философии» [11, т. 2, с. 239], – заметил Энгельс. К тому же эта критика близка по времени к первым массовым выступлениям пролетариата, новой общественной силы, порожденной промышленным переворотом (восстания в Лионе 1831 г. и 1834 г., Силезии 1844 г., движение чартистов с 1836 г.). Бедственное положение пролетариата, людей, которые заняты наемным трудом, продают свою рабочую силу, отчуждают ее от себя, возбуждало социалистические и коммунистические настроения в Европе.

Состояние отчуждения в отношениях между людьми выразительно охарактеризовал социалист-утопист Р. Оуэн: «Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей и вызывает проституцию среди женщин. Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к бесчисленным убийствам» [16, с. 24]. В подобном духе высказывался и молодой Энгельс: «Современное общество, ставящее отдельного человека во враждебные отношения ко всем остальным, приводит, таким образом, к социальной войне всех против всех...» [11, т. 2, с. 537].

Маркс с большим интересом отнесся к фейербаховской критике религии, но он понимал, что разоблачение религиозной иллюзии не может вернуть людям их «родовую сущность», как выражался Фейербах. Маркс отметил «недоделку» у Фейербаха, который «исходит из факта религи-

озного самоотчуждения», «сводит религиозный мир к его земной основе», но не озадачивается «саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы» [11, т. 3, с. 2]. «Религиозное отчуждение как таковое происходит лишь в сфере *сознания*, в сфере внутреннего мира человека» [11, т. 42, с. 117], и если оно исчезнет, то экономическое отчуждение от этого не прекратится. Этическая проповедь любви человека к человеку не может отменить отчуждение людей друг от друга, основанное на частной собственности. Маркс и Энгельс отвергали «превращение коммунизма в бред о любви» [11, т. 4, с. 3].

По словам Маркса, коммунисты вообще «не предъявляют людям морального требования: любите друг друга, не будьте эгоистами и т.д.» [11, т. 3, с. 236]. Маркс избегал морализаторства, сторонился философских говорунов и утопистов, будучи убежденным, что дело коммунизма заключается в практическом упразднении частной собственности.

По Марксу, критика религии – всего лишь «предпосылка всякой другой критики» [11, т. 1, с. 414]. Фейербах разоблачил только видимость Бога, но не вскрыл те условия земной жизни, из-за которых вера в Спасителя является столь желанной. Именно при бесчеловечных социальных отношениях людям нужен утешительный религиозный самообман, «религия есть *опиум* народа» [11, т. 1, с. 415].

В повседневном труде ради заработка человек испытывает чуждость ему процесса труда, чуждость предмета, над которым он трудится, чуждость к тем, кому достается продукт его труда. В конце концов, человек в процессе труда отчужден от самого себя, поскольку, не будь нужды в деньгах, он занимался бы тем, что ему по душе, а не этим чуждым ему трудом. «...Работа имеет для него значение только средства, – писал Маркс, – так что он живет только для того, чтобы добывать себе *жизненные средства*» [11, т. 42, с. 27–28]. «При предпосылке частной собственности моя индивидуальность отчуждена от меня до такой степени, что эта *деятельность* мне *ненавистна*, что она для меня – *мука* и, скорее, лишь *видимость* деятельности» [11, т. 42, с. 36]. Для индивида жизнь приобретает какой-то свой собственный смысл только за пределами этой отчужденной деятельности.

5. Как отменить частную собственность?

Мысль о необходимости упразднения частной собственности появилась задолго до Маркса. Она была у ранних христиан. В «Деяниях святых апо-

столов» говорится: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее» [Деян. 4:32]. Один из «четырех великих латинских учителей церкви», Амвросий Медиоланский, живший в IV веке, писал: «...первое христианское общество так процветало, что, приняв веру, никто уже не берег для себя своего дома и ничего не почитал своим, но, по праву братства, всё у них было общее» [17, с. 28]. Знаменитые утописты Т. Мор и Т. Кампанелла тоже указывали на отсутствие частной собственности в вымышленных ими обществах. И в последующие века многие считали частную собственность причиной общественного неблагополучия, в том числе выдающиеся социалисты-утописты XIX века К.А. Сен-Симон, Ш. Фурье, Р. Оуэн.

Но как отменить частную собственность? Обычный ход мысли приводит к двум вариантам ответа. 1. Добровольно объединиться в коммуну, в которой имущество объявляется общим, а труд обязательным для каждого. В истории известно немало таких попыток, но коммуны подобного рода были недолговечными и локальными явлениями, не распространявшимися на общество в целом. 2. Путем демократических выборов или насильственного переворота заполучить государственную власть, чтобы от ее имени декретировать упразднение частной собственности на средства производства и их обобществление. Самая грандиозная попытка такого рода увенчалась образованием СССР, просуществовавшего семь десятилетий, но не сумевшего добиться решающего преимущества, о котором В.И. Ленин говорил: «Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя» [18, с. 21].

Декретная ликвидация частной собственности на основные средства производства, по-видимому, подразумевает их переход в «народную» или «общенародную» собственность, когда собственниками множества промышленных предприятий и сельских хозяйств являются те же самые люди, которые в них трудятся и, следовательно, они не являются наемными работниками. Но разделение труда между данными предприятиями неизбежно. Вопрос: можно ли организовать общественное производство и распределение трудовых функций и производимой продукции так, чтобы исключить при этом рыночный обмен?

Если устроить экономику согласно лозунгам «земля крестьянам», «фабрики рабочим», а «власть советам», то на деле получились бы каки-

е-то разновидности не общенародной, а частной собственности, хотя и коллективной или акционерной. Средства производства функционировали бы как капитал, и производилась бы товарная продукция для реализации на рынке. Получился бы капитализм, хотя, быть может, и «народный».

Если же основные средства производства национализуются, то функции планирования производства и распределения произведенной продукции выполняются государством. Для отдельных предприятий отпадает надобность в планировании выпуска продукции и рыночной ее реализации, атрибуте капиталистического хозяйствования. Но слово «государство» здесь обозначает не общество в целом, а его управляющую часть. Государственная собственность не является общенародной. Она может использоваться в интересах всего народа, но этот народ не распоряжается ею по своему усмотрению. Люди нанимаются для работы на государственных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, приводят в действие не принадлежащие им средства производства, производят не принадлежащую им продукцию, получают заработную плату. Социалистическое государство создает систему социального обеспечения и гарантий для работников более гуманную, чем в частнокапиталистических обществах. Тем не менее труд остается по-прежнему наемным, отчужденным.

Поскольку государство становится единственным собственником основных средств производства, оно является монополистом. Изъян всякой монополии состоит в том, что она лишена тех стимулов к развитию, которые создает соперничество. Как раз такая монополия в СССР и не смогла обеспечить превосходство над частнокапиталистическим способом производства в росте производительности труда и достаточно высокий уровень удовлетворения жизненных потребностей населения.

Народная или общенародная собственность как отрицание частной собственности не получается ни путем национализации, ни путем передачи прав собственности тем, кто непосредственно трудится на предприятиях и в хозяйствах. Народной или общенародной собственностью фактически является то, что не расходуется при его использовании, производится и воспроизводится без того, чтобы для этого кого-то нанимали и платили за это деньги. Например, язык, обычай, знания. Это богатство, как и товарная продукция, тоже создается усилиями людей, но оно не превращается в частную собственность. Одна-

ко данное богатство не заменяет материального производства продукции, необходимой для удовлетворения материальных нужд.

6. Частная собственность, разделение и отчуждение труда. Уже не только из теории, но и из практики видно, что государственным декретом можно упразднить частную собственность, но проблема отчужденного труда подобным путем не снимается. Чем же в таком случае обусловлено отчуждение труда и связанных с ним видов отчуждения? Познание этого фактора дало бы возможность судить, на что нужно воздействовать, чтобы упразднить отчужденный труд, и возможно ли вообще это упразднение.

Как заметил Н.И. Лапин, молодой Маркс, работая над своими «Экономическо-философскими рукописями», в центре которых оказалась проблема отчуждения, не сразу понял, что основу отчуждения надо искать в разделении труда [13, с. 450]. До Маркса этому явлению значительное внимание уделил основоположник политической экономии А. Смит, усмотревший в нем фактор роста производительности труда и экономического развития в целом. У Маркса и Энгельса тема разделения труда вышла на передний план в «Немецкой идеологии» и последующих сочинениях, особенно в «Капитале» Маркса.

И все же, по-видимому, Марксу не удалось достичь достаточной ясности насчет соотношения явления разделения труда с явлениями частной собственности и отчуждения труда.

В «Немецкой идеологии» говорится, что разделение труда делает возможным и действительным разделение материальной и духовной деятельности, труда и наслаждения, производства и потребления, а это является предпосылкой таких противоречий между индивидами, которые можно исключить «только путем устранения разделения труда» [11, т. 3, с. 31]. К тому же «как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти, ...если не хочет лишиться средств к жизни...» [11, т. 3, с. 31–32]. А далее: «Вместе с разделением труда <...> дано и *распределение*, <...> следовательно, дана и собственность...». И здесь же высказано сомнительное утверждение о том, что «разделение труда и частная собственность, это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности» [11, т. 3, с. 31].

В этих высказываниях, уместившихся на паре страниц, размашисто, недостаточно разборчиво характеризуются соотношения между разделением труда и частной собственностью. Сомнительно их отождествление потому, что разделение труда – это распределение функций в совместной деятельности, обусловленное содержанием этой деятельности, а частная собственность – это распределение прав, полномочий между людьми по отношению к каким-либо предметам, причем эти люди могут быть совершенно непричастны к той совместной деятельности, которая создала эти предметы.

Собственнические права могут быть изменены или отменены, например, декретом, о чем уже говорилось, но необходимость разделения труда декретом не отменяется. Распоряжением советской власти частная собственность на основные средства производства была превращена в государственную собственность, однако отчужденный труд не исчез. Не потому ли, что разделение труда как было, так и осталось?

Соображения о необходимости уничтожения разделения труда еще не раз высказываются в «Немецкой идеологии». Они резюмируются в следующих тезисах: 1) уничтожение разделения труда является условием уничтожения обособления и противостояния индивидов; 2) условием уничтожения разделения труда является развитие общения и производительных сил до универсальности; 3) частная собственность может быть уничтожена только при условии всестороннего развития индивидов; 4) в настоящее время частная собственность должна быть уничтожена потому, что развитые производительные силы и формы общения стали при господстве частной собственности разрушительными силами, а противоположность между классами дошла до крайности; 5) уничтожение частной собственности и разделения труда есть вместе с тем объединение индивидов на основе современных производительных сил и мирового общения [11, т. 3, с. 440–441]. Суждения о надобности универсальных производительных сил и всесторонней развитости индивидов здесь представляются смутными.

Если в «Немецкой идеологии» о разделении труда и необходимости его уничтожения говорилось весьма обобщенно, то в «Капитале» Маркс уже более тщательно анализировал явление разделения труда и различал такие его разновидности, как естественное, территориальное, международное, мануфактурное, общественное. Особое внимание Маркс уделил различию ману-

фактурного и общественного разделения труда, которому его предшественник А. Смит не придал значения, счел его «субъективным». Маркс заметил, что, несмотря на имеющиеся аналогии, у этих видов разделения труда есть существенная разница. Между участниками общественного разделения труда происходит товарообмен, тогда как при мануфактурном разделении труда его нет, «здесь частичный рабочий не производит товара», «лишь общий продукт многих частичных рабочих превращается в товар» [11, т. 23, с. 367].

Принципиальных выводов из подобного замечания не последовало. В «Немецкой идеологии» говорилось о разделении труда вообще как об условии отчуждения, без конкретизации видов разделения. Однако разделение функций при совместной деятельности имеется почти всегда, за исключением случаев простого соединения качественно одинаковых усилий, таких, как в сказке о репке, когда пригодилась дополнительная сила всего лишь одной мышки. Если разделение функций – «вечная категория» трудовой деятельности, то можно ли вообще предполагать когда-либо упразднение отчуждения труда? Для решения задачи о возможности или невозможности упразднения отчужденного труда нужно конкретизировать исходные условия задачи. Всякое ли разделение труда влечет за собой отчужденный труд, и что такое труд?

По определению Маркса, «труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы» [11, т. 23, с. 188]. В этой дефиниции две взаимодействующие стороны – человек и природа, взаимодействие имеет материальный характер. Однако во всем собрании сочинений Маркса и Энгельса многократно говорится также о духовном/интеллектуальном труде/производстве (*geistige/intellektuelle Arbeit/Produktion*). Подходит ли «духовное производство» под приведенную дефиницию труда? Является ли творение поэта, музыканта, ученого «процессом между человеком и природой»? Очевидного ответа нет, и эта неясность переходит далее и в термин «разделение труда».

Возвращаясь к вопросу о видах разделения труда, нужно заметить, что Маркс различил общественное и мануфактурное разделение труда на основании одного признака – наличия или отсутствия товарообмена между участниками

разделения труда. В обоих случаях речь идет о разделении труда в «обществе товаропроизводителей» [11, т. 23, с. 51, 89], т.е. капиталистическом обществе, и, в конечном счете, мануфактура тоже производит товары. Сделанный Марксом акцент на признаке наличия товарообмена наводит на вопрос, возможно ли какое-то разделение труда, не влекущее за собой товарного обмена.

Вообще производство товаров и услуг – это деятельность, которая связана с существованием отчужденного труда ближе и нагляднее, чем разделение труда и частная собственность. Даже тогда, когда люди, производящие товары, работают только на самих себя, а не нанимателя, используют собственные средства производства, и продукт труда принадлежит им же, они делают не то, что удовлетворяет их собственные потребности. Они «делают деньги», которые сами по себе не удовлетворяют их жизненных потребностей.

До появления общества товаропроизводителей, т.е. в первобытном, рабовладельческом, феодальном обществе или, по другой терминологии, в традиционном, аграрном, доиндустриальном обществе, значительная часть людей в планировании своей хозяйственной деятельности ориентировалась на производство тех вещей и в том количестве, которые нужны для удовлетворения собственных потребностей. Они использовали средства производства, которые для своего изготовления и восстановления не требовали научных знаний и оборудования, создаваемого на основе таких знаний. Все нужное для жизни они по большей части производили в своем хозяйстве, время от времени обращаясь также к местному умельцу, ремесленнику или купцу. Наоборот, в обществе товаропроизводителей, или капиталистическом, индустриальном, современном обществе, люди почти ничего нужного для их жизни не способны производить в собственном хозяйстве. Сегодня большинство людей в своих домах не способны устранить собственными силами неполадки в функционировании даже самых обыденных вещей. Но все можно приобрести за деньги. Большинство людей вынуждено наниматься на работу, которая сама по себе не удовлетворяет потребности, но приносит деньги. Другая часть людей организует эту работу, они являются предпринимателями-нанимателями, но точно так же не удовлетворяют этой деятельностью свои потребности, а добывают деньги. В обществе товаропроизводителей почти у всех основным занятием в жизни является делание того, что им самим не нужно. Само определение товар-

ного производства на то и указывает: «Товарное производство – форма общественного производства, при которой продукты производятся не для собственного потребления, а для обмена посредством купли-продажи на рынке» [19, с. 145].

Сказанного достаточно, чтобы уяснить, что пока люди добывают средства для удовлетворения своих насущных потребностей при помощи товарообмена, занимаясь бизнесом или нанимаясь на работу ради денег, они неизбежно обременены отчужденным трудом, с которым неразрывно связано отчуждение также от других людей и от самих себя. Это очевидно даже без углубления в анализ причинно-следственных связей отчуждения труда с разделением труда, частной собственностью, делением общества на классы.

7. Эрозия общества товаропроизводителей. Обмен продуктами деятельности – ценное изобретение человечества. По меньшей мере, оно стало хорошей альтернативой простому отнятию чужого имущества путем разбоя или кражи. В рыночном обществе товаропроизводителей деньги как эквивалент всевозможных товаров выполняют ценнейшую функцию уравнивания между спросом и предложением товаров и функцию количественной меры общественно полезной деятельности. Эти функции выполняются деньгами отнюдь не безупречно. Тем не менее для людей, привыкших осмысливать свое существование в товарно-денежных категориях, едва ли представимо, как современное развитое общество или возможное в будущем еще более развитое общество могло бы существовать без товарного производства и без денег, опосредующих товарообмен. Вряд ли современным здравомыслящим людям придет на ум отменить революционным декретом товарное производство ради исчезновения отчужденного труда. Значит ли это, что отчуждение труда неустранимо?

7.1. Постиндустриальное общество. С развитием производительных сил характер труда меняется. Во второй половине XX века в США численность работников, занятых в промышленности и сельском хозяйстве, стала меньше, чем в сфере услуг. Это дало повод говорить о формировании общества нового типа, «постиндустриального». Д. Белл засвидетельствовал свой приоритет первооткрывателя: «В 1959 году, я писал: “Придуманый мною термин ‘постиндустриальное общество’ обозначает общество, которое перешло от стадии товарного производства к стадии сервиса”» [20, с. 49]. Он убеждал, что постиндустриальное общество уже не только футуроло-

гический прогноз, но и реальность: «Показатели перехода от индустриального к сервисному сектору достаточно очевидны. В США в 1970 г. 65% рабочей силы было занято в сфере услуг, около 30 – в промышленности и строительстве и неполных 5% – в сельском хозяйстве» [21, с. 330]. Д. Белл констатировал, что одновременно со становлением постиндустриального общества разворачивается революция в обработке информации и знаний, в которой центральную роль играет компьютер.

Локомотивом производственной деятельности становятся информационно-коммуникационные технологии. «...Технология составляет одну из осей постиндустриального общества; другой его осью является знание как фундаментальный ресурс», – утверждал Белл. По его мнению, «совершенно очевидно, что постиндустриальное общество представляет собой общество знания», которое является источником инноваций, а «прогресс общества... все более однозначно определяется успехами в области знания» [20, с. 288]. Промышленность и сельское хозяйство не исчезают, но утрачивают свою центральную роль. В постиндустриальном, или информационном, обществе «именно знание, а не труд выступает источником стоимости»; «знания и способы их практического применения замещают труд в качестве источника прибавочной стоимости» [21, с. 332].

В теоретических построениях Маркса показано, как «потребительная стоимость», создаваемая трудом, выступает на рынке в качестве «меновая стоимость», как обусловлена трудом собственно «стоимость» и как прибавочным трудом образуется «прибавочная стоимость». Белл просто констатировал, что знание, а не труд выступает в постиндустриальном обществе источником стоимости и прибавочной стоимости. Как это происходит, Белл не объяснил, а лишь мимоходом отметил, что это «совершенно очевидно». Но без анализа причинно-следственных связей между знанием и стоимостью их корреляция не представляется очевидной.

7.2. Знание – неправильный товар. В своем «Предисловии к изданию 1976 года» Белл оставил несколько замечаний о неясности соотношений между понятиями знания/информации и стоимости. Отличие «экономики информации» от «экономики товаров» он усмотрел в том, что «постиндустриальное общество характеризуется не трудовой теорией стоимости, а теорией стоимости, основанной на знании. <...> Особенность последнего заключается в том, что, даже будучи

проданным, оно остается также и у своего производителя. Знание представляет собой “коллективное благо”, поскольку по своему характеру с момента создания оно становится доступно всем» [20, с. CLII]. К тому же «информация и знания не потребляются и не “расходуются”» [20, с. CLI]. В конечном счете, Белл фактически признался в отсутствии упомянутой «теории стоимости, основанной на знании»: «И поскольку у нас нет готового инструмента рыночной оценки стоимости, например, фундаментальных исследований, то перед экономической наукой ставится трудная задача – разработать социально оптимальную политику инвестиций в производство знаний» [20, с. CLII–CLIII].

Проблема адекватной оценки знания/информации в качестве товара уже существует, и уже идут ее научные обсуждения. Правда, они пока не охватили широкую аудиторию, поскольку эта проблема еще не слишком остра и очевидна. Показательны некоторые суждения В.И. Грачева, в которых сквозит вера в возможность товарно-стоимостной оценки информации, смешанная с озадаченностью, как эту возможность осуществить. Автор признает, что «информация – категория нематериальная», и все же ему трудно согласиться с мнением, будто «информация изначально не предназначается для обмена путем купли-продажи, т.е. не обладает определяющим признаком товара» [22, с. 210]. В противовес он предлагает пару доводов, якобы свидетельствующих о принадлежности информации к роду товаров. Во-первых, информационные продукты обмениваются, из чего автор заключает, что они «обладают, как любой товар, меновой стоимостью». Во-вторых, информационные продукты удовлетворяют потребности людей, значит, они «обладают потребительной стоимостью» [22, с. 210]. Ход мысли В.И. Грачева таков: если всякий товар обладает двумя свойствами – потребительной стоимостью и меновой стоимостью, а информация ими обладает, то, следовательно, информация есть товар. Кажется, «теорема» доказана. Суждение о возможной «потребительной стоимости» информации, т.е. о ее ценности, значимости (*der Wert, value*), не обязательно выразимой в деньгах, сомнений не вызывает. Но «меновая стоимость» информации какая-то странная. Если кто-то обменивается «нормальными» товарами, например, пара обуви обменивается на два стула, то меновая стоимость этой пары обуви равняется меновой стоимости этих двух стульев. Одновременно каждая из меняющихся сторон лишается своего

товара и получает чужой. Но если несколько человек обмениваются мнениями (информацией) о том, будет ли расти цена на нефть, то каждый получает доступ к чужому мнению и при этом каждый «остается при своем мнении». Какие-то неправильные «товары» эти мнения. В.И. Грачев чувствует эту неправильность и делает оговорки: «Вместе с тем на социальную информацию, как и на другие духовные ценности, нельзя безоговорочно распространять законы товарного производства, ибо это породило бы непреодолимые трудности. <...> Так, нельзя же, в самом деле, оценивать картины, скульптуры, литературные и музыкальные произведения временем и количеством потраченных красок, холста, бумаги, нот на их создание» [22, с. 211]. Далее автор перечисляет ряд особенных свойств информации как продукта труда, на которые указывают и прочие исследователи. Наконец, он формулирует вывод: «Признавая информационный продукт товаром, необходимо отметить, что его уникальные товарные свойства вносят существенную специфику в систему социокультурных и маркетинговых коммуникаций. Подобные, несомненно, вносит трудности в торговлю им...» [22, с. 213]. Подобные слова показывают, что автор от начала и до конца статьи сохраняет уверенность в том, что информация есть товар, хотя он и «вносит трудности». Но какой же товар продается без трудностей?!

Еще до того как Д. Белл явил свое учение о постиндустриальном обществе, «отец кибернетики» Н. Винер иронизировал по поводу отношения к информации «в соответствии со стандартным американским критерием: цена вещи измеряется товаром, на который она будет обменяна на свободном рынке. <...> Удел информации в типичном американском мире состоит в том, чтобы превратиться в нечто такое, что может быть куплено или продано». Н. Винер попытался показать на нескольких примерах, что «эта торговая точка зрения» «приводит к неправильному пониманию информации и связанных с ней понятий и к дурному обращению с ними» [23, с. 120]. Экземпляры правильного товара должны арифметически складываться, как и уплаченные за них деньги, но с изобретениями и информацией дела обстоят иначе. Возможно, Винер имел в виду, что одна и та же информация, повторенная 100 раз, не стоит в 100 раз больше, чем ее единственный экземпляр. Еще пример – о стоимости ювелирного изделия из золота: «твердой стоимостью» обладает лишь золото, а стоимость художественной отделки определяется произ-

вольно по согласию. Проблема товарной оценки информации подобна проблеме товарной оценки произведения искусства. Неясным выглядит и соотношение информации с правом собственности, но обыватель «не может представить никакой информации без владельца» [23, с. 127].

Если Винер указал на нетоварный характер информации, то А. Горц не менее определенно продемонстрировал, что и знания имеют нетоварные свойства: «Знания в принципе не приспособлены к тому, чтобы служить товаром. ...Их стоимость как товара невозможно измерить общественно необходимым трудом, затраченным на их создание. Никто не может определить, где начинается и где кончается труд по открытию новых знаний. Он может быть творческой деятельностью, хобби, занятием в свободное время. Кроме того, не существует отношения эквивалентности между формами знаний и содержанием знаний: одно знание невозможно поменять на другое» [24, с. 14]. В своих анализах А. Горц различил «формализуемое знание», которое может быть передано другим людям, и «живое знание» как неотъемлемые способности личности. Он приблизился к выводу, что «формализуемые знания открывают... перспективу экономического развития в сторону экономики изобилия, ...в которой производство, требующее все меньше непосредственного труда, распределяет все меньше платежных средств. В тенденции (меновая) стоимость продуктов падает. Рано или поздно это должно привести к падению (денежной) стоимости всего произведенного богатства, к сокращению объема прибыли и, возможно, к краху производства, основанного на меновой стоимости. <...> Когнитивный капитализм действительно представляет собой кризис капитализма как такового» [24, с. 53].

7.3. *Лишние люди.* Научно-технический прогресс все больше вытесняет из процесса производства живой человеческий труд. Происходившие ранее механизация и автоматизация дополнились компьютеризацией и роботизацией производства. В 1986 г. Э. Дрекслер провозгласил наступление эры нанотехнологии. Вслед за аграрной, промышленной и информационной революциями назревает АТП-революция (АТП – атомарно точное производство, осуществляемое наномашинами). «На смену огромным, загрязняющим природу заводам и фабрикам должны прийти чистые компактные машины» [25, с. 19]. Если «производственная деятельность фабрик и заводов основана на использовании рабочей силы и завозимых издалека сырья и материалов»

[25, с. 92], то нанопроизводство не требует рабочей силы и привозных материалов. Э. Дрекслер особо не вникает в социальные последствия этой технологической революции, но отмечает, что «возникают вопросы, ответы на которые выходят далеко за рамки наших ожиданий или возможностей полного осмысления. Потенциальные перспективы включают в себя падение спроса на традиционные труд и ресурсы, а также капитал, используемый в материальном производстве. В результате резко повысится вероятность каскадных разрушительных воздействий на глобальную экономику» [25, с. 430].

Абстрактный футурологический прогноз социальных последствий нанотехнологической революции перевоплотил в живые событийные образы А. Лазаревич в научно-фантастической повести «Сеть “Нанотех”» [26]. Наномашины (бактерии-киборги) уже созданы, они уже размножились по всей планете и готовы выполнять мысленные команды людей, обеспечивать их жизненные потребности. Остается лишь объявить всем людям Земли об этом и научить их пользоваться сетью «Нанотех». Это новшество обернется для всех избавлением от нужд, болезней, необходимости отчужденного, наемного труда, но некоторые при этом лишатся своего привычного превосходства над другими людьми, того превосходства, которое дают деньги и административная власть. И эти «некоторые» пытаются препятствовать внедрению новшества. Сама представленная идея выглядит сегодня с научно-технической точки зрения не более фантастично, чем ныне находящийся на экспериментальной стадии проект управляемого термоядерного синтеза.

Вся эта череда технологических революций все больше обостряет проблему «лишних людей» и платежеспособного спроса в системе товарного производства. Ей уделил немалое внимание А. Горц. Он констатировал, что в настоящее время «простой абстрактный труд, со времен Адама Смита трактовавшийся как источник стоимости, сменился трудом более сложным. Производительный труд, измерявшийся в единицах произведенного за единицу времени продукта, сменился так называемым нематериальным трудом, который уже не поддается измерению классическими способами» [24, с. 21]. Отсюда вытекает вопрос: «Как может продолжать существовать товарное общество, когда производство товаров использует все меньше труда и пускает в обращение все меньше платежных средств?» [24, с. 61].

Вопрос явно риторический. Все люди, занятые в производстве, – «потенциальные безработные, временно трудоустроенные» [24, с. 101].

Все чаще задаются вопросы такого рода: «Что же произойдет с человечеством, если начавшийся сегодня процесс использования искусственного интеллекта в экономике будет продолжаться и “набирать обороты”? Очевидно, что люди будут массово вытесняться из экономики» [27, с. 18]. А в итоге, – заключают В.Е. Воронин и Т.А. Щукина, – «планетарный социальный кризис» [27, с. 20].

Система товарного производства, стимулируя научно-технический прогресс, развивает такие производительные силы, которые ставят под сомнение возможность дальнейшего существования товарного производства. В течение всего времени с начала промышленного переворота «тенденция капитала заключается в том, чтобы придать производству научный характер, а непосредственный труд низвести до всего лишь момента процесса производства» [11, т. 46, ч. 2, с. 206]. Следовательно, «непосредственный труд сводится к менее значительной доле» [11, т. 46, ч. 2, с. 207]. Логика политэкономической теории Маркса привела к выводу: «Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости. *Прибавочный труд рабочих масс* перестал быть условием для развития всеобщего богатства, точно так же как *не-труд немногих* перестал быть условием для развития всеобщих сил человеческой головы. Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости» [11, т. 46, ч. 2, с. 214]. Это написано тогда, когда не было даже намеков на будущую компьютеризацию, роботизацию, нанотехнологизацию производительных сил, но была теоретически понята логика их развития.

Теперь проявляется, что назревающая нанотехнологическая революция способна сделать товарное производство вообще ненужным и бессмысленным. Не будет смысла в производстве массы фабрично-заводских продуктов, когда каждый человек сможет пользоваться чем-то вроде «Сети Нанотех» и прямо на месте создавать все нужное для жизни и тут же избавляться от того, что становится ненужным, не захламляя пространство. Поскольку для такого производства не требуется «живой» непосредственный труд, потеряют смысл применение наемного труда, начисление заработной платы и приобретение чего-либо за такую плату.

8. Вопрос о смысле. Мысль о том, что все люди, а не только «избранные», избавятся от необходимости трудиться ради добывания «хлеба насущного», должна вызывать и недоверие (это просто утопия!), и тревогу. Чем займутся все эти люди, ставшие «лишними»? Извечное бремя добывания пищи «в поте лица» накидывало на всех и каждого свою узду в общественном разделении труда, принуждало к определенному порядку, обусловленному объективной необходимостью. Если «труд создал самого человека» [11, т. 20, с. 486], то люди, лишённые принуждения к труду, не вернутся ли в «естественное состояние»? Если для обеспечения существования не нужно обменивать товар на деньги, а деньги на товар или услугу, то нужны ли люди друг другу? Если не будет нанимателя и наемного работника, господина и раба, элиты и массы, классов высших и низших, и никто никому ничего не должен, и станут невозможными штрафы, то какой тогда может быть порядок во взаимоотношениях? Не станет ли существование вообще бесполезным и бессмысленным?

У прорицателей постиндустриального общества мысли движутся по накатанному пути: опять будут высшие и низшие слои общества, разве что изменятся критерии дифференциации, и доступ наверх откроется не по богатству, а по уму, который опять-таки обеспечит своему обладателю и власть, и богатство. Такое представление отчетливо выразил Д. Белл: «Каждое из известных нам обществ делилось по тому или иному осевому признаку на элиту и массы. <...> В постиндустриальном обществе элита – это элита знающих людей. ...“Элита знания” может стать новой элитой власти» [21, с. 340–341]. Он предположил в постиндустриальном обществе образование четырех классов: 1) «класс профессионалов, владеющий знаниями, а не собственностью»; 2) техники и полупрофессионалы; 3) служащие и торговые работники; 4) ремесленники и полуквалифицированные рабочие [20, с. 500]. Подобная иерархия в «Новом цифровом мире» [28] представляется также Э. Шмидту и Дж. Коэну: сложится сетевая кастовая система, наверху пирамиды окажется небольшая группа пользователей интернета, которая обособится за счет высокого уровня доходов, уникальных возможностей доступа, географического положения.

В самом деле, такие представления успокаивают. Технологии совершенствуются, но привычные социальные порядки сохраняются. Но если все-таки товарно-денежные отношения

обессмыслятся, как и притязания одних людей на превосходство над другими людьми, то не станет ли жизнь неупорядоченной и бессмысленной? Вопрос о смысле существования до сих пор основательно исследовался немногими философами, к их числу относятся И. Кант, С.Л. Франк, А. Камю, Б. Хюбнер. Пока над людьми довлечет нужда, они больше озабочены добыванием средств к существованию, чем вопросом, для чего существование.

В обществе товаропроизводителей все вынуждены делать то, что им самим не нужно, т.е. товары и услуги. Но если товары и услуги станут вообще не нужны, то станет нечего делать? К чему может стремиться человек, существование которого вполне обеспечено без необходимости трудиться?

Люди способны совершать действия, которые важны, значимы и, может быть, также интересны, увлекательны сами по себе, не ради какого-либо вознаграждения за них. Виды таких действий и их мотивы могут быть весьма многообразными, и они известны даже в мире чистогана и нужды. Например, спасение терпящих бедствие, забота о своих близких и дорогих людях. Поэты, музыканты могут сочинять без всякого расчета на гонорар. Ученые, мыслители могут вполне бескорыстно предаваться своим изысканиям, зная, что никто им за это не заплатит. Разве что на одну награду могут надеяться – простую благодарность, хотя могут обойтись и без нее, удовлетворяясь лишь собственным пониманием нужности дела. Важно доказать хотя бы себе, что ты не пустое место, что у тебя есть человеческое достоинство. И еще люди умеют ценить доброжелательное, признательное, товарищеское отношение к себе и другим, не связанное с корыстью. Можно предполагать, что такие способности не утратятся, а только будут развиваться, если прогресс производительных сил приведет к ненужности наемного отчужденного труда и обессмысливанию товарно-денежных отношений.

Преградой на пути подобного развития может быть выработанная в течение тысячелетий склонность к превосходству над другими людьми, основанному на богатстве, административной власти или простом насилии. Как фактически будут развиваться события, предугадать невозможно, однако можно полагать, что обществу товаропроизводителей, его «элите» и «массе» предстоит искать ответы на такие вызовы, как проблема товарной стоимости информации и знаний и проблема лишних людей.

Заключение. Вероятно, коммунизм не будет построен никогда в том смысле, в каком строители могут «сдать объект под ключ». Нет положительного проекта коммунизма, предписывающего, что в нем должно быть. Речь пока шла о том, чего не должно быть, но всего лишь отмена того, чего быть не должно, не есть создание нового способа существования. Суть дела заключается не столько в борьбе за политическую власть, которая могла бы законодательно отменить частную собственность, деление общества на классы и т.п., сколько в дальнейшем научно-техническом прогрессе. В ходе данного исследования выяснилось, что современное развитие производительных сил ведет, вероятно, к обесмысливанию товарной формы общественного производства, отмирание которой повлечет ненужность наемного, отчужденного труда. Эта перемена произойдет не единовременно, потребует новых, небывалых решений по перестройке отношений между людьми, адекватных меняющимся условиям жизни. Люди могут стать лишними только в качестве наемных работников, занятых отчужденным трудом и употребляемых для осуществления чужих целей. Но, как установил И. Кант, «в ряду целей человек (а с ним и всякое разумное существо) есть *цель сама по себе*, т.е. никогда никем (даже Богом) не может быть использован только как средство...» [29, с. 530].

Литература

1. Зеличенко, А.И. Коммунизм: теория, практика, коммунизм в истории, этическая оценка [Электронный ресурс] / А.И. Зеличенко. – Режим доступа: <https://russkiysvet.livejournal.com/2016/12/19/>. – Дата доступа: 05.06.2018.
2. Балашов, Л.Е. Практическая философия / Л.Е. Балашов. – М.: МЗ-Пресс, 2001. – 320 с.
3. Браун, А. Взлет и падение коммунизма / А. Браун. – М.: РОССПЭН, 2014. — 862 с.
4. Поппер, К.Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. / К.Р. Поппер. – М.: Открытое о-во «Феникс», 1992.
5. Зиновьев, А.А. Гибель русского коммунизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 2001. – 430 с.
6. Зиновьев, А.А. Коммунизм как реальность. Кризис коммунизма / А.А. Зиновьев. – М.: Центрполиграф, 1994. – 494 с.
7. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 606 с.
8. КПСС. XXII съезд КПСС. 17–31 окт. 1961 г. Стенографический отчет: в 3 т. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 3: Стенограммы 21–26 заседаний. – 1962. – 592 с.
9. Абалкин, Л.И. Коммунизм / Л.И. Абалкин, А.М. Румянцев // Экономическая энциклопедия: Политическая экономия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 2. – 1975. – С. 194–199.
10. Экономическая энциклопедия: Политическая экономия: [4 т.] / гл. ред. А.М. Румянцев. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 3. – 1979. – 623 с.
11. Маркс, К. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1954.
12. Marx, K. Werke [39B.] / K. Marx, F. Engels; 5. Aufl. – Berlin: Dietz Verlag, 1958. – B. 3. – 1978. – 610 S.
13. Лапин, Н.И. Молодой Маркс / Н.И. Лапин. – М.: Политиздат, 1986. – 479 с.
14. Фейербах, Л. Избранные философские произведения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Госполитиздат, 1955. – Т. 2. – 1955. – 943 с.
15. Фейербах, Л. Сочинения: в 2 т. / Л. Фейербах. – М.: Наука, 1995. – Т. 2. – 1995. – 424 с.
16. Оуэн, Р. Избранные сочинения: в 2 т. / Р. Оуэн. – М.; Л.: Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. – Т. 2. – 352 с.
17. Амвросий Медиоланский. Слово о взаимной любви христиан // Христианское чтение, издаваемое при Санкт-Петербургской Духовной Академии. – 1837. – Ч. IV. – С. 28–34.
18. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений / В.И. Ленин. – М.: Политиздат, 1960–1970. – Т. 39. – 1970. – XXIV, 623 с.
19. Малафеев, А.Н. Товарное производство / А.Н. Малафеев // Экономическая энциклопедия: Политическая экономия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – Т. 4: Социология–Я. – 1980. – С. 145–148.
20. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М.: Academia, 2004. – CLXX, 783 с.
21. Белл, Д. Социальные рамки информационного общества / Д. Белл // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 330–342.
22. Грачев, В.И. Товарные свойства информации в системе современных социокультурных коммуникаций / В.И. Грачев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 71. – С. 207–214.
23. Винер, Н. Кибернетика и общество / Н. Винер. – М.: Изд-во иностр. лит., 1958. – 200 с.
24. Горц, А. Нематериальное: знание, стоимость и капитал / А. Горц. – М.: Изд. дом Государственного ун-та – Высшей школы экономики, 2010. – 206 с.
25. Дрекслер, Э. Всеобщее благоденствие: как нанотехнологическая эволюция изменит цивилизацию / Э. Дрекслер. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2014. – 502 с.
26. Лазаревич, А. Сеть «Нанотех» [Электронный ресурс] / А. Лазаревич. – Режим доступа: <http://technocosm.narod.ru/nanotech.htm>. – Дата доступа: 03.06.2018.
27. Воронин, В. Е. «Нечеловеческое лицо» новой информационной революции / В.Е. Воронин, Т.А. Щукина // Информационные технологии в экономике, образовании и бизнесе: материалы XII Междунар. науч.-практ. конф. – Саратов: Изд-во ЦПМ «Академия Бизнеса», 2017. – С. 13–20.
28. Шмидт, Э. Новый цифровой мир: как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / Э. Шмидт, Д. Коэн; пер. с англ. С. Филина. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 367 с.
29. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – М.: Чоро, 1994. – Т. 4. – 630 с.

Поступила в редакцию 05.06.2018 г.

ФИЛОЛОГИЯ

Социально-психологическая повесть в русской и белорусской прозе второй половины XX века

Крикливец Е.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

Актуализация определенной жанровой разновидности повести зависит от когнитивных и коммуникативных задач времени. Социально-психологическая повесть — одна из ключевых жанровых разновидностей русской и белорусской повести второй половины XX века как в контексте реалистической эстетики, так и в стиливом поле модернизма.

Цель статьи — выявить особенности идейно-тематической и стилевой трансформации социально-психологической повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века.

Материал и методы. *Методологическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений. Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей второй половины XX века.*

Результаты и их обсуждение. *В статье раскрываются этапы семантической и морфологической трансформации русской и белорусской социально-психологической повести второй половины XX века. Выявляются типы героев, сформировавшиеся в данной жанровой разновидности повести, анализируются способы субъектной организации. Достоверность результатов определяется обширным эмпирическим материалом.*

Заключение. *Необходимость формирования аксиологических ориентиров, которые пришли бы на смену утратившим значение идеологическим, обусловила востребованность в русской и белорусской прозе второй половины XX века жанровой разновидности социально-психологической повести. В идейно-тематическом плане социально-психологическая повесть позволила писателям поднять злободневные проблемы, отразить события истории и современности; оказалась изоморфна потребностям белорусской прозы в формировании и сохранении жанрового канона одновременно с усвоением авангардистских тенденций. Коммуникативная стратегия социально-психологической повести в русской и белорусской литературах второй половины XX века направлена на поиск смысла жизни, на постижение человеком человеческой сущности, своего места в социуме, на осознание индивидуального пути в контексте исторического пути народа и государства, на осмысление философской проблематики бытия и смерти.*

Ключевые слова: *русская литература, белорусская литература, сравнительно-типологический анализ, реализм, модернизм, социально-психологическая повесть, стилевая модификация.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 113–119)

Social and Psychological Story in the Russian and Belarusian Prose of the Late XX Century

Kriklivets E.V.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

Actualization of a genre type of the story depends on cognitive and communicative tasks of the time. The social and psychological story is one of the key genre subtypes of the late XX century Russian and Belarusian story both in the context of realistic aesthetics and in the style field of Modern.

The purpose of the article is to identify features of the idea and thematic as well as style transformation of the social and psychological story in the late XX century Russian and Belarusian prose.

Material and methods. *The methodological base of the research is made up by works by domestic and foreign literary critics in the field of comparative and typological studies of literature phenomena. The research object is stories by Russian and Belarusian writers of the late XX century.*

Findings and their discussion. *Stages of the semantic and morphological transformation of the late XX century Russian and Belarusian social and psychological story are revealed in the article. Types of characters which were shaped in this genre type of the story are found out; ways of subject organization are analyzed. The reliability of the findings is determined by vast empiric material.*

Адрес для корреспонденции: e-mail: kriklivec@mail.ru — Е.В. Крикливец

Conclusion. *The necessity in shaping axiological landmarks which would substitute the ideological ones, that lost their significance, conditioned the need in the genre type of social and psychological story in the late XX century Russian and Belarusian prose. From the ideal and thematic point of view the social and psychological story made it possible for the writers to raise current issues, to reflect events of the history and the present day; to be isomorphic to the needs of Belarusian prose in shaping and preservation of the genre canon simultaneously with the absorption of vanguard tendencies. The communicative strategy of the social and psychological story in the late XX century Russian and Belarusian literatures is aimed at the search of the life sense, at man's understanding of human essence, his place within the society, at understanding the individual way in the context of the historical way of the people and state, at understanding the philosophic issues of being and death.*

Key words: *Russian literature, Belarusian literature, comparative and typological analysis, realism, Modern, social and psychological story, style modification.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 113–119)

Модификация реалистической эстетики в русской и белорусской прозе второй половины XX века, обусловленная движением от идеологически ангажированного письма к психологизации литературы, породила идейно-эстетические поиски, которые привели к активизации аналитического, интеллектуального начала в прозе. Обращение как русских, так и белорусских писателей к жанровой форме *социально-психологической повести* констатировало окончательный переход от нормативной эстетики к социально-психологическому реализму. В последние десятилетия XX века происходит усвоение неклассических методов и приемов моделирования реальности (фантастических, гротескных, неомифологических). *Социально-психологическая повесть*, поднимая актуальные проблемы современности, пользуется при этом ранее не свойственными ей авангардистскими методами, что усиливает ее многозначность.

Цель статьи – выявить особенности идейно-тематической и стилевой трансформации социально-психологической повести в русской и белорусской прозе второй половины XX века.

Материал и методы. Методологическую базу работы составляют труды отечественных и зарубежных литературоведов в области сравнительно-типологических исследований литературных явлений. Материалом изучения выступают повести русских и белорусских писателей второй половины XX века.

Результаты и их обсуждение. Может ли человек противостоять социально-историческим обстоятельствам или приспосабливается к ним, идя на компромисс с совестью, – вот один из ключевых вопросов, поднимающихся в социально-психологической повести второй половины XX века. Изначально этот вопрос возник в произведениях, тематически тяготеющих к «городской прозе», и определил типологию героев, сформировавшуюся в данной группе повестей.

Усилившееся в русской и белорусской литературе 1970-х – 1980-х годов аналитическое начало обусловило стремление писателей к углубленному, концептуальному осмыслению мира и человека в нем. Детальному анализу подвергаются не только действия и поступки героев, но и внутренние, глубинные движения души, детерминирующие поведение персонажей. Одной из болезненных проблем, затрагиваемых в повестях этого периода, становится деформированная психология человека, сложившаяся в период культа личности (повести В. Тендрякова «Хлеб для собаки», В. Козько «Но Пасаран!», И. Шамякина «Драма» и др.). Возникает *тип героя, конфликтующего со своим внутренним «я», но не способного избежать конформизма.*

Сродни данной проблеме оказывается и тема образования и воспитания молодого человека в рамках советской системы. Не случайно в центре внимания ряда повестей – педагогические коллективы, учащиеся или бывшие выпускники советских школ (В. Тендряков «Ночь после выпуска», «Шестьдесят свечей», Ю. Трифонов «Дом на набережной»). Трагедия молодых героев заключается в том, что в коллективном они утратили личное, не обрели способность совершать самостоятельный нравственный выбор и нести ответственность за свои поступки. Трагедия «наставников» видится во внутреннем конфликте, обусловленном диссонансом требований советской идеологии и общечеловеческих представлений о морали и нравственности. В произведениях такой идейно-тематической направленности формируется *тип героя – «продукта» эпохи, не способного к совершению самостоятельного нравственного выбора и не имеющего (утратившего) личностное начало.*

Закономерно, что в повестях 1970-х – 1980-х годов находит воплощение *тип героя-приспособленца*, старающегося быть «как все», предпочитающего материальные ценности духовным, карьеру – взаимоотношениям с близкими;

при этом семейно-бытовой конфликт предельно заострен и драматичен (Ю. Трифонов «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной»; В. Тендряков «Шестьдесят свечей», «Затмение», «Расплата»; Б. Саченко «Не на той вулицы»; А. Карпюк «Сучасны канфлікт»; А. Жук «Не забывай мяне» и др.).

Герой социально-психологической повести 1990-х годов – человек, лишенный социальных и моральных ориентиров, деградирующий в жестких условиях выживания (В. Быков «Ваўчыная яма», И. Шамякин «Аповесці Івана Андрэвіча», «Адна на падмостках», «Сатанінскі тур», «Бумеранг», «Падзенне», «Без пакаяння», «Выкармак» и др.).

Дидактический (или притчевый) характер ряда повестей связан с осознанием как русскими, так и белорусскими писателями необходимости формирования аксиологических ориентиров, которые бы пришли на смену утратившим значение идеологическим.

В русской и белорусской военной прозе актуализация жанровой разновидности социально-психологической повести определяется документальной основой многих произведений, интеграцией с мемуарным началом в литературе. Особое развитие документально-художественное исследование темы «человек и война» получило в белорусской литературе. В этом русле написаны «Хатынская аповесць» и «Карнікі» А. Адамовича, «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, «Я з вогненнай вёскі» А. Адамовича, Я. Брыля и В. Колесника, «У войны не женское лицо» С. Алексиевич. Появление данных произведений свидетельствует не о размывании жанровых границ повести (поскольку повесть – жанр художественной литературы, а здесь мы имеем дело с документально-художественным новообразованием), а о том, что жанр повести может стать основой для интеграции жанровых структур, для появления новых форм на «стыке» публицистики и художественной литературы. Социально-психологическая повесть с ее пристальным вниманием к кризисным сдвигам в обществе соответствовала изменившейся проблематике военной прозы, лишенной героического и патриотического пафоса.

С идейно-эстетической точки зрения продуктивным оказалось исследование психологии невоенного человека на войне. Отдельный пласт военных повестей составляют произведения, в которых осмысливаются судьбы детей в годы войны. Раскрытие проблемы детства, опаленно-

го войной, имеет свою специфику в белорусской прозе, где возникает феномен «двойного видения», заключающийся во временной и возрастной разнице повествующего и повествуемого «я» диететического нарратора.

Генезис и психологию фашизма как социального явления стремятся постичь авторы повестей, в которых художественному анализу подвергаются образы «чужих», несущих разрушение и смерть.

«Локальные» военные конфликты, составившие сюжетную основу социально-психологических военных повестей 1990-х годов, обусловили два типа психологии героев: профессионального военного, относящегося к войне как к работе, и молодого человека, морально искалеченного войной, потерявшего себя как личность.

В ряде социально-психологических повестей последней трети XX века затрагивается проблематика, превышающая объем жанрового содержания повести. Знаковой тенденцией жанровой модификации русской и белорусской повести является усиление эпического начала. Авторы пытаются постичь индивидуальные человеческой судьбы в контексте исторического пути народа и государства. Жанровая форма социально-психологической повести оказалась наиболее мобильной с точки зрения расширения объема жанрового содержания. Отражением данной тенденции стало появление циклических структур (повесть или повествование в рассказах, новеллах; создание цикла повестей).

Этот процесс (как и интеграция с документалистикой) доказывает открытость жанра повести, демонстрирует его аккомодацию к новым идейно-художественным потребностям, подтверждает его способность к семантической и морфологической трансформации.

В последние десятилетия XX века монолизм советской литературы сменяется поиском новых художественных приемов и жанровых форм, которые удовлетворили бы эстетические потребности времени. В прозе исследуемого периода основные стилевые изменения происходят на стыке художественных систем – реализма и модернизма, реализма и постмодернизма. Возникновение такого рода диффузных явлений обусловлено как индивидуально-авторским творческим экспериментом, так и общими стилевыми тенденциями эпохи.

Эстетической реакцией на идеологическую ангажированность советской литературы стала так называемая «другая проза», в русле которой можно выделить корпус произведений, написан-

ных в духе *экзистенциального реализма*, и произведения, в которых происходит рецепция традиций *карнавальной литературы*.

И русские, и белорусские прозаики активно используют различные типы вторичной художественной условности. В зависимости от доминирующего типа условности и доминирующего художественного приема можно выделить следующие пути обогащения реалистической эстетики средствами неклассической художественности:

- актуализация *сюрреалистической эстетики*;
- синтез *реалистического и фантастического* (при этом следует различать фантастическую условность как прием и фантастический метод художественного миромоделирования);
- обращение к *фольклорно-мифологическим мотивам*, мифологическим способам познания мира.

Социально-психологическая повесть в силу своей мобильности смогла синтезировать реалистическое начало и неклассические (фантастические, гротескные, неомифологические) способы моделирования реальности, позволив тем самым совместить принцип правдоподобного изображения действительности с аллегорическими, метафорическими способами ее осмысления.

Так, в последней трети XX века появляются произведения, в которых наблюдается серьезная стилевая трансформация. Например, в повести М. Палей «Евгеша и Аннушка» происходит эстетически оправданное совмещение сентиментального и физиологического начал. Нынешнее бытие героинь как бы обесцвечено на фоне их прошлого, тесно переплетенного с историей страны. Болезненное состояние Евгешы связано, скорее, не с физическим, а с духовным кризисом героини, ощущающей безвыходность и отчаяние своего теперешнего существования. Героиня не стремится к иной жизни, которая, вероятно, где-то есть. Она разочарована в «механизме» жизни вообще. Соединение лирического, сентиментального, и уродливого, натуралистического, усиливает экзистенциальное звучание повести, проявляя в ней мотивы одиночества, незащитности человека, абсурдности его существования во враждебном мире, которое неизбежно заканчивается смертью.

Сопоставляя способы субъектной организации социально-психологической повести в контексте реалистического метода и в модернистской парадигме, можно прийти к следующим выводам. В анализируемой жанровой разновидности повести происходит последователь-

ная замена автобиографического диегетического нарратора автодиегетическим. Наблюдается увеличение пространственно-временной дистанции между повествующим и повествуемым «я», достигаемое посредством ретроспекции и помещения повествующего и повествуемого «я» в разные временные планы (М. Кураев «Ночной дозор», В. Маканин «Голоса», Л. Петрушевская «Время ночь»). Наличие в социально-психологической повести двух временных планов повествования (прошлое и настоящее) приводит к смене внешней и внутренней фокализации, когда герой-рассказчик выступает в двух ипостасях: то как субъект повествования, то как его объект.

В русской и белорусской неклассической прозе последних десятилетий XX века была предпринята попытка взглянуть на события недавней истории не через призму идеологической ангажированности, а с целью осмысления индивидуальной человеческой судьбы в контексте этих событий. В социально-психологической повести происходит своего рода трансформация литературного типа «*маленького человека*», вернее, появляются специфические инварианты этого типа. Теперь он – «*песчинка истории*» и его судьба редко зависит от него самого. Однако, в отличие от реалистической прозы, человек в неклассической эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантазмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится теми «декорациями», в которых человек существует.

Множество мельчайших бытовых подробностей характеризуют жизнь Игоря Ивановича Дикштейна, героя повести М. Кураева «Капитан Дикштейн». Несомненно, даже любимая одежда героя – ватник – отсылает читателя к гоголевской «Шинели». Но если Акакий Акакиевич был соразмерен самому себе, своему незаметному полунинищенскому существованию, то Игорь Дикштейн в этом мире находится «полулегально». История совершает очередной фантастический поворот, и во время подавления Кронштадтского мятежа по ошибке вместо матроса Чубатого был расстрелян студент Дикштейн. И с тех пор Чубатый-Дикштейн живет под чужим именем, не собственной, не подлинной жизнью, и незаметность существования становится главной целью этой выморочной жизни. Так жернова истории перемалывают личные судьбы в мелкий песок, приводят человека к «псевдосуществованию», лишают имени и индивидуальности, обесценивают.

В повести «День рождения покойника» Г. Головин, используя прием карнавализации, отражает абсурдность мира, в котором человек приобретает значимость и ценность только после смерти. Так, балагур и алкоголик Васька Пепеляев в захолустном Бугаевске никому не интересен. В нем нет ничего уникального, поскольку вся культурная жизнь райцентра и без того замыкается на площади с двумя «достопримечательностями» – клубом и винным магазином. И только когда Пепеляева сочли погибшим на сгоревшей барже, его фигура привлекла внимание, начала обрастать мифами, трансформироваться в образ «былинного богатыря» Василия Пепеляева. Живой и невредимый Васька, не соответствующий своему «посмертному» образу, по-прежнему не имеет для жителей Бугаевска никакого значения. Напротив, факт спасения героя (пусть и по нелепой случайности) оказывается неудобен, разрушает удачно сложившуюся мистификацию и, следовательно, не признается. Так живой человек по значимости уступает себе же мертвому. Вполне реалистические детали помогают Г. Головину воплотить процесс «мифотворчества» советской эпохи.

Мифотворчество составляло основу советской цивилизации, являлось мощным способом воздействия на коллективное сознание. В повестях Ю. Полякова «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками», «Апофегей» присутствует попытка отразить мироощущение человека, существующего в пространстве между идеальным (идеализированным) и реальным. Как это ни парадоксально, структурообразующим для государственной системы выступает именно идеальное. И даже самый небольшой сдвиг в «идеальной» составляющей мироустройства может привести к тому, что «песчинки истории» рассыплются и разрушат весь механизм, погребут под собой систему в целом. В повести «Апофегей» в качестве причин, способных привести к государственной катастрофе, называются заидеологизированная любовь к «социалистической родине» и утрата связи с национальными корнями. В более поздних своих произведениях, в частности, в повести «Демгородок» Ю. Поляков в сатирическом, памфлетном ключе размышляет о бесперспективности строительства «Возрожденного Отечества» на обломках тоталитарного режима, о необходимости поиска пути национального возрождения.

Иной тип сознания, иная ипостась советского «маленького человека» представлены в повести

В. Маканина «Антилидер». Слесарь-сантехник Толик Куренков вполне доволен своей жизнью. В состоянии неуправляемого бунтарства этого, в общем смиренного и послушного человека, приводит появление «на горизонте» личности, хотя бы мало-мальски выбивающейся из представления о «таком, как все». В Толике просыпается чувство социальной несправедливости, которое находит единственное воплощение, единственный выход – драку. Это ощущение несправедливости отнюдь не связано с тем, что «любимец судьбы», на которого направлен гнев Толика, не достоин «свалившихся» на него благ. Бунт Куренкова имеет иррациональный характер. Появление «не такого, как все» нарушает окружающую гармонию, противоречит заведенному порядку. Этот порядок Толик и стремится восстановить. Думается, бунт Куренкова равно далек и от дон-кихотства, и от «барачного» сознания. Скорее, в нем видится (пусть и извращенная) попытка постижения себя и «другого» в усредненном мире, попытка проникнуть за границы коллективного бессознательного.

Особый тип «человека советского» выявлен и охарактеризован В. Маканиным в повести «Человек свиты». Собственно само название повести является определением этого типа. Цель жизни и главное достижение Мити Родионцева – находиться в свите. Неважно, кем и в каком учреждении города работать, важно как можно дольше находиться в «солнечной приемной», ибо только это демонстрирует герою его значимость. Стремление быть в свите – в некотором смысле трансформация стайного (стадного) инстинкта, его советский инвариант. Животное, оказавшееся вне стаи, обречено на гибель. Митя Родионцев, будучи отлученным от свиты, ощущает потерю смысла жизни, что сродни социальной гибели. И над трагедией героя В. Маканин отнюдь не иронизирует. Осознание ценности обретенной свободы, на котором акцентируют внимание некоторые исследователи [11, т. 2, с. 628], весьма условное, поскольку эта мысль мелькает в мозгу у пьяного Родионцева и, по сути, не является его собственной: ее подсказывает посторонний человек. Таким образом, «человек свиты» скорее откажется от личной свободы (а значит, и от ответственности за свое будущее), так как не готов к ней и не способен с ней справиться.

В контексте этих размышлений писателя уже не кажется случайным, что не только «люди свиты», но и либералы-«шестидесятники» не выдерживают груза личной свободы, обернув-

шейся бременем одиночества. Об этом повесть В. Маканина «Один и одна». Утратив связь с эпохой, которая их сформировала, с идеалами и ценностями своего поколения, герой повести Голощеков чувствует себя беспомощным и потерянным. Парадокс заключается в том, что борьбу за свободу личности «шестидесятники» вели сообща и, столкнувшись с неромантизированной реальностью, они оказываются неспособными к «частной» жизни. Герой «тоскует по рою» и испытывает искреннее желание «слиться с людской массой».

Советская эпоха порождает еще один особый тип сознания – сознание идеального исполнителя. *Герой-исполнитель* – продукт своего времени, он желает соответствовать этому времени и потому ревностно выполняет работу, не задумываясь о сущности и последствиях собственных действий. Герой-исполнитель – оборотная сторона «маленького человека». Он не желает слиться с толпой, он мнит себя выше и значительнее тех, кто страдает от его «исполнительности». Однако для системы он один из винтиков, на которых держится механизм.

Таков образ сотрудника КГБ Александра Евграфовича в повести А. Рыбакова «Не успеть». Ценность человеческой жизни он измеряет целесообразностью существования того или иного человека для страны. Целесообразным в его масштабах является только подвиг. Люди, не совершившие подвига (не способные на него), не имеют права на кусок хлеба, а значит, на жизнь. «Сначала подвиг, а уж потом – курица», – таков постулат Александра Евграфовича. Герой-исполнитель в изменившихся социальных условиях может стать образцовым приспособленцем. Так, сотрудник КГБ, который в прежние времена сажал за чтение и хранение запрещенной литературы, в перестроечные годы и сам «перестроился» и теперь характеризует ту самую литературу как «умную и честную». При этом образ героя-исполнителя не представляется гротескным даже в контексте общей фантазмагии повести. Это как раз один из тех образов, который сопрягает абсурдное с обыденным, бытовым.

В повести М. Кураева «Ночной дозор» мы встречаем своеобразную «исповедь» героя-исполнителя. Но в рассказе Полуболотова о своей работе в «органах» в годы репрессий нет и тени раскаяния. Это даже не приходит в голову герою. Добродушно-поучительно повествует он своему молодому напарнику о том, как «брали по пятьсот-семьсот человек за ночь». Такое количество

«врагов народа» не заставляет Полуболотова усомниться в правильности собственных действий. Он испытывает профессиональную гордость за добросовестно проведенные операции. Ощущение жуткой иронии и абсурда описываемого возникает из-за несоответствия страшных подробностей арестов и спокойного, почти лирического тона повествования. Однако, как выясняется, исполнительность Полуболотова – еще не предел исполнительности. За гранью всяких представлений о разумном лежит рассказ Полуболотова об аресте сотрудника «органов», который не то что не пытался бежать, а сам расписался вместо понятого, поучая своего молодого коллегу, как нужно «брать людей». Парадоксально, что Полуболотов не огрубел, не утратил способности восхищаться красотой окружающего мира. Исполнителем сделала героя государственная система, приучив его не видеть людей в тех, кого он «брал», выработав бесчувствие к судьбам арестованных.

Проза перестроечного и постперестроечного периода осваивает ранее табуированные темы. В фокусе писательского изображения оказываются самые негативные стороны жизни, объектом художественного исследования становятся *представители социального «дна»*. Жанровое своеобразие повестей, тяготеющих к так называемому «натуральному течению», сопоставимо со спецификой физиологического очерка конца XIX – начала XX века с его детальным вниманием к низменным проявлениям и незамаскированным изображениям «черных» сторон действительности (Л. Габышев «Одлян, или Воздух свободы», С. Каледин «Смирненное кладбище»).

Проблему бездуховности героев, у которых не выработан «иммунитет» ко злу и жестокости, белорусский прозаик В. Мудров проецирует уже не на замкнутый топос тюрьмы или кладбища, а на весь социум, делая данную проблему отличительной чертой своего поколения и своего времени. Окружающий мир герои повести В. Мудрова «Гісторыя аднаго злачынства» познают исключительно через физиологические потребности. Ванька Беньков, Лешка Мандрик и другие словно бы подозревают о существовании иной жизни и иных ценностей, не замкнутых на продажности, взяточничестве, пьянстве, и даже по-своему бунтуют против окружающей гнусности. Но бунта «короля оршанской зоны» Лешки Мандрика хватает на белые клеши, а бунта влюбленного Ваньки – на банальный грабеж. Ничто светлое и возвышенное в этой удушающей сре-

де не выживает. Да и уровень притязаний героев обусловлен уровнем среды. Круг снова замыкается и в повести вырисовывается картина «агонизирующего» общества.

Фантазмагорический футурологический прогноз этой агонии дает в своих повестях другой белорусский писатель Ю. Станкевич. Прозаик изображает реальную ситуацию середины 1990-х годов с царящей в стране безработицей. Сложная социально-экономическая ситуация пробуждает в людях низменные инстинкты, приводит к моральной деградации. Так, в повести «Рыфма» ряд убийств совершает «интеллигентная» девушка Полина, увлекающаяся литературой и философией. Так платит героиня за призрачную возможность вырваться из ситуации «дна», избежать жизни с родителями-алкоголиками и попасть в высший свет, чтобы вести беззаботную жизнь, беседуя о живописи и литературе.

Размышляя о стремлении большей части постсоветского общества набить собственный желудок и реализовать иные физиологические потребности, Ю. Станкевич в повести «Прузі» рисует аллегорический образ саранчи, пожирающей все на своем пути, созданной лишь для того, чтобы работать челюстями.

Повесть «Эрыніі» можно воспринимать как повесть-предупреждение. В ней ведется речь о появлении нового типа человека – «гома фестывус», порожденного обществом потребления и масс-медиа. Это инфантильное существо, не способное работать, стремящееся исключительно к «кайфу» и развлечениям. Безусловно, во всех названных повестях Ю. Станкевича на первый план выходит проблема духовной деградации, дегуманизации общества, отсутствия моральных ценностей и идеалов.

Связь с историческим прошлым своего народа как путь выхода из ситуации социального «дна» к осознанной и созидательной жизни рассматривает в своих повестях А. Федоренко. При этом у писателя собственный ракурс видения «бывших» людей. Исключенный из института «за национализм» герой повести «Вёска» Антон Васкевич возвращается домой и окунается в проблемы современной деревни: бюрократизм, безработица, пьянство, «свободные» отношения молодежи. Столкновение бывшего студента с народной средой лишено какого бы то ни было романтизма. Антон пытается жить как все, в связи с чем бывший студент рискует стать бывшим человеком. Но жизнь распорядилась по-другому: в стране происходят социаль-

ные и идеологические перемены, героя восстанавливают в институте. Антон не отказывается от своей позиции, но теперь она основана не на романтических представлениях, а на реальном знании народной среды со всеми ее проблемами. Но, тем не менее, родная деревня с ее прошлым и настоящим, родной язык дают герою силы развиваться и двигаться дальше.

Своеобразное переосмысление проблемы «бывших» людей происходит в повести А. Федоренко «Нічыё». Человек, лишенный национальной идентичности, – так видится прозаику собирательный образ белоруса. Безусловно, это случилось по объективным социально-политическим причинам. Однако А. Федоренко намекает, что недостаточно обрести свободу и независимость: впереди еще долгий и нелегкий путь национального самопознания и обретения чувства национальной гордости и достоинства.

Следует отметить, что, в отличие от реалистической прозы, человек в авангардистской эстетике исследуется в общегуманистическом (а не в социальном) ракурсе. Общественная жизнь порождает абсурдное, фантазмагорическое сплетение обстоятельств его судьбы, становится теми «декорациями», в которых человек существует.

Заключение. Таким образом, необходимость формирования аксиологических ориентиров, которые пришли бы на смену утратившим значение идеологическим, обусловила востребованность в русской и белорусской прозе второй половины XX века жанровой разновидности социально-психологической повести. В идейно-тематическом плане социально-психологическая повесть позволила писателям поднять злободневные проблемы, отразить события истории и современности; оказалась изоморфна потребностям белорусской прозы в формировании и сохранении жанрового канона одновременно с усвоением авангардистских тенденций. Коммуникативная стратегия социально-психологической повести в русской и белорусской литературах второй половины XX века направлена на поиск смысла жизни, на постижение человеком человеческой сущности, своего места в социуме, на осознание индивидуального пути в контексте исторического пути народа и государства, на осмысление философской проблематики бытия и смерти.

Поступила в редакцию 10.09.2018 г.

Личные и неличные местоимения в витебских и московских завещаниях второй половины XVI века: состав и функционирование

Климкович О.А.

*Учреждение образования «Витебский государственный университет
имени П.М. Машерова», Витебск*

Изучение состава и функционирования отдельных частей речи в деловых документах является актуальным аспектом исторической стилистики, так как позволяет выявить региональные и жанровые особенности актов текстов средневековья. Актуальность исследования определяется важностью изучения стилистических ресурсов употребления частей речи в региональных памятниках, так как это позволяет выявить специфические черты формирования функционально-стилевых разновидностей языка в эпоху средневековья.

Цель представленной работы — установление специфики состава и стилистического функционирования местоимений в витебских и московских завещаниях второй половины XVI в.

Материал и методы. При описании и характеристике материала были проанализированы труды таких лингвистов, как Д.Г. Демидов, Л.К. Крылова, И.В. Кузьмин и др. В исследовании рассмотрены состав и особенности функционирования местоимений, извлеченных методом сплошной выборки из 27 завещаний второй половины XVI в. В работе использованы описательный, статистический и сравнительный методы.

Результаты и их обсуждение. В статье анализируются особенности употребления местоимений 1-го и 3-го лица единственного и множественного числа, возвратного местоимения себя, притяжательных и указательных местоимений в текстах витебских и московских завещаний. Описаны состав личных местоимений, их грамматические формы, функции, которые они выполняют. Указаны различия в функционировании личных местоимений в завещаниях разной локальной отнесенности. Установлено, что состав притяжательных местоимений в текстах витебских и московских завещаний соотносится с составом личных местоимений. Притяжательные местоимения выполняют функции подчеркивания родственных связей, принадлежности собственности, документов и т.д. составителю завещания или его адресатам; обозначения необходимых временных промежутков; усиления внутритекстовых связей отдельных компонентов. Указательные местоимения в текстах завещаний выполняют функции средства связи отдельных смысловых единиц текста, средства связи отдельных частей в составе сложных предикативных комплексов, постоянных компонентов разнообразных атрибутивных сочетаний, которые одновременно связывают эти единицы как с текстовым пространством, так и с внетекстовой действительностью.

Заключение. Установлено, что из всех местоимений в текстах завещаний чаще всего используются личные, притяжательные и указательные местоимения как в витебских, так и в московских текстах. Представленность местоимений в витебских текстах шире, чем в московских завещаниях. Это определяется как применением таких местоимений, которых нет в московских актах (таковыи, такои, оныи), так и более частым употреблением местоимения себя и его краткой формы се.

Ключевые слова: историческая стилистика, стилистика частей речи, местоимение, духовная грамота.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 120–127)

Personal and Non-personal Pronouns in Vitebsk and Moscow Wills in the Late XVI Century: Composition and Function

Klimkovich O.A.

Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University», Vitebsk

The study of the composition and function of parts of speech in business papers is a current aspect of historical stylistics since it makes it possible to reveal regional and genre features of decree texts of the Middle Ages. The topicality of the research is conditioned by the significance of the study of the stylistic resources of the application of parts of speech in regional

monuments since it makes it possible to reveal specific features of shaping functional and style types of the language in the epoch of the Middle Ages.

The purpose of the article is to reveal the specificity of the composition and stylistic function of pronouns in Vitebsk and Moscow wills of the late XVI century.

Material and methods. In describing and characterizing the material works by such linguists as D.G. Demidov, L.K. Krylova, I.V. Kuzmin and others' were analyzed. The composition and features of functioning of pronouns chosen by total selection from 27 wills of the late XVI century are considered in the research. The descriptive, the statistic and the comparative methods were used in the research.

Findings and their discussion. Features of the application of first and third person singular and plural pronouns, the reflexive pronoun self, possessive and demonstrative pronouns in the texts of Vitebsk and Moscow wills are analyzed in the article. The composition of personal pronouns, their grammar forms, and functions are described. Differences in functioning of personal pronouns in wills from various localities are indicated. It is found out that the composition of possessive pronouns in texts of Vitebsk and Moscow wills correlates with the composition of personal pronouns. Possessive pronouns perform the functions of stressing family relations, property, document etc. ownership by the will maker or his addressees; indication of the necessary time intervals; strengthening inner text links of separate components. Demonstrative pronouns in will texts perform the functions of means of communication of separate sense units of the text, means of communication of some parts within complex predicates, stable components of various attributive compositions, which simultaneously connect these units both with the text space and the extra-text reality.

Conclusion. It has been found out that of all the pronouns in will texts personal, possessive and demonstrative pronouns are most often used in both Vitebsk and Moscow texts. The pronoun representation in Vitebsk texts is wider than in Moscow wills. It is conditioned by both the application of such pronouns which lack in Moscow acts and more frequent application of the pronoun self and its short form.

Key words: historical stylistics, stylistics of parts of speech, pronoun, spiritual letter.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 120–127)

Изучение деловых текстов эпохи средневековья в аспекте исторической стилистики предполагает как описание особенностей композиции, лексического и синтаксического наполнения, так и выявление стилистически маркированных средств морфологического уровня, к которым можно отнести специфику употребления отдельных частей речи. Функционально-стилевой анализ употребления некоторых частей речи в диахроническом аспекте был осуществлен в работах Д.Г. Демидова (указательное местоимение в различных жанрах старорусской письменности) [1], Л.К. Крыловой (имя существительное в памятниках церковной публицистики XI–XVI вв.) [2], Е.В. Генераловой (относительные прилагательные в старорусском языке) [3], И.В. Кузьмина (лексико-семантические группы квантитативных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах) [4], Е.А. Галинской (количественные числительные в памятниках псковской деловой письменности первой половины XVII века) [5], И.Н. Дьячковой (имена числительные в русском литературном языке XVIII века) [6], Р.Ф. Титовой (имя числительное в деловых документах конца XVII века) [7], Д.В. Руднева (связочные глаголы в русском языке XVII–XIX вв.) [8].

Цель представленной работы – установление особенностей состава и стилистического функционирования местоимений в витебских

и московских завещаниях второй половины XVI в. Актуальность исследования определяется важностью изучения стилистических ресурсов употребления отдельных частей речи в региональных памятниках, так как это позволяет выявить специфические черты формирования функционально-стилевых разновидностей языка в эпоху средневековья. В качестве объекта функционально-стилевого анализа выбрано местоимение, которое как часть речи характеризуется разнообразием лексико-семантических разрядов, грамматических категорий, функционально-стилистической окрашенностью употребления и представляет значительный интерес для изучения в области истории языка.

Материал и методы. Местоимения извлечены методом сплошной выборки из 27 завещаний второй половины XVI в.: 15 завещаний относятся к актам Витебского земского суда и опубликованы в сборнике «Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст.» (№ 34–48); 12 завещаний относятся к документам московских земель и опубликованы в издании «Акты служилых земледельцев XV – начала XVII в.» – том I (№ 279, 282, 288), том II (№ 29, 42, 89, 211, 284, 286) и том III (№ 86, 330, 488).

В работе использованы описательный метод, который был применен для характеристики совокупности лексико-грамматических разрядов местоимений; статистический метод, который включал в себя анализ количественных данных

употребления отдельных разрядов местоимений в исследованных текстах; сравнительный метод, с помощью которого были установлены черты сходства и различия в составе и употреблении местоимений в витебских и московских завещаниях второй половины XVI века.

Результаты и их обсуждение. В исследованных документах представлены личные и неличные местоимения. К личным местоимениям относились местоимения 1-го, 2-го и 3-го лица и примыкавшее к ним возвратное местоимение *себя*. Среди неличных местоимений в рассмотренных текстах выявлены указательные, притяжательные, определительные, неопределенные, отрицательные и вопросительно-относительные местоимения. При этом наиболее распространены притяжательные и указательные, которые и были подробно охарактеризованы в данной работе. Состав местоимений, относящихся к каждому из разрядов, определяется как целевой установкой актов, так и способами организации внутритекстовых связей, характерных для средневековых текстов.

Основная цель завещания – передача собственности наследникам, поэтому в витебских и московских текстах распространены формы **личных местоимений**. Это формы 1-го лица единственного числа и множественного числа и 3-го лица единственного и множественного числа *я, он, она, они*. Их основная функция – обозначение составителя завещания и его адресатов, которыми, как правило, являются ближайшие родственники: дети, жена, внуки.

В витебских завещаниях местоимение 1-го лица единственного числа функционирует в форме именительного и косвенных падежей: *я, мне, мене, ме, мя, мною*: *Дмитрь, ижъ ѿ, прото ѿ, ѿ в праве стоѿл, и мне подал, на суд мене было ѿдослано, Ѿ мене небожчикъ, мене з отцомъ его, а ижъ еще мене, ѿко мене суд земский витебский* (ТБ, № 35), *мѿ доместити кажетъ* (ТБ, № 37), *ѿ, ме позвал, мене зоставит, ино мене, ѿ, ме, завжды ѿ терпелъ* (ТБ, № 40). В московских текстах в форме именительного падежа функционируют местоимения *яз, аз, я*; в формах косвенных падежей – местоимения *у меня, меня, мне, ми, при мне*: *дати ми Богдану Лукьянову сыну племяннику своему два рубли денег ... при мне* (АСЗ, II, № 42). Форма *яз* характерна как для оформляющей, так и для содержательной части грамот: *и яз ту память дал брату ж своему Микифору* (АСЗ, I, № 288). В единичных случаях отмечены формы *аз, я*: *а я взял у Григорья конь сурьян* (АСЗ, II,

№ 42), *се аз рабъ божий Кирило Иванов сын Тресков* (АСЗ, I, № 279).

Местоимение 1-го лица множественного числа *мы* в витебских актах используется для обозначения действия в отношении одного лица *нас, нам, нами*: *перестерегаючи насъ* (№ 36), *Ѿ насъ ѡбеюхъ сторонъ* (ТБ, № 37), *нас неготовыми не зостал* (ТБ, № 44). В московских духовных местоимение *мы* в формах разных падежей применяется для обозначения завещателя и членов его семьи: *да дати нам с своими детми с Микифором да с Осипом кашинскому строителю Кирилу по кабале семь рублей денег* (АСЗ, II, № 89), *и теми вотчинами благословил нас, меня Ондreja да брата моего Полуехта, отецъ наш Тимофей Федорович* (АСЗ, II, № 286).

Местоимения 3-го лица в текстах витебских завещаний используются в формах *онъ – его, ему; она – ее, ей, з нею; они – их, им, з них*: *мает ѡна жити, не мает ее рушити, мает ей дати, а ѡна вольна будетъ ... ѡн мене, в нег(о) ест, по смерти его, им ѡписую, имъ был терпимымъ* (ТБ, № 40). В московских актах отмечены формы *ему, ево, за него, на него, на них, им, у них, оне*: *а у ково у них у Салтана или у Ивана будут сыновья, ... оне платятъ восемь рублей* (АСЗ, II, № 42), *и в недодаче ведает его господарь* (АСЗ, II, № 286).

В одном из московских текстов были выявлены местоимения 2-го лица: *Истома что ни скажет, и вы у него емлите, а счету с ним не держите* (АСЗ, II, № 42).

Функционирование личных местоимений в витебских и московских завещаниях имеет свои особенности: 1) в московских актах стилистически значимы формы Д.п. (*мне, им, ей*) в конструкциях с инфинитивами со значением долженствования, в витебских завещаниях значение долженствования передается конструкциями с глаголом *мети* и формами именительного падежа существительного (ср.: *Да взяти мене на Михаиле на Ваганове и на ево товарищех по кабале пять рублей денег. Да взяти мене на Поснике Гаврилове сыне Пивове полтину денег безкабално* (АСЗ, II, № 42) и *Мають ей, матце своеи, сынове мои Иван а Андреи Воротынцы половицѿ маетности моее всеѿ ѡт мала до велика ѡтдати* (ТБ, № 46)); 2) в витебских завещаниях основная форма 1-го лица единственного числа – форма *я*, в то время как для московских актов характерно употребление форм *яз*.

Возвратное местоимение *себя* в витебских и московских текстах выполняет функцию указания на отнесенность какого-либо явления к субъекту.

ектам или объектам завещания: *іако се само в собе мает, маю по собе*. При этом основной является функция указания на отнесенность явления к субъекту речи. В витебских и московских текстах возвратное местоимение используется как в полной, так и в краткой форме. В полной форме в витебских текстах оно употребляется в составе устойчивых сочетаний в различных падежных формах с глаголами *маеть*: *іако се само в собе мает, не маеть собе, то маеть собе мети, ничего собе певнеишого не мает, мает до себе взят, и себе маю*; с глаголами *братъ, взять, поделити, зостати, отдаляти, держати и вживати*: *собе взят, промежъ собою поделити, по собе зостала, ѿт себе ѿтдаляти, на себе держати и вживати, на себе держалъ и вживал, на себе братъ и вживать*; с глагольными формами *приводечи по собе, фундуючы собе, дознавши кѣ собе во всем, дознавши кѣ собе по собе*. В московских актах возвратное местоимение в полной форме встречается не так часто: *что они у меня розделены со всем з животы и статки при себе до постригання за десять лет, а оставил есми у себя в монастыре* (АСЗ, II, № 29), *промеж себя счету мимо сю мою духовную грамоту не держати ... меж себя полюбовно делить...* (АСЗ, II, № 42), *пишу собе духовную память ... сорокоуст по собе давати по церквам* (АСЗ, II, № 89), *дал в дом вкладу по себе* (АСЗ, II, № 286), *кто что за собою мое вспомн[ит], и вотчина моя обема сыном моим разделять себе пополам* (АСЗ, III, № 86). Краткая форма возвратных местоимений встречается в витебских завещаниях в конструкции с глаголами *тъкнути, дотычети*: *а што се тъкнетъ имениа моего ѿтъчызьного ѿ Раненах и крѣгъ земли ѿ хольмех* (ТБ, № 34), *што се дотычет ѿ землю мою Кичиньскую* (ТБ, № 35), с некоторыми глаголами и глагольными формами (*уступовати, начинати, вымовляти*): *и дочьки мои ѿ тотъ статокъ ничымъ не мають се ѿстѣновати* (ТБ, № 34), *а тые полѧ и сеножать и листъ ему вернуть, ничим се не вымовляючи* (ТБ, № 39). В московских завещаниях краткая форма зафиксирована в предложении *а что ся останет после моего живота платья, и детям моим то платье меж себя полюбовно делить* (АСЗ, II, № 42).

Региональные особенности функционирования возвратных местоимений проявляются в том, что в витебских текстах сочетания с возвратными местоимениями встречаются чаще, чем в московских грамотах, и указывают на отнесенность явления к субъектам или объектам речи, в то время как в московских завещаниях

такие местоимения указывают в основном на отнесенность к субъекту.

Среди многочисленных неличных местоимений и в витебских, и в московских документах распространены притяжательные и указательные местоимения.

Состав *притяжательных местоимений* в текстах витебских и московских завещаний соотносится с составом личных местоимений и представлен формами наиболее распространенных местоимений *мои, наши* и *свои*, а также формами местоимений, указывающих на принадлежность 3-му лицу *его, ее, их*. Существует разница в употреблении местоимения *наши*: в витебских текстах оно используется исключительно в сочетаниях *ѿт предков наших, Г(о)с(по)дѣ нашихъ Исус Христос*, в московских текстах как в сочетаниях *души наши, родителей наших*, так и для указания собственности семьи *кто учинит в наших вотчинах насилство, и с тем нас судит Бог, и души наши и родителей наших бес поминка будут, то на его душе* (АСЗ, II, 286).

Анализ текстов позволяет сказать, что в завещаниях основные функции притяжательных местоимений заключаются в том, чтобы а) подчеркнуть родственные связи, принадлежность собственности, документов и т.д. составителю завещания или его адресатам (*зъ сынами моими, дети своих, маетьности моее, люди моих*); б) в составе устойчивых сочетаний обозначить необходимые временные промежутки (*до живота ее*); в) путем многократных повторений в составе разного типа атрибутивных сочетаний усилить внутритекстовые связи отдельных компонентов.

Местоимения *мои, наши, свои, его, ее, их* в витебских и московских текстах являются частью атрибутивных сочетаний, состоящих из двух, трех или четырех компонентов. При этом трех- и четырехкомпонентные сочетания больше характерны для витебских текстов, в московских грамотах их число незначительно.

Двухкомпонентные сочетания построены по модели *сущ. + мои / свои / его / ее / их*, в которой сущ. указывают на родственников (*дочьце моеи, жона моя, зъ сынами моими, дети свои, матьки своеи, братья их* (витебские тексты); *брату своему, дети своих, сыну моему, дядя мой, жене моей, брату моему* (московские тексты)), собственность (*маетьности моее, двора моего, на имению моемъ, можьности своеи, челяди еи* (витебские тексты); *вотчина наша, на поместьях на своих, людех моих* (московские тексты)), печати,

документы (*печати свои, водлугъ росписанѣ моего*) (витебские тексты); *руку свою* (московские тексты)), душу и тело завещателя (*душу мою, тело мое* (витебские тексты); *по душе моей* (московские тексты)); на периоды жизни (*до живота ее, до живота своего, по животе своемъ* (витебские тексты); *после моего живота, при моем животе* (московские тексты)). Указания на понятия, связанные с религией (*Евангелии своее*), границы собственности (*Ѹ границахъ и въ ѡбыходехъ своихъ*), абстрактные понятия (*хоробою своею, ласку свою, на потребы ихъ*) характерны только для исследованных витебских завещаний.

Двухкомпонентные сочетания с препозитивным притяжательным местоимением *ее / свои + сущ.* употребляются в витебских завещаниях в единичных случаях: *ее статокъ, кѸ своимъ рукамъ*. В московских актах препозиция притяжательного местоимения широко распространена: *с моими детьми, по моей душе, после моего живота, при моем животе, на свое имя, мое благословение*. Фиксируется употребление лексически однотипных сочетаний с разной последовательностью лексем в пределах одного предложения: *дать на престол к Илье пророку да по душе моей попу Русину полтину ... да по моей душе попу полтина ж* (АСЗ, I, № 279).

Двухкомпонентные сочетания могут быть распространены за счет добавления в их состав прилагательного. Для витебских текстов в таком случае типичной является модель *сущ. + мои / свои / его / ее / их + прилаг.*, с помощью которой вербализуется указание на собственность (*именья моего ѡтъчизного, съ челади моее дворное*), детей (*сынъ мои большыи, сыны мои молодшыи, сыномъ моим старшимъ, дочки моее выпасажоное*), документы (*Ѹ листе ихъ заставномъ, водле листу моего записного*), понятия, связанные с упоминанием Бога (*до фалы Своее Светое*), временные промежутки (*до летъ ихъ зуполныхъ, з летъ своих молодыхъ*), абстрактные понятия (*з милости моее ѡтцовъское, воли моее ѡстаточное*). В московских текстах по указанной модели строится сочетание, содержащее упоминание духовного отца *отец мой духовной, за отца своего духовного*, тела завещателя *тело мое грешное*, собственности людей *моих кабальных и полных, вотчиною своею старинною*.

В витебских текстах также наблюдаются трехкомпонентные сочетания, в которых прилагательное употребляется сразу после существительного или перед существительным. Атрибутивные сочетания, построенные по модели *сущ. + прилаг. +*

мои / свои / его / ее / их, используются при указании на дееспособность завещателя (*розѸме добромъ моемъ*), атрибутивные сочетания, построенные по модели *прилаг. + сущ. + мои / свои*, применяются при указании на волю завещателя (*ѡстаточное воли моее*), абстрактные понятия (*з милостивое ласки своее*), детей (*старшого сына моего*), печати (*печат мою властную*). В московских актах атрибутивные сочетания, построенные по модели *прилаг. + сущ. + наше*, отмечены только один раз при указании Богоматери: *пречистые преблагословенные владычице наше* (АСЗ, I, № 288).

Расположение притяжательного местоимения перед существительным, характерное для московских актов, проявляется в построении трехкомпонентных сочетаний с прилагательным и притяжательным местоимением, которые строятся по моделям *мои / свои / его / ее / их + прилаг. + сущ.*: *своим целым умом и разумом, свою изусную память, по моей духовной грамоте, своево приданово благословенья, ево переславской вотчины, мое грешное тело; мои / свои + сущ. + прилаг.*: *свою душу грешную, по мою душу грешную; прилаг. + мои / свои + сущ.*: *дорогобужскую свою вотчину*.

Особую группу в витебских текстах представляют собой сочетания с обобщающим значением, в которых к модели *сущ. + мои* добавляется определительное местоимение *весь*. Такие сочетания строятся по моделям *сущ. + мои + весь, весь + сущ. + мои*: *сыномъ моимъ всимъ, ѡто всихъ детеи моихъ*. В московских актах сочетания подобного типа редки и построены по модели *весь + свои + сущ.*: *по всех своих родителей* (АСЗ, II, № 286) *по всех моих родите[лех]* (АСЗ, III, № 330).

Четырехкомпонентные сочетания *весь + сущ. + мои + прилаг.*, *сущ. + мои + прилаг. + прилаг.* используются для обозначения собственности *всего* *именья* моего *ѡтъчизного*, *вси речи мои рухомые, з маетности моее zostалое грошовои*.

Употребление притяжательных местоимений в исследованных актах характеризуется следующими локальными особенностями: 1) использованием в московских актах местоимения *наш* не только при определении родителей и души завещателя, но и при описании собственности, в то время как в витебских завещаниях это местоимение характерно только для указания на Бога и предков завещателя; 2) широким распространением в витебских

актах трех- и четырехкомпонентных сочетаний с притяжательными местоимениями и прилагательными и незначительным числом таких сочетаний в московских актах; 3) расхождением в построении двух- и трехкомпонентных атрибутивных сочетаний за счет постпозиции притяжательного местоимения в витебских текстах и препозиции этого местоимений в московских актах.

Состав **указательных местоимений** в текстах витебских завещаний представлен формами местоимений *тотъ, сесь, таковыи, такои, оныи*. В московских текстах в состав указательных местоимений входят местоимения *тот, сесь*.

Местоимение *тотъ* является самым значимым не только по количеству словоупотреблений, но и по разнообразию грамматических форм и выполняемых им функций как в витебских, так и в московских текстах. В старорусских и старобелорусских текстах установлены три основные функции местоимения *тотъ*: а) средство связи отдельных смысловых единиц текста; б) средство связи отдельных частей в составе сложных предикативных комплексов; в) постоянный компонент разнообразных атрибутивных сочетаний, который одновременно связывает эти единицы как с текстовым пространством, так и с внетекстовой действительностью.

В качестве средства связи отдельных смысловых единиц текста в витебских и московских завещаниях местоимение *тотъ* выполняет функцию отсылки ко всему содержанию текста, обозначая связь отдельных блоков с предыдущим содержанием документа. Функция отсылки ко всему тексту документа реализуется в витебских завещаниях при употреблении местоимения *тотъ* в начале смысловых блоков 1) со значением именованная свидетелей: *а при том были и томъ добре есть зведоми люди добрые земляне г(о)с(по)д(а)рьские витебские: панъ Гурько Ѡлехновичъ ...* (ТБ, № 34); 2) со значением указания юридического закрепления акта: *и на то ѿ, Илья Павлович Воротынец, дал малжонце своеи Мари Тюлтанце и сыном моим Иванъ ... сес мои тестамент ѡстаточное воли моее под печатю моею власною, запечатовавши тот тестамент мои* (ТБ, № 46). В московских актах эта функция реализуется в отдельных предложениях основной части: *а на нем взяти конь, ино тем с ним сменяно* (АСЗ, II, № 286).

Как средство связи отдельных частей сложных предикативных комплексов местоимение *тотъ* в витебских завещаниях употребляется

в конструкциях 1) *што ..., то ... што* не бывает варовано писмом, *то* трвало не бывает (ТБ, № 42); 2) *што ..., тую ... што* маю убогое маетности моее, *тую ѡтписую* (ТБ, № 39); 3) *хто ..., тот ... ахто* бы колве препомневши боязни Божое важилсе тую ѡстатнюю волю мою сим тестаментомъ моим ѡбварованую ... ѡдин дрѣзому нарушати, *тот* се со мною розсудит в ден ѡстатнии на справедливом суде Божемъ (ТБ, № 41); 4) ... *того ..., кого ... везавъшы до того* в хоробе моеи *кого* есми досегнут и упросит мог (ТБ, № 42).

В московских завещаниях местоимение *тот* реализует функцию связи отдельных предикативных комплексов в конструкциях 1) *да / а что ..., и яз тою половиною / и тому / и то: да что в Углицком уезде в Кацком стану деревня Золотухина вопче с братом моим с Сидором ... и яз тою половиною деревни благословил жену свою Ирину* (АСЗ, I, № 282), *а что рухляди моей и доспеху и платья пошло со мною в Астрохань, и тому у меня память есть* (АСЗ, II, № 284), *а что было всяких к тому ходу нарядов и соболей, и то все взято по грехом по моим во государево опале на государя*. (АСЗ, III, № 86); 2) *а на ком ..., у тех ...: а на ком что написано мне имати, и хто что за собою мое вспомн[ит], и сыну моему у тех имати. и сыну моему ту цену роздати нищим по тем, кому было что дати* (АСЗ, III, № 86); 3) ... *со всем тем, что ...: да деревня Фединьская Хлыстова со всем с тем, что к тем селам и деревням [по]тягло* (АСЗ, III, № 86); 4) ... *по тому ж, как ...: оброк имать с них по тому ж, как жил[и за] сыном за моим за Михаилом* (АСЗ, III, № 330). *А невестке моей Овдотье ис того селц[а и] из деревни крестьян вон не выгнать, оброк имать с них по тому ж, как жил[и за] сыном за моим за Михаилом* (АСЗ, III, № 330).

Местоимение *тотъ* является частью атрибутивных сочетаний, содержащих упоминание ранее названных объектов, адресатов завещания. Состав наиболее частых из них можно представить следующими двух-, трех- или четырехкомпонентными моделями: 1) двухкомпонентная модель *тотъ+сущ.* указывает а) на уже ранее упоминавшиеся объекты внетекстовой реальности (*ѡ тот кgrund, в тот ж ров, в тую ж реку Лучосу, и по тот ручаи* (ТБ, № 35) (витебские тексты); *теми деревнями, те деревни, те деньги* (АСЗ, I, № 279), *те пустоши, те вотчины, тех людей* (АСЗ, II, № 29), *за тем же вкладом* (АСЗ, II, № 286) (московские тексты)); б) на документы *до тог(о) листу* (ТБ, № 38) (витебские тексты);

тем кабалам (АСЗ, II, № 89) по тем грамотам (АСЗ, III, № 86) (московские тексты); в) на границы определенного времени (до тог(о) ч(а)су (ТБ, № 35), на тот часъ (ТБ, № 38) (витебские тексты)); 2) трехкомпонентная модель *тотъ+суц.+мои / свои* чаще всего употребляется а) при указании на ранее упоминавшихся родственников (*тата ѡнѣка моя, того жѣ сына моего, томѣ зятю своемѣ* (ТБ, № 37)); б) при указании на документ (*тымѣ моимѣ тестаментомѣ* (ТБ, № 35)) в витебских текстах. В московских актах употребляется модель *тотъ+мои / свои+суц.* при указании на собственность (*та моя вотчина* (АСЗ, I, № 288)) и модель *тотъ+весь+суц.* при указании на документы (*по тем по всем кабалам* (АСЗ, II, 286)); 3) четырехкомпонентные модели *тотъ+суц.+мои / свои+звышьпомененыи / вышеипомененыи; тотъ+весь+суц.+прилагательное; тотъ+весь+суц.+мои / свои* используются при обобщенном перечислении отдельных объектов собственности или при обобщенном указании на всю собственность завещателя в витебских документах (*тые села мои [зв]ышьпомененые* (ТБ, № 37), *тое звышьпомененое имене мое* (ТБ, № 36), *тые вси речи рѣхомые* (ТБ, № 34), *тую всю маетность мою* (ТБ, № 44), *с тое всее ѡселости моее* (ТБ, № 37)). В московских актах отмечено несколько четырехкомпонентных сочетаний: *тое моей хлебной продажи* (АСЗ, II, № 42), *опрично тех моих ближних приятелех* (АСЗ, II, № 211).

Местоимение *сеи / сесь* в текстах витебских завещаний выполняет функции отсылки к содержанию текста и отсылки к внетекстовой реальности. В текстах превалируют случаи, в которых с помощью местоимения *сеи / сесь* реализуется отсылка к содержанию текста. Указательное местоимение употребляется в двухкомпонентных (*сего [тест]аментѣ, до сего тестаментѣ* (ТБ, № 36)); трехкомпонентных (*сего тестаменту моего, до сего моего тестаменту, сим тестаментомѣ моим, водлугъ сего тестаменту моег(о)* (ТБ, № 41)) или четырехкомпонентных (*в семь тестаменте моемѣ нижеипомененомѣ* (ТБ, № 36)) атрибутивных сочетаниях с лексемами *тестаментъ, духовница, слово, постановенье: на сеи ѡѡховницы моеи* (ТБ, № 40), *сее ѡстаточное слово мое смертное* (ТБ, № 37), *се слово [мое] [см]ертелное* (ТБ, № 44), *сее постановенье мое* (ТБ, № 48). Реализуя функцию связи содержания текста с внетекстовой действительностью, местоимение *сесь* употребляется в сочетаниях с лексемами, обозначающими время, место, во-

леизъявление: *час, свет, воля: на сес часть* (ТБ, № 37), *на сем свете, з сего света* (ТБ, № 46), *сее [остат]нее воли моее* (ТБ, № 44).

В московских грамотах употребление местоимения *сеи / сесь* более ограничено. Типичными являются двух-, трех- или четырехкомпонентные модели со словами *грамота, память, духовная: сию память* (АСЗ, I, № 282), *сей духовной* (АСЗ, III, № 86), *сю мою духовную грамоту, сей духовной грамоте* (АСЗ, I, № 279), *к сей изустной памяти* (АСЗ, I, № 288), *сей моей духовной, сей духовной памяти* (АСЗ, II, № 42). В одной грамоте встретилось сочетание *отходя сего света* (АСЗ, I, № 288). Анализируя подобные сочетания со словом *грамота* в русских документах, Д.Г. Демидов отмечает, что за счет употребления притяжательных местоимений уже с середины XV века расширяется эгоцентрическая формула [1, с. 277].

Местоимение *таковыи* в витебских завещаниях употребляется в сочетании с абстрактными существительными *вольность, поступокъ, зычливость: и волность таковую заховую, за таковым поступком* (ТБ, № 38), *за таковѣю вел[икую] зычливостъ* (ТБ, № 44), *за таковые ѡчистивые постѣнки их, за таковое спротивеньство* (ТБ, № 48). Местоимения *оныи* и *такои:* *на ѡном свете* (ТБ, № 48), *в такои хоробе* (ТБ, № 36), *такимѣ ѡбычаемѣ* (ТБ, № 41) – зафиксированы в текстах в единичных случаях, что свидетельствует о редкости их употребления в витебских завещаниях. В московских актах местоимения *таковыи, такои, оныи* в текстах не зафиксированы.

Заключение. Проведенное исследование помогает установить определенные закономерности распределения лексико-семантических разрядов местоимений, которые обусловлены жанрово-стилевой принадлежностью изученных текстов. Установлено, что из всех местоимений в текстах завещаний чаще всего используются личные, притяжательные и указательные местоимения как в витебских, так и в московских актах.

Сравнение витебских и московских завещаний позволяет выявить сходства и различия в составе и особенностях функционирования личных и неличных местоимений, обусловленные локальной отнесенностью текста. Представленность местоимений в витебских текстах шире, чем в московских завещаниях. Это определяется как применением таких местоимений, которых нет в московских актах (*таковыи, такои, оныи*), так и более частым употреблением местоимения *себя* и его краткой формы *се*.

Особенности употребления личных и неличных местоимений проявляются как в наличии общих тенденций их функционирования (обозначение составителя завещания и его адресатов для личных местоимений, указание субъекта для возвратных местоимений, реализация функции связности текста для указательных местоимений), так и в существовании особенностей функционирования, характеризующихся локальной отнесенностью (употребление форм личного местоимения *я – яз*, использование притяжательно-го местоимения *наш*).

Источники

АСЗ – Акты служилых земледельцев XV – начала XVII в.: в 4 т. / сост.: А.В. Антонов, К.В. Баранов. – М.: «Археографический центр». – 1997–2008. – 4 т.
ТБ – Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актовых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад.: А.Ф. Аляксандрава, В.У. Бабкова, І.М. Бобер; Нац. гіст. архіў Беларусі. – Мінск, 2012. – 736 с.

Литература

1. Демидов, Д.Г. Указательные местоимения русского языка в исторической ретроспективе и перспективе: связанные и свободные функции: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Д.Г. Демидов. – СПб., 2011. – 611 с.
2. Крылова, Л.К. Морфологическая стилистика как про-

блема исторической стилистики русского языка [Электронный ресурс] / Л.К. Крылова // Вестник ННГУ. – 2013. – № 6-2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-problema-istoricheskoy-stilistiki-russkogo-yazyka>. – Дата доступа: 01.07.2018.

3. Генералова, Е.В. Относительные прилагательные в старорусском языке: становление системы [Электронный ресурс] / Е.В. Генералова // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. – 2017. – № 45. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnositelnye-prilagatelnye-v-starorusskom-yazyke-stanovlenie-sistemy>. – Дата доступа: 01.07.2018.
4. Кузьмин, И.В. История лексико-семантических групп количественных и люминальных прилагательных в русском языке XII–XX вв. в системно-языковом и функционально-речевом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.В. Кузьмин; Нижегород. гос. ун-т. – Нижний Новгород, 2003. – 23 с.
5. Галинская, Е.А. Количественные числительные в памятниках псковской деловой письменности первой половины XVII века [Электронный ресурс] / Е.А. Галинская. – Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru>. – Дата доступа: 30.06.2018.
6. Дьячкова, И.Н. Имена числительные: состав, структура и функционирование в русском литературном языке XVIII века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.Н. Дьячкова; Карельс. гос. пед. акад. – СПб., 2009. – 23 с.
7. Титова, Р.Ф. Имя числительное в деловых документах конца XVII века (Дела Азовской приказной палаты) / Р.Ф. Титова // Изв. Воронеж. гос. пед. ин-та. – 1962. – Т. 42. – С. 89–93.
8. Руднев, Д.В. Связочные глаголы в русском языке XVII–XIX вв.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Д.В. Руднев; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб., 2015. – 47 с.

Поступила в редакцию 29.06.2018 г.

Способы терминологической номинации табачной индустрии (на материале испанского языка)

Бобчинец Л.И.

Киевский национальный лингвистический университет, Киев (Украина)

Развитие табачной индустрии в испаноязычных странах способствует формированию оригинальной, национально-специфической терминологии. В свою очередь, термины табачного производства используются в общеупотребительной лексике в качестве оригинальных метафорических номинаций.

Цель статьи — описание способов терминологической номинации табачной индустрии в испанском языке, анализ экстралингвистических факторов развития изучаемой терминологии.

Материал и методы. Материалом исследования являются специальные издания и электронные ресурсы, посвященные производству табака и табачных изделий. Для реализации поставленной цели мы использовали следующие методы: сплошная выборка, анализ словарных дефиниций, структурный и лексико-семантический анализ, контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. Терминологическая номинация табачной индустрии обусловлена экстралингвистическими факторами, такими, как свойства сигары (форма, текстура, цвет), особенности производственного процесса, престижность известных курильщиков, что проявляется в номинации сигар именами собственными, а также метонимических наименованиях по месту производства (*sevillas*). Способы терминологической номинации табачной индустрии в испанском языке включают семантическую и морфологическую деривацию, заимствование, синтаксическую номинацию и словосложение. Установлен открытый динамический характер терминологии табачного производства в испанском языке, что проявляется во взаимодействии терминологической и общеупотребительной лексики. Лексема «*habano*» в общеупотребительной лексике имеет значение цвет гаванской сигары. Синтаксическая номинация представлена в основном двух- или трехкомпонентными именными и глагольными словосочетаниями, выражающими наименования предметов, процессов, действий.

Заключение. Основными способами терминообразования в табачном производстве являются семантическая деривация и синтаксическая номинация. Терминология табачного производства в испанском языке имеет открытый динамический характер, о чем свидетельствуют процессы терминологизации и детерминологизации.

Ключевые слова: термин табачного производства, семантическая деривация, терминологическая номинация сигар, заимствование, синтаксическая номинация.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 128–131)

Ways of Terminology Nomination in Tobacco Industry (Based on the Spanish Language)

Bobchinets L.I.

Kyiv National Linguistic University, Kiev (Ukraine)

The development of the tobacco industry in Spanish speaking countries provides shaping original nationally specific terminology. In its turn, tobacco industry terms are used in general vocabulary as special metaphoric nominations.

The purpose of the article is to describe ways of terminology nomination in tobacco industry in Spanish, to analyze extralinguistic factors of the development of the studied terminology.

Material and methods. The research material is special publications and e-resources on tobacco and tobacco goods manufacture. To reach the research goal we have used the following methods: analysis of vocabulary definitions, structural and lexical and semantic analysis, contextual analysis.

Findings and their discussion. The terminology nomination in tobacco industry is conditioned by extralinguistic factors such as the cigar qualities (shape, texture, color), features of the manufacture process, prestige of outstanding smokers, which is manifested in cigar nomination with proper names as well as manufacture place metonymical names (*sevillas*). Ways of terminology nomination in tobacco industry in Spanish include semantic derivation, morphological derivation, borrowings, syntactic nomination and word building. An open dynamic character of the tobacco industry terminology in Spanish is identified which is manifested in the interaction of the terminology and the general vocabulary. The lexeme «*habano*» in general vocabulary has the meaning of the color of the Habana cigar. The syntactic nomination is presented mainly by two- or three-component noun and verb word combinations which name objects, processes and actions.

Адрес для корреспонденции: e-mail: blinfo@ukr.net — Л.И. Бобчинец

Conclusion. Main ways of term formation in tobacco industry are semantic derivation and syntactic nomination. The tobacco manufacture terminology in Spanish is open and dynamic which is manifested in the processes of terminologization and determinologization.

Key words: a tobacco industry term, semantic derivation, terminological nomination of cigars, borrowing, syntactic nomination.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 128–131)

Национально-специфические черты Испании и Латинской Америки отражают не только фразеологический фонд языка, но и профессиональные терминологии, связанные с производством вин, сигар, сахарного тростника, продуктов питания (*jamón / хамон, chorizo / чорисо, turrón / туррон*). Сигарное и табачное производство Кубы, Доминиканской Республики, Испании имеет специальную терминологию, пополняющую общеупотребительную лексику. Несмотря на значительное число испаноязычных работ, посвященных табакологии, а именно культивированию табака и производству сигар («Riego en el cultivo del tabaco» [1], «El tabaco» [2], «Monografía del tabaco» [3], «El viaje del habano» [4], «La economía del tabaco en México» [5]), в настоящее время отсутствуют лингвистические исследования, посвященные терминологии табачного производства, определению ее способов номинации, лексико-семантических и структурных особенностей.

Цель статьи – описание способов терминологической номинации табачной индустрии в испанском языке, анализ экстралингвистических факторов развития изучаемой терминологии.

Материал и методы. Материал исследования составляют термины и профессиональная лексика табачного производства в испанском языке. Иллюстративный материал был выделен методом сплошной выборки из специальных изданий и электронных ресурсов, посвященных производству табака и табачных изделий, таких как А. Núñez Jiménez «El viaje del habano» [4], N. Wellington «Cigars» [6] и др. Методы исследования включают сплошную выборку, анализ словарных дефиниций, структурный и лексико-семантический анализ, контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. Табачная индустрия имеет богатую историю, которая начинается с открытия Латинской Америки Христофором Колумбом. Существует много индейских легенд о табаке как исконном символе индейцев. Кубинский индеец и этнолог Фернандо Ортис в своей книге «Соревнование кубинского табака и сахара» говорит: «Табак был постоянным другом индейца. С самого рождения и до смер-

ти индеец жил окутанный табачным дымом. В индейском поселении табак был неотъемлемой частью мифологии, религии, магии, медицины, племенных церемоний, политики, войн, сельского хозяйства, рыбалки, коллективных стимулов, общественных и частных событий» [4, с. 22]. Страны Латинской Америки, в частности Куба, Доминиканская Республика, Гондурас, известны производством сигар. Сигары, сделанные вручную на Кубе, пользуются всемирной славой благодаря табаку отличного качества и умелости профессионалов табачного производства.

Терминология и профессиональная лексика табачной индустрии выражают понятия культивирования и производства табака. В основе терминологической номинации лежат экстралингвистические факторы, такие как свойства сигар: цвет, текстура, форма, сильный вкус сигары или табака. В зависимости от цвета различают сигары *maduros* (коричневые), *claros, colorados, candellas* (бледно-зеленые), *colorados claros, oscuros*. По форме имеются сигары *figurados, pirámides, torpedos*. Согласно размеру сигары варьируются от маленьких, называемых *chicos* (*Petit Corona, Tres petit Corona, Petit Lanceros, Petit Julieta*), до больших, именуемых *Robusto, Prominente, Gran corona, Corona gigante, Coronagorda, Coronagrande* [6, с. 4–5]. Следует отметить, что слово *puro / cigarra* происходит от выражения *puro habano*, означающего *cigarro cubano / кубинская сигара*.

Обогащение табачной терминологии обусловлено метафорическими и метонимическими номинациями, что подтверждает значительную роль семантической деривации как способа терминообразования. Например, метонимия представлена в номинациях сигар в честь знаменитостей, которые были известными курильщиками: *Churchill, Sir Winston, Hudson, Hamilton, Longsdale, Charlemagne, Bolívar, Duke of Devon, Shakespeare, Prince of Whales, Cervantes* [6, с. 27]. Метонимия присутствует также в имени сигар по месту изготовления, например *Sevillas*, производимых в Севилье. Название гаванской сигары *el habano* создано на основе метонимии, так как обозначает табак или сигару, все части которой на 100% произведены из табака, выращенного на Кубе с учетом

контроля сельскохозяйственного процесса культивирования, ферментации, сушки и выдержки [7]. Семантическая деривация происходит за счет переноса названия столицы Кубы на имя сигары, произведенной в Гаване: *La Habana – habano*.

Метафора используется для обозначения одних объектов именами других на основе ассоциации и сходства формы или функции, например, термин *anilla / кольцо* означает ленточку бумаги, которая окружает сигару и определяет ее марку. Многие сигары имеют названия романтические, такие как *Ninfa / Нимфа*, *Perla / Жемчужина*, *te-amo / я люблю тебя*, и литературных персонажей: *Romeo* у *Julieta*, *Montecristo*, *Sancho Panza*. Присутствуют также исторические наименования: *Cosacos*, *Cadete*, *Franciscanos*, *Troya*. В основе названий частей сигары также лежит метафора: *cabeza / голова* (конец сигары, который обрезается и через который ее курят), *pie / нога, ступня* (конец сигары, который зажигается), *tripa / внутренности* (начинка или внутренняя часть сигары) [6, с. 3–22].

Формирование наименований сигарных марок отличается особой креативностью. Сигары имеют различные имена не только в честь знаменитых людей, но и посвящены национальным феноменам и символам, например, *La Gloria Cubana*, *Soberano*, *Toro*, *Trinidad* (которые курил Фидель Кастро, используя их исключительно для дипломатических подарков и только в 1997 году их начали выпускать на рынок), названия марок сигар *Cohiba*, такие как *Esplendido*, *Corona especial 1*, *Corona especial 2*; кубинские сигары: *Divinos*, *Exclusivos*, *Generosos*, *Hermosos*, *Perfectos*, *Tradicionales*, *Eminentes*, *Especiales*, *Exquisitos*, *Favoritos* [6, р. 54–56]. Данные примеры подтверждают, что название сигары содержит в себе восхваляющее описание и рекламу, обладает позитивной коннотацией и не является простым номенклатурным знаком.

Согласно структуре, большинство терминов табачного производства состоит из одного слова (*corojo*, *chaveta*, *anillo*, *seco*, *Criollo*, *café*), что доказывает продуктивность семантической деривации как способа терминообразования.

Другими способами терминологической номинации табачной индустрии являются морфологическая деривация, заимствования и синтаксическая номинация. Имеются производные термины, созданные с помощью суффиксации (*escogedor*, *torcedor*, *figurado*, *Veguerito*, *Laguero*, *semillero*, *torcido*, *veguero*). Суффиксы *-dor/a*, *-ero/a* являются продуктивными при формировании номинаций профессий (*empacador*, *emburrador*, *veguero*, *parrillero*), а также производственных объектов

(*respiradero*, *mosquitero*, *arpillera*). Суффиксы *-ido*, *-ado* используются для номинации процессов и операций табачного производства (*escogida*, *torcido*). Словосложение отмечено слабой продуктивностью, например, в названии специалиста по разглаживанию и связыванию табачных листьев *manojeador* (*mano+hojea-dor*).

Заимствования с английского и французского языков в терминологии сигар имеют оригинальное графическое оформление, не адаптируясь в испанском языке. Причем, в одной номинации может быть представлено сочетание слов из двух языков: *Petit Punch* (фр. и англ.), *Petit Corona* (фр. и исп.). Имена собственные, такие как названия сигар, сохраняют английское написание: *Churchill*, *Sir Winston*, *Hudson*, etc.

Синтаксическая номинация также активно применяется как способ терминообразования, поскольку терминологические словосочетания, в основном двухкомпонентные, уточняют и конкретизируют специальное понятие. Следовательно, табачная терминология включает многокомпонентные термины, среди которых наблюдаем: 1) глагольные словосочетания (*torcer el cigarro*, *sellar los envases*, *cortar el puro*, *escoger las hojas*), состоящие из глагол + существительное в качестве прямого дополнения; 2) именные словосочетания (*casa de tabaco*, *vega de tabaco*, *plantación de tabaco tapada*, *habilitación del tabaco*, *técnico de fermentación*), имеющие структуру существительное + предлог *de* + существительное, причем второе существительное выступает в качестве определения.

Самый известный вид табака выращивают и производят на Кубе в регионе Вуельта Абахо (*Vuelta Abajo*) и называют *el habano* (гаванский), что означает 1) кубинская сигара; 2) табак для ее изготовления [7]. Выращивание табака и производство сигар представляют собой сложные и длительные процессы, требующие особых умений профессионалов (*los tabacaleros*). Следовательно, терминология включает многочисленные реалии, такие как номинации: 1) производителей табака (*cojedor*, *ensarte*, *sacador* или *hojero*, *cujero*, *torcedor*, *parrillero*, *empacador*, *yagüero*); 2) предметов, необходимых для возделывания, сбора, лечения табака (*manojo*, *yagua*, *cuje*); 3) процессов и этапов производства (*fermentación*, *betunaje*, *añejamiento*).

Производство гаванских сигар (*habanos*) является отличительным символом Кубы. Поэтому существует много песен и стихов, посвященных кубинскому табаку. Доминго дель Монте (1804–1853) в своей поэме «El veguero» описывает ремесло выращивания табака:

«Tranquilo cultivando
mis vegas adoradas
del gran Cuyaguateje en la ribera,
mis horas van pasando,
cual pasan sosegadas
las ondas de mi río en su carrera.
Y la discordia fiera
no turba mi reposo;
ni la cendrada plata
el sueño me rebata;
ni lo ajeno jamás quise envidiar,
que en viendo mi hoja amada
se alegra al punto mi vejez cansada» [4, с. 92].

Популярность табака в испаноязычной культуре проявляется во фразеологических номинациях со словом *tabaco*: *ir por tabaco* / *уйти за табаком* (разг., юмор.), предлог, под которым убегают, чтобы не вернуться (ср. в рус. *ушел за сигаретами и не вернулся*); *sin tabaco* / *без табака*, со значением *без ресурсов, в нищете* [8, с. 946]. Следует отметить, что в испанском языке существует национально-специфическое наименование цвета *el color de habano* (цвет гаванской сигары, т.е. желтовато-коричневый цвет) и его оттенков *el color de habano claro*, *el color de habano oscuro*, *el marrón habano*:

1. *Hoy dedicaremos el presente post al color habano, tan característico de las bolsas de papel* [9].
2. *Trucos con el color habano. En el estar pequeño se pintó una parte de la pared con la misma tonalidad de la puerta corrediza, un marrón habano que ayuda a que el lugar se vea mucho más amplio* [10].
3. *Traje de dama color habano claro* [11].

Характерны варьирования в номинации *el color habano* и *el color habana*, хотя проанализированные контексты использования данных номинаций доказывают, что *el color habano* отличается большей частотностью употребления.

Заключение. Табачная терминология представляет динамическую и открытую терминологическую систему, развивающуюся с развитием табачной промышленности. Возникновение новых типов табачных изделий стимулирует поиск их номинаций. Способы терминологической номинации табачного производства включают семантическую деривацию, заимствования, морфологическую деривацию, синтаксическую номинацию, словосложение. Заимствования играют важную роль в пополнении изучаемой терминологии, так как производство табака сосредоточено не только на Кубе и в испаноязычных странах, но и в США, Великобритании, других странах. Особой продуктивностью в терминообразовании табачного производства в испанском языке отличаются семантическая деривация и синтаксическая номинация.

Перспективными в исследовании терминологии табачной индустрии в испанском языке видятся углубленное изучение грамматической, графической, фонетической адаптации заимствований, анализ рекламных текстов табачной продукции, прагматического использования вербальных и визуальных средств для создания привлекательного образа сигар, сигарет, курительных трубок и других аксессуаров курильщика, а также рассмотрение текстов антирекламы и борьбы с табачной зависимостью, в которых создается негативный образ курения и подчеркивается его вредное воздействие на здоровье человека. Отдельного изучения заслуживает лексикографический аспект с целью составления специальных терминологических словарей, глоссариев на двух и более языках. Поэзия и песни о табаке могут служить объектом лингвистических, литературоведческих и культурологических исследований.

Литература

1. Cruz Lazo, R. Riego en el cultivo del tabaco [Recurso electrónico] / R. Cruz Lazo, L.E. León Sánchez, R. Hernández Gonzalo. – Modo de acceso: <http://www.estudiagratis.com/showCourse.php?a=9412&b=1&h=FD79A43758F9C-79577FADCAC3C66F0F6>. – Дата доступа: 23.08.2017.
2. Roosevelt, I.D. El tabaco [Recurso electrónico] / I.D. Roosevelt. – Modo de acceso: http://www.sica.gov.ec/agronegocios/Biblioteca/Ing%20Rizzo/perfiles_productos/TABACO.pdf. – Дата доступа: 29.07.2017.
3. Monografía del tabaco [Recurso electrónico]: Comisión Veracruzana de Comercialización Agropecuaria. – Modo de acceso: <http://portal.veracruz.gob.mx/pls/portal/docs/PAGE/COVECAINICIO/IMAGENES/ARCHIVOSPDF/ARCHIVOSDIFUSION/MONOGRAF%20CDA%20DE%20TABACO.PDF>. – Дата доступа: 29.07.2017.
4. Núñez Jiménez, A. El viaje del habano [Texto] / A. Núñez Jiménez. – U.S.A.: HISPANO EUROPEA, T.F.N Publications, 1988. – 123 p.
5. Saénz, B. La economía del tabaco en México [Recurso electrónico] / B. Saénz, J. Alberto, L. Miriam. – México: Instituto nacional de salud pública, 2007. – Modo de acceso: http://www.insp.mx/tabaco/publicaciones/economia_tabaco.pdf. – Дата доступа: 21.08.2017.
6. Wellington, N. Cigars [Texto] / N. Wellington. – London: Grange Books, 1999. – 96 p.
7. Habano [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <https://es.wikipedia.org/wiki/Habano>. – Дата доступа: 16.08.2017.
8. Seco, M. Diccionario fraseológico documentado del español actual, Locuciones y modismos españoles [Texto] / M. Seco, O. Andrés, G. Ramos. – Madrid: AGUILAR lexicografía, Santillana Ediciones Generales, 2005. – 946 p.
9. Cual es el color habana [Recurso electrónico]. – Modo de acceso. – Дата доступа: 17.08.2017.
10. Trucos con el color habano [Recurso electrónico]: www.abc.com.py de 18 de febrero de 2012. – Modo de acceso: <http://www.abc.com.py/edicion-impresa/suplementos/casa-y-jardin/trucos-con-el-color-habano-368080.html>. – Дата доступа: 25.08.2017.
11. Traje de dama color habano claro [Recurso electrónico]. – Modo de acceso: <https://ropa.mercadolibre.com.ar/traje-de-dama-color-habano-claro>. – Дата доступа: 27.08.2017.

Поступила в редакцию 09.07.2018 г.

Ідэйна-мастацкі свет казкі “Нямоглы бацька” У. Караткевіча

Падстаўленка В.Ф.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

У артыкуле на матэрыяле названай казкі раскрыты ідэйна-тэматычныя, вобразныя і жанрава-стылявыя складнікі аўтарскага дыскурсу У. Караткевіча.

Мэта — выявіць дамінантныя ідэйна-мастацкія адметнасці казкі “Нямоглы бацька” У. Караткевіча.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання ў артыкуле стала казка “Нямоглы бацька” як самабытны прыклад сінтэзавання ў мастацкім свеце народных маральных імператываў, увасобленых у адпаведных сюжэтах, з творчымі распрацоўкамі Караткевіча. Базавымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пытанню станаўлення існых гуманістычных імператываў прысвечана казка Караткевіча. Неміласэрнасць і жорсткасць да “нямоглых” бацькоў падаюцца ў творы не як адзінкавы жахлівы выпадак, а як сацыяльная норма.

Тут маюць месца дуалістычнасць асобных вобразаў (ваўка, велікана і інш.), нечаканая шматузроўненасць інтэрпрэтацыі мастацкіх дэталей.

Гэты твор засведчыў, наколькі важнай была для пісьменніка арыентацыя на лепшыя прыёмы і сродкі фальклорнай казачнай традыцыі. Прааналізаваны праяўны прыклад мае выключны выхаваўчы патэнцыял.

Заклучэнне. Можна доказна канстатаваць, што папулярнасць твора “Нямоглы бацька” тлумачыцца самабытным ідэйна-мастацкім сінтэзам, які грунтуецца на народным казачным свеце, сімвалічных вобразах з праекцыяй на сусветны духоўны і культуралагічны базіс, глыбокім маральным і гуманістычным сэнсе падзей.

Ключавыя словы: аўтарская казка, народныя маральныя імператывы, індывідуальны стыль, сістэма вобразаў, сімвалізм.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 132–135)

Ideological and Artistic World of the Fairy Tale “Helpless Father” by V. Karatkevich

Podstavlenko V.F.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

In the article on the material of the aforementioned tale the ideological and thematic, the figurative and the genre and stylistic components of the author’s discourse of V. Karatkevich are revealed.

The purpose of the article is to identify the dominant ideological and artistic features of the tale “Helpless Father” by V. Karatkevich.

Material and methods. The research material in the article was the fairy tale “Helpless Father” as a unique example of synthesizing in the art world people’s moral imperatives which were embodied in the relevant subjects, with creative designs of Karatkevich. The base chosen for scientific analysis was techniques of concrete historical structurally-typological and descriptive methods.

Findings and their discussion. The issue of shaping existing humanitarian imperatives the tale by Karatkevich is devoted. Mercilessness and cruelty to the “weak” parents are presented in the work, not as a single monstrous case, but as a social norm.

Here occurs duality of individual images (wolf, giant etc.), unexpected multilevel interpretation of artistic details.

This work illustrates how important it was for the writer to focus on the best ways and means of fairy folk tradition. The analyzed prosaic example is of an exceptional educational potential.

Conclusion. It can be conclusively stated that the popularity of the work “Helpless Father”, is explained by the distinctive ideological and artistic synthesis, which is based on the popular fairy-tale world, symbolic images with the projection on the global spiritual and cultural basis, a deep moral and humanistic meaning of the events.

Key words: author’s tale, folk moral imperatives, individual style, imagery, symbolism.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 132–135)

Сярод цудоўных казак Уладзіміра Караткевіча найбольш вядомым для маленькіх і вялікіх чытачоў з’яўляецца твор “Нямоглы бацька”. Такая ўвага рэцыпіентаў дэтэрмінавана і яго самабытным мастацкім светам, у сутнасці якога і варта разабрацца для аб’ектыўнага погляду на гэты літаратурны прыклад.

Мэта артыкула – выявіць дамінантныя ідэйна-мастацкія адметнасці казкі “Нямоглы бацька” У. Караткевіча.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання ў публікацыі стала казка “Нямоглы бацька” як самабытны прыклад сінтэзавання ў мастацкім свеце народных маральных імператываў, увасобленых у адпаведных сюжэтах, з творчымі распрацоўкамі Караткевіча. Базавымі для навуковага аналізу абраны прыёмы канкрэтна-гістарычнага, структурна-тыпалагічнага і дэскрыптыўнага метадаў, што дэтэрмінавалі аб’ектыўнасць ацэнак названага твора.

Вынікі і іх абмеркаванне. Першае, што адразу заўважаецца ў казцы, – гэта звышаддзелены хранатоп з акцэнтаваным апісаннем нябесных свяцілаў, якія рэпрэзентуюцца як надзвычай важныя аб’екты ў сусветнай прасторы. Дадзеная акалічнасць набліжае тэмпаральнасць аповеду да міфалагізаванай гісторыі, дзе плумачацца пэўныя анталагічныя моманты ці вечныя маральна-этычныя імператывы. Падобная інфармацыйная скіраванасць твора поўнасцю пераконвае ў небудзённасці далейшых падзей.

З самага пачатку казкі Караткевічам пазіцыянуецца апісаны пазагістарычны момант як перыяд дамінаванай дзікасці: “Дзікія былі людзі. Дзікія-найдзікія. Аж цяпер сорамна ўспамінаць пра іх, такія дзікія. Як убачаць, што маці або бацька больш на сонейку грэецца, чым косіць ці жне, дык адразу завозяць іх на калёсах або на санях у глухі лес” [1, с. 494–495]. Такім чынам, гэта быў час, калі жылі дзікія людзі, нібы дзікія звяры ў дзікай пушчы.

Маркіраваны эпітэт *дзікі* набыў у творы канцэптуальны сэнс, і *дзікасць* тут не столькі антынамічна *сучаснасці* і *цывілізацыі*, колькі *маральнасці*, *спагадлівасці* і *міласэрнасці паміж роднымі людзьмі*. У гэтым ідэйны змест “Нямоглага бацькі” блізкі да казкі “Кошка, што гуляла сама па сабе” Р. Кіплінга і (асабліва) аповесці “Чалавек ідзе” Я. Маўра. Прычыны апелявання згаданых пісьменнікаў да “дзікай” даўніны бачацца ў тым, каб недапусціць паказання ў творах аберацыі ў сённяшнім грамадстве. Калі ў казцы Кіплінга дадаткова сцвярджаецца думка, што ў першабытным перыядзе яшчэ толькі фарміруюцца звыклія нам формы стасункаў паміж чалавечым светам і

жывёльным, то ў праблематыцы згаданага твора Маўра разглядаецца аднолькавае з Караткевічам кола маральна-этычных і міжасабовых паняццяў. Як вядома, у аповесці “Чалавек ідзе” гарантам правільнага развіцця нашай эвалюцыі быў вектар, накіраваны ў бок чалавекалюбства.

Пытанню станаўлення існых гуманістычных імператываў прысвечана і казка Караткевіча. Што цікава, неміласэрнасць і жорсткасць да “нямоглых” падаюцца ў творы не як адзінкавы жажлівы выпадак, а як сацыяльная норма: “Такі быў Закон. І хто Закона трымаўся, таго хвалілі. А хто не трымаўся, таго маглі выгнаць у дзікую пушчу. <...> Бо жылі гэтыя людзі па адзіным законе – законе карысці” [1, с. 495]. У казцы раскрываецца трагічны парадокс заменай легітымнасці на антылегітымнасць, падмены сапраўдных каштоўнасцей. Пры гэтым Караткевіч глыбока аналізаваў у тэксце важкія аспекты карэляцыі паміж законам і грамадствам, законам і сям’ёй, грамадзянскім абавязкам і асабістым (унутрысямейным) шчасцем. Праз ланцуг драматычных падзей аўтарам прадэманстравана амаральная, злачынная сутнасць агульнапрызнанага псеўдазакона і неабходнасць замацаваць у легітымным статусе новы Закон, які будзе базіравацца на сумленнасці, узаемапавазе, дабрыні, чуласці, згодзе. Як сцвярджаецца ў творы, нават абсурдныя законы могуць быць трансфармаваны, але толькі пры ўмове іх прыняцця грамадой.

У казцы робіцца спроба разабрацца ў прычынах панавання жажлівых парадкаў. Невыносныя ўмовы існавання, пры якіх маюць каштоўнасць толькі практычныя ўменні асобы, нараджаюць дзікіх людзей: “Страшэнна цяжка, у голадзе і холадзе, жылі тыя дзікія людзі. Частыя былі неўраджаі, таму запасаў аніякіх не было і быць не магло. А ўродзіць некалькі гадоў запар – з’явіцца ворагі. <...> Таму кожныя рукі лічыліся: ці могуць яны яшчэ трымаць касу ці меч? А калі ўжо не могуць, калі толькі кавалак да рота нясуць – нашто яны?” [1, с. 495]. Прадбачачы абурэнне рэцыпіентаў ад жорсткай логікі ў прыведзеным тэксце, аўтар нівеліруе гэты інфармацыйны прагматызм за кошт ужывання прыёму сказавай нарацыі – непасрэднага апелявання да чытача: “Ты пачакай іх да канца вінаваціць” [1, с. 495]. Тут відавочна акрэслілася пісьменніцкае стаўленне да герояў, яго жаданне актывізаваць увагу на падзеях, стварыць мастацкую ілюзію дыялагічнасці. Далейшы змест твора даказвае, што сказаваць уваходзіць у стылявы базіс і гэтай казкі Караткевіча. Пісьменнік архаізуе тут хранатоп, шматдэталёва дапаўняе народны каларыт

гісторыі, трансфармуе ўласны літаратурны праект у фалькларызаваную нарацыю.

Арыентуючыся на шматузроўневае лепшых сусветных казак, Караткевіч у “Нямоглым бацьку” надаў сімвалічны сэнс асобным вобразам і мастацкім фактам. Гэта перадусім адлюстравалася ў рэцэпцыі канцэпту *дзікасьць*, а таксама на прыкладзе іншых полісемантычных вобразаў: ваўка, грамады, замка і іншых. Спынемся на дадзеным аспекце больш падрабязна. Вобразы ваўкоў у творы спачатку падаюцца як мастацкае ўвасабленне лютасці, драпежніцтва ў чалавечым характары, таму, паводле аўтарскай задумы, адразу карэлююць з вобразам цэнтральнага антыгероя Гната: “І было ў таго Гната багата <...> і таму, як воўк за падлу, болей іншых трымаўся ён за Закон, і быў той Гнат самы большы гад” [1, с. 495]. Адпаведнае стаўленне да персанажа ўзмацняецца ў фінале твора, калі грамада асудзіла мізантрапічную пазіцыю героя: “А калі ўжо гнаць кагосьці ў пушчу, дык гэта цябе. Ідзі, вый там на ветах, воўк” [1, с. 501]. Дарэчы, невыпадкова згадваецца тут ветах – месяц у апошняй квадра, на зыходзе. Знікае час панавання Гнатавых законаў, і гэта трапна падкрэсліваецца нават праз адзначаную дэталь. Экстрапаляцыя вобраза ваўка назіраецца і ў дачыненні да станоўчых персанажаў Пятра і яго бацькі: “Прынёс Пятро бацьку ў хату, адгарадзіў частку каморы і зрабіў там пралазы на гару і ў падмосце. <...> І там бацька стаў жыць. <...> Як ваўкі жылі, ад усіх хаваючыся. Але жылі” [1, с. 497]. Дзякуючы абсалютна матываванаму ўжыванню паўтораў зразумець аўтарскую думку дастаткова лёгка і без іншых мастацкіх падказак. Полісемантызм вобраза ваўка дазваляў аўтару раскрыць драпежніцкую сутнасць чалавека, асэнсаваць драматычны стан адрывутага ўсімі ізгоя і непераадольнае жаданне асобы выжыць у катастрофічных абставінах. Самабытна прэзентуецца аўтарам і эвалюцыя абагульненага вобраза натоўпу. У хранатопе казкі перманентна згадваецца супольны дуб (вядомы сімвал моцы і мудрасці), пад якім прымаюцца важныя рашэнні. Менавіта тут грамада спачатку “шуміць, віруе”, як вялікая стыхія, бо, паводле старога Закону, варта выгнаць нямоглага бацьку Пятра. Пасля натоўп ахапіў сум ад неабходнасці выканаць маральна цяжкі прысуд. Падчас далейшых выпрабаванняў грамада раўла ад безнадзейнасці, а потым, прыбітая горам, маўчала. І вось, калі большасць прымае праўду Пятра, пачынае трансфармавацца агульны светапогляд: “І тут натоўп зароў. Уся ярасць на Закон, увесь адчай і ўся палёгка выліліся ў рыку” [1, с. 501]. Гэты звярыны (нечалавечы) рык гучаў

як адчуванне сваёй моцы і спазнанне ісціны, як знак неўтаймаванай волі, нязгоды, мысленчага пералому, гневу і мужнасці ў прыняцці новага важнага рашэння. Такім чынам, Караткевічам аналітычна асэнсаваны этапы змянення ў чалавечых перакананняў: 1) пазбаўленне ад сацыяльных стэрэатыпаў; 2) адкрыццё надчалавечай (ці агульнажывёльнай) схемы паводзін і мыслення; 3) асэнсаванне імператываў Быцця, што знітоўваюць усё на Зямлі. У выніку аўтарам дэманструецца дастаткова парадаксальная сітуацыя, у адпаведнасці з якой асобе, каб стаць носбітам шчырай гуманістычнай пазіцыі, неабходна апеляваць да глыбінных звярыных пачаткаў. Толькі так у чалавека ёсць шанц пазбавіцца ад асабістай папулярызацыі сацыяльных аберацый (злачынстваў), што маюць легітымную падтрымку. Сімвалічны сэнс у казцы мае і вобраз замка, створанага пачварным Веліканам: “Наламаў бяровенняў, зрабіў на самай гіганцкай асіне падмосце, а на падмосткі з валуноў пабудаваў сабе замак” [1, с. 499]. Само каменнае збудаванне на дрэве ўспрымаецца недарэчна, гратэскава і асацыіруецца з вобразам хаткі Бабы Ягі. А прыклад апошняй па сутнасці ўяўляе сабой штосьці ненадзейнае, хісткае, пазбаўленае традыцыйнай логікі, гэта і пэўная прамежкавая прастора, “мост” паміж светам жывых і нябожчыкаў.

Апроч адзначанага, выклікае цікавасць і выбар дрэва ў прыведзеным эпізодзе. Нагадаем, што ў казцы “Вужыная каралева” Караткевіч творча інтэрпрэтуе пэўную раслінную сімваліку, у тым ліку прыводзіць і народную верыфікацыю вобраза асіны: “А на краі балота стаіць усімі клятая асіна. Ніякае дрэва не плача так, калі апынецца ў печы. Шчэ далёка дні восені і халады, а яна ўжо ўся чырванее, загадзя перад усімі схіляецца. А калі ўжо загадзя схіляецца – значыцца, поскудзь – дрэва” [2, с. 49]. Як бачна, у сістэме народнага светабачання вобраз асіны набыў выразныя негатыўныя канатацыі.

У “Нямоглым бацьку” само знаходжанне страшнага замка на асіне іншасказальна можа ўспрымацца як цэнтр улады, што грунтуецца на гвалце, плачы, злачынствах, палахлівасці і пакорлівасці. Па імператывах казачнага свету вобраз Велікана прэзентуецца як Зло, перамагчы якое ў абставінах генерацыйнай ізаляванасці, фактычна, немагчыма. У сувязі з гэтым у творы праводзіцца ідэя, што толькі боль, абурэнне і мальба самых слабых і пакрыўджаных (у казцы гэта вобразы сірот) і жыццёвы досвед старэйшых здатны перайначыць самыя вялікія няшчасці. Фінал аналізаванага эпізоду ўключае яшчэ адзін варты ўвагі мастацкі штрих – пасля пераможнага змагання

на небе зазяла вясёлка як сімвал дасягнутага шчасця і знак повязі пакаленняў.

Творчая шматузроўневасць інтэрпрэтацы характэрна і для некаторых іншых вобразаў-дэталей у творы, прыкладам таму можа паслужыць цяпельца, пакінутае Пятром каля бацькі ў начным гушчары: “Бяжыць ён (Пётр. – В.П.) на агонь. Галіны яму вочы высцёбваюць. А агонь зусім згасе. І нібы згасе ля яго скручаная постаць” [1, с. 497]. Тут агонь набывае пэўнае метафізічнае сузначэнне, звязанае з жыццесцвярджальным пачаткам і надзеяй на лепшае. Сімвалічна абыгрываюцца ў творы і імёны цэнтральных герояў-антаганістаў. Нагадаем, што імя *Пётр* у перакладзе са старажытнагрэцкай мовы азначае “каменны”. Такім непакісным, цвёрдым характарам надзелены і герой казкі. Да таго ж у пераломнай сцэне (калі грамада пачынае задумвацца над новымі ісцінамі) этымалагічнае напаўненне імя персанажа экстэнсіфікуецца: “Гнат зноў баламуціць. І людзі ўжо з рукамі да Пятра падступіліся. А той стаіць спакойна і паверх галоў глядзіць на дрэва” [1, с. 500]. Тут вобраз Пятра відавочна ўзвышаецца, як выспа ці гара, над натоўпам, бо толькі ён здатны ўбачыць недасяжнае.

Варта таксама дадаць, што ў творы мае месца дуалістычнасць асобных вобразаў. Гэта было намі заўважана ў дачыненні да вобраза ваўка, тое ж адбываецца і з вобразам велікана. Яго першая мадыфікацыя дэманструе носьбіта абсалютнага Зла, а другая, зкарэляваная з праганістам, становіцца сімвалам духоўнага ўзвышэння асобы ў мудрасці і праўдзе.

У. Караткевіч, так бы мовіць, шмат “туляе” ў гэксце з семантычнымі і фанетычнымі нюансамі слоў. Наўпрост гэта выявілася ў імені Гнат: герой апантана *выганяў* іншых на смерць, і, урэшце, дачакаўся свайго *выгнання* ў пушчу. З імем Гнат (Ігнат) звязаны яшчэ адзін займальны аспект. Дадзенае імя можна перакласці як *вогненны*, што дазваляе гаварыць пра дуалістычнасць і вобраза агня ў казцы. Адзначаны вобраз пазіцыянуецца тут як поўнаасцю жыццестваральны сімвал і (дзякуючы антыгерою) як дэструктыўны вобраз. Твор “Нямоглы бацька” зноў засведчыў, наколькі важнай была для Караткевіча арыентацыя на лепшыя прыёмы і сродкі фальклорнай казачнай традыцыі. Разгледжаны прыклад мае выключны выхаваўчы патэнцыял, што дэтэрмінавана і ўдалым выкарыстаннем у гэксце мудрых народных выслоўяў, прыказак і прымавак: “Як ты віншувеш, так і табе дзякуюць” [1, с. 495], “Жылі сілай, а розум забівалі” [1, с. 500], “Знішчалі «ўчора» і таму не мелі права на «заўтра»” [1, с. 500], “Добрай мудрасцю за злосную дурасць” [1, с. 501].

Адначасна пісьменнік, як у любым іншым сваім творы, імкнуўся адысці ад “сухой” канстатацыі ў выкладанні важных сентэнцый. З гэтай прычыны аўтарам быў распрацаваны падзейна прывабны для рэцыпіентаў сюжэт, насычаны выпрабаваннямі, спраектавана яркая вобразная антаганістычнасць са слабой надзеяй на перамогу Добра і іншае. Зрэшты, больш лёгкай рэцэпцыі твора спрыяла і яго сказаваць, з камунікацыйным “пасылам” да кожнага “слухача” дзівоснай гісторыі. Да таго ж Караткевічам у казачны дыкурс, набліжаны да народнай фантастычнай нарацыі, быў прыўнесены ўдалы кампанент мастацкага псіхалагізму. Згадаем адзін з адпаведных прыкладаў, калі ў творы асноўныя падзеі толькі набліжаюцца да сваёй кульмінацыі: “Пятро праехаў моўчкі. Прыняў іх (з бацькам. – В.П.) разам з калёсамі мокры і чорны лістападаўскі лес. <...> Зрабіў Пятро з яловага лапніку будан, паклаў у салому торбу. <...>”

Гэта нашто? – спытаў бацька. – Бяры ўсё. І салому бяры.

Татка, – глуха сказаў Пятро, – няўжо ты думаеш, што я цябе тут пакіну?” [1, с. 496].

У адзначаным урыўку, думаецца, неабходна спыніцца на словазлучэннях *праехаў моўчкі* і *глуха сказаў*. Роздумнасць Пятра ў час апошняй бацькавай паездкі ў пушчу перадае драматычную напружанасць героя ў момант прыняцця складанага выбару. Глухі, цяжкі адказ бацьку тлумачыцца інтраспектыўнай барацьбой персанажа, які з болей пераадолеваў злучэнні закон, нішчыў яго ў сваёй душы.

Дынамічна раскрыў У. Караткевіч у казцы працэс з’яўлення існага Закону і асноўныя ідэі твора прэзентаваў як сэнсава значныя сентэнцый-парады: “Шануйце дабрыню, хай і слабую. Шануйце мудрасць, хай сабе нямоглу. Насіце на руках бацькоў...” [1, с. 501]. Гэтыя думкі, безумоўна, памнажаюць філасофскі і выхаваўчы план прааналізаванай казкі.

Заклучэнне. Можна канстатаваць, што папулярнасць твора “Нямоглы бацька” тлумачыцца самабытным ідэйна-мастацкім сінтэзам, які грунтуецца на народным казачным свеце, сімвалічных вобразах з праекцыяй на сусветны духоўны і культуралагічны базіс, глыбокім маральным і гуманістычным сэнсе падзей.

Літаратура

1. Караткевіч, У. Збор твораў: у 8 т. / У. Караткевіч. – Мінск: Маст. літ., 1988. – Т. 2: Аповесці, апавяданні, казкі. – 511 с.
2. Караткевіч, У. Вясна ўвосень: казкі / У. Караткевіч. – Мінск: Юнацтва, 2000. – 80 с.

Паступіў у рэдакцыю 21.11.2018 г.

Классификация тональности мнений для задачи автоматического сентимент-анализа текста

Чернышевич М.В.

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет», Минск

В работе исследуется задача классификации тональности мнений, решение которой может быть положено в основу построения актуальной системы автоматического сентимент-анализа текста (АСАТ).

Цель статьи — проанализировать основные существующие типы классификаций тональности мнений, их достоинства и недостатки, разработать новую, ориентированную на массового пользователя, шкалу тональности мнений, оперирующую как абсолютными, так и сравнительными оценками.

Материал и методы. *Материал исследования — корпус сообщений пользователей, отобранных методом случайной выборки из трех источников: социальной сети twitter.com, социальной сети facebook.com, а также интернет-платформ fixya.com, amazon.com и tripadvisor.com. Метод — контекстуальный анализ.*

Результаты и их обсуждение. *Большинство существующих решений задачи АСАТ ориентировано на бинарную шкалу тональности (положительная и отрицательная категории тональности), иногда к ней добавляется категория «нейтральная тональность», а также количественная шкала для любой из используемых категорий. Но массовым пользователем сейчас очень востребованы более гибкие шкалы, ориентированные, в частности, на решение задачи на уровне объектов и аспектов, а не предложений и тем более документов в целом, на применение наряду с общими и частотных оценок, содержащих в том числе и дескриптивные значения, указывающие на основание оценки, а также сравнительных оценок. Опираясь на анализ исследуемого текстового материала, актуальность получаемых по ходу исследования практических результатов для массового пользователя, разработана шкала тональности мнений, оперирующая как абсолютными (общими и частотными), так и сравнительными оценками. Дано формальное определение мнения. Для общих оценок предложена тональность *mu*на Positive, Negative и Desire, для частотных — *Appreciation*, *Deficiency* и *Wish*, для сравнительных — *ComparisonPositive*, *ComparisonNegative* и *ComparisonNeutral*.*

Заключение. *Следовательно, разработанная и представленная в статье классификация тональности мнений является одной из наиболее приемлемых для современного и качественного решения задачи автоматического сентимент-анализа текста.*

Ключевые слова: сентимент-анализ текста, классификация тональности мнений, тональность мнения.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 136–140)

Opinion Classification for Automatic Sentiment Analysis of the Text

Chernyshevich M.V.

Educational Establishment «Minsk State Linguistic University», Minsk

The article deals with opinion sentiment classification that is the basis for building a modern automatic sentiment analysis system.

The purpose of the work is to analyze the main existing types of opinion sentiment classifications, their advantages and disadvantages, to develop a new, user-focused, sentiment scale, that deals with both absolute and comparative opinions.

Material and methods. *The research material is a corpus of random user messages from the following sources: the social networks twitter.com and facebook.com, the Internet platforms fixya.com, amazon.com and tripadvisor.com. The research method is contextual analysis.*

Findings and their discussion. *Most of the existing solutions of the sentiment-analysis problem are focused on the binary sentiment classification (positive and negative categories), sometimes the category «neutral sentiment» is added, as well as the quantitative scale for any of the used categories. But the user today greatly demands for more flexible scales, oriented to solve the problem at the level of objects and aspects, rather than sentences and documents, to recognize not only general opinions,*

but also descriptive and comparative opinions. A novel sentiment scale of opinions was developed based on the analysis of the research material and the relevance of the practical results for the mass user. The proposed scale deals with both absolute (general and descriptive) and comparative opinions. A formal definition of opinion is given. Sentiment categories Positive, Negative and Desire are proposed for general opinions, Appreciation, Deficiency and Wish – for descriptive opinions, and ComparisonPositive, ComparisonNegative and ComparisonNeutral – for comparative opinions.

Conclusion. The classification of sentiments developed and presented in the article is one of the most suitable scales for a modern and high-quality automatic sentiment analysis system.

Key words: sentiment analysis, opinion classification, sentiment classification, opinion polarity.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 136–140)

Одной из характерных черт настоящего времени является стремительное развитие социальных интернет-платформ, таких как блоги, форумы и социальные сети. Пользователи генерируют огромное количество текстовых сообщений, и это, несомненно, ценный источник знаний, а также данных об их отношении к различным событиям, конкретным лицам, товарам, услугам и т.п. Очевидно, что подобные объемы информации фактически невозможно обработать вручную, поэтому активно разрабатываются системы автоматизации их обработки и анализа с целью решения многих актуальных прикладных задач, в том числе и автоматического sentiment-анализа текста (АСАТ), предполагающего распознавание эмоционально окрашенных фрагментов текста и даже распознавание объектов (собственно объектов, фактов, процессов, событий и т.п., их атрибутов и свойств), в отношении которых в анализируемом тексте высказано мнение, и формирование в соответствии с разработанной шкалой тональности этого мнения (оценки).

Цель статьи – проанализировать основные существующие типы классификаций тональности мнений, их достоинства и недостатки, разработать новую, ориентированную на массового пользователя, шкалу тональности мнений, оперирующую как абсолютными, так и сравнительными оценками.

Материал и методы. Материал исследования – корпус сообщений пользователей, отобранных методом случайной выборки из трех источников: социальной сети twitter.com, социальной сети facebook.com, а также интернет-платформ fixya.com, amazon.com и tripadvisor.com. Метод – контекстуальный анализ.

Результаты и их обсуждение. За последнее десятилетие было проведено большое количество исследований по классификации тональности мнений пользователей и предложены различные шкалы тональности, которые разделяют мнения в зависимости от отношения их авторов к соответствующим объектам. Наиболее популярной явля-

ется категориальная, чаще всего бинарная, шкала тональности, оперирующая положительной и отрицательной тональностью [1; 2]. Большое количество работ в дополнение рассматривают еще нейтральную тональность [3; 4], которая, в том числе, может обозначать отсутствие мнения как такового. В некоторых работах выделяется также смешанная тональность [5; 6].

Наряду с категориальной шкалой тональности используется и количественная шкала с определенным диапазоном, например, от –5 до +5 или от 1 до 5. Такая шкала определяет не только наличие сентимента, но и «интенсивность» той или иной тональности в тексте [7; 8]. При этом некоторые системы рассматривают разные типы тональности как взаимоисключающие [6], другие как относительно независимые, то есть одно и то же сообщение может иметь одновременно как положительную, так и отрицательную тональность определенной степени интенсивности [9].

Описанные выше шкалы тональности рассматривают тональность в одномерном эмотивном пространстве «нравится – не нравится». Ряд теоретических работ и практических решений используют при анализе мнений многомерные эмотивные пространства, которые учитывают также и базовые эмоции, такие как радость, счастье, гнев, страх и др. [10; 11].

Каждая из указанных выше шкал тональности имеет свои недостатки. Например, применение бинарной шкалы тональности допустимо только при наличии предварительного этапа фильтрации объективных суждений и нейтральных мнений. Иначе, как было отмечено в [12], любому сообщению будет ошибочно приписан один из типов тональности. Использование многомерных шкал, учитывающих эмоциональные оттенки, ограничено узким кругом приложений, где необходимо довольно точно улавливать настроение авторов сообщения. Кроме того, описанные выше шкалы тональности учитывают только общие оценки и игнорируют такие их типы, как, например, сравнительные и частотные оценки, отражающие

Таблица 1

Перечень общих оценок мнений в отзыве

Объект мнения	Тональность мнения	«Тональный» фрагмент текста
<i>Galaxy Tab</i>	положительная	<i>I own the Galaxy Tab and I like it...</i>
<i>compact size</i>	положительная	<i>...its compact size which is great for one handed use...</i>
<i>color choices</i>	положительная	<i>The color choices on the tablet are great.</i>
<i>battery life</i>	негативная	<i>Its battery life is average...</i>
<i>charging speeds</i>	негативная	<i>charging speeds is very slow</i>
<i>single speaker</i>	негативная	<i>The single speaker of the Galaxy Tab is disappointing.</i>

Таблица 2

Перечень частотных оценок мнений в отзыве

Объект мнения	Тональность мнения	Основание оценки	«Тональный» фрагмент текста
<i>Galaxy Tab</i>	положительная	<i>compact size</i>	<i>I own the Galaxy Tab and I like it mainly because of its compact size</i>
<i>Tablet (Galaxy Tab)</i>	положительная	<i>great color choices</i>	<i>The color choices on the tablet are great.</i>
<i>Its (Galaxy Tab)</i>	негативная	<i>average battery life</i>	<i>Its battery life is average...</i>
<i>Galaxy Tab</i>	негативная	<i>very slow charging speeds</i>	<i>charging speeds is very slow</i>
<i>Galaxy Tab</i>	негативная	<i>disappointing single speaker</i>	<i>The single speaker of the Galaxy Tab is disappointing.</i>

Таблица 3

Шкала тональности мнений

Абсолютные оценки		Сравнительные оценки
Общие	Частотные	
Positive — положительное мнение по отношению к объекту	Appreciation — положительное мнение по отношению к объекту с указанием основания оценки (какой конкретный аспект объекта нравится)	ComparisonPositive — положительное сравнительное мнение
Negative — отрицательное мнение по отношению к объекту	Deficiency — отрицательное мнение по отношению к объекту с указанием основания оценки (какой конкретный аспект объекта не нравится)	ComparisonNegative — отрицательное сравнительное мнение
Desire — желание приобрести какой-либо объект	Wish — условно отрицательное отношение к объекту с указанием основания оценки (желание изменить что-либо в объекте)	ComparisonNeutral — нейтральное сравнительное мнение

причины возникновения эмоционального отношения автора.

Следовательно, современное решение задачи АСАТ требует разработки универсальных шкал тональности мнений, учитывающих практически

большинство типов оценок и семантику оценочных единиц. Шкала тональности мнений должна быть гибкой, ориентированной на построение как абсолютных, так и сравнительных оценок, на решение задачи на уровне объектов и аспектов

и на использование наряду с общими частотных оценок, содержащих дескриптивные значения, указывающие на основание оценки. Рассмотрим в связи с этим пример мнения о планшете из отзыва пользователя на сайте amazon.com (приводится с его переводом на русский язык):

I own the Galaxy Tab and I like it mainly because of its compact size which is great for one handed use. The color choices of the tablet are great. But it has some drawbacks. Its battery life is average and charging speeds is very slow. The single speaker of the Galaxy Tab is disappointing. ‘У меня есть планшет Galaxy Tab, и мне он нравится в основном из-за его компактного размера, идеального для использования одной рукой. Хороший выбор цветов планшета. Однако у него есть несколько недостатков. Средняя продолжительность работы батареи и очень медленная скорость зарядки. Разочаровал также один единственный динамик в Galaxy Tab’.

В приведенном отзыве присутствуют как общие оценки, так и частотные. Общие оценки представлены в табл. 1, а частотные – в табл. 2.

В целом анализ текстового материала, актуальность пригодности получаемых по ходу исследования практических результатов для массового использования и анализ уже существующих шкал тональности позволили сформулировать как наиболее приемлемую и существенно отличающуюся от имеющихся следующую шкалу тональности мнений (табл. 3).

Таким образом, в нашем случае мнение *C* можно формально представить в виде кортежа из четырех компонентов:

$$C=(O_1, O_2, A, V), \quad (1)$$

где O_1 – один или более объектов оценки, иначе фокус оценки; O_2 – один или более объектов, с которым сравнивается фокус оценки (данный компонент является непустым только в случае сравнительных оценок); A – основание оценки (этот компонент является непустым только в случае частотных оценок); V – значение тональности.

Представленная шкала тональности мнений оперирует как абсолютными оценками, которые выражают отношение автора к одному объекту, так и сравнительными оценками. Последние часто игнорируются в исследованиях и реализованных системах, однако являются очень востребованными массовым пользователем. При этом важно учитывать, что положительная тональность в сравнительном мнении не всегда выступает гарантом абсолютной положительной

тональности. В случае сравнительного мнения автор сообщения указывает на отношения схожести или различия между двумя и более объектами, а также, чаще всего, отдает свое предпочтение одному из них (оценки ComparisonPositive и ComparisonNegative).

Встречаются однако мнения, в которых автор не высказывает явно собственного предпочтения, например, *Audi as well as BMW is an amazing car* ‘Ауди, как и БМВ, – отличная машина’ (оценка Comparison).

В зависимости от соотношения чисто оценочного и дескриптивного значения разделяются общая оценка (положительная – Positive, отрицательная – Negative), которая содержит только оценочное значение, и частотная оценка (положительная – Appreciation, отрицательная – Deficiency), содержащая основание оценки. Именно частотные оценки имеют для пользователей наибольшее значение, так как позволяют проанализировать, что именно в определенном объекте нравится или не нравится пользователям.

Анализ мнений пользователей с точки зрения производителей товаров и услуг показал, что, кроме обозначенных выше категорий тональности, будут полезными также категории, указывающие на желания и потребности пользователей. Например, в предложении *I dream about new iPhone X* ‘Я мечтаю о новом iPhone X’ выражается желание приобрести товар *iPhone X* (оценка Desire). В отдельную категорию стоит выделять такой тип тональности, как желание изменить что-либо в объекте мнения. Например, в отзыве *I just wish that my MacBook Air have more power* ‘Я бы только хотел, чтобы мой MacBook Air имел большую мощность’ пользователь объекта *MacBook Air* сообщает о своем желании увеличить мощности объекта (оценка Wish).

Рассмотрим текстовые примеры, содержащие различные типы тональности мнений в соответствии с представленной выше шкалой (табл. 4).

Отметим, что в одном и том же предложении могут одновременно содержаться разные, в соответствии с приведенной шкалой, типы оценок мнений, в нашем случае это примеры 3 и 4. Причем, здесь частотные оценки Appreciation и Deficiency имеют по отношению к своему объекту либо явно выраженное основание (*hate the Galaxy Tab*, пример 4), либо своего рода «наследованное» от аспекта объекта как вполне вероятное (*like the battery life*, пример 3). Также в ряде случаев, с точки зрения практики, могут использоваться некоторые правила канонизации именных групп, соответствующих фокусу

Примеры мнений в соответствии с разработанной шкалой тональности

Пример	Мнение
1) <i>I love my sister's new iPhone X</i> 'Я люблю новый iPhone X моей сестры'	O ₁ : my sister's new iPhone X V: Positive
2) <i>I really don't like all Android phones</i> 'Мне на самом деле не нравятся все телефоны Андроид'	O ₁ : all Android phones V: Negative
3) <i>I like the battery life of iPhone</i> 'Я люблю продолжительность работы батареи телефона iPhone'	O ₁ : battery life of iPhone V: Positive O ₁ : iPhone A: like the battery life of iPhone V: Appreciation
4) <i>I hate the Galaxy Tab because of its screen resolution</i> 'Я ненавижу Galaxy Tab из-за его разрешения экрана'	O ₁ : its screen resolution V: Negative O ₁ : Galaxy Tab A: its screen resolution V: Deficiency
5) <i>I love the new Galaxy Tab more than the new iPad</i> 'Мне нравится новый Galaxy Tab больше, чем новый iPad'	O ₁ : Galaxy Tab O ₂ : iPad V: ComparisonPositive O ₁ : iPad O ₂ : Galaxy Tab V: ComparisonNegative
6) <i>Audi as well as BMW is an amazing car</i> 'Ауди, как и БМВ, — отличная машина'	O ₁ : Audi O ₂ : BMW V: ComparisonNeutral
7) <i>I dream about new iPhone X</i> 'Я мечтаю о новом iPhone X'	O ₁ : iPhone X V: Desire
8) <i>I just wish that my MacBook Air have more power</i> 'Я бы только хотел, чтобы мой MacBook Air имел большую мощность'	O ₁ : my MacBook Air A: more power V: Wish

сентимента, например, *iPhone* вместо *my sister's new iPhone* (пример 1), *Android phones* вместо *all Android phones* (пример 2), *battery life* вместо *battery life of iPhone* (пример 3).

Заключение. Следовательно, разработанная и представленная в статье классификация тональности мнений является одной из наиболее приемлемых для современного и качественного решения задачи автоматического сентимент-анализа текста.

Литература

- Блинов, П.Д. Метод определения тональности аспектных терминов / П.Д. Блинов, Е.В. Котельников // В мире научных открытий. — 2014. — № 12.1(60). — С. 333–351.
- Kiritchenko, S. Sentiment analysis of short informal texts / S. Kiritchenko, X. Zhu, S.M. Mohammad // Journal of Artificial Intelligence Research. — 2014. — P. 723–762.
- Tokuhisa, R. Emotion classification using massive examples extracted from the web / R. Tokuhisa, K. Inui, Y. Matsumoto // COLING-2008: Proceedings of the 22nd International Conference on Computational Linguistics. — Manchester, UK, 2008. — P. 881–888.
- Aylien [Electronic resource]. — Mode of access: <http://aylien.com/>. — Date of access: 08.03.2018.
- Zhang, W. UIC at TREC 2007 Blog Report / W. Zhang, C. Yu. — 2007.
- Zhang, X. Positive, Negative, or Mixed? Mining Blogs for Opinions / X. Zhang, Z. Zhou, M. Wu // Proceedings of the 14th Australasian Document Computing Symposium, Sydney. — Sydney, Australia, 2009.
- Drake, A. Sentiment Regression: Using Real-Valued Scores to Summarize Overall Document Sentiment / A. Drake, E. Ringger, D. Ventura // IEEE Computer Society 2008: Proceedings of the 2008 IEEE International Conference on Semantic Computing. — CA, USA, 2008. — P. 152–157.
- Pang, B. Seeing stars: Exploiting class relationships for sentiment categorization with respect to rating scales / B. Pang, L. Lee // ACL-2005: Proceedings of the 43th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics. — Michigan, USA, 2005. — P. 115–124.
- TheySay [Electronic resource]. — Mode of access: <http://apidemo.thesay.io/>. — Date of access: 08.03.2018.
- Seemo: A Computational Approach to See Emotions / Z. Liu [et al.] // CHI 2018: Proceedings of the 2018 CHI Conference on Human Factors in Computing Systems. — Montreal, Canada, 2018. — P. 364.
- Agrawal, A. Tone Analyzer / A. Agrawal, S. Sonawane // International Journal of Engineering Science and Computing. — 2017. — Vol. 7, № 10. — P. 15060–15064.
- Чернышев, М.В. Обзор существующих систем автоматического сентимент-анализа текста / М.В. Чернышев // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. — 2017. — Vol. № 6(91). — P. 111–117.

Поступила в редакцию 27.11.2018 г.

Цыкл гістарычных раманаў Ф.А. Асяндоўскага як мастацкі летапіс роду

Гладкова Г.А.

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”, Віцебск

Артыкул прысвечаны даследаванню гістарычных раманаў вучонага, этнографа, пісьменніка, грамадскага дзеяча, выхадца з Віцебскай губерні Ф.А. Асяндоўскага “Царскі трубач”, “Ванько з Лісова” і “Моцныя людзі”, якія ўяўляюць сабой мастацкае адлюстраванне гісторыі польска-літвінскага шляхецкага роду герба Ліс. На багатым дакументальным (пераважна гістарычным і этнаграфічным) матэрыяле пісьменнік асэнсаваў ролю асобы ў гісторыі, стварыў вобраз нацыянальнага героя-абаронцы, які ўвасабіў лепшыя рысы воіна-патрыёта краю.

Мэта дадзенай работы — выявіць асаблівасці гістарычнай прозы Ф.А. Асяндоўскага на прыкладзе раманаў “Царскі трубач”, “Ванько з Лісова” і “Моцныя людзі”, якія арганічна звязаны паміж сабой і ўяўляюць своеасаблівую сагу шляхецкага роду.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу сталі раманы Ф.А. Асяндоўскага “*Wancko z Lisowa*” (Львоў—Варшава, 1929), “*Trębacz cesarski*” (Пястув, 1931) і “*Mocni ludzie*” (Львоў—Варшава, 1938). Асноўнымі метадамі даследавання паслужылі культурна-гістарычны, біяграфічны, а таксама ідэйна-кампазіцыйнага аналізу мастацкага твора.

Вынікі і іх абмеркаванне. У выніку шматаспектнага літаратуразнаўчага аналізу выбраных мастацкіх тэкстаў Ф.А. Асяндоўскага аўтар артыкула прыходзіць да высновы пра своеасаблівую сюжэтна-кампазіцыйную ўзаемасувязь раманаў “Царскі трубач”, “Ванько з Лісова” і “Моцныя людзі”, а таксама пра ідэйнае комплекснае адзінства згаданых твораў з раманаў “Ванько з Лісова”.

Заключэнне. Такім чынам, раманы Ф.А. Асяндоўскага “Ванько з Лісова”, “Царскі трубач” і “Моцныя людзі” ўяўляюць сабой своеасаблівую гістарычную трылогію, аб’яднаную агульнай ідэяй адлюстравання гісторыі шляхецкага роду (герб Ліс), а таксама лёсу асобы ў пераломны гістарычны перыяд (мангольскае нашэсце XIII ст. і Лістападаўскае паўстанне 1830—1831 гг. адпаведна).

Ключавыя словы: гістарычны раман, алузія, сярэдневякоўе, мангола-татарскае нашэсце, Рэч Паспалітая, Каралеўства Польскае, Літва, Расійская імперыя, Лістападаўскае паўстанне 1830—1831 гг., нацыянальная свядомасць, стэрэатып, дзяржаўнасць, нацыянальна-вызваленчы рух.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 141—144)

The Cycle of Historical Novels of F.A. Ossendovski as an Artistic Chronicle of the Family

Gladkova A.A.

Educational Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article is devoted to the study of historical novels of the scientist, ethnographer, writer, public figure, a native of Vitebsk province, F.A. Ossendovski “The King’s Trumpeter”, “Vanko from Lisovo”, “Strong People”. They represent an artistic reflection of the history of the Lithuanian-Polish family of the Coat of Arms of the Fox. On a rich documentary (primarily historical and ethnographic) material the writer comprehended the role of personality in history and created the image of the national hero-defender, who reflected the best features of the warrior-patriot of the Motherland.

The purpose of the research is to identify features of the historic prose of F.A. Ossendovski on the example of the novels of “The King’s Trumpeter”, “Vanko from Lisovo”, “Strong People” which are organically linked among each other and are a kind of a chronicle of a noble family.

Material and methods. F.A. Ossendovski’s novels “The King’s Trumpeter” (Piastuv, 1831), “Vanko from Lisovo” (Lvov—Warsaw, 1929), “Strong People” (Lvov—Warsaw, 1938) became the material for literary analysis. The main research methods were the cultural and historic, the biographic, the method of idea and composition analysis of a piece of art.

Findings and their discussion. As a result of the multilateral literary analysis of the selected literary texts of F.A. Ossendovski, the author of the article comes to the conclusion of the original plot-compositional relationship of the novels “The King’s Trumpeter” and “Strong People”, as well as of the ideological unity of the named works of art with the novel “Vanko from Lisovo”.

Conclusion. Thus, F.A. Ossendowski's novels "The King's Trumpeter" (Piastuv, 1831), "Vanko from Lisovo" (Lvov—Warsaw, 1929), "Strong People" (Lvov—Warsaw, 1938) are a kind of a historical three-piece complex which is united by one idea of depicting the history of a noble family (the Coat of Arms of the Fox) as well as the life of a person during a crucial historic period (Mongol invasion in the XIII century and November Uprising of 1830–1831).

Key words: historical novel, allusion, medieval, Mongol-Tatar invasion, Polish-Lithuanian Commonwealth, Kingdom of Poland, Lithuania, Russian Empire, November Uprising of 1830–1831, national consciousness, stereotype, statehood, national liberation movement.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 141–144)

Асоба Фердынанда Антонія Асяндойскага (Ferdynand Antoni Ossendowski) (1878–1945) сёння амаль забыта – вядомы вучоны-хімік, паліглот (ведаў восем моў, у тым ліку мангольскую і кітайскую), усходазнавец, вандроўнік, журналіст і пісьменнік, аўтар аб'ёмнага корпусу навуковых даследаванняў і мастацкіх твораў, нататак, дзённікаў. Па колькасці іншамовных выданняў Ф. Асяндойскі саступае толькі Г. Сянкевічу. Пісьменнік нарадзіўся на тэрыторыі Віцебскай губерні (м. Люцын) у шляхецкай сям'і. Род Асяндойскіх старажытны, пра што сведчыць радавы герб Ліс, датаваны XII стагоддзем.

Літаратурная і даследчыцкая спадчына Асяндойскага надзвычай разнастайная: гэта навуковыя працы па хіміі і інжынерыі, нарысы, мемуары, гістарычныя і прыгодніцкія раманы і аповесці, нататкі.

Мэта артыкула – выявіць асаблівасці гістарычнай прозы Ф.А. Асяндойскага на прыкладзе раманаў "Царскі трубач", "Ванько з Лісова" і "Моцныя людзі", якія арганічна звязаны паміж сабой і ўяўляюць своеасаблівую сагу шляхецкага роду.

Доўгі час імя пісьменніка было забытым па прычынах палітычнага характару (ён падтрымаў "белы" рух на Далёкім Усходзе, узначалены генералам А. Калчаком), але ў апошнія дзесяцігоддзі павялічылася цікавасць да асобы Ф.А. Асяндойскага і яго літаратурных твораў. Такая акалічнасць тлумачыць наватарскі характар даследавання і абгрунтоўвае пастаўленую мэту.

Матэрыял і метады. Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу сталі раманы Ф.А. Асяндойскага "Wańko z Lisowa" (Львоў–Варшава, 1929), "Trębacz cesarski" (Пястув, 1931) і "Mocni ludzie" (Львоў–Варшава, 1938). Асноўнымі метадамі даследавання паслужылі культурна-гістарычны, біяграфічны, а таксама ідэйна-кампазіцыйнага аналізу мастацкага твора.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пры напісанні рамана "Царскі трубач" аўтар абапіраўся на шматлікія гістарычныя крыніцы, у прыватнасці, на працы мемуарыста, члена Нацыянальнага ўрада Каралеўства Польскага ў 30-х гг. XIX стагоддзя Ст. Бажыкоўскага, даследчыка

польскага вызваленчага руху А. Сакалоўскага, польскіх гісторыкаў А. Слівінскага і В. Токажа, на што ўказвае бібліяграфічны спіс выкарыстаных крыніц, змешчаны напрыканцы рамана. Як вынікае з сюжэта, твор стаў своеасаблівай данінай памяці падзеям стогадовай даўніны – Лістападаўскаму паўстанню 1830–1831 гг., а таксама мастацкай спробай даследаваць змены этнічнай самасвядомасці галоўнага героя, якія матывуюць яго ўчынкі і дазваляюць выявіць уласную нацыянальную прыналежнасць.

Біяграфічныя звесткі пра Уладзіслава Ліса (цэнтральны вобраз) на пачатку твора фрагментарныя: хлопчыкам ён быў прывезены ў кадэцкі корпус Пецярбурга, дзе выходзіўся ў адпаведнасці з вайсковым статутам расійскай арміі. Сярод аднакашнікаў юнак вылучаўся незвычайнай фізічнай сілай і музычнымі здольнасцямі: ён быў лепшым трубачом корпуса, што адзначыў цар Мікалай I падчас агляду выхаванцаў ваеннай установы. Каб канчаткова замацаваць вернасць кадэта рускай нацыянальнай ідэі, імператар выказаў намер ахрысціць У. Ліса згодна з праваслаўным звычаем. Аднак знаёмства У. Ліса з Юльянай Трушкоўскай цалкам зменіць жыццё героя. Менавіта Юльяна раскажа герою пра род Лісаў, да якога належыць яго сям'я, пазнаёміць хлопца са шляхецкім гербам, паведаміць пра славетныя ўчынкі продкаў. Як даведаецца чытач, род Лісаў вядзе пачатак з XIII стагоддзя ад Уладзіслава (Ванько) з Лісава, любімага рыцара князя Генрыка Набожнага (з роду Пястаў Шлёнскіх). Верагодна, маецца на ўвазе Генрык II Набожны (1192 (?) – 1241), князь Кракава, Сілезіі і Вялікай Польшчы, які загінуў у бітве з татарамі пад Лігніцай (Lignica). Ванько з'яўляўся паслом да чэшскага і венгерскага двара, перамог у бітвах з татарамі, вядомы сучаснікам як адважны рыцар і верны сын сваёй зямлі. Былі сярод прадстаўнікоў роду Лісаў і саноўнікі касцёла (два арцыбіскупы), і мужныя ваяры, удзельнікі Грунвальдскай бітвы, пасля вайны з Масковіяй Лісы атрымалі землі ў Інфлянтах і на Белай Русі, яны "ахоўвалі айчыну з усходу і захаду", пры Жыгімонце III ваявалі са шведамі, пазней баранілі волю пад штандартамі Касцюшкі, гінулі ў баталіях ваенных кампаній Напалеона.

Аповед Юльяны меў вынікам усведамленне героем уласнай гісторыі роду, абуджэнне пачуцця гістарычных каранёў нацыі, што з’яўляецца першасным атрыбутам нацыянальнай самасвядомасці: “Teraz wiem, jaka krew płynie w moich żyłach” (“Цяпер ведаю, якая кроў цячэ ў маіх венах”) [1, s. 67]. Гісторыя роду Лісаў заўсёды была спалучана з гісторыяй краю, што падкрэслена ў хроніцы дынастыі, складзенай бабуляй Юльяны, Соф’яй з роду Лісаў (дарэчы, падобнае тлумачэнне кроўнай сувязі робіць натуральным грунтоўнае веданне пані Трушкоўскай гісторыі фаміліі): “Ród Lisów, co wiernie stróżował ojczyzny nad Wartą, Bzurą, Dźwiną i Wisłą, nie dla zaszczytów, nie dla sławy i bogactwa, ino z uczciwości duszy i gorącego miłowania, podupadł, ubożał coraz bardziej, albowiem troskał się nie o siebie, ino o dobro kraju i narodu...” (“Род Лісаў, які аддана ахоўваў айчыну над Вартай, Бзурай, Дзвіной і Віслай не дзеля гонару, славы і багацця, а кіруючыся сумленнем душы і гарачай любоўю, заняпаў, збяднеў”) [1, s. 68].

У выніку У. Ліс становіцца на крайнюю, радыкальную пазіцыю: абвясціць цара ворагам нацыі, пазбавіць кароны, забіць кн. Канстанціна і распачаць вайну з Расіяй. Юльяна тлумачыць Уладзіслава, што ёсць і іншыя шляхі барацьбы. У якасці прыкладу яна чытае “Оду да маладосці” А. Міцкевіча і перадае суразмоўцу змест паэмы “Конрад Валенрод”. Ацэнка апошняй з вуснаў галоўнага героя рамана была стрыманай па прычыне нязгода па прынцыпова важным пытанні стратэгіі змагання. Шляхціч упэўнены, што мужчыны павінны змагацца адкрыта “*oko w oko, pierwsz pierwsz*”, а хітрасць – гэта зброя рабоў. “Канстытуцыю і гонар народа трэба бараніць са зброяй у руках”, – так агучаны ў аповесці канчатковы выбар У. Ліса, у выніку ён накіроўваецца на Літву з мэтай далучыцца да паўстання.

Такім чынам, у рамане паказаны працэс змены этнічнай прыналежнасці і самасвядомасці галоўнага героя, якая па аб’ектыўных прычынах першасна фарміравалася ў іншай дзяржаве і на чужой мове. Чалавек валодае этнічнай ідэнтычнасцю, калі ён усвядоміў сваю тоеснасць этнасу, прыняў яе і стаў кіравацца ёю ў сваёй дзейнасці. Важнейшым фактарам утварэння і развіцця этнічнай ідэнтычнасці з’яўляецца этнічная сацыялізацыя, якая праз пасрэдніцтва засвоенай мовы і культуры народа фарміруе самасвядомасць чалавека, яго духоўны свет і нацыянальны характар. Менавіта падобны працэс назірае чытач у творы Ф.А. Асяндоўскага.

Далейшы лёс Уладзіслава Ліса будзе звязаны з Расійскай імперыяй, куды паручнік сасланы

за ўдзел у паўстанні на Літве. Жонка і верная спадарожніца Юльяна накіруецца ў Сібір за мужам. Такім чынам, падзеі сібірскай высылкі склалі сюжэтную канву рамана “Моцныя людзі”. У рамане аўтарам ускосна пастаўлена пытанне, ці абавязкова жыццё паляка ў выгнанні азначала пакуты і пэўную смерць. Там, у малой вёсцы Нарым, сярод простых і добрасумленных людзей, У. Ліс знайшоў сваё месца на зямлі, ён вучыўся ў іх існаванню ў абставінах суролага клімату, адкрываў для сябе асаблівасці і таямніцы ўсходняй прыроды. Суровая Сібір стала для яго домам, а дзікая тайга – карміліцай. Паступова польскі пасяленец сваімі ўчынкамі, працавітасцю і настойлівасцю здабыў прыхільнасць карэннага насельніцтва краю, з часам узаемная сімпатыя ператварылася ў сапраўднае сяброўства. Аб’яднала людзей агульная прага – змаганне за волю і вызваленне з-пад прыгнёту. У апошнім раздзеле рамана (“На волю”) перад героем адкрываюцца новыя даляглыды: разам з жонкай ён адплывае да Петрапаўлаўска Камчацкага, каб, нарэшце, свабодна жыць і працаваць. Адзначым, што напрыканцы твора (як, дарэчы, і ў рамане “Ванько з Лісова”) пісьменнікам змешчаны слоўнік старапольскіх і замежных слоў (рускіх, мангольскіх і г.д.), які дапамагае чытачу больш дакладна зразумець малавядомыя рэаліі тагачаснай рэчаіснасці [2, s. 187–190].

Як вядома, Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг. знайшло дастаткова глыбокае асэнсаванне ў шэрагу гістарычных прац, дакументальных нататках, дзённіках сучаснікаў і ўдзельнікаў узброенага выступлення. На працягу дзесяцігоддзяў яно працягвала заставацца ў цэнтры ўвагі польскай нацыі як значная падзея гісторыі, урокі якой сталі напамінам нашчадкам пра чарговую спробу народа аднавіць дзяржаўную федэрацыю ў межах 1772 года. Раман Ф.А. Асяндоўскага “Царскі трубач” арганічна дапоўніў літаратурныя крыніцы па гісторыі Лістападаўскага паўстання і стаў не толькі мастацкім асэнсаваннем лёсу чалавека ў віхуры часу, але, дзякуючы грунтоўнай фактаграфічнай аснове, з’явіўся каштоўным дакументам эпохі 1830-х гадоў на землях Літвы і Белай Русі. Раман “Моцныя людзі” выявіў актуальнае для польскамоўнай літаратуры меркаванне пра магчымасць станоўчага вырашэння абвостранага палітычнага канфлікту Расійскай імперыі і польскай краіны, якая змагалася за аднаўленне страчанай дзяржаўнасці. Насцярожанасць рускіх да палякаў і адпаведна варожаць палякаў да Расіі складалі падмурак шматвяковага стэрэатыпа адной нацыі пра другую. Аднак

Я. Мачеёўскі адзначаў, што фактар звычайных чалавечых адносін уплываў на стэрэатып рускіх і спрыяў яго мадыфікацыі ў польскай свядомасці: “Образ русских, каким он сложился в сознании поляков [...], не был однозначно негативным, были в нем и положительные черты” [3, с. 19]. Натуральна, што заканамерным вынікам палітычных канфліктаў было сведчанне ў мастацкіх творах польскамоўных пісьменнікаў пакутніцкага лёсу палякаў, асуджаных на катаргу за ўдзел у вызваленчым руху. Аднак, як вынікае з аўтарскай канцэпцыі, у рамане “Моцныя людзі” Ф.А. Асяндоеўскі падаў ўласнае бачанне далейшага лёсу героя, тым самым сцвердзіўшы думку пра магчымасць мірнага суіснавання і добрых сяброўскіх адносін паміж палякамі і рускімі.

У літаратурнай спадчыне пісьменніка ёсць мастацкі тэкст, які канцэптуальна звязаны з вышэй прааналізаванымі творами. Маецца на ўвазе раман “Ванько з Лісова”, які прысвечаны асобе заснавальніка шляхецкага роду Лісаў – Вацлаву (Ванько). Алюзію на дадзеную гісторыю лёсу знакамітага продка сустракаем на старонках рамана “Царскі трубач” у эпизодзе сустрэчы Уладзіслава Ліса з цёткай Юльяны Трушкоўскай, якая, пачуўшы пра паходжанне юнака, узгадвае яго радавод і выказвае меркаванне, што ён з’яўляецца спадкаемцам славытага на ўсю Польшчу старажытнага роду, які паходзіць ад легендарнага продка: “[Pani] podniosła do oczu szkła i badawczo przyjrzała się młodzieńcowi. – Założyłabym się, że takim być musiał Wańko z Lisowa... Rodzinne sechy nigdy nie zanikają w Lisach” (“[Пані] паднесла да вачэй акулэры і дапытліва прыгледзелася да юнака. – Пабілася б аб заклад, што такім мусіў быць Ванько з Лісова... Сямейныя рысы ніколі не знікаюць у Лісаў”) [4, с. 55]. Такім чынам у мастацкім тэксце ўзнікае адсылка да раней надрукаванага рамана “Ванько з Лісова”.

Сюжэтная аснова твора – дакладна датаваныя падзеі XIII стагоддзя, калі польскія землі апынуліся перад пагрозай мангольскага нашэсця з Усходу. Гэта быў час княжацкіх міжусобиц і раздробленасці польскай зямлі, што не спрыяла ўзмацненню дзяржавы перад знешняй пагрозай. У цэнтры чытацкай увагі – заснавальнік дынастыі Лісаў Ванько, своеасаблівы аўтарскі ідэал героя. Моцны фізічна, прывабны знешне, справядлівы ва ўчынках, літасцівы да сяброў і бязлітасны да ворага, разумны, бестурботны, паважлівы да старэйшых, верны ў каханні герой – сапраўдны ўзор для сучаснікаў і нашчадкаў. На лёс Вацлава выпала місія перад знешняй агрэсіяй шукаць саюзнікаў у Чэхіі і Венгрыі, быць паслом князя Генрыка II Набожнага, з годнасцю прадстаўляць

польскі двор на перамовах, шчырым словам схіляючы суседзяў да неабходнасці сумесных ваенных дзеянняў. Няма такога ворага, якога б не перамог польскі асілак, легендарны Ванько з Лісова. У рамане прадстаўлена багатая галерэя тагачасных рэальных гістарычных асоб (князі Генрык Барадаты і Генрык II Набожны, Конрад Мазавецкі, Святаполк Паморскі, Міндоўг Літоўскі, а таксама архібіскуп гнезненскі Пелка, чэшскі кароль Вацлаў I Аднавокі, яго сястра, жонка князя Генрыка Набожнага Ганна, яго маці княжэўна Ядзвіга, венгерскі кароль Бела IV і інш.), дэталёва апісана вызначальная бітва палякаў з манголамі пад Лігніцай 9 красавіка 1241 года на “Добрым полі” [4, с. 293]. Каб дакладна адлюстравалі старажытную эпоху, пісьменнік выкарыстаў шматлікія этнаграфічныя элементы, якія датычылі апісання адзення, побыту, зброі, прылад працы, гаспадаркі, архітэктурных тагачасных пабудов.

Заклучэнне. Такім чынам, раманы Ф.А. Асяндоеўскага “Ванько з Лісова”, “Царскі трубач” і “Моцныя людзі” ўяўляюць сабой своеасаблівую гістарычную трылогію, аб’яднаную агульнай ідэяй адлюстравання гісторыі шляхецкага роду (герб Ліс), а таксама лёсу асобы ў пераломны гістарычны перыяд (мангольскае нашэсце XIII ст. і Лістападаўскае паўстанне 1830–1831 гг. адпаведна). Адзначым, што сам пісьменнік належаў да дадзенага старажытнага роду, пашыранага на Беларусі, у Польшчы і Расіі. Верагодна, крыніцай грунтоўнай пісьменніцкай зацікаўленасці ўласным радаводам паслужылі сямейныя паданні, а таксама дакументы, на якія абапіраўся аўтар. Аналіз выбранай гістарычнай прозы Ф.А. Асяндоеўскага дазваляе з упэўненасцю сцвярджаць, што стварэння пісьменнікам вобразы галоўных герояў (Вацлаў і Уладзіслаў Лісы) не саступаюць па ўзроўні мастацкай дакладнасці і выразнасці знакамітым героям-носьбітам шляхетнасці з гістарычных раманаў Г. Сянкевіча (Я. Скішэўскі, М.Е. Валадыеўскі), якія для некалькіх пакаленняў чытачоў сталі ўзорам сапраўднага рыцарства, сумленнасці, вернасці слову і Айчыне.

Літаратура

1. Ossendowski, F.A. Trębacz cesarski / F.A. Ossendowski. – Miejsce Piastowe: Tow. św. Michała Archaniola, 1931. – 293 s.
2. Ossendowski, F.A. Mocni ludzie / F.A. Ossendowski. – Lwów–Warszawa: Książnica Atlas, 1938. – 190 s.
3. Мачеевский, Я. Стереотип России и русских в польской литературе и общественном сознании / Я. Мачеевский // Поляки и русские в глазах друг друга / отв. ред. В.А. Хорев. – М.: Изд-во “Индрик”, 2000. – С. 6–22.
4. Ossendowski, F.A. Wańko z Lisowa / F.A. Ossendowski. – Lwów–Warszawa: Książnica Atlas, 1929. – 328 s.

Паступіў у рэдакцыю 21.11.2018 г.

Специфика наррации дневников В.Н. Крупина (на примере сборника «Железный почтальон»)

Кабылкова А.А.

*Полоцкий колледж учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Полоцк*

В творчестве В.Н. Крупина благодаря использованию разнообразных жанров и форм отражаются такие важнейшие социокультурные категории, как духовность, православие, нравственность.

Цель статьи — на примере дневников, вошедших в сборник «Железный почтальон», выявить обусловленность типа нарратора в соответствии с выбранным жанром.

Материал и методы. На основе текстов «Снежный туман» и «Тают снега» с помощью биографического и структурного методов рассматривается специфика наррации в рамках представленного жанра. Используются биографический метод, основанный на связи между литературными текстами и биографией автора, и структурный, позволяющий рассмотреть все уровни художественного текста.

Результаты и их обсуждение. Дневники, вошедшие в сборник «Железный почтальон», продолжают традиции классического дневника, но в то же время являются новаторскими. В дневниках «Снежный туман» и «Тают снега» использован имплицитный образ нарратора, о чем свидетельствуют особые приемы построения повествования. Описываемому типу нарратора соответствует модель точки зрения, представленная в текстах.

Заключение. Указание в заглавии текста его жанровой принадлежности призвано акцентировать внимание на идейной составляющей произведения и особой автобиографичности текста. Обращение к дневниковой форме обуславливает особенности наррации текста.

Ключевые слова: дневник, жанр, нарратор, модель точки зрения, православие.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 145–149)

Specificity of the Narration of V.N. Krupin's Diaries (on the Example of «The Iron Postman»)

Kabylkova A.A.

*Educational Establishment «Vitebsk State P.M. Masherov University»
Polotsk College, Polotsk*

In the works of V.N. Krupin through the use of various genres and forms, the social and cultural categories such as spirituality, Orthodoxy, morality are reflected.

The purpose of the article is to identify the conditionality of the type of narrator according to the chosen genre using the example of diaries from the collection «Iron Postman».

Material and methods. Based on the texts «The Snow Fog» and «The Snow Melts» with the help of biographical and structural methods, the specificity of the narration within the presented genre is considered. We have applied the biographical method, based on the link between literary texts and the author's biography, as well as the structural one which makes it possible to consider all the levels of the artistic text.

Findings and their discussion. The diaries from the collection «The Iron Postman» continue the traditions of the classic diary, but at the same time they are innovative. In the diaries «Snow Fog» and «The Snow Melts» an implicit image of the narrator is used, as evidenced by special methods of constructing the narrative. The described type of the narrator corresponds to the view point model presented in the texts.

Conclusion. The indication in the title of the text of its genre affiliation is intended to emphasize the ideological component of the work and the special autobiographical nature of the text. Using the diary form determines the peculiarities of the narration of the text

Key words: diary, genre, narrator, the view point model, Orthodoxy.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 145–149)

Основной темой творчества В.Н. Крупина 2010-х годов является православие. Говоря о специфике выбора темы произведений, Т. Кошурникова отмечает: «Творчество В.Н. Крупина последних лет как нельзя лучше иллюстрирует эволюцию личности автора, его мировоззрение. Если в первых повестях (например, циклы «Зерна», «Варвара») цитаты из Писания, народные христианские пословицы были неакцентированы, отражали народную мудрость, использовались лишь для раскрытия образов героев, то на современном этапе творчество приобрело исповедальный характер, изменилась образно-содержательная основа произведений. Это – произведения о современном человеке, пришедшем в церковь и узнавшем Бога, постигающем истину Православия. Многие произведения 90-х годов («Крестный ход», «Незакатный свет», «Авторучка», «Дежурная» и др. рассказы) написаны от первого лица. Открытая назидательность, страстность, особое построение текста создают диалогические отношения с читателем» [1]. Наличие литературно-критических и литературоведческих работ, посвященных творчеству Крупина, Т.В. Кошурниковой, О.В. Рыбак и других доказывает, что его произведения актуальны и значимы в мире литературы. Однако тексты последних лет, особенности наррации произведений на сегодняшний момент остаются не изучены, что обуславливает актуальность данного исследования.

Цель статьи – на примере дневников, вошедших в сборник «Железный почтальон», выявить обусловленность типа нарратора в соответствии с выбранным жанром.

Материал и методы. На основе текстов «Снежный туман» и «Тают снега» В.Н. Крупина рассматривается специфика наррации в рамках представленного жанра (теоретическая база – «Нарратология» В. Шмида). Используются биографический метод, основанный на связи между литературными текстами и биографией автора, и структурный, позволяющий рассмотреть все уровни художественного текста.

Результаты и их обсуждение. Практически весь корпус текстов В.Н. Крупина содержит в себе элементы автобиографичности. Для того чтобы поделиться с читателем основами своего мировоззрения, описать эстетическую позицию, автор применяет различные формы журналистики и художественной литературы.

На наш взгляд, наиболее удачным способом передачи личных чувств, впечатлений, мыслей

является дневник. Дневник как форма самоанализа был распространен во все времена. Пик его популярности приходится на XIX век, когда дневники пишут не только писатели, но и все равнодушные к духовной жизни: музыканты, художники, политики. В это время возрастает уровень грамотности, образованности, что влечет за собой стремление человека описать свою жизнь, поделиться с потенциальным читателем собственными мыслями, переживаниями. Для того чтобы продемонстрировать свои философские выводы, многие начинают практиковать чтение дневника среди друзей. Постепенно дневник становится жанром художественной литературы. В этом жанре написаны такие произведения, как «Дневник лишнего человека» И.С. Тургенева, «Дневник семинариста» И.С. Никитина, «Дневник Павлика Дольского» А.Н. Апухтина и другие. Кроме того, истоки отдельных элементов дневниковой формы можно увидеть в характерных для русской литературы летописях и хождениях, где также фиксировались не только факты духовного самоопределения личности, но и представлялись сведения относительно исторических событий, быта и нравов определенной эпохи.

Сегодня дневник рассматривается с трех позиций: во-первых, как «хроникальная фиксация фактов, событий, которая ведется от первого лица; записанные реальными людьми сведения о текущих обстоятельствах их жизни, наблюдениях, настроениях и т.п.» [2, с. 49–50]. Во-вторых, дневник как полностью вымышленное литературное произведение (вышеописанные дневники). Иногда дневник «может стать средством раскрытия характера героя (“Журнал Печорина” в романе М.Ю. Лермонтова “Герой нашего времени”» [2, с. 50]. В-третьих, дневник писателя, который может вестись для себя (дневник Л.Н. Толстого) или сразу предназначаться для публикации (дневник Ф.М. Достоевского). В любом случае дневник представляет собой особое свидетельство времени, способное максимально достоверно, точно и при этом искренне отразить современные фиксируемые события.

В 2014 году в свет выходит сборник «Железный почтальон. Рассказы о праведниках и грешниках». Кроме повестей «Великореская купель», «Железный почтальон», «Красная гора», ряда рассказов, в сборник входят два дневника: «Снежный туман. Зимний дневник» и «Тают снега. Весенний дневник». Ранее Крупин уже обращался к жанру дневника. Дневниковый характер имели письма, составляющие повесть «Сороко-

вой день» (1981), в них автор описывает и анализирует события прошедшего дня, большинство писем «пишется» именно вечером или ночью: «Целую. Снова ночь» [3, с. 216].

Дневники, представленные в сборнике «Железный почтальон», продолжают традиции классического дневника, но в то же время являются новаторскими. Предполагаем, что изначально они создавались как литературное произведение.

С точки зрения композиции Крупин нарушает одно из важнейших требований дневника как жанра – отсутствует конкретная датировка событий. Оба текста вообще не разделены на какие-либо главы, части.

У рассматриваемых дневников есть заголовки («Снежный туман» и «Тают снега»), что приближает их к рассказу, и лишь в подзаголовке читается авторское указание на жанр. Для творчества Крупина характерно использование авторских обозначений жанровой принадлежности (повесть в рассказах «Варвара», повесть в письмах «Сороковой день», роман-завещание «Спасение погибших»).

Согласно общим традициям, в дневнике описываются события, происходящие с нарратором в определенное время. В. Шмид предлагает уточнить значение термина «нарратор» (адресант фиктивной нарраторской коммуникации) и отмечает, что «в русском литературоведении употребляются два различных термина – “повествователь” и “рассказчик”» [4, с. 37]. В дневниках из сборника «Железный почтальон» нарративную функцию выполняет рассказчик, т.е. «носитель речи, открыто организующий своей личностью весь текст» [5, с. 33–34]. Для данного типа нарратора характерно изложение событий от первого лица («Я опять в родительском доме», «Топлю печь, кипячу чай» [6, с. 199], «Раным-рано приходит ко мне солнце. Выглядываю из окна снизу вверх» [6, с. 223]).

В дневниках «Снежный туман» и «Тают снега» представлен имплицитный образ нарратора, о чем свидетельствуют особые приемы построения повествования (по В. Шмиду):

1. Конкретизация, детализация подбираемых элементов.

Автор использует конкретный хронотоп: мы видим названия реальных улиц, реальной деревни. В «Весеннем дневнике» неоднократно подчеркивается, что действие происходит в Кильмезе – деревне, откуда родом Крупин. «И вот – иду по центральной Советской, бывшей Троицкой, улице. Мимо храма, мимо Дома культуры» [6, с. 269]. Для писателя образ Кильмези особенно

дорог, о родной деревне он говорит не иначе как о райском месте, опустившемся с небес. «Не знаю, как раньше, но по сравнению с другими местами Кильмезь во всех отношениях пример для подражания» [6, с. 267]. Также четко указывается время действия: «Вырвавшись из новогодней, пьющей и бьющей бутылки о булыжники Красной площади Москвы, взрывающей на потеху неопасные, но громкие петарды, визжащей и орущей, и снова пьющей, разве не понимал я, что и здесь, в вятских пределах, мне не обрести тишины, разве только мгновения. Да и за них надо непрестанно благодарить судьбу» [6, с. 200], – читаем в «Зимнем дневнике». «Весенний дневник» посвящен периоду Великого поста. При этом каждый день Страстной седмицы описывается очень подробно. Дни проходят в молитвах и трудах. Кроме того, нарратор детально описывает встречи со школьниками. Тема детства для Крупина всегда была очень актуальной, ведь именно дети – это надежда государства, особенно в духовном плане. И поэтому вопросы нравственного воспитания подрастающего поколения для писателя особенно значимы (вспомним раздел «Я шел в детство» сборника «Пока не догорят высокие свечи»).

2. Языковая презентация подбираемых элементов.

Для традиционных дневников характерна своеобразная литературная необработанность текстов, так называемая первообразность. Анализируемым текстам Крупина эта черта не свойственна. Видна детальная проработка автором написанного, работа писателя над стилем произведений. При этом некоторые стилиевые черты, а именно использование лексем, характерных для религиозных текстов, житий, молитв, повторяются во многих последних произведениях Крупина. Для читателя, знакомого с более ранними текстами автора, уже не будут удивительны такие предложения: «Сия весть меня зело возрадовала: дрова в редакции сухие березовые, звонкие» [6, с. 220], «Здесь возрождена церковь, в праздники полна народа, а где интеллигенты? Оне на лыжной прогулке, оне устали» [6, с. 208]. Таким образом, можно утверждать, что представленный текст не является первообразным, а прошел процесс редактирования автором, что не соответствует жанровым требованиям дневника. Однако в контексте всего современного творчества писателя представляется гармоничным и выдержанным в одном стиле.

3. Размышления, комментарии и обобщения автора.

Указание жанровой принадлежности (дневник) предполагает наличие, прежде всего, данного приема построения повествования. Целью традиционного дневника является самоанализ, описание духовных переживаний повествователя. Несмотря на это, в «Зимнем дневнике» мы видим не только описание внутреннего мира нарратора, но и описание ряда событий, которые происходят с героем в течение определенного времени. Какие-то люди, встречи, просьбы, разговоры, случайные истории. Крупин вводит более широкое понимание классического дневника, приближая его к очерку, небольшому рассказу, сохраняя при этом имплицитный образ нарратора. В «Весеннем дневнике» и вовсе просматривается конкретный сюжет: подготовка к освящению восстановленной церкви. Кроме того, круг действующих лиц значительно расширяется, в произведении описывается жизнь чуть ли не половины деревни: множество детей, несколько семей, представители церкви. Все они активно действуют, с ними связаны какие-то события, которые оцениваются нарратором.

Если рассматривать личностность нарратора, то можно отметить, что он обладает ярко выраженными чертами индивидуальной личности, особенно близкой по мировосприятию к самому Крупину. Представление о жизненной позиции писателя дают, прежде всего, его произведения, поэтому многие особо значимые мотивы и образы встречаются и в более ранних текстах. Например, мотив памяти. Крупин пишет: «Человек есть то, что он помнит» [6, с. 207]. А память неизменно приводит к детству: «Все прошло, все, детство не проходит и не пройдет никогда. Только и есть жизни, что в детстве» [6, с. 206]. Подобные идеи встречаем в повести «Дымка», в рассказах «Бумажные цепи», «Отец, я еще здесь...». Также получает дальнейшее развитие тема Родины. В «Весеннем дневнике» Крупин обращается к этой теме с позиции своего личного долга как писателя: «Если я хоть мало-мальский писатель, должен же я говорить о том, что спасает нас. Это главное. Спасает Родина» [6, с. 227]. Но в центре внимания, как и во всех произведениях писателя 2010-х годов, тема православия, воцерковления. Автор рассуждает: «И вообще, где степень воцерковления. В чем? Она же прежде в страхе Божиим. Даже не ходящий в церковь понимает, что-то есть. Это уже неравнодушие» [6, с. 265]. «Весенний дневник» заканчивается ставшими программными для произведений Крупина утверждениями: «Русская культура обойдется без космополитизма – она православна» [6, с. 316].

По месту, которое нарратор занимает в системе обрамляющих историй, перед нами первичный нарратор. О событиях, связанных со всеми второстепенными персонажами, мы узнаем от нарратора. При этом он стремится передать информацию, не добавляя каких-либо оценочных характеристик. Объектом анализа выступают не люди, рассказывающие о событии, а личные переживания нарратора, которые могли бы возникнуть в подобной ситуации. Рассказы мальчишек и вовсе передаются с помощью цитирования. Крупин берет в кавычки сюжеты, придуманные детьми, при этом максимально подражает их стилю: «В один солнечный день я с друзьями ходил на рыбалку. И я закинул удочку, и у меня сначала не клевало....» [6, с. 236].

По присутствию нарратора в изображаемом мире перед нами диегетический тип нарратора: он повествует о самом себе как о фигуре в диегесисе. Действительно, нарратор – писатель, приехавший из Москвы в родную Кильмезь. В деревне он пишет статьи для районной газеты и участвует в подготовке к Пасхе. Данный тип нарратора характерен для выбранного жанра дневника: он делает текст максимально приближенным к личным, нелитературным дневникам. С. Ларсен рассматривает степень присутствия повествуемого «я» в тексте. Согласно ее классификации, в «Зимнем дневнике» и «Весеннем дневнике» перед нами нарратор-протагонист, т.е. собственно автобиографический нарратор, который является центральной фигурой диегесиса. В. Шмид отмечает, что в текстах с данным типом нарратора повествование должно быть основано на «временной, эстетической, психологической дистанции» [4, с. 53] между героем событий и нарратором. Но для произведений Крупина это нехарактерно. Во-первых, время действия максимально сжато, обозначен конкретный период, в который происходят конкретные события. Во-вторых, жанровые особенности дневника предполагают не воспоминания о каких-либо давно прошедших событиях, а констатацию фактов, происходящих в момент написания этого дневника.

В соответствии с данным типом нарратора можно описать модель точки зрения, то есть «образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу событий» [4, с. 67]. Жанровая форма анализируемых произведений предполагает максимальную близость восприятия и передачи событий, поэтому считаем обоснованным говорить о единых факторах, которыми они об-

улавливаются. Шмид выделяет 5 планов точки зрения:

1. Идеологический план.

Восприятие передаваемой нарратором информации обуславливается его знанием и оценкой происходящих событий. В произведении Крупина описывается подготовка к празднованию Великой Пасхи. Сам автор – глубоко верующий христианин – очень хорошо знает все тонкости церковной обрядности, поэтому в тексте они отображены максимально подробно. Так, мы видим детальное описание проведения Святого Причащения и общей исповеди. Нарратор передает общее настроение, фрагменты диалогов, но не дает личностной оценки поведения, грехов, рассуждений других людей. Не случайно во время исповеди батюшка спрашивает у прихожанки, не осуждала ли она кого? В православном каноне осуждение – это серьезный грех. Свою оценку нарратор дает общественным, политическим явлениям: «Есть такое понятие в политике, как головотяпство, а оно в московских коридорах – главный сквозняк. Ведь только дай слабинку, выдели кого-нибудь. И готово дело – готов конфликт» [6, с. 268]. В вопросах, касаемых нравственного облика государства в целом, Крупин не приемлет компромиссов.

2. Временной план.

Традиционно время в литературном произведении выступает как «носитель перемен идеологического характера» [4, с. 69]. Используя диегетический тип нарратора, Крупин не ставит перед собой цели описать какие-то изменения в системе убеждений. Перед читателем сформировавшаяся личность, обладающая конкретными чертами, имеющая четкую систему взглядов на мир вокруг.

3. Языковой план.

В обоих дневниках, как и во многих других произведениях Крупина, достаточно часто применяются лексемы, грамматические формы, характерные для вятского говора. При этом обязательно пояснение слов, которые могут быть не понятны читателю из другого региона: «Дай слабинку, потачку по-вятски» [6, с. 268], «Есть весной лужи, есть калужины, а есть и зажорины» [6, с. 293]. Благодаря подобным конструкциям создается образ коренного вятчича, уважающего и ценящего традиции малой родины.

4. Перцептивный план, совпадающий с пространственным.

Так как дневник предполагает передачу личных эмоций впечатлений пишущего, то вполне обоснованным будет тот факт, что все события воспринимаются через призму убеждений самого Крупина. В «Весеннем дневнике» он вводит ряд второстепенных нарраторов – юных сельских «писателей». Но их размышления четко отделяются от основного текста: они берутся в кавычки, иногда выделяются курсивом, обязательно имеют подзаголовки. При этом в очередной раз подчеркивается нравственная чистота детских мыслей, что характерно для большинства произведений Крупина в целом.

Заключение. Обозначение в заглавии текста его жанровой принадлежности призвано акцентировать внимание на идейной составляющей произведения и особой автобиографичности текста, подчеркнуть психологизм повествования, а не указать на непосредственно жанровую принадлежность к дневнику как к категории литературоведения. При этом предлагаемое писателем определение жанра в корне не противоречит традиционным литературоведческим подходам. В свою очередь обращение к дневниковой форме обуславливает особенности нарратологии текста: создается образ имплицитного, первичного диегетического нарратора, который в идеологическом, языковом, перцептивном плане максимально приближен к личности самого писателя.

Литература

1. Кошурникова, Т. Художественный мир Владимира Крупина / Т. Кошурникова // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. Православие. Самодержавие. Народность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rusline.ru/monitoring_smi/2011/09/07/hudozhestvennyj_mir_vladimira_krupina. – Дата доступа: 20.09.2018.
2. Белокурова, С.П. Словарь литературоведческих терминов / С.П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2007. – 320 с.
3. Крупин, В.Н. Кольцо забот / В.Н. Крупин. – М.: Мол. гвардия, 1982. – 255 с.
4. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
5. Корман, Б.О. Изучение текста художественного произведения / Б.О. Корман. – М.: Просвещение, 1972. – 113 с.
6. Крупин, В.Н. Железный почтальон. Рассказы о праведниках и грешниках / В. Крупин. – М.: Эксмо, 2014. – 544 с.

Поступила в редакцию 04.10.2018 г.

Возможности семантической интерпретации многозначной синтаксической стереотипической конструкции *ne ... que* во французском языке

Кириленко О.В.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

Данная работа посвящена проблеме семантической вариативности синтаксической стереотипической конструкции *ne ... que*. В существующих научных публикациях по теме не был раскрыт семантический потенциал данного синтаксического образования, что представляет несомненный интерес для лингвистического исследования.

Цель статьи — выявление частных дополнительных значений синтаксически связанного сочетания *ne ... que*.

Материал и методы. Материалом послужили сверхфразовые единства, содержащие синтаксическую стереотипическую конструкцию *ne ... que*. В исследовании был использован метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ структуры и содержания текстов с изучаемой конструкцией показал, что только контекст выявляет смысл синтаксической стереотипической конструкции *ne ... que*. Сложность интерпретации синтаксического образования *ne ... que* состоит в том, что формально мы имеем дело с одной и той же синтаксической конструкцией, которая употребляется в контекстах с разным коммуникативным назначением. Движущей силой развития значений конструкции является конфликт, который, с одной стороны, реализуется через синтаксические конструкции *ne ... que*, а также *ne faire que*, а с другой стороны, ограничивается ими. Было определено разнообразие значений синтаксического образования *ne ... que*.

Заключение. Таким образом, в ходе контекстуального анализа была выявлена многозначность синтаксической конструкции *ne ... que*, в частности, разграничены и проклассифицированы ее возможные значения. Все реализации текстуальных значений синтаксически связанного сочетания были сведены к общему знаменателю — принципу аргументативного конфликта, что позволило точнее объяснить все многообразие значений данной конструкции.

Ключевые слова: инвариант, ограничение, семантический вариант, синтаксическая стереотипическая конструкция, аргументативный конфликт.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 150–157)

Possible Ways of Semantic Interpretation of the Polysemantic Syntactic Stereotypical Construction *ne ... que* in French

Kirilenko O.V.

Educational Establishment «Mogilev State A. Kuleshov University», Mogilev

This article is devoted to the problem of semantic variability of the syntactic stereotypical construction *ne ... que*. The semantic potential of this syntactic formation was not revealed in the existing research on the topic, which is of great interest for linguistic study.

The purpose of the article is to reveal contextual meanings of the syntactically related combination *ne ... que*.

Material and methods. The research was done on the material of super-phrasal unities, containing the syntactic stereotype construction *ne ... que*. The study used the method of contextual analysis.

Findings and their discussion. The analysis of text structure and content indicated that only the context reveals the meaning of the syntactic stereotypical construction *ne ... que*. The complexity of the construction interpretation is that formally we deal with the same syntactic formation, which is used in contexts with different communicative purposes. What makes different meanings develop is a conflict, which, on the one hand, is realized through the *ne ... que* and *ne faire que* combinations, and, on the other hand, is limited by them. The diversity of construction meanings was determined.

Conclusion. Thus, in the course of contextual analysis, the polysemy of the *ne ... que* syntactic construction was revealed; in particular, its possible meanings were delimited and classified. All contextual meanings are related by one common criterion — the principle of argumentative conflict, which made it possible to more precisely explain the whole diversity of the construction meanings.

Key words: invariant, restriction, semantic variant, syntactic stereotype construction, argumentative conflict.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 150–157)

Адрес для корреспонденции: e-mail: olga_kudassova@mail.ru — О.В. Кириленко

В ситуациях повседневного общения носители языка используют различные синтаксические устойчивые конструкции, разные значения которых устанавливаются ими в контексте. В то же время традиционная грамматика фиксирует у таких конструкций только одно грамматическое значение. Методом сплошной выборки данных толкового словаря, а также в ходе работы с корпусами текстов средств массовой информации нами были выявлены несколько синтаксических конструкций: например, конструкция *ne ... que* обозначает ограничение [1, p. 2085], *aller de ... en passant par* используется со значением перечисления [2] и *avoir à faire* имеет значение долженствования [1, p. 199].

Для определения семантики подобных конструкций не всегда достаточно знать значение каждой лексемы как строительного компонента синтаксического целого. В этой связи особую важность приобретает контекст. Его роль неоспорима: контекст играет решающую роль не только в появлении и эволюции лингвистических форм в процессе грамматикализации [3, p. 21], он также становится главным ключом в дешифровке смысла многозначной конструкции.

В рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением синтаксической конструкции *ne ... que*. Последняя уже являлась объектом изучения лингвистов. Был проведен психолингвистический анализ синтаксически связанного сочетания *ne ... que* (П. Аттал), изучались как строевые особенности (Д. Гаатон, Т. О'Нил), так и применение его в качестве средства выражения аргументативных доводов (Ф. Барбо), были установлены конструкции, во внутренней форме которых в дальнейшем развилось значение ограничения во французском и английском языках (Л. Декидспоттер, Ж.-М. Мерль). Однако в научных работах не были описаны семантика и многозначность этой конструкции, что представляет несомненный интерес для лингвистического исследования.

Цель статьи – выявление частных дополнительных значений синтаксически связанного сочетания *ne ... que*.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили корпуса текстов средств массовой информации, из которых методом сплошной выборки были извлечены сверхфразовые единства, содержащие синтаксическую стереотипическую конструкцию *ne ... que*. При этом был использован метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение. Проблема интерпретации синтаксического образования *ne ... que* состоит в том, что формально мы имеем дело с одной и той же синтаксической конструкцией, поэтому может сложиться ложное впечатление о прозрачности ее внутренней формы. Однако конкретные реализации *ne ... que* нельзя свести только к одному значению ограничения, переводимому на русский язык наречием «только». Семантика данного синтаксически связанного сочетания в каждом конкретном случае контекстуально зависима, поэтому представляет определенную сложность для не-носителей и исследователей французского языка.

Разные лексико-семантические значения многозначного слова или в нашем случае многозначной конструкции закреплены или «цементированы» [4, с. 57] общим признаком, сведенным к понятию инварианта. Вслед за Н.В. Перцовым мы будем понимать инвариант как «некоторое свойство языковой единицы, объединяющее ее внешне разнородные частные значения (интерпретации) и тем или иным образом “скрепляющее” эти частные значения – в соответствии с интуицией носителей или исследователей языка» [5, с. 47]. Данное свойство или признак фиксируется большинством традиционных грамматик и однозначно интерпретирует внутреннюю форму многозначной конструкции: *ne ... que* обозначает ограничение, исключительный характер чего-либо (*marque l'exception, la restriction-> seulement* [1, p. 2085] ‘только’). Ограничение – это правило, установление, норма, определяющие какие-то границы, рамки, условия [6, с. 698]. Такое значение мы примем за инвариант.

Значение ограничения “только, всего лишь, не более как” коррелирует со значением наречия ‘seulement’, выраженного *ne ... que*, которое как семантический аналог было отмечено в дефиниции. Парадоксально, но, несмотря на более сложную форму, в устной речи синтаксическая конструкция *ne ... que* применяется носителями языка чаще, чем наречие *seulement* [7]. С учетом востребованности описываемого синтаксического образования возникает необходимость в использовании данных толковых словарей: не-носители французского языка – для понимания значения конструкции, а исследователи – для определения инвариантного значения как основы развития дополнительных контекстуальных значений. Еще одним способом распознавания значения рассматри-

ваемой конструкции является перифраза «*rien d'autre que, ne pas autre que*» 'ничего другого, чем; только для того, чтобы', воспринимаемая не-носителями и исследователями французского языка как технический прием для облегчения восприятия, понимания и исследования конструкции, например: (1) *Je regarde la télé comme je lis un bouquin qui m'intéresse, c'est-à-dire avec discernement. J'ai mon propre univers où la création et le plaisir occupent la plus grande place. Je n'ai pas besoin de toutes ces choses qui ne servent qu'à isoler, le soir, les membres d'une famille* [8, p. 79] 'Я смотрю телевизор так, как читаю книгу, то есть с осторожностью. У меня есть собственный мир, где творчество и радость занимают приоритетное место. Мне не нужны все эти вещи, которые служат лишь только для того, чтобы изолировать вечером членов семьи'. Ограничение обнаруживается также в примере (2) *Ce sicilien a réinventé à sa manière le risotto – la dernière fois, il était surmonté d'un tartare de langoustines bluffant – pratique plus volontiers la 'pasta secca' que la pâte fraîche et n'aime rien tant que le poisson, juste cuit, souvent flanqué de déclinaisons de tomates où les saveurs concentrées évoquent à la perfection ces tomates tardives de Sicile, confites sur pied* [9, Les carnets, p. 17] 'Этот сицилиец-пройдоха изменил по-своему рецепт ризотто – он в последний раз выложил на него тартар из лангустинов – предпочитает работать больше с макаронными изделиями, чем с тестом, и ничего не любит так, как свежеприготовленную рыбу, часто подаваемую с ломтиками томатов, концентрированный аромат которых очень точно напоминает поздние томаты Сицилии, приправленные подсолнечным маслом и уксусом прямо на месте'.

Однако, как отмечает П. Аттал, объяснение значения конструкции *ne ... que* при помощи перифразы не решает проблему многозначности исследуемого синтаксического образования [10, p. 8], поэтому, по мнению ученого, следует свести реализацию всех текстуальных значений, выраженных при помощи ограничительной конструкции *ne ... que*, к общему знаменателю – принципу аргументативного конфликта («*conflit argumentatif*») [11, p. 118; 10, p. 9], что позволяет точнее объяснить все многообразие значений данной конструкции.

Поскольку теорию П. Аттала можно считать базовой в изучении семантических особенностей конструкции *ne ... que*, то при проведении контекстуального анализа мы будем опираться

на положения, выдвинутые этим лингвистом. При этом наше исследование будет осуществляться не столько в рамках психолингвистики, как у исследователя, сколько с позиции семантического анализа, который позволит выявить семантические особенности ограничения *ne ... que* как содержательной основы конфликта.

Конфликт по своей сущности не является *a priori* языковым – это широкое неязыковое явление. В рамках данного исследования представляется необходимым определить значение конфликта, опираясь на данные толкового словаря: 1) столкновение противоположных сторон, мнений, сил; 2) противоречие, противоборство между изображенными в художественном произведении характерами и обстоятельствами, служащее основой развития, действия [6, с. 453]. Из определения следует вывод, что конфликт является той семантической платформой, которая обуславливает появление целого ряда значений, реализуемых во французском языке через синтаксические конструкции *ne ... que, ne faire que*. Также синтаксически связанное сочетание *ne ... que* – не только формальный показатель конфликта, оно еще и визуально устанавливает рамки конфликта, за которые последний не выходит.

Возвращаясь к примеру (2), который демонстрирует инвариантное значение, и опираясь на идею конфликта, можно продолжить начатые выше рассуждения: среди всего многообразия продуктов кулинар любит именно рыбу. Причина такого предпочтения заключается в том, что приготовленная особым образом, вместе с томатами, рыба напоминает сицилийскому повару его родину, о которой он вспоминает с особой теплотой. Синтаксическая конструкция *ne ... que* вводит также положительную оценку ситуации. Пример (1) не противоречит значению инварианта: такие средства развлечения, как телевизор и книга, являются общепризнанной формой досуга, одобряются обществом и служат для развлечения. Однако для нашего героя подобная форма времяпровождения является недопустимой для него и его семьи, т.к. лишает их общения между собой. Столкновение мнений о пользе телевизора и книг формально вербализуется с помощью синтаксической конструкции *ne ... que*, которая является также средством выражения категоричности собственного мнения при его противопоставлении общепринятому и становится формальным маркером отрицательной оценки ситуации коммуникантом.

Как видим, конструкция *ne ... que* помимо значения ограничения указывает на наличие положительных и отрицательных оценок ситуаций говорящими и служит синтаксическим способом выражения категоричности собственного мнения. Нами было выявлено, что ни одна традиционная грамматика не учитывает эти дополнительные значения. Мы пришли к выводу, что это происходит потому, что традиционные грамматики, определяя значение инварианта, отталкиваются от узкого контекста, и тогда ограничение распространяется только на один член предложения. В действительности же на уровне широкого контекста ограничительное значение *ne ... que* распространяется на все сверхфразовое единство, и наряду со значением ограничения появляются дополнительные коннотативные значения.

В ходе анализа практического материала нами были выявлены также примеры, в которых синтаксическая конструкция *ne ... que* употребляется слитно, например: *Il n'y a jamais personne neque je vois les bons câbles et je fais vraiment super* 'Никто никогда не приходит узнать, как хорошо я учусь, а я учусь очень, очень хорошо'. Данный пример наглядно демонстрирует, что носители языка определяют значение ограничения нерасчлененно, что отражается на способе представления изучаемого синтаксического образования. Оно не распадается на компоненты рамочной конструкции и представлено в виде монолитного блока.

Заметим, что в следующих примерах синтаксически связанное сочетание *ne ... que* семантически отходит от инварианта: Так, в примере (3) *Pierre Perret: Pourtant, la maison n'était qu'une masure lorsque nous nous sommes installés, il y a cinquante ans. Elle était inhabitable et nous sommes restés dans notre HLM de Gennevilliers pendant deux ans* [8, p. 78] 'Пьер Перре: Однако дом был лачугой, когда мы там обосновались 50 лет назад. Он был не пригоден для жилья и мы еще в течение двух лет оставались в многоквартирном доме в Женевилье' неопределенный артикль *un* реализует во французском языке смысловую, а именно эмфатическую функцию. Этот артикль, по определению В.Г. Гака, «указывает на то, что существительное должно быть характеризовано, но от "избытка чувств" нужное определение не приходит на ум» [12, с. 189]. Кроме того, значение определения заложено в семантике самого существительного *masure*, которое является представителем эмоционально-оценочной

лексики, и в его значении представлена сема отрицательной оценки: *masure – maison vétuste et délabrée* [1, p. 1550] 'лачуга – ветхий и обветшалый дом'. В этом случае без труда можно было бы опустить конструкцию *ne ... que* без потери смысла высказывания: *la maison était une masure* 'дом был лачугой'. Следовательно, можно сделать вывод, что употребление синтаксического образования *ne ... que* является избыточным, т.е. речь идет о плеоназме: *la maison était une masure = la maison n'était qu'une masure*. Плачевное состояние загородного дома явно не соответствует идее дома, в котором можно комфортно жить: *la maison doit être habitable* 'дом должен быть пригоден для проживания'. Отсюда следует, что конструкция *ne ... que*, являясь формальным показателем аргументативного конфликта, с семантической точки зрения представляет собой «пустую форму». В этом случае она необязательна, избыточна и может быть опущена без потери смысла высказывания.

Таким образом, как показывает пример (3), в отдельных случаях сама семантика лексических единиц является самодостаточной и в этих примерах использование синтаксического образования *ne ... que* избыточно.

В следующем примере также можно говорить об избыточности исследуемой синтаксической конструкции: (4) *Sans doute certains patrons se plaisent-ils à ne pas ouvrir les placards ou toucher au mobilier. Sans doute certains dirigeants préfèrent-ils quitter les lieux en s'efforçant de laisser une entreprise dans le même état qu'à leur arrivée. Ni bruit, ni réforme, ni déménagement: leur mission ne s'accomplit que dans l'effacement. L'ombre mesure leur efficacité. L'oubli leur sert de valeur ajoutée* [9, p. 50] 'Вероятно, некоторым управленцам нравится не открывать шкафы или прикасаться к мебели. Вероятно, некоторые управляющие предпочитают покинуть рабочий пост, прилагая все усилия к тому, чтобы оставить предприятие в том самом состоянии, в котором оно было до их прихода. Ни стука, ни реформ, ни перевозки вещей: их миссия проходит в безличии. Их эффективность измеряет тень. Им уготовано забвение'. Речь идет о размышлениях журналиста о роли управленцев в развитии предприятия. Их функция сводится к эффективному руководству. Однако есть такие, которые не предпринимают никаких усилий и не осуществляют никаких реформ для реорганизации дела. Подобная форма управления является неприемлемой для журналиста. В итоге такие чиновники уходят в небы-

тие, о чем свидетельствуют предложения *l'oubli leur sert de valeur ajoutée*, как и их деятельность *leur mission s'accomplit dans l'effacement*; *l'ombre mesure leur efficacité*. Конструкцию *ne ... que* можно было бы опустить без потери значения, однако ее присутствие привлекает внимание читателя к категоричному выводу журналиста. В этом случае конструкция *ne ... que* применяется как синтаксическое средство топикализации.

В примере (5) «*A aucun moment nous n'avons été consultés ni informés sur le projet*», *nous dit le Palais*. «*Ce dernier a été prévenu*», *avait pourtant affirmé Pascal Vrobos, qui a recueilli les confidences du couple*. *En réalité, le Palais ne l'a été que le mardi même*. *Une simple lettre du roi Albert arrivée le matin à Laeken et signifiant sommairement à son fils Philippe qu'un entretien-fleuve (plus de deux heures d'antenne) a été accordé à la chaîne privée* [9, p. 68] «К нам вообще не обратились за советом и мы не были предупреждены о проекте», нам говорит суд. «Суд предупредили», подтвердил обратное Паскаль Вробо, которому доверилась супружеская пара. В действительности суд предупредили только в этот вторник. Король Альберт в обычном письме, полученном утром в Лейкене, сообщил кратко своему сыну Филиппу об интервью в прямом эфире (продолжительностью более двух часов), которое было дано частному каналу с информативной точки зрения тоже можно было бы говорить об избыточности исследуемой синтаксической конструкции: *le Palais ne l'a été que le mardi même* = *le Palais l'a été le mardi même* «суд был предупрежден об интервью в тот же день во вторник». Однако, анализируя данный пример, недостаточно знать только перевод, нужно задействовать фоновые знания реципиента, чтобы правильно понять значение синтаксической конструкции *ne ... que*. А поэтому было бы уместно сказать, что в политике ничего не совершается неожиданно, каждый шаг продумывается заранее. Поэтому нормальным ходом вещей должно было стать предварительное предупреждение королем Альбертом суда о запланированном интервью: *si on veut donner un interview, on prévient d'avance* «если хотят дать интервью, то предупреждают заранее». Однако интервью уже было дано, и суд поставили перед фактом. Такое «ненормальное» положение дел подтверждается синтаксически связанным сочетанием *ne ... que*.

Аналогичное значение отмечается в примере (6) «*Albert (le roi belgique. – O.K.) ne voit ses petits-enfants que trop rarement*. *Et le regrette*

profondément» [9, p. 50]. Носители французского языка в своей речи используют много высказываний, в которых присутствуют синтагмы со значением высокой степени проявления признака. Наречие *trop* «слишком»¹ имеет значение «сверх меры, чересчур, очень». В синтагме *trop rarement trop* определяет наречие *rarement* «редко» и изменяет смысл аргументативного высказывания, выражая высокую степень проявления признака: *trop rarement* «слишком редко». Обозначая чрезмерность, само наречие *trop* указывает на аргументативный конфликт.

Следовательно, в примерах (4), (5) и (6) опущение конструкции *ne ... que* было бы информативно правильным, однако аргументативно необоснованным приемом.

Как показывает анализ, употребление синтаксической конструкции необходимо не только формально, но и семантически: (7) *Avoir Gia Coppola enchaîner apathiquement les interviews dans la suite d'un hôtel parisien, en tailleur-col roulé Saint Laurent, austère comme une gamine endimanchée qui jouerait à la dame respectable, on en oublierait presque que la jeune femme n'a que 27 ans* [9, p. 24] «Видя перед собой Жию Коппола, апатично продолжающую интервью в окружении персонала французской гостиницы, в водолазке от Сен-Лорана, строгую, похожую на нарядную девчонку, играющую роль строгой леди, почти забываешь, что молодой девушке не более 27 лет». В этом высказывании мы ощущаем резкое противоречие между строгостью, которая проявляется как во внешнем облике героини, в ее одежде, так и в поведении, и ее юным возрастом, которому подобная строгость не свойственна. Конструкция *ne ... que* эквивалентна наречию «*pas plus, seulement*» «не более как, всего лишь, только»: ей не более 27 лет.

Или в примере (8) *A l'heure où le pain se doit de plus en plus d'être une nourriture diététiquement correcte, le pistolet est un iconoclaste*. *Sa mie doit être légère, elle n'est là que pour contraster sa croûte*. *Alors qu'un pain devrait durer trois jours, le pistolet joue la carte de l'éphémère*. *Soufflé, aérien, croustillant, ses promesses ne durent que quelques heures* [9, Les carnets, p. 17] «В то время как хлеб должен быть все более диетическим для правильного питания, пистолет является противником последнего. Его мякиш должен быть мягким, что создает контраст корочке. Так,

¹ Лингвисты относят наречие *trop* к разным семантическим группам: меры [13, p. 124] и степени сравнения и интенсивности [14, с. 50–51].

если хлеб хранится около трех дней, то пистолет недолговечен. Пышный, воздушный, хрустящий – его свойства сохраняются лишь несколько часов’ речь идет о бельгийской булочке с оригинальным названием *Пистолет*. В отличие от большинства сортов хлеба, которые по современным требованиям должны быть диабетическими, пистолет нарушает их. Его мякиш очень мягкий, а корочка хлебца твердая, хрустящая. Чтобы показать контраст между содержимым хлебца «внутри» и «снаружи», было употреблено синтаксически связанное сочетание *ne ... que*. Благодаря своим свойствам пистолет долго не хранится: не день, не два и не три. Срок хранения ограничен несколькими часами.

В примере (9) *Mieux: lorsqu’il découvre que l’île n’est plus telle qu’à ses origines, le richissime investisseur entreprend même de redonner à sa propriété ses caractéristiques, consignées dans le livre de bord de Lazare Picault, explorateur français qui découvrit l’endroit en 1744 et la baptise «frégate» en hommage à l’oiseau de mer qui le fascinait par ses capacités de vol* [8, p. 86] ‘Когда он узнает, что остров не является таким, каким был вначале, этот богатый инвестор предпринимает действия по восстановлению своей собственности, придавая ей черты, описанные в журнале французского исследователя Лазаря Пико, который открыл это место в 1744 году и дал название «фрегат» в честь морской птицы, заморозив владельца своими летательными способностями’ ощущается также явное противоречие между современным состоянием острова Фрегат и тем, в котором остров находился на момент покупки. Данный факт обескураживает богатого покупателя, который в итоге решает вернуть острову прежний первозданный вид, воссоздавая его согласно описаниям французского исследователя Лазаря Пико.

Таким образом, в (7), (8), (9) синтаксическая конструкция *ne ... que* свидетельствует о наличии противоречий между внутренними и внешними качествами субъектов и объектов ситуации, их оценок, что и определяет значение конструкции.

Речь может идти о столкновении не только оценок субъектов и объектов взаимодействия, но и их ожиданий. Так, в высказывании (10) *À la fin du Moyen Âge, le monastère cistercien déclina. Il ne se releva qu’au début du XVIe siècle, sous la conduite du père abbé Gérard Bosman (1497–1529) qui modernisa les bâtiments* [8, p. 96] ‘В конце Средневековья цистерцианский мона-

стырь пришел в упадок. Он возродился только в начале XVI века благодаря действиям аббата Ж. Босмана (1497–1529), который модернизировал строение’ речь идет о периоде реконструкции цистерцианского монастыря, который затянулся на века, и все это время верующие горячо желали возродить монастырь. Наконец, это произошло в начале XVI века – не раньше *‘pas avant’* и не позже *‘pas après’* – благодаря стараниям аббата Ж. Босмана. Можно сделать вывод, что сочетание *ne ... que* позволяет синтаксически передать значение затянувшегося ожидания и точно представить дату события.

Следовательно, в случае противопоставления характеристик, оценок внешних и внутренних качеств субъектов и объектов ситуации, их ожиданий употребляется синтаксическая конструкция *ne ... que*, которая семантически может коррелировать с наречием «только, всего лишь, не такой как».

Таким образом, в результате контекстуального анализа была выявлена семантическая неоднородность синтаксической конструкции *ne ... que*, обуславливающая возможность топиализации и аргументации. К ранее установленным значениям следует также добавить производные значения: (11) *L’homme poursuit ses recherches pour retrouver la tête et les bras. En vain. De cette femme altière, il ne reste qu’un cadavre disloqué couvert de poussière* [8, p. 74] ‘Мужчина продолжает свои поиски, чтобы найти голову и руки. Напрасно. От этой гордой женщины остался только расчлененный труп, покрытый пылью’. Речь идет об одной из самых крупных находок времен Античности. На греческом острове Самотраки была найдена богиня Победы, изображенная в образе женщины. К сожалению, скульптура была повреждена с течением времени и голова и руки богини так и не были найдены. От этой гордой женщины осталась только ее часть, которая метафорично противопоставляется всему целому: *un cadavre disloqué – cette femme altière*. Синтаксически это противопоставление реализуется при помощи конструкции *ne ... que*. Противопоставление «целое–части» наблюдается в примере (12) *L’aviation n’a d’abord été qu’une excroissance de l’armée de terre, une collection d’originaux à peine tolérée* [8, p. 59] ‘Авиация рассматривалась со времен своего появления как ненужное ответвление от сухопутной армии, как сборище с трудом выносимых чудачков’: *l’aviation – l’armée de terre*. Этим авиация поначалу противопоставила себя остальным войскам.

Следует отметить, что с употреблением синтаксически связанного сочетания *ne ... que* становится возможным противопоставление имен, которые находятся в отношениях *один–много*: (13) «*Je (le prince Laurent. – O.K.) ne parle plus que via un seul organe, vous savez lequel, c'est le Palais. La presse a toujours déformé tous mes propos. Je ne dis plus rien désormais...*» [8, p. 29] 'Я разговариваю теперь только с помощью единственного средства, и вы знаете какого, это суд. Пресса всегда искажала все мои слова. Отныне я больше ничего не говорю'. Во избежание двусмысленности в общении бельгийский принц Лоран из множества способов общения выбрал один – суд. Синтаксическая конструкция *ne ... que* позволяет реализовать противопоставление *один–много*. Также это способ выразить категоричность суждения, о чем свидетельствует наречие *plus* 'больше'. Аналогичное значение противопоставления находим в (14) *Rapportons-nous aux règles de l'Académie*: «*La préposition "sur" ne peut traduire qu'une idée de position, de supériorité, de domination, et ne doit en aucun cas être employée à la place de à ou de en pour introduire un complément de lieu désignant une région, une ville et, plus généralement, le lieu où l'on se rend, où l'on se trouve.*» [15] 'Обратимся к правилам Академии: «Предлог "sur" может выражать только понятие о местоположении и превосходстве и не может ни в коем случае употребляться вместо предлогов *à* и *en* для ввода обстоятельства места, обозначающего регион, город и в более абстрактном значении место, куда люди едут или находятся»'.

Итак, в примерах (11), (12), (13), (14) синтаксическая конструкция *ne ... que* служит формальным средством выражения противопоставления предметных значений, которые находятся в отношениях *целое–части*, *один–много*.

В следующем примере можно предположить, что значение показателя аргументативного конфликта отходит на второй план: (15) «*J'ai envie de dire*» *en général accompagné d'un «en même temps», «ouais», «hun» ou encore «tu vois», l'expression qui annonce le projet de délivrer un message, n'a finalement pour autre intention que de signifier une précision aussi utile qu'une didascalie énoncée à haute voix par un acteur sur scène...* [15] '«Я хочу сказать», сопровождаемое обычно «в то же время», «ну», «а» или «понимаешь», – это выражение, которое предваряет сообщение и его целью является уточнение, такое же нужное, как и дидактика, произнесенная громко актером на

сцене'. В примере речь идет о ставшем уже привычкой в устной речи высказывании «*J'ai envie de dire*», которое предваряет сообщение, но которое не несет никакой новой информации, а уточняет его. Это уточнение такое же нужное, как и те примечания режиссера по сценарию, сказанные актерами на сцене. Все знают, что актеры этого никогда не делают и особенности подготовки постановки остаются за сценой. Синтаксическая конструкция *ne ... que* становится формальным показателем наличия в высказывании иронии, которая сопровождается отрицательной оценкой ситуации. Итак, можно говорить о наличии у синтаксического образования *ne ... que* эмоционально-коннотативного значения.

Заключение. Таким образом, в ходе контекстуального анализа нами была выявлена многозначность синтаксической конструкции *ne ... que*. Было установлено, что, несмотря на более сложную форму, синтаксически связанное сочетание *ne ... que* употребляется во французском языке чаще своего семантического коррелята *seulement*. Движущей силой развития значений конструкции является конфликт, который, с одной стороны, реализуется через синтаксические конструкции *ne ... que*, а также *ne faire que*, а с другой стороны, ограничивается ими. В ходе исследования мы пришли к выводу, что инвариантное значение ограничения одного члена предложения представлено в пределах одного высказывания. В широком контексте рамка *ne ... que* распространяется на все сверхфразовое единство, кроме этого появляются дополнительные значения.

Нами обнаружено, что синтаксическая конструкция *ne ... que* может употребляться в виде монолитного блока. Это происходит тогда, когда носители языка определяют значение ограничения нерасчлененно, что непосредственным образом отражается на способе представления изучаемого синтаксического образования.

Во французском языке отмечаются случаи избыточного употребления сочетания *ne ... que*. Были выявлены как значения, выражающие отношения противоречия между внутренними и внешними качествами субъектов и объектов ситуации, их оценок и ожиданий, так и значения между объектами, которые находятся в отношениях *один–много*, *целое–части*. Кроме этого, было установлено, что синтаксическая конструкция *ne ... que* указывает на наличие положительной и отрицательной оценок ситуаций говорящими и служит способом выражения ка-

тегоричности собственного мнения. Было также определено, что синтаксическое образование *ne ... que* может использоваться не только с эмоционально-коннотативным значением, но и выступать средством аргументации и топикализации. Нужно заметить, что нами были выявлены только некоторые значения синтаксически связанного сочетания *ne ... que*. Однако они в полной мере свидетельствуют о богатых возможностях, которые предоставляет синтаксическая конструкция *ne ... que* носителям, не-носителям и исследователям французского языка.

Литература

1. Le Nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française / sous la dir. de J. Rey-Debove et A. Rey. – Paris: Dict. Le Robert, 2009. – 2837 p.
2. Stosic, D. *En passant par*: une expression en voie de grammaticalisation? [Electronic resource] / D. Stosic // Corela [En ligne], HS-12 | 2012. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/corela/2844>. – Date of access: 21.11.2018.
3. Bolly, C. Flou phraséologique, quasi-grammaticalisation et pseudo marqueurs de discours: un no man's land entre syntaxe et discours / C. Bolly // Linx. Entre syntaxe et discours. Éclairages épistémologiques et descriptions linguistiques. – 2010. – № 62–63. – P. 11–38.
4. Песина, С.А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики / С.А. Песина // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. Приложение «Гуманитарные науки». – 2005. – № 2(40). – С. 57–63.
5. Перцов, Н.В. Инварианты в русском словоизменении / Н.В. Перцов. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 280 с.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Kalmbach, J.-M. La grammaire du français langue étrangère pour étudiants finnophones [Electronic resource] / J.-M. Kalmbach. – Finlande, 2017. – Mode of access: <http://research.jyu.fi/grfle/564.html>. – Date of access: 20.10.2018.
8. Paris Match, № 669 du 3 au 9 juillet 2014.
9. Paris Match, № 666 du 12 au 18 juin 2014.
10. Attal, P. Des mystères de *ne ... que* aux mystères de l'acceptabilité / P. Attal // Tendances récentes en linguistique française et générale: volume dédié à D. Gaatone / H. Bat-Zeev Shyldkrot [et] L. Kupferman (éds). – Amsterdam: John Benjamins, 1995. – P. 7–24.
11. Attal, P. Les mystères de *ne ... que* / P. Attal // Zeitschrift für französische Sprache und Literatur. – Bd. 99, H. 2. – Stuttgart: Franz Steiner Verlag. – P. 113–129.
12. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 862 с.
13. Wilmet, M. Grammaire rénovée du français / M. Wilmet. – Bruxelles: Édit. De Boeck Université, 2007. – 331 p.
14. Илия, Л.И. Очерки по грамматике современного французского языка: для институтов и факультетов иностранных языков / Л.И. Илия. – М.: Высш. школа, 1970. – 176 с.
15. Le Figaro [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.lefigaro.fr/langue-francaise/actu-des-mots/2016/10/16/37002-20161016ARTFIG00023-10-tics-de-langage-a-proscrire-pour-le-bien-de-l-humanite.php>. – Date of access: 28.10.2018.

Поступила в редакцию 18.12.2018 г.

Семантическая эволюция единиц тематического поля «Семья» (на материале французского и белорусского языков)

Гапанович Е.А.

*Учреждение образования «Минский государственный
лингвистический университет», Минск*

Данная работа посвящена исследованию особенностей развития внутренней формы французских и белорусских культурномаркированных единиц тематического поля «Семья».

Цель статьи — сопоставительное изучение семантической динамики единиц тематического поля «Семья» в условиях интеграции явлений лингвистического и экстралингвистического планов на материале французского и белорусского языков.

***Материал и методы.** Материалом исследования стали корпуса франко- и белорусскоязычных текстов (газетных, специализированных и художественных), а также словарные статьи. При этом использовалась методика лингвистического анализа, сочетающая компонентный и дефиниционный анализ лексем, а также применение корпусных методов сбора и анализа.*

***Результаты и их обсуждение.** Внутренняя форма архилексем «Famille» / «Сям'я», а также иных терминов родства подвергается постоянным семантическим модификациям. Генерализация значений приводит к появлению полисемантических и полифункциональных собирательных номинаций лиц. Наиболее релевантным для осмысления специфики тематических лексем является значение упорядоченной совокупности. Социальные изменения французской ячейки общества объективируются рядом неологизмов, вербализующих новые нравственно-этические ценности как регуляторы семейных отношений и родительской ответственности.*

***Заключение.** Для внутренней формы французских единиц тематического поля «Famille» свойственна высокая степень активности семантических преобразований, а именно: процессов генерализации, специализации и терминологизации, а также модификаций коннотативного значения. В условиях глобализации подобные изменения могут рассматриваться как потенциально возможные в отношении единиц тематического поля «Сям'я» в белорусском языке.*

***Ключевые слова:** семантические модификации, семантическая эволюция, имена совокупности, генерализация, полисемант, полифункциональность, архилексема, терминологизация, неологизм.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 158–164)

Semantic Evolution of Units Belonging to the Thematic Area «Family» in the French and the Belarusian Languages

Harpanovich Y.A.

Educational Establishment «Minsk State Linguistic University», Minsk

The article is devoted to a comparative study of developmental peculiarities revealed in semantic content of French and Belarusian culturally marked units belonging to the thematic area «Family».

The purpose is to comparatively study the semantic dynamics of units of the thematic area «Family» in the conditions of the integration of linguistic and extralinguistic phenomena in French and Belarusian.

***Material and methods.** The material of study is French and Belarusian newspaper, specialized, fiction texts, dictionary articles. In the study linguistic analysis, methods of data collection combined with componential and definitional analysis were used.*

***Findings and their discussion.** The semantic content of the archilexes «Famille» / «Siam'ya» and other kinship terms are subject to permanent semantic modifications. Generalization of meanings results in the emergence of polysemantic and polyfunctional collective names of persons. The most relevant for the comprehension of the specificity of thematic lexemes*

is their meaning of ordered collection. Social changes in French families are objectified by a number of neologisms which verbalize new moral and ethical values as regulators of family relations and parental responsibility.

Conclusion. The semantic content of French units belonging to the thematic area «*Famille*» is characterized by dynamical semantic transformations such as generalization, specialization and terminologization, as well as modifications of connotative meaning. In the context of globalization, such changes are regarded as eventual in the thematic area «*Sam'ya*» in Belarusian.

Key words: semantic modifications, semantic evolution, aggregate nouns, generalization, polysemantic word, multifunctionality, archilexeme, terminologization, neologism.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 158–164)

О общеизвестно, что любая социальная или культурная инновация окончательно закрепляется носителями языка в национальной языковой картине мира посредством лексем-неологизмов, которые позволяют передать социокультурную маркированность феномена и его особую значимость и востребованность. С этих позиций отметим, что именно в словах объективированы результаты взаимосвязанных процессов когнитии, означивания культурных смыслов в ситуации общения: *sans mots, pas de connaissance ni de reconnaissance: seuls les mots possèdent la force de faire reconnaître, de faire advenir, de rendre visible un ordre du réel méconnu ... les mots contribuant à conférer épaisseur et force contraignante au réel* ‘без слов не будет ни знания, ни признания: только слова обладают силой, чтобы признать, реализовать, выявить порядок в непонятной реальности ... слова наделяют содержательностью и обязательной для исполнения силой’ [1, р. 9]. При этом наблюдается смещение фокусов исследовательских интересов: слово рассматривается не только как одно из средств вербализации концепта, но и как явление собственно культурного семиозиса и прагматики [2, с. 202]. Научные изыскания в указанном направлении активно ведутся на протяжении последних десятилетий многими лингвистами (С.Е. Никитина, Е.М. Верецагин, В.Г. Костомаров, С.А. Кошарная, R. Galisson, A. Rey, M. Boisson). Однако при такой многовекторности лингвистических исследований до сих пор не было обращено должное внимание на лингво- и этноспецифичность развития внутренней формы, значимой для социальных установок и регуляций. В этой связи актуальными являются научные работы, посвященные не только выявлению вербальных средств выражения того или иного феномена, но и установлению того факта, насколько полно и своевременно отражены изменения реальности во внутренней форме языковых единиц.

Цель статьи – сопоставительное изучение семантической динамики единиц тематического поля «Семья» в условиях интеграции явлений

лингвистического и экстралингвистического планов на материале французского и белорусского языков.

Материал и методы. Для лингвокультурологического анализа единиц, объективирующих тематические ряды *famille* и *сям'я* как ключевые понятия во французском и белорусском языковом сознании, целесообразно применять комплексную методику. На первом этапе исследования при синхронном срезе, посвященном раскрытию их семантического потенциала, мы обращаемся к дефиниционным данным толковых словарей. Следует отметить, что существующие белорусские толковые словари являются нормативными изданиями и предлагают семантическое описание единиц литературного языка (напр., «агульнаўжывальнай, у пераважнасці ўласнабеларускай, нарматыўнай лексікі»). Региональная и терминологическая лексика не включена в нормативные словари белорусского языка (в отличие от французских *Le Robert* и *Larousse*, где каждый год в обязательном порядке добавляется несколько десятков диалектизмов и профессионализмов). Вместе с тем, как показывает первичный анализ фактологического материала на белорусском языке (слов, словосочетаний, предложений, сверхфразовых единств, микротекстов), ареал использования лексики тематического поля «Сям'я» выходит за рамки литературного языка, отсюда и значительное количество лексических и устойчивых синтаксических единиц, относящихся к тематической группе «Семейная обрядность».

На возможность семантического варьирования французской архилексемы *famille* указывает ее терминологизация, установленная нами при помощи лексикографических функционально-стилевых, терминологических и стилистических помет, таких как *didact.*, *dr.*, *sociol.*, *zoolog.*, *fam.*, *vulg.*, фиксирующих ее полифункциональность. Например,

(**Droit**) *soutien de famille* ‘лицо, являющееся основным кормильцем семьи’; *charges de famille* ‘1) иждивенцы; 2) семейные денежные обязан-

ности' *conseil de famille* 'семейный совет (общественный орган, занимающийся вопросами семьи)', *famille naturelle* 'родители внебрачных детей'.

(*Sociologie*) *famille étendue* 'расширенная семья'; *famille restreinte, nucléaire* 'простая, ядерная семья'.

(*Vulgaire et péjoratif*) *famille tuyau de poêle* 'семья с чрезвычайно низкими моральными устоями' [3].

Структура именно французской словарной статьи *Le Grand Robert*¹ определяет ход и логическую схему нашего исследования: от сопоставительного семантического синхронного описания языковых единиц, объективирующих тематическое поле «Семья», к выявлению формально-содержательных модификаций с учетом временных и пространственных параметров.

Составленные нами инвентарные списки единиц, формирующих тематическое поле «Семья», включают в себя полнозначные слова, устойчивые сочетания, фразовые и сверхфразовые единства. Таким образом, собранный фактический материал состоит из номинативных и коммуникативных единиц. В корпус тематических единиц белорусского языка вошли: 580 имен существительных, 164 имени прилагательных, 47 глаголов и 34 устойчивых словосочетаний, а также 415 паремиологических единиц и 7 сверхфразовых единств. Численность отобранных единиц французского языка соизмерима с суммарным количеством белорусскоязычного исследовательского материала: 336 имен существительных (из них 13 имен собственных), 290 имен прилагательных, 227 глаголов и 356 устойчивых словосочетаний, 38 аббревиатур, 11 наречий, а также 172 паремиологические единицы. В целом национально-маркированные ЛЕ (лексические единицы) каждого языка составляют 15% от общего числа собранных единиц, что, несомненно, указывает на высокую степень маркированности исследуемых тематических рядов (приблизительно каждое шестое слово отражает специфику национальной языковой картины мира).

Результаты и их обсуждение. Семный анализ ЛЕ *famille*, проведенный на основе словар-

ной статьи французского толкового словаря *Le Grand Robert* [3], показывает, что названная архилексема имеет развитую семантическую структуру. Употребление в узком смысле, а именно: «*Les personnes apparentées vivant sous le même toit* 'Люди, состоящие в родстве и живущие под одной крышей'», может быть сведено к конкретно-предметному (собирательному) значению, при котором суммируется и актуализируется два признака: 1) собранные в одном месте – *sous le même toit*; 2) «биологическое родство»/«*apparenté*». В белорусской словарной статье имеется аналогичная дефиниция: «сям'я – група людзей, якая складаецца з мужа, жонкі, дзяцей і іншых сваякоў, якія **жывуць разам**» [4, с. 450].

Вместе с тем констатируется разница между французским и белорусским атрибутивными словоупотреблениями: *de famille* и *сямейны*. Если возможно сказать *enfant de famille* 'ребенок, у которого есть отец и мать', *mère /père de famille* 'мать семейства; замужняя женщина, женщина-мать; хозяйка'/'отец семейства', то номинация *сямейны чалавек* 'семейный человек' относится только к мужчине, имеющему семью, т.е. ко взрослому члену семьи, неодинокому. Сравним: «Сямейны чалавек [шафёр] ужо: жонка і двое дзяцей. Кулакоўскі» [4, с. 448]. Другими словами, ни ребенок, ни мать не могут быть без семьи, и, следовательно, данные белорусские номинации имплицитно подразумевают онтологическую совокупность как неотъемлемое свойство семьи. В то же время возможность определять ЛЕ *famille* как *l'ensemble des personnes (enfants, serviteurs, esclaves, parents) vivant sous le même toit* → *sous la puissance du pater familias* 'совокупность лиц (детей, слуг, рабов, родителей), живущих под одной крышей → под властью *pater familias*' [3] указывает на метонимический перенос имени существительного *famille* и актуализацию значения 'подчинение группы лиц одному, т.е. под властью так называемого *pater familias*, который обладает властью'. Подобное семантическое изменение, обусловленное индуктивной генерализацией, т.е. когнитивной процедурой перехода «от наглядно-ситуативных (в нашем исследовании биологических категорий родства. – Е.Г.) ко всё более обобщенным, отвлеченным и объективным формам» [5, с. 343], раскрывается как переход от моно- к полисемантическим, к ситуативным, ко многозначным выражениям, и в целом, ко всё более обобщенным терминам. Ввиду того что речь идет об упорядоченной организации (наличие

¹ Самый крупный толковый словарь в современной французской лексикографии, фиксирующий не только все возможные значения, но и их реализацию с учетом узкого, широкого и экстралингвистического контекста.

подчинения одному лицу или общих интересов) внутри родственной группы, обобщенность понимается не как конкретно-собирательная сущность, а как иерархически-упорядоченное единство, т.е. в значении совокупности. Сравним: (белар.) «пераноснае значэнне. Група, арганізацыя людзей, аб'яднаных агульнымі інтарэсамі, дзейнасцю, дружбаю» и (франц.) «*Fig. Ensemble d'êtres (ou de choses) ayant une origine commune, des caractères communs, présentant entre eux certaines analogies*» 'Перен. совокупность существ (или вещей), имеющих общее происхождение, общие черты характера, выстраивающих между собой отношения подобия'.

По мере развития и диверсификации форм объединения людей лексема *famille* начинает употребляться в широком смысле: *L'ensemble des personnes liées entre elles par le mariage et par la filiation ou, exceptionnellement, par l'adoption* 'Совокупность лиц, связанных друг с другом в результате брака или за счет родственной связи, а в исключительных случаях путем усыновления'. В этом случае семантический объем увеличивается за счет варьирования семантических признаков «основание родства», а именно семейные отношения и узы родства создаются посредством: а) брака, б) родства, в) усыновления. Онтологическая разница между первыми проявляется в несовпадении синонимических рядов архилексемы *famille*, обозначаемых ниже знаком «≈/=», и в различии единиц, которые вступают в парадигматические отношения, обозначаемых ниже знаком «∈». Сравним:

для семейных отношений и уз родства, создаваемых посредством брака

famille ≈/= *alliance* 'союз, объединение;

∈ *conjoint, époux, allié,*

для семейных отношений, возникающих в результате родства:

famille ≈/= *généalogie, parenté; ligne directe, collatérale; ascendante, descendante; paternelle, maternelle;*

∈ *ascendant, parent, père, mère, aïeul, ancêtre, arrière-, grand-; descendant, fille, fils collatéral, frère, sœur, oncle, tante, neveu, nièce, cousin* [3].

В этом же расширенном значении к семе «родство» добавляются семы «линейность» и «наследство» *il tient ça de famille* ↔ у него это в крови (наследственное); ↔ у него это родовая (фамильная) черта.

Исключительность и своеобразие создания семьи посредством усыновления проявляются и в выразительных средствах французского

языка: лексические единицы с данной семой в качестве профилирующей вступают в ограниченные системные отношения, соответственно для них не были выявлены парадигматические (в том числе синонимические) отношения. Примечательны реализация внутрисловной антонимии у прилагательного *adoptif* и его использование в противоположных значениях 'приемный (ребенок)' и 'приемный (родитель)'. Для белорусской же лингвокультуры, наоборот, характерно наличие определенного числа номинаций чужих людей, принятых в семью, например, *прымак, прымачка*, при этом *прымак* является реалией, для которой во французском языке отсутствует эквивалент.

Различным семантическим модификациям активно подвергается и внутренняя форма других терминов родства. Так, французское имя существительное *mari*, производное от латинского *maritus* со значением «*homme uni, apte à s'unir*» 'способный объединяться', в одном из своих значений «*éroux*» 'супруг' заменило синонимичное латинское существительное *vir* «*homme*» (→ *viril*). В результате специализации значения оно стало использоваться для обозначения самцов, особи мужского пола у животных. Например, «*la famille de la vache: le taureau est le mari de la vache*» 'семья коровы: бык – это муж коровы' [6].

Данный факт семантического развития объясняется схождением в результате эволюции внешних форм двух разных ЛЕ *mari* и *mas* (→ *mâle*).

Отметим, что в ходе семантической эволюции изменениям подверглись не только денотативный и сигнификативный компоненты значения, но и коннотативный. Его модификации определялись социальной значимостью брака и гендерных отношений *hommes-femmes*. Так, получило новое прочтение фразеологическое словосочетание *prendre mari* в значении «выйти замуж», устаревшее с позиции современных социальных реалий и закона об однополых браках для всех. Или в обращении неверной жены, которое часто звучит на подмостках бульварных театров, к своему мужу, когда тот возвращается не вовремя с работы, *ciel, mon mari!*, являющемся по сути двусмысленной шуткой, ЛЕ *mari* имеет значение «супруг, которого совсем не рады видеть».

Постоянные семантические модификации, происходящие в терминологической системе родства, приводят к появлению целого ряда поли-

семантов, выявленных нами как во французском, так и белорусском языке. Например:

(бел.) *малеча* – 1. зборны назоўнік. Маленькія дзеці, жывыя істоты; драбната, драбязя. У школе дзевяцікласнікі не вельмі сябравалі з сямікласнікамі. Лічылі сямікласнікаў малечай. 2. Маленькае дзіця, дзіцяня. Але глядзі, чаму не спіць малеча? Чаму з калыскі цягне ручаняткі? Дзяргай. Пашчыпваючы свае, яшчэ не па гадах залацістыя вусы, ... [конях] гаварыў замілавана: – Малеча... А які конь, брат, вырасце! Якімовіч [7, с. 96].

(франц.) *Cousinage* – 1. Son cousinage s'est réuni. 2. Il s'est autorisé d'un vague cousinage 'он представился (назвался) дальним родственником'! [3].

Следует признать, что для обоих языков характерно наличие многокомпонентных гнезд слов с вариантными единицами, отличающимися графико-орфографическим оформлением. Данный факт обусловлен региональной дифференциацией наименований тематического поля «Семья» как во французском, так и в белорусском языке. При этом ареал варьирования французских наименований значительно шире и определяется большей численностью и видовым разнообразием франкофонных лингворегионов. Вхождение в словарь общепотребительной лексики регионализмов для белорусского языка не является частотным явлением. Например, неологизмы *adelphe* 'Qui est frère issu de la même mère' (единоутробный), или *bobonne* 'жена', заимствованные из канадского и бельгийского вариантов французского языка. Кроме того, в речи носителей разных франкофонных регионов наблюдаются лексико-грамматические различия: (бельгийский французский) *attendre famille*, (швейцарский французский) *attendre de la famille*, (канадский французский) *fam. être en famille* 'быть в положении'.

Происходящие с течением времени изменения в обществе и его ячейках в обязательном порядке отражаются во внутренней форме лексических единиц. Так, на современном этапе *famille*, этимологически производное от латинской лексемы *familia* «ensemble des esclaves» 'совокупность рабов' [3], обозначает отнюдь не совокупность рабов, а определенно нечто иное, поскольку рабовладельческий строй давно стал историческим фактом. Аналогично, белорусское слово *сям'я*, произошедшее от древнерусского *сѣмѣа* 'челядь, т.е. дворовые слуги, а также домочадцы, семья; муж, жена' [8, с. 600].

Французскую современную социальную действительность отличает активное появление

терминов, таких как *monoparentalité* 'неполная семья', *homoparentalité* 'семья с родителями одного пола', *pluriparentalité* 'семья с тремя и более родителями'.

Новый тип семейных отношений, ответственности, который, по мнению французской общественности, стал неотъемлемой частью их жизни, вербально объективирован с помощью лексемы «*parentalité*», называющей «une fonction sociale complexe, possiblement distribuée, partagée voire éclatée en une pluralité de lieux, d'attributs, de personnes et de niveaux de responsabilité» [1, р. 8] 'сложная социальная роль, возможно распределяемая, распределенная или практически разбивающаяся на множество мест, атрибутов, людей и уровней ответственности'. Вместе с тем ЛЕ *parentalité* 'родство/родительское воспитание' принадлежит терминологическому аппарату смежных наук о человеке и разнообразных аспектов его жизнедеятельности, таких как этнология и психология. Начиная с 1970-х годов, с момента раскрепощения и феминизации французского общества, ЛЕ *parentalité* отсылает к совместным обязанностям родителей – отца и матери, лишая вместе с тем их гендерного различия. Как видим, увеличение семантического объема произошло за счет добавления новых потенциальных (*possiblement*) дифференциальных признаков, совокупно определяемых как параметры разделенной (совместной) ответственности: *une pluralité de lieux, une pluralité d'attributs, une pluralité de personnes, une pluralité de niveaux de responsabilité*.

Новые термины используются для создания нравственно-этического инструментария, с помощью которого можно было упорядочить, соблюдая интересы ребенка, новые отношения между всеми членами семьи, именуемыми *beaux-parents, assistantes familiales, co-parents*, в зависимости от того, кто и насколько задействован в процессе воспитания. Следовательно, установление новых обязанностей, в том числе и моральных (*maintien des liens, mandat éducatif, etc.*), приводит к появлению новой терминологии, а сам акт номинации раскрывает регулятивный потенциал тематических единиц, подчеркивая полифункциональность гиперонима.

Универбат *monoparentalité* 'монопарантальность, неполная семья', введенный в употребление социологами-феминистками в 1970-х годах, позволил говорить о проблемах семей, состоящих из одного родителя, т.е. *d'un seul parent*

(*parent isolé*) et de son(ses) enfant(s). Коммуникативное намерение говорящего субъекта состояло в стремлении обозначить социальный статус и тем самым защитить в правах мать-одиночку и девочку-мать, соответственно «*mère célibataire*» и «*filles-mère*».

Аналогичным образом права родителей, являющихся гомосексуалистами, стали защищаться во французском обществе с помощью введения термина *homoparentalité*, появившегося во французских словарях в 1997 г. по инициативе ассоциации *des Parents gays*.

Фиксируемое большое количество французских неологизмов в тематическом поле «Семья» обусловлено активно происходящими социальными процессами, в то время как в Беларуси не наблюдается каких-бы то ни было значительных изменений, что, соответственно, не приводит к кардинальному обновлению лексических групп исследуемого тематического поля. Исключение составляют авторские неологизмы, среди которых, например, *сацыяльна-несамавітая сям'я*, созданный М. Зарецким в 20–30-е года прошлого столетия [9, с. 204]. Однако появление подобных единиц обусловлено стремлением представителей молодой белорусской литературы отразить свои революционные настроения и вместе с тем романтическое мироощущение, но не обозначить социальные реалии действительности.

В отношении же общих для сравниваемых лингвокультур явлений заметим, что в настоящее время во Франции и в Бельгии семья с тремя и более детьми, обозначаемая в юриспруденции термином *famille nombreuse*, имеет юридический статус многодетной семьи, документально подтвержденный удостоверением многодетной семьи, и обладает рядом льгот, установленных после Французской Революции (1789 г.). Противопоставление *famille normale* ‘нормальная семья’ ≠ *famille nombreuse* ‘многодетная семья’² свидетельствовало об отрицательной коннотации последнего словосочетания. Как видим, к настоящему моменту в семантической структуре многословной номинации с главным компонентом *famille* имели место следующие изменения: актуализация семантического признака «обладающая социальными льготами» на фоне затухания семантических признаков «нестандартная/выше нормы», «имеющая много детей».

² Утратившее свою актуальность для французской социальной действительности несколько десятков лет назад.

В Беларуси постановление о государственной поддержке многодетным семьям, согласно которому многодетной определяется семья с тремя и более детьми, было опубликовано в 1981 г. До этого времени особым статусом пользовались только семьи с пятью и более детьми. Аналогично семейной политике, проводимой французскими властями, белорусское государство стремится поддержать многодетные семьи и помогает им с решением жилищного вопроса. Однако такая поддержка вызывает иногда отрицательные эмоции, что сопровождается высказываниями типа «дзеці там саплівыя, галодныя, дэградаты». Сравним также: «Ужо сам прыпамін словазлучэння “шматдзетная сям’я” авеяна часта негатывам меркаванняў і “скрыўленнем” мімікі твару. Увесь негатыў, які найчасцей можна пачуць, можна абагульніць у некалькіх выказваннях нахштальт: “Шматдзетная сям’я – дысфункцыянальная сям’я”, “Навошта пладзіць галечу?”, “Шматдзетнасць – прычына нешчаслівага сужэнства”... Таму прапануем чытачам паглядзець на шматдзетную сям’ю рэальна, без скажонага аб’ектыва чагосьці ідэальнага, сумленна, без мар і падсвядомых асацыяцый» [10]. На основании отмеченных выше особенностей развития семантики данного словосочетания мы можем предположить, что эволюция языкового сознания белорусов приведет к устранению во внутренней форме номинации оценочного компонента, не соответствующего общественным нормам и ценностям.

Заклучение. Синхронный срез французских и белорусских единиц тематического поля «Семья» позволил выявить общую для них тенденцию к семантической вариативности, обусловленной социальными факторами и органической связью с нравами и ценностями различных периодов развития общества. При этом французская тематическая номинация «*Famille*» характеризуется активным использованием терминологической лексики права и генеалогии (в том числе неологизмов и сокращений), эвфемизмов, конкретной и сниженной разговорной лексики. Однако для белорусской тематической номинации «Сям’я» релевантно большое количество просторечной, отвлеченной и обрядовой лексики, выделяемой в отдельную тематическую группу «Семейная абраднасць».

В диахронном аспекте основными семантическими модификациями внутренней формы терминов родства являются генерализация и специализация, что не противоречит соответ-

ствующей им онтологической природе таксономий биологического родства. Непрерывные семантические модификации, происходящие во французской и белорусской терминосистемах родства, приводят к появлению ряда полисемантов и развитию категориального значения совокупности, эксплицируемых собирательными ЛЕ родства. Вместе с тем лингвоспецифичным следует признать активное вхождение в словарный состав французского языка неологизмов, отражающих постоянные социальные изменения в институте семьи.

Таким образом, более активные семантические преобразования специфичны для внутренней формы французских единиц тематического поля «Famille». В условиях глобализации подобные изменения могут рассматриваться как потенциально возможные в отношении тематического поля «Сям'я» в белорусском языке.

Литература

1. Boisson, M. Petit lexique contemporain de la parentalité. Réflexions sur les termes relatifs à la famille et leurs usages sociaux / M. Boisson // Informations sociales. – 2008. – Vol. 149, № 5. – Pp. 8–15.
2. Кошарная, С.А. Языковая личность в контексте этнокультуры: учеб. пособие / С.А. Кошарная. – М.: DirectMedia, 2014. – 218 с.
3. Le Grand Robert de la langue française version 4.1. – Le Robert, 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Выдавецтва «Бел. сав. энцыкл.» імя Петруся Броўкі, 1982. – Т. 5. – Кн. 1: С–У. – 663 с.
5. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Издательский дом «Питер», 1999. – 720 с.
6. Ecole Vincent Auriol. – Режим доступа: <http://www.etable.ac-caen.fr/apiedu/laboisserie/>. – Дата доступа: 10.12.2018.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Гал. рэд. Беларус. сав. энцыклапедыі, 1979. – Т. 3: Л–П. – 672 с.
8. Фасмер, М.Р. Этимологический словарь русского языка / М.Р. Фасмер. – М.: Прогресс, 1973. – Т. 4. – 855 с.
9. Прыгодзіч, М. Аўтарскі неалагізм у мастацкім творы / М. Прыгодзіч // Полымя. – 1984. – № 6. – С. 204–208.
10. Булыга, В. Свядомая шматдзетнасць [Электронны рэсурс] / В. Булыга. – Рэжым доступу: <https://grodnensis.by/blogs/syam-ya-yak-mastatstva/150-syam-ya-yak-mastatstva/2226-shmatdzetnasts-svyadomaya.html>. – Дата доступу: 10.12.2018.

Поступила в редакцию 21.12.2018 г.

Когнитивно-коммуникативный подход к распознаванию содержательно-концептуальной информации медиатекста

Карпилович Т.П.

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Рассматриваются вопросы распознавания содержательно-концептуальной информации (основного смысла, посыла) медиатекста на основе когнитивно-коммуникативного подхода. Этот подход учитывает когнитивный принцип выделенности информации «фигура–фон», применяемый к пространству текста как целого, а также к языковым средствам фокусирования внимания адресата в предложении.

Цель статьи — установление композиционных, лексических, грамматических и стилистических признаков медиатекста, маркирующих его содержательно-концептуальную информацию, а также выявление сходств и различий этих признаков в американской и белорусской лингвокультурах.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 200 текстов информационно-аналитических жанров (заметка, информационное сообщение, аналитическая статья) из американских и белорусских газет (на белорусском языке). Для выявления способов языковой реализации содержательно-концептуальной информации в медиатексте использовались методы логико-семантического и контекстуального анализа, трансформационный анализ, методы количественной обработки материала, сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Фигуры на пространстве медиатекста — важные в информационном отношении композиционные части: заголовок, подзаголовок, лид и заключительный абзац. Языковыми признаками содержательно-концептуальной информации в этих частях и в основном корпусе медиатекста являются оценочные средства, модальные единицы необходимости и возможности, стилистические ресурсы выдвижения информации.

Установлены различия в вербализации основного смысла медиатекста в американской и белорусской лингвокультурах: более широкая представленность модальных единиц необходимости в текстах на белорусском языке по сравнению с англоязычными, а также более высокая частотность вербализации посыла текста в заголовке и в заключительной части.

Заключение. Выявленные расхождения можно объяснить стремлением отечественных авторов к четкому структурированию содержания медиатекста, облегчающему распознавание адресатом его главного смысла.

Ключевые слова: медиатекст, когнитивно-коммуникативный подход, содержательно-концептуальная информация, посыл, выделенность информации.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 165–170)

The Cognitive and Communicative Approach in Distinguishing the Content and Concept Information of the Mediatext

Karpilovich T.P.

Minsk State Linguistic University, Minsk

Issues of distinguishing the content and concept information (main idea, message) of the mediatext on the basis of a cognitive and communicative approach are considered. This approach takes into account the cognitive principle of stressing the information of figure-background which is applied to the space of the text as a whole and to language means of focusing the attention of the addressee in a sentence.

The purpose of the article is establishing composition, lexical, grammatical and stylistic features of the mediatext, which mark its content and concept information, as well as finding out similarities of these signs in Belarusian and American linguistic cultures.

Material and methods. The research material was 200 texts of information and analytical genres (article, information message and analytical article) from American and Belarusian language newspapers. To find out ways of the language implementation

of the content and concept information in the mediatext methods of logical and semantic and concept analysis were used as well as transformation analysis, the method of quantitative processing of the material and the comparative method.

Findings and their discussion. *Figures in the mediatext space are significant, from the point of view of the information, composition parts: the title, the subtitle, the lead and the concluding passage. The language features of the content and concept information in these parts and in the main corpus of the mediatext are evaluation means, modal units of the necessity and possibility, stylistic resources of advancing the information.*

Differences in the verbalization of the main idea of the mediatext in American and Belarusian linguistic cultures are established: a wider representation of modal units of the necessity in Belarusian language texts compared to the English language ones, as well as higher frequency of verbalization of the text message in the title and in the conclusion part.

Conclusion. *The revealed differences can be explained by the desire of Belarusian writers to clear structuring of the content of the mediatext which facilitates the distinguishing by the addressee of the main idea.*

Key words: *mediatext, cognitive and communicative approach, content and concept information, message, distinguishing the information.*

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 165–170)

Развитие когнитивной лингвистики, «изучающей язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека» [1, с. 9], стимулировало разработку новых подходов к анализу семантики и функционирования языковых единиц разных уровней (Е.С. Кубрякова, В.А. Маслова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, Р. Джакендофф, Ч. Филлмор и др.). Одним из таких подходов является когнитивно-коммуникативный, предполагающий разностороннее освещение языковых единиц и явлений с точки зрения их имманентных свойств и релевантных когнитивных и прагматических факторов, которые определяют речевые стратегии коммуникантов. Когнитивно-коммуникативные исследования позволили по-новому подойти к решению таких актуальных проблем лингвистики, как разграничение и типология языковых и неязыковых знаний, закономерности построения текста и его единиц, использование различного типа знаний, интенций, способов акцентуации информации в процессах понимания и продуцирования текстов.

Значимость когнитивных и когнитивно-коммуникативных исследований заключается также в том, что они имеют непосредственный выход в практику компьютерного моделирования речемыслительной деятельности человека – аннотирования и реферирования, перевода, поиска и индексирования информации [2; 3]. Современный этап компьютерной лингвистики характеризуется бурным развитием прагматико-ориентированного направления – автоматического определения оценок, точек зрения, эмоциональных состояний участников общения [4], что позволяет отслеживать мнения коммуникантов о способах решения актуальных проблем, о качестве товаров и услуг. Результатом работы большинства таких систем является определение позитивной, негативной или нейтральной

тональности текста, которая устанавливается на основе словарей эмотивной лексики.

Разработанные нами ранее алгоритмы поиска высказываний, передающих мнения автора и других участников медийного общения [5], базируются на анализе прямых и косвенных индикаторов точек зрения коммуникантов: морфологических, синтаксических и лексических характеристик высказываний. В качестве следующего шага в моделировании процесса распознавания прагматической информации медиатекста представляется целесообразным рассмотреть способы определения основной идеи, или смысла целого текста (в современном медиадискурсе часто используется смежный термин *посыл* ‘message’).

Информация – одно из основных понятий когнитивной лингвистики, которая репрезентируется не только в лексических и грамматических единицах, но и в целом тексте. Важным для настоящего исследования является разграничение таких терминов, как *содержательно-фактуальная* и *содержательно-концептуальная* информация, предложенное И.Р. Гальпериным. Первый вид информации, сообщающий о «фактах, событиях, процессах», выражен вербально, второй – передает «индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, <...> их значимости в социальной, экономической, политической, культурной жизни народа. <...> Такая информация извлекается из всего произведения и представляет собой творческое переосмысление указанных отношений, фактов, событий, процессов» [6, с. 27–28]. Из приведенного определения следует, что *содержательно-концептуальная* информация – это фактически обобщенный смысл, авторская интерпретация текста. В большинстве случаев четкая словесная формулировка такого смысла не дается в готовом виде. Вместе

с тем можно предположить, что в любом тексте есть некоторые поверхностные (т.е. формальные) признаки, сигнализирующие о его глубинных структурах, в том числе и об обобщенном смысле.

Вопросы маркирования информации, или выделенности, акцентуации, связаны с решением актуальных проблем когнитивной лингвистики – установлением закономерностей поиска, обработки и передачи информации, а также использования собственно языковых знаний при продуцировании и понимании речи [7]. Выделенность информации основана на когнитивном феномене *внимание*, который представляет собой концентрацию «восприятия или интеллектуальной деятельности на отдельной черте перцептуального процесса (ощущении) или отдельной мысли, отдельной структуре сознания, отдельном концепте»; это «остановка в процессе обработки информации на одном из ее объектов путем фокусировки всех когнитивных усилий для его выделения, опознания, описания и классификации» [8, с. 15–16]. Применительно к связному тексту выделенность информации, выраженная языковыми средствами и привлекающая внимание адресата, в определенной степени управляет процессом понимания текста, акцентирует не только важные факты, но и интенции, мнения и оценки [9; 7].

Цель статьи – установление композиционных, лексических, грамматических и стилистических признаков медиатекста, маркирующих его содержательно-концептуальную информацию, а также выявление сходств и различий этих признаков в американской и белорусской лингвокультурах.

Материал и методы. Материалом исследования послужили 200 текстов информационно-аналитических жанров (заметка, информационное сообщение, аналитическая статья) из американских и белорусских газет (на белорусском языке). Для выявления способов языковой реализации содержательно-концептуальной информации в медиатексте использовались методы логико-семантического и контекстуального анализа, трансформационный анализ, методы количественной обработки материала, сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. В тексте, так же как и в отдельном предложении, выделенность информации имеет отношение к перцептуальным принципам организации информации. Согласно концепции Л. Талми [10], при любом восприятии субъект разграничивает движущи-

еся (или потенциально движущиеся) объекты – *фигуры* и неподвижные объекты, составляющие *фон*, на котором движутся фигуры. При моделировании процессов восприятия текста и распознавания в нем содержательно-концептуальной информации плодотворным, на наш взгляд, может быть применение перцептуального принципа *фигура – фон* к пространству текста, взятого как целое. В таком случае некоторые его компоненты можно трактовать как более заметные, выступающие как фигуры по отношению к другим частям. В медиатексте фигурами, привлекающими внимание читателя, будут наиболее «сильные» в информационном отношении композиционные элементы – заголовок, подзаголовок, лид и заключительная часть текста. Из указанных композиционных частей заголовков и подзаголовки представляют собой простые формы перцептуальной организации информации, а остальные – комплексные, поскольку являются относительно законченными текстовыми фрагментами, состоящими из последовательности предложений. На этом этапе целесообразно рассмотреть такую эффективную процедуру, как выдвижение, т.е. маркированное выделение информации с помощью грамматических, лексических и стилистических средств.

Заголовок является компрессированным представлением содержания всего текста, в нем обобщается самая важная информация и имплицитно (или эксплицитно) присутствуют ассоциативные связи с другими фрагментами текста, поэтому заголовок относится к его информационно значимым элементам. Подзаголовок тесно связан с заголовком, поясняя, уточняя или конкретизируя информацию заголовка. Лид часто представляет собой аннотацию – краткое содержание последующего текста. В лингвистических исследованиях выделяются и другие типы лида: лид-анонс, лид-интрига (А.В. Фатина) и др.

Проведенный в настоящем исследовании анализ показал, что независимо от медиажанра в американской и белорусской прессе заголовки чаще всего передает главную тему медиатекста. Приведем примеры тематического типа заголовков: «Flash Crash Put under a Microscope» (NY, 21.09.2010); «A Heroine for Truth in the Fight against Blind Fundamentalism» (ST, 14.10.2014); «Школа заўтрашняга дня» (ЗВ, 17.10.2018); «Калі губляецца чалавек» (ЗВ, 11.05.2017). В подзаголовке основная тема, заявленная в заголовке, может уточняться или расширяться: «Каталізатар інфраструктуры» – *У Мінэканомікі ацанілі па-*

трэбы краіны ў інфраструктурных інвестыцыях да 2030 года на ўзроўні больш за 60 млрд долараў (ЗВ, 12.11.2015).

Вместе с тем нередко при тематическом типе заглавия подзаголовков эксплицитно выражает ключевую идею медиатекста, его посыл – концентрированное выражение содержательно-концептуальной информации. Будем далее называть такие подзаголовки (а также и заголовки) *рематическими* по отношению к содержанию текста как целого. Например, при теме, заявленной в заголовке «Формула кіравання жыллём», подзаголовок является концентрированным выражением смысла всего текста: *Давер уласнікаў, дапамога дзяржавы і навучаныя прафесіяналы* (ЗВ, 17.10.2018). Доказательством высказанного положения служит трансформация объединения заголовка и подзаголовка в одно высказывание: *Формула кіравання жыллём уключае давер уласнікаў, дапамогу дзяржавы і навучаных прафесіяналаў*.

В проанализированном корпусе медиатекстов встретились и рематические типы заголовков, раскрывающие основной посыл текста. В англоязычных текстах информационно-аналитических жанров доля рематических заголовков составила 31%, в белорусскоязычных – 39%. Приведем примеры: «Great Recession Revives Layaway Plan»; «Fixing Flores Agreement is the Only Solution to Immigrant Family Separation and Detention»; «Беларуская энергасістэма нарошчвае эфектыўнасць»; «Смецце на вуліцы пачынаецца са смецця ў галаве»; «Ад канфліктаў выратуе інтэграцыя».

Безусловно, для однозначного определения коммуникативного типа заголовка (тематический или рематический) необходимо обращение к полному тексту. Учитывая информацию текста как целого, рассмотрим возможность выявления формальных показателей принадлежности заголовка к рематическому типу, то есть наличия тех или иных языковых единиц, которые с большой долей вероятности маркируют основной посыл медиатекста. Такими индикаторами, как показал проведенный анализ, часто выступают лексические единицы позитивной и негативной оценки, например: «Mexico in Middle of Own Migrant **Crisis**» (ST, 20.07.2014); «Pakistani PM Says He Wants **to Revive** Afghan-Taliban Talks» (NY, 10.10.2015); «Пра Беларусь – з **любоўю і гонарам**» (ЗВ, 22.09.2018); «Першая прыступка **самая важная**» (ЗВ, 04.09.2018); «Вытворчасць ад творчасці **неаддзельная**» (К, 13.10.2018); «**Задушлівы** прыём» (Р, 23.10.2018).

Маркерами основного посыла медиатекста могут служить модальные единицы необходимости и возможности, указывающие на те действия, которые необходимо/можно предпринять государственным, общественным и иным организациям или отдельным индивидуумам для решения возникших проблем/достижения поставленных целей. Среди модальных единиц необходимости в англоязычном дискурсе наиболее широко представлены собственно модальные глаголы *need, must, should*; в белорусскоязычном дискурсе – глагол, содержащий модальный компонент в своей семантике *патрабаваць*, предикативное прилагательное *павінен* и предикативные наречия *трэба, неабходна*. Среди модальных единиц возможности в англоязычном дискурсе частотным является глагол *can*; в белорусскоязычном – глагол *магчы* и предикативное наречие *можна*.

Вышеуказанные единицы встречаются как в заголовках, так и подзаголовках медиатекстов: «Voters **Can** Choose a Forward Path on Education Reform» (ST, 20.07.2014); *No time to tan: Nominee **must** convince, cajole and court the voters* (US, 24.08.2012); «Марыяна Шчоткіна: Сярэдні памер пенсіі **павінен** павялічвацца» (ЗВ, 25.03.2016); *Беларусь і Польшча **могуць** адыграць значную ролю ў Еўропе і **паўплываць** на многія працэсы* (ЗВ, 24.03.2016).

Третий компонент заголовочного комплекса – лид – в большинстве проанализированных медиатекстов носит характер аннотации, в которой перечисляются основные подтемы последующего текста. Вместе с тем здесь отмечены и обобщающие высказывания, имеющие отношение к содержательно-концептуальной информации. Как и в других компонентах заголовочного комплекса, они маркируются модальными и оценочными единицами, что демонстрируют высказывания <...> у *выпадку **павышэння** пенсійнага ўзросту на рынку працы з'явіцца **больш** грамадзян, якіх **неабходна** задзейнічаць. Аднаведна, **павінны** стварацца **новыя** працоўныя месцы, паколькі таксама **трэба** забяспечыць працай **маладых** выпускнікоў ВНУ* (ЗВ, 22.03.2016).

Более детальная репрезентация содержательно-концептуальной информации происходит по мере развертывания текста в вербализации отношения автора и других субъектов коммуникации к описываемым фактам, событиям, проблемам: *Such information **can** be used **to facilitate** identity theft and fraud. But if as the U.S. suspects, Chinese hackers are behind the intrusion, the goal **may** be*

more **intelligence-gathering** on U.S. officials than money scams (US, 06–07.06.2015); Вядома, **трэба** глядзець, якія канкрэтна паслугі прапануе кампанія і як яна гэта робіць; «Мы лічым, што **неабходна** ўвесці базавыя тэрміны і паняцці ...» (ЗВ, 10.09.2014); У кожным аграгарадку **навінен** быць дзіцячы сад ці дзіцячы сад-школа (ЗВ, 31.01.2018).

Помимо оценочных и модальных единиц, содержательно-концептуальная информация медиатекста маркируется стилистическими приемами выдвижения информации в инициальную позицию предложения (инверсией, парцелляцией, сочинительными союзами в начале предложения и др.): *Too little, advocates say, is being done for people who flee the violence in their home country ...* (ST, 20.07.2014); *Асабліва шакіруючымі* для многіх сталі вынікі выбараў у Францыі і Вялікабрытаніі; *А ўлічваючы, што і сама кіруючая партыя поўная еўраскептызму, асцярогі, што Вялікабрытанія можа выйсці з Еўрасаюза, набываюць цяпер больш чым рэальную глебу* (ЗВ, 27.05.2014).

Существенная информация, значимая для определения смысла целого текста, может маркироваться риторическими вопросами: *How could new infections be holding steady when diagnoses are falling?* (ST, 20.07.2014); *Ці напрэбны школе будучага настаўнік?* (ЗВ, 06.10.2016); *Чым не «фішка», напрыклад, чыстая прадукцыя, якая вырашчана без хіміі?* (ЗВ, 28.02.2013).

Однако в наиболее концентрированном виде выражение содержательно-концептуальной информации нередко представлено в финальном абзаце статьи, что более характерно для белорусскоязычной прессы. Например: *Стратэгічнай жа мэтай дзяржаўнай палітыкі ў галіне экспарту адукацыйных паслуг, на нашу думку, **навінна** стаць забеспячэнне **высокай** якасці падрыхтоўкі і канкурэнтаздольнасці выпускнікоў айчынных ВНУ на сусветным рынку адукацыі і працы* (ЗВ, 23.06.2017); *Аднак **большая** частка нашай работы адбываецца ў **мірны** час, калі трапіўшы ў **сур'ёзную крызісную** сітуацыю, чалавек таксама **можа** разлічваць на **падтрымку*** (ЗВ, 13.12.2016).

Следует отметить, что в заключительном абзаце медиатекста его основная идея может быть представлена словами не автора статьи, а других участников медийной коммуникации (государственных и политических деятелей, экспертов, рядовых граждан и др.), что согласуется с требованиями объективности изло-

жения в средствах массовой информации: *“It is disheartening that we have not received any substantive reply despite an assurance from the prime minister that one would be received,” said **Paul Butler, the bishop of Durham** in a statement. “There is an urgent and compelling moral duty to act, which we as bishops are offering to facilitate alongside others from across civil society.”* (NY, 17.10.2015); *«Паколькі ацэнку работы школы даюць бацькі навучэнцаў, да іх меркавання **трэба абавязкова** прыслухоўвацца, **унзўнены** Васіль Жарко. – <...> Думаю, што **трэба** правесці сустрэчу з бацькамі школьнікаў, выслухаць іх думкі і прапановы і пры **неабходнасці** ўнесці **карэктывы**»* (ЗВ, 31.01.2018).

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о специфике содержательно-концептуальной информации медиатекста информационно-аналитических жанров, которая в большинстве случаев представляет собой интерпретацию описываемых событий, процессов, проблем с позиции как непосредственно автора (журналиста, публициста), так и других участников общения.

Заклучение. Таким образом, проведенный анализ показал, что распознавание содержательно-концептуальной информации медиатекста целесообразно проводить, учитывая когнитивный принцип выделенности информации *фигура – фон*, применяемый, во-первых, к пространству текста как целого и, во-вторых, к языковым средствам фокусирования внимания адресата в рамках предложения. В качестве фигур, привлекающих внимание адресата на пространстве медиатекста, выступают важные в информационном отношении композиционные части – заголовок, подзаголовок, лид и заключительный абзац. Лексическими и грамматическими признаками содержательно-концептуальной информации в этих частях и в основном корпусе медиатекста являются оценочные средства, а также модальные единицы необходимости и возможности, указывающие на те действия, которые необходимо/возможно предпринять для решения обсуждаемых проблем. Стилистические средства маркируют концептуальную информацию по мере развертывания текста. Своеобразием медиатекста как представителя институционального дискурса является экспликация содержательно-концептуальной информации не только в высказываниях автора, но и в конструкциях прямой и косвенной речи других коммуникантов [11].

В качестве различий в двух лингвокультурах установлена более широкая представленность модальных единиц необходимости как маркеров содержательно-концептуальной информации в белорусскоязычной прессе по сравнению с англоязычной, а также более высокая частотность языкового воплощения посыла текста в заголовке и в его заключительной части. Выявленные расхождения можно объяснить стремлением отечественных авторов к четкому структурированию содержания медиатекста, облегчающему распознавание адресатом его главного смысла.

Полученные результаты могут найти применение в преподавании таких дисциплин в учреждениях высшего образования, как интерпретация текста, язык средств массовой информации, лингвостилистический анализ письменного текста; они могут быть также использованы при разработке алгоритмов распознавания мнений участников медийной коммуникации.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ЗВ – Звезда.

К – Культура.

Р – Республіка.

NY – The New York Times.

ST – The Seattle Times.

US – USA Today.

Литература

1. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В.А. Маслова. – Минск: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
2. Hahn, U. Knowledge-Based Text Summarization: Salience and Generalization Operators for Knowledge Base Abstraction / U. Hahn, U. Reimer // *Advances in Automatic Text Summarization*. – Cambridge (Mass), London (England). – 1999. – P. 215–232.
3. Карпилович, Т.П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т.П. Карпилович. – Минск: МГЛУ, 2003. – 226 с.
4. Pang, B. Opinion Mining and Sentiment Analysis / B. Pang, L. Lee // *Foundations and Trends in Information Retrieval*. – 2008. – Vol. 2, № 1–2. – P. 1–135.
5. Карпилович, Т.П. Семантико-прагматический интерфейс в алгоритмах анализа медиадискурса / Т.П. Карпилович // *Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология*. – 2014. – № 4. – С. 28–35.
6. Гальперин, И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 144 с.
7. Лузина, Л.Г. Выделенность информации в тексте / Л.Г. Лузина // *Структуры представления знаний в языке*. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 111–127.
8. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: МГУ, 1996. – 248 с.
9. Dijk, T.A. van. Strategies of Discourse Comprehension / T.A. van Dijk, W. Kintsch. – New York, etc.: Academic Press, 1983. – 404 p.
10. Talmi, L. Figure and Ground in Complex Sentences / L. Talmi // *Universals of Human Language*. – Stanford: SUP, 1978. – P. 625–649.
11. Reinhart, T. Principle of Gestalt Perception in the Temporal Organization of Narrative Text / T. Reinhart // *Linguistics*. – 1984. – Vol. 22, № 6. – P. 779–809.

Поступила в редакцию 26.12.2018 г.

Прагматика города: вывеска как реплика

Поплавская Т.В.

Минский государственный лингвистический университет, Минск

Названия объектов социального функционирования размещаются на вывесках, которые составляют элемент городского пейзажа и могут читаться как текст, репрезентирующий дух города, предстающий в определенной тональности, обусловленной эпохой, ментальностью его жителей и обеспечивающей их когнитивное единство.

Цель статьи — установление семантики и прагматики сообщений, заключенных в названиях организаций, фигурирующих на городских вывесках.

Материал и методы. В исследовании обсуждаются названия организаций г. Минска (сектор общественного питания), представляющие собой высказывания с выраженной коммуникативной интенцией, запросом об обратной связи и эксплицитно или имплицитно выраженной предикативностью. Использовались метод регистрируемого наблюдения, грамматический анализ, анализ семантической и прагматической составляющей наименований.

Результаты и их обсуждение. Предикативность наименований вместо обычного названия объектов создает особую прагматику города. Публичное пространство всё чаще вторгается в личное пространство обитателей города, принимая за них решения, настаивая, убеждая. В вывесках городских заведений мы видим претензии на дружеские отношения, отсутствие формальности, желание быть своим, утверждение о совместности, обращение к общему опыту. «Мы одной крови» — как будто утверждает каждая вывеска, формируя групповую идентичность. Гипертрофированная кооперативность — философия современного города.

Заключение. Предикативность, вторгающаяся в наименования городских объектов, создает особую прагматику города. Перефразируя Уинстона Черчилля, можно утверждать, что мы создаем наши города, а затем наши города создают нас. Публичное пространство города всё чаще вторгается в личное пространство его обитателей, принимая за них решения, настаивая, убеждая.

Ключевые слова: город, текст, сообщение, наименование, вывеска, самопрезентация, мотивация, предикативность, групповая идентичность, кооперативность.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 171–173)

Pragmatics of the city: a signboard as a message

Poplavskaja T.V.

Minsk State Linguistic University, Minsk

The names of objects of social functioning are placed on signboards that constitute an element of the city landscape and can be read as a text representing the spirit of the city, appearing in a certain key, due to the era, the mentality of its inhabitants and ensuring their cognitive unity.

The purpose of the article is establishing the semantics and the pragmatics of messages which names of institutions on city signboards contain.

Material and methods. Names of public meals establishments of the City of Minsk were the factual research material which is utterances with pronounced communicative intention, request for feedback as well as explicit and implicit predicativity. The methodological base is made up by the method of registered observation, grammar analysis, analysis of the semantic and pragmatic components of names.

Findings and their discussion. Predicativity of names, instead of usual naming an object, creates special city pragmatics. Public space intrudes personal space of city dwellers more often and makes decisions for them, insisting and convincing them. In institution signboards we see claims for friendly relations, lack of formality, wish for being close together, address to common experience. Each signboard claims to be saying «We are one blood», thus shaping group identity. Exaggerated cooperation is the contemporary city philosophy.

Conclusion. Predicativity which intrudes names of city objects creates a special pragmatics of the city. Paraphrasing Winston Churchill we can state that we create our cities and then our cities create us. City public space is increasingly invading the personal space of its inhabitants, making decisions for them, insisting, persuading.

Key words: city, text, message, name, signboard, self-presentation, motivation, predicativity, group identity, cooperativity.

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 171–173)

Поскольку коммуникация есть способ реализации профессиональной деятельности, функционирование организации необходимо рассматривать в том числе и как сложное образование, сформированное внешними и внутренними коммуникативными потоками, каждый из которых имеет свою структуру, функцию и векторы реализации. Особым компонентом внешней коммуникации организации является ее наименование. С одной стороны, это необходимый юридический атрибут существования организации, и в данном смысле он должен соответствовать установленным правилам. С другой – наименование организации, представленное на широкое обозрение (вывеска), вкупе с невербальной поддержкой его основной идеи (цвет, графика, форма и пр.) предстает в качестве уникального коммуникативного потока, перманентно реализуемого и состоящего из одного сообщения.

Цель статьи – установление семантики и прагматики сообщений, заключенных в названиях организаций, фигурирующих на городских вывесках.

Материал и методы. В исследовании обсуждаются названия организаций г. Минска (сектор общественного питания), представляющие собой высказывания с выраженной коммуникативной интенцией, запросом об обратной связи и эксплицитно или имплицитно выраженной предикативностью. Использовались метод регистрируемого наблюдения, грамматический анализ, анализ семантической и прагматической составляющей наименований.

Результаты и их обсуждение. Пейзаж каждого города многогранен как структурно, так и функционально. Его составляющие зависят от возраста, статуса и истории. Названия главных городов мира вошли в паремии, стали центральными персонажами фильмов и романов. Мощь Рима, легкомыслие Парижа, романтика Венеции многократно воспеты поэтами и не перестают быть предметом вдохновения. Города можно рассматривать в категории текстов, которые строятся по-новому в каждую эпоху их жителями и гостями. Семиотика города как культурного пространства – чрезвычайно широкая и многогранная сфера, ориентированная на символику города и идеи, воплощенные в образе города сквозь призму ментальности этноса и эпохи. Популярное постмодернистское представление о городе как тексте воплотилось в книге Мишеля де Серто «Изобретение повседневности. Искусство делать» [1]. Автор рассматривает город как текст читателя и созидателя, которые находятся внутри него. Это образец своего рода социалистически-футурологического подхода. Город как пространство, наделенное смыслами (макротекст), и элементы этого пространства (микротекст) в последнее десятиле-

тия заинтересовали ученых, рассматривающих его с позиции философии, культуры, архитектуры. Мы видим термины: феноменология города, физика города, метафизика города, мифология города. Город как мифологему рассматривает Ю.М. Лотман [2], о городе-деве и городе-блуднице пишет В.Н. Топоров [3]. В России множатся публикации на тему исторических городов как текстов культуры, феноменов литературы [4]. Василий Гатов незаслуженно обвиняет представление города как текста в банальности и говорит о городе-сообщении, формирующемся на своего рода «платформах коммуникации», имея в виду, в первую очередь, архитектуру как одну из них [5].

Отдавая должное концепциям города-мифа, города-идеи, города-культурного текста, города-медиа-сообщения, отметим, что они рассматривали город в первую очередь как артефакт, невербальную сущность. За пределами научного интереса остается город-текст, город-послание в его непосредственном визуальном вербальном представлении.

Это город, воплощенный в словах, которые мы читаем на его улицах и которые представляют город в определенной тональности, изменчивой и подверженной моде. Такие слова мы видим на афишных тумбах, объявлениях, листовках и флаерах и – в первую очередь – на вывесках, репрезентирующих реплику в адрес целевой аудитории, которая по сути является продуктом акта самопрезентации, что вполне согласуется с известным афоризмом Маршалла Маклюэна «the medium is the message» – канал (средство коммуникации) является сообщением [6].

Как известно, один из подходов к самопрезентации базируется на ее трактовке в качестве поведенческой реализации мотивации (Р. Аркин, А. Шутц) [7; 8]. С другой стороны, необходимым моментом продвижения организации является формирование доверия у целевой аудитории, а стратегии формирования доверия также в значительной степени вербализуются через наименование. И феномен мотивации, и феномен запроса доверия возможно эффективно реализовать только в рамках культурных и субкультурных доминант общества на конкретном этапе его развития. Успешная самопрезентация ориентирована на поддержание когнитивного единства субъектов коммуникативного сценария, т.е. номинатора и целевой аудитории. Иначе говоря, управление впечатлением возможно лишь в том случае, когда адресант и адресат руководствуются одной теорией событий: что правильно/неправильно, прекрасно/безобразно; реально/нереально; этично/неэтично, истинно/ложно и т.д. Самопрезентацию можно рассматривать и как управление вниманием. В рамках единого когнитивного пространства название организации служит своеобразным триггером, включающим интерес к организации

в качестве своего рода проявления обратной связи: интеллектуальной/ментальной (мне это нужно), эмоциональной (приятное место), поведенческой (в эту организацию можно обратиться), вербальной (есть что обсудить). Следовательно, название организации можно рассматривать как речевой акт самопрезентанта, «механизм передачи информации о себе посредством имеющихся в наличии средств общения и с учетом пространственной специфики взаимодействия» (Н.В. Амяга) [9].

На фоне общей стилистической сниженности коммуникации, принципиальной интимизации общения (все со всеми на «ты», в том числе в телевизионных шоу, участники которых встречаются впервые) разговорность вторгается и в стратегии нейминга. Названия организаций, размещенные на вывесках и в известной степени формирующие «дух города», выглядят как реплика в невидимом диалоге. Это уже не *Продукты*, *Журавинка*, скучные названия советской эпохи, когда воображение обуздывалось законодательно, а фамилия Башмет воспринималась как «Башкирский металлургический завод». Но и не попытка выглядеть «международно» (*Grand Cafe*, *Bistro de Luxe*) по аналогии с известными франшизами (*Paul*, *Marconi*, *Golden Coffee*) как реализация претензии на поликультурную идентичность. Это явно выраженное сообщение «я один из вас», которое номинатор адресует по возможности более широкой целевой аудитории. Интернет-шутка о том, что теперь уже человек человеку не товарищ и брат, а клиент, не совсем корректна применительно к описываемой ситуации. Авторы «разговорных» названий явно стремятся соединить два лозунга. Из этого рождаются формулировки: *Вместе*, *Я же тебе говорил*, *Поедем поедем*. Вместо «кафе» или «ресторан» читаем *Место про еду*.

Если раньше в окружающих нас вывесках доминировало «называние», то есть присвоение учреждениям, находящимся под ними, определенных имен, то сейчас все чаще можно наблюдать своего рода заигрывание с целевой аудиторией. Наименования носят акцентированно коммуникативный характер, т.е., реализуя конкретную интенцию, ориентируют на некоторое проявление непосредственной обратной связи, т.е. представляют собой стимул, предполагающий вербальную и поведенческую реакцию. Адресату задают вопрос: *Хинкали искали?* Предполагается, что от целевой аудитории ожидается некоторое изменение поведения. Адресату дают совет: *Ешь как горец*. Или прибегают к использованию фразы из фильма, разошедшегося на цитаты: *Все в сад!* Соединяют побудительность высказывания с языковой игрой – *Суши весла!* Применяют паремии – *На посошок!* Глубокомысленно заявляют: *Людям нравится* или просто – *Вкусно!*

Намекают – *Другое место*. Просят не спешить – *Время есть*, или изображают наивность, простоту – *Вафли есть*, *Рыбы нет*. Создают атмосферу домашнего уюта – *Мама дома*, психологического комфорта – *Счастье есть*. Изображают готовность услужить вкупе с демонстрацией «европейскости» – *Any time!* (что можно приблизительно перевести как *Всегда пожалуйста*). Некоторые сообщения носят неопределенный и весьма глубокомысленный характер – *Тише мыши*. Возникает вопрос: это *Тише, мыши* (обращение) или *Тише – мыши* (предупреждение).

Есть названия, формулировка которых явно рассчитана на наличие чувства юмора и отсутствие критического подхода к наименованиям социальных объектов у целевой аудитории – *Ёлки-палки*, *Ширли-мырли*.

Заключение. Предикативность, вторгающаяся в наименования городских объектов, создает особую прагматику города. Перефразируя Уинстона Черчилля, можно утверждать, что мы создаем наши города, а затем наши города создают нас. Публичное пространство города все чаще вторгается в личное пространство его обитателей, принимая за них решения, настаивая, убеждая. В вывесках городских заведений мы видим претензии на дружеские отношения, отсутствие формальности, желание быть своим, утверждение о совместности, обращение к общему опыту. «Мы одной крови» – как будто утверждает каждая вывеска, формируя групповую идентичность. Гипертрофированная кооперативность – философия современного города.

Литература

1. Certeau, M. de. *The Practice of Everyday Life* / M. de Certeau. – Berkeley: The Univ. of California Press, 1984. – 229 p.
2. Лотман, Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю.М. Лотман // Избр. ст.: в 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 2. – С. 9–21.
3. Топоров, В.Н. Заметки по реконструкции текстов. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте / В.Н. Топоров // Исследования по структуре текста. – М.: Наука, 1987. – С. 121–132.
4. Меднис, Н.Е. Венеция в русской литературе / Н.Е. Меднис. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – 392 с.
5. Гатов, В. Город как сообщение [Электронный ресурс] / В. Гатов // Ведомости. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/05/31/692236-gorod-soobschenie>. – Дата доступа: 20.11.2018.
6. McLuhan, M. Quentin Fiore / M. McLuhan // *The Medium is the Message: An Inventory of Effects* // Penguin book, 1967.
7. Arkin, R.M. Self-presentation / R.M. Arkin // R.R. Vallacher, D.M. Wegner (eds). *The Self in Social Psychology*. – L.; New York: Oxford Univ. Press, 1986.
8. Schutz, A. Self-presentational tactics of talk-show guests: a comparison of politicians, experts and entertainers / A. Schutz // *Journal of Psychology*. – 1998. – Vol. 132, iss. 6. – P. 611–628.
9. Амяга, Н.В. Самораскрытие и самопредъявление личности в общении / Н.В. Амяга // *Личность. Общение. Групповые процессы: сб. обзоров*. – М., 1991. – С. 37–75.

Поступила в редакцию 26.12.2018 г.

О некоторых аспектах антропоцентрических исследований языка

Брицын В.М. *, Казиминова И.А. **, Коляденко Е.А. **

**Институт языковедения им. А.А. Потебни НАН Украины, Киев (Украина)*

***Институт украинского языка НАН Украины, Киев (Украина)*

В данной статье представлены некоторые направления антропоцентрических исследований языка, связанные с описанием языковой репрезентации ментальных процессов, физических действий, интенций человека, вербализацией его чувств, ощущений и эмоций, а также с когнитивной интерпретацией отдельных синтаксических категорий. Отмечено, что основными проявлениями языкового феномена являются язык в его сосюрровском понимании; результаты научного осмысления языка, представленные в словарях и грамматиках; языковой материал, т.е. результаты речевой деятельности, или готовый продукт. Кроме того, важными составляющими, раскрывающими феномен языка, выступают речевая деятельность говорящего, а также психологические процессы, предшествующие ей; эти аспекты представляют проявления языка как деятельности.

Цель исследования — показать особенности антропоцентрического подхода к изучению явлений языка, в частности, языковой репрезентации чувственного опыта человека с помощью сопоставления наивной и научной картин мира, а также когнитивного анализа отдельных синтаксических категорий.

***Материал и методы.** Материал — толковые словари украинского языка и словари психологических терминов, данные свободного ассоциативного эксперимента, а также художественные тексты. Использованы методы лингвоконцептуального анализа, экспериментальный, метод количественных подсчетов, а также фреймовое и пропозиционально-фреймовое моделирование.*

***Результаты и их обсуждение.** Особенности концептуализации эмоции страха в наивной и научной картинах мира рассмотрены на терминологическом и общеязыковом материале. В наивной и научной языковых картинах мира исследуемый эмоциональный концепт представлен соответственно лексемой «страх» и термином «страх», полифункциональность которого иллюстрирует зону пересечения бытовых и научных знаний. Анализ фреймовой структуры понятийного компонента научного концепта, осуществляемый авторами по данным словарей психологических терминов, его сопоставление с фреймовой структурой наивного коррелята позволили выделить участки, на которых происходит приращение смыслов, свидетельствующее о более глубокой степени осмысления соответствующего феномена эмоционального бытия. Доказана плодотворность антропоцентрического подхода к раскрытию основных категорий предложения, а также мысли, что наиболее адекватно эти категории можно описать, опираясь на конкретную речевую деятельность.*

***Заключение.** Предложенная методика анализа открывает новые возможности изучения эмоциональных концептов, в частности в области различных лингвокультур, что обусловлено общей тенденцией в современном языкознании к раскрытию механизмов репрезентации внутреннего мира в лексической семантике языка. Антропоцентрические подходы к описанию языка актуализируют также вопросы методологии научного исследования синтаксических категорий и связанные с ними вопросы терминологических обозначений указанных явлений.*

***Ключевые слова:** антропоцентрическая парадигма, аспект языка, когнитивная лингвистика, концепт, концептуальная картина мира, категория модальности, категория предикативности, речевая деятельность.*

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 174–179)

Some Aspects of Anthropocentric Studies of the Language

Britsyn V.M. *, Kazimirova I.A. **, Koliadenko E.A. **

**A.A. Potebnia Institute of Linguistics of NAS of Ukraine*

***Ukrainian Language Institute of NAS of Ukraine, Kiev (Ukraine)*

The paper focuses on some aspects of anthropocentric studies dedicated to language representation of mental processes, physic actions, human intention; the verbalization of feelings and emotions; cognitive interpretation of some syntactic categories. It is noted that the main manifestation of the linguistic phenomenon is the language as it is in Saussure's

Адрес для корреспонденции: e-mail: kazymyrovai@gmail.com — И.А. Казиминова

conception; the results of scientific understanding of language presented in dictionaries and grammars; language material, i.e. the results of speech activity, or the finished product. It is also admitted, that speech activities of the speaker as well as the psychological processes that precede it are the important components that explain language phenomenon; these aspects represent manifestations of language as an activity.

The aim of the paper is to approve anthropocentric approach to language studies, particularly to language representation of feelings in naive and scientific world image; to the researches devoted to syntactic categories.

Material and methods. The study is based on Ukrainian dictionaries and psychological dictionaries, the results of free associative experiment, scientific and literary texts. Linguistic and conceptual analysis, psycholinguistic experiment, quantitative estimation, frame modeling were used.

Findings and their discussion. The features of the emotion of fear conceptualization by scientific and naive consciousness, the semantic peculiarities of lexical means which serve to verbalize it are studied on the present-day Ukrainian commonly-used and scientific language material. The naive and scientific concept is represented in the Ukrainian language by the lexeme *strach* (fear). Its polyfunctionality illustrates the domain where the naive and scientific knowledge are blended. According to the comparative analysis of the scientific and naive concept frame structure the slots where the new senses were added are determined. They show deeper degree of understanding of the emotion by scientist but at the same time its close connection with the physical (prescientific / naive) experience. It is proved that anthropocentric approach has a great potency in main categories of sentence study; such kind of researches should be based on concrete speech activity.

Conclusion. The method of the analysis opens up new possibilities in study of other emotional concepts, in particular in various lingual cultures, which is conditioned by the general tendency in modern linguistics to the mechanisms of representation of the inner world in the lexical semantics of language study. Anthropocentric approach to language study actualizes such issues as methodology of scientific researches of syntax categories and terminological designation of the mentioned phenomena connected with it.

Key words: anthropocentric paradigm, aspects of language, cognitive linguistics, concept, conceptual world image, modality category, predicativity category, speech activity.

(Scientific notes. – 2018. – Vol. 28. – P. 174–179)

Активизация и развитие антропоцентрических подходов к описанию языка все отчетливее обнаруживают их плодотворность не только для осознания духовной составляющей человеческого бытия – антропоцентризм выступает источником и для познания механизмов развития и системной самоорганизации самого языка. В связи с этим несомненный интерес представляет изучение корреляции ключевых направлений лингвистического антропоцентризма с аспектами языка, выступающими источником материала для проведения исследований. К числу таких основных аспектов (ракурсов, проявлений) языкового феномена можно отнести язык в его сосюрсовском понимании, результаты научного осмысления языка, представленные в словарях и грамматиках, выделяемый Л.В. Щербой языковой материал, являющий собой «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [1, с. 26]. Эти аспекты в большей или меньшей степени относятся к тому, что А.А. Потебня называл результатами речевой деятельности, или готовым продуктом. Кроме того, важными составляющими, раскрывающими феномен языка, выступают речевая деятельность говорящего, а также психологические процессы, предшествующие ей; подобные аспекты представляют проявления языка как деятельности.

Обращение к когнитивной лингвистике, которая наиболее отчетливо выражает антропоцентрическую парадигму описания языка, показывает наличие в ней двух основных направлений, различающихся как по характеру преследуемых целей, так и по применяемым процедурам анализа и по исследуемому языковому материалу. Это, с одной стороны, разнообразные направления, связанные с обобщенным описанием концептуальной картины мира социума, а с другой – подходы, ставящие своей целью изучение индивидуального восприятия действительности. Если в первом случае доминирует обращение к готовым продуктам языка, в том числе и закрепленным в словарях и грамматиках, то во втором случае безусловно превалируют данные индивидуальной речевой деятельности.

Несомненный приоритет и по количеству публикаций, и по детальности раскрытия проблем принадлежит направлению, ориентированному на описание общенациональных картин мира, отраженных в языковой системе. Как справедливо замечает В.А. Маслова, в них «уже сейчас просматриваются новые данные о содержательном устройстве человеческой ментальности, языкового сознания, бессознательного, поскольку познавательные структуры личности находятся в недрах ее психики, в сфере, объединяющей миф, религию, искусство и другие явления» [2, с. 11].

Особая детальность наблюдается в описании языковой репрезентации ментальных процессов, физических действий, интенций человека, вербализации его чувств, ощущений и эмоций. Это дает основание для прогнозов о появлении в ближайшее время обобщающих описаний макроконцепта «человек», а также работ сопоставительного плана.

Цель исследования – показать особенности антропоцентрического подхода к изучению явлений языка, в частности, языковой репрезентации чувственного опыта человека с помощью сопоставления наивной и научной картин мира, а также когнитивного анализа отдельных синтаксических категорий.

Материал и методы. Материалом послужили толковые словари украинского языка, словари психологических терминов, данные свободного ассоциативного эксперимента, а также художественные тексты. Использованы методы лингвоконцептуального анализа, экспериментальный, метод количественных подсчетов, а также фреймовое и пропозиционно-фреймовое моделирование.

Результаты и их обсуждение. Для анализа был избран один из базовых эмоциональных концептов – концепт «страх», особенности его ментально-языковой, а именно лексико-семантической, репрезентации в украинской наивной и научной картинах мира. Несмотря на то, что исследованию концептуализации эмоций посвящено немало научных трудов (например, работы А. Вежбицкой, З. Ковечеша, Н.А. Красавского, В.Ю. Апресян и многих других), основная их часть сосредоточена на поиске концептуальных межъязыковых различий, изучении особенностей отражения чувственного опыта в обыденном сознании носителей языка. В сопоставительном ключе концепт «страх» как компонент наивной и научной картин мира не был в достаточной степени изучен.

На терминологическом и общеязыковом материале рассмотрим особенности концептуализации эмоции страха в наивной и научной картинах мира. Материалом анализа послужили дефиниции лексемы *страх*, отобранные из толковых словарей украинского языка и словарей психологических терминов, около 1000 контекстов употребления базовых репрезентантов концепта – фразеологизмов, паремий, заговоров как средств объективации наивного концепта; монографий, научных статей по психологии, вербализирующих научный концепт; данные свободного ассоциативного эксперимента общим количеством 828 единиц.

Именем наивного концепта является слово *страх*. Доминанта и идентификатор лексико-се-

мантического поля, оно выделяется на фоне других вербализаторов концепта частотностью, синтаксической поливалентностью, полифункциональностью и полисемантической. По общеязыковым лексикографическим источникам, опираясь на анализ толкований лексемы *страх*, структурируем понятийный компонент концепта с помощью фрейма, поскольку именно он позволяет представить эмоциональный концепт в виде ситуации эмоционального реагирования. Во фрейме «страх» выделяем слоты «каузатор» (причина эмоционального состояния), «экспериментер» (субъект эмоционального реагирования), «внутреннее проявление» (субъективные ощущения), «внешнее проявление» (внешнее проявление эмоции), «оценка каузатора» (эмоционально-оценочное отношение к причине страха); «локализация» (место сосредоточения эмоционального состояния), «степень проявления» (интенсивность), а также таксономический слот «[эмоциональное] состояние-реакция» (ситуация в целом как комплекс ощущений, обусловленных чем-то), представленные в определениях лексемы *страх* таким набором сем: *‘стан-реакція’, ‘душа’, ‘хвилювання’, ‘людина’, ‘сильний’, ‘чекання неприємного’, ‘чекання небажаного’, ‘передчуття небезпеки’, ‘невідомість’, ‘вираження на обличчі, в очах’*.

В научной языковой картине мира исследуемый эмоциональный концепт представлен термином *страх*, полифункциональность которого иллюстрирует зону пересечения бытовых и научных знаний. Лексема *страх* является одной из ключевых, базовых единиц терминосистемы психологии.

Анализ фреймовой структуры понятийного компонента научного концепта, осуществляемый нами по данным словарей психологических терминов, его сопоставление с фреймовой структурой наивного коррелята позволяет выделить участки, на которых происходит приращение смыслов, свидетельствующее о более глубокой степени осмысления соответствующего феномена эмоционального бытия. Так, научное понятие содержит дополнительные признаки, маркирующие следующие слоты и субслоты фрейма: «функции» (роль, предназначение страха); «продолжительность» (время, на протяжении которого экспериментер пребывает под воздействием страха), «влияние на сознание» (изменения в сознании экспериментера, обусловленные воздействием эмоции), «последствия» (результат переживаний), «негативная оценка эмоции», «положительная оценка эмоции страха», представленные в дефинициях семами: *‘інтенсивний ~ сильний,*

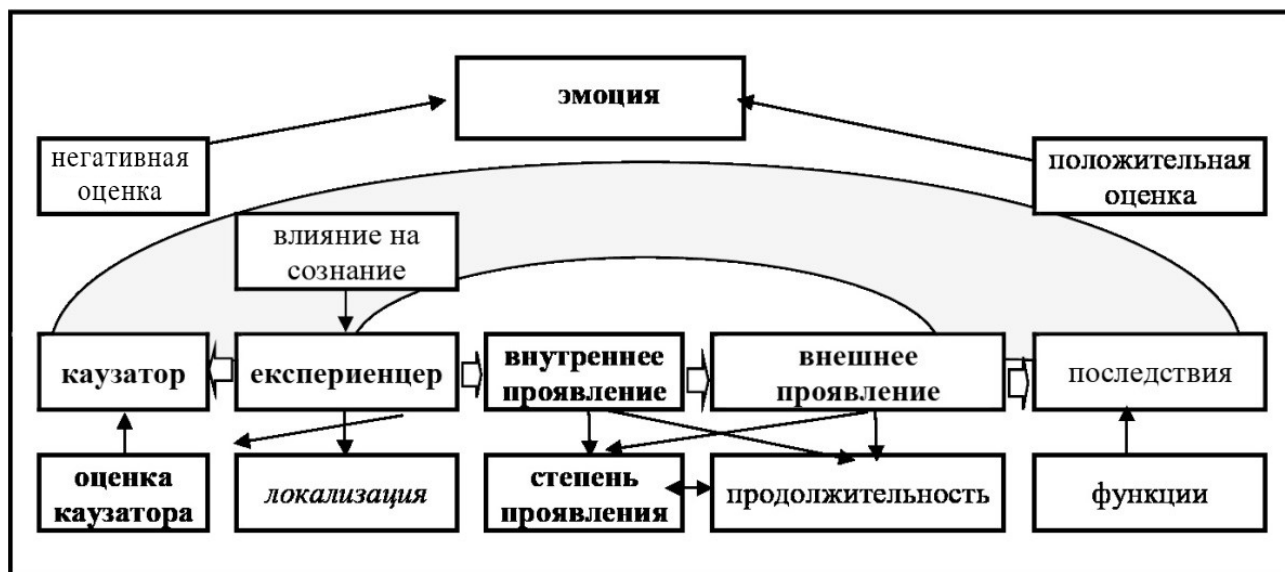

Рис. Фрейм-структура понятийного компонента наивного и научного концептов «страх»

помірний, слабкий' ("может набувати різної інтенсивності"); 'тривалий ~ короточасний, стійкий' ("короточасний чи стійкий"); 'невпевненість', 'непокій', 'незахищеність', 'загрозу' ("людина відчуває непевненість, непокій, незахищеність, загрозу"); 'засіб виховання' ("страх виступає як один із засобів виховання"); 'функція самозбереження' ("служить самозбереженню"); 'переростає в боягузливість' ("повторення емоції страху може перерости в боягузливість, нерішучість та інші негативні риси"); 'позбавляє можливості свідомо керувати своїми діями' ("страх позбавляє індивіда здатності свідомо керувати своїми діями"); 'позитивна оцінка', імпліцитно представлена через функцію самосохранения ("страх є невід'ємною складовою процесу життєдіяльності, виконуючи важливу захисну функцію").

Наложение фреймовых структур понятийного компонента наивного и научного концептов представлено на рис. Общие слоты обозначены полужирным шрифтом, а свойственные только наивному – курсивом.

Образный компонент наивного концепта наиболее полно представлен в украинской фразеологии, пословично-паремийном фонде и заговорах. Рассмотрим основные типы метафорических моделей – донорских сфер, которые привлекаются для структурирования одного концепта в терминах другого и участвуют в образовании различных языковых единиц, отражающих наивный образ страха. Наиболее продуктивными здесь являются такие донорские сферы: "болезнь" ("як лихоманка стрепелхнула"), "холод" ("у душі похололо"), "жар" ("як

на жаринах"), "сердцебиение" ("серце мре"), "перемещение внутренних органов" ("душа в п'яти тікає"), "повреждение внутренних органов" ("точити душу"), "дрожь" ("труситься мов у пропасниці"), "паралич" ("мов неживий"), "невесомость" ("не чути землі під ногами"), "искаженное восприятие действительности" ("боязливому і миша ведмідь"), "человек" ("страшків син"), "животное" ("боязливому страху у вічі лізе"), "фантастическое существо" ("я ж його [страх] осиковим колом забиваю"), "преграда" ("чуже добро страхом обгороджене"), "вода" ("я тебе [переполох] виливаю, я тебе викликаю – з голівоньки, із очей, із плечей, із рук, із ніг, із живота, із поперека!"), направление движения "вниз" ("душа в п'яти опустилася") и "назад" ("у хвості була душа зі страху").

По научным текстам можно описать основные метафорические модели, передающие через языковой знак собственно чувственно-предметный образ как элемент познавательной структуры научного концепта «страх». Анализ материала (более 500 контекстов употребления термина *страх* и его синонимов) свидетельствует о таких основных донорских сферах концептуальной метафоризации страха: "человек" ("страх ховається <...> і вичікує гарної нагоди, щоб з'явитися"); "людина переживає страх, який суперечить її думкам"); "животное" ("страх, який вільно ширяє"); "растение" ("феномен страху культивувався архайчним суспільством"); "вода" ("джерело страху"); "огонь" ("спалах страху"); "преграда" ("вирватися з кола власних страхів"); "болезнь" ("коли страх (...) паралізує активність людини"); "предмет" ("гостра тривога").

Сопоставление метафорических моделей, участвующих в экспликации исследуемого эмоционального концепта в научном тексте, с теми, которые его представляют во фразеологии, обнаруживает существенные отличия между ними. Несмотря на то, что одной из наиболее продуктивных донорских когнитосфер как для наивного, так и для научного концепта является человек, в сознании ученого человек – прежде всего социальное существо, в то время как в сознании рядового носителя языка – биологическое. В научной картине мира страх содержит отрицательную и положительную оценки, выражаемые посредством образного представления эмоции в виде защитника и врага, в наивном же сознании страх – преимущественно враг. Как показал анализ, эмоция страха в сознании ученых, равно как и рядовых представителей лингвокультуры, тесно связана ассоциативными нитями с образами животного, растения, болезни, воды, огня, предметов, с которыми человек ежедневно контактирует. Следовательно, научный концепт, обозначаемый термином *страх*, сохраняет в большей степени донаучный опыт специалистов в области психологии, синтезирует наивные и научные знания.

Еще более интересные результаты дает применение методов и методик когнитивного анализа в изучении синтаксических категорий, обнаруживая необходимость детального обсуждения вопросов об исходных сферах языка. Антропоцентрическая парадигма в противоположность доминирующим сейчас лингвоцентрическим парадигмам, ориентированным на анализ готовых продуктов речевой деятельности, абстрагированных от непосредственной речевой деятельности, открывает перспективы для формирования грамматических обобщений, вытекающих из анализа речевой деятельности. Тем самым достигается большее приближение к самой природе основной единицы синтаксиса, которой является предложение. Ведь предложение как единица, которая не воссоздается, а создается, демонстрирует отчетливые черты речевого образования, противопоставленного, как это подробно обосновал В.А. Звегинцев, псевдопредложениям – единицам языкового уровня, абстрагированным от речи.

Изучение предложения именно в речи приводит к весьма неожиданным изменениям в трактовке многих центральных синтаксических категорий. Новое понимание синтаксических категорий, возникающее при анализе речевой деятельности, не является видоизменением этих категорий, сформированных на основе анализа языкового уровня. Наоборот, истолкование грамматических свойств

предложения в отрыве от его использования в непосредственной речевой деятельности приводит к их упрощению, потере многих характеристик, наблюдаемых только в речи.

Вывод о приоритетности анализа речевой деятельности для описания категорий предложения, который кардинально расходится с грамматической традицией, опирающейся на исходные постулаты Фердинанда де Соссюра, находит поддержку в трудах многих авторитетных лингвистов. В частности, нельзя не согласиться с точкой зрения А.С. Мельничука, который отмечал: «Говорить о языке и речи как о двух соотносительных аспектах общей языковой сферы нет оснований. Реально существует только язык как общая совокупность конкретных языковых проявлений, то есть процессов речевой деятельности, в которых используются различные компоненты языковой структуры» [3, с. 13]. Отводя основное место в истолковании феномена языка именно деятельностному (речевому) аспекту, ученый считает языковой уровень в соссюровском его понимании производным от речевого и даже говорит о важности обозначения этого уровня термином *система структурных компонентов языка*. Разграничение деятельностного (речевого), собственно языкового и психического уровней, или аспектов, языка приводит к осознанию необходимости точного терминологического обозначения данных явлений, на что, несомненно, языковеды должны обратить самое пристальное внимание.

Проиллюстрируем сказанное хотя бы на примере категорий модальности и предикативности, истолкование которых в рамках лингвоцентрической парадигмы изобилует многочисленными внутренними противоречиями. Например, весьма проблематично объединение в одну категорию категорий объективной и субъективной модальности, разграничение противопоставления реальности и ирреальности, противоречащим практике порождения предложений является истолкование сути категории субъективной модальности, наконец, рассмотрение предложения на языковом уровне приводит к фактическому «поглощению» категорией предикативности категории модальности [4].

На уровне речи категория модальности получает черты целостной категории, определяющей разновидность сообщаемой в предложении мысли: принадлежность ее к одному из разрядов перцептивного отражения (*чувствовать, видеть, слышать* и т.д.) или же к какому-либо ментальному разряду (*думать, полагать, предполагать, верить, знать, помнить* и т.д.). В предлагаемом понимании мо-

дальность весьма близка к тому, что Ш. Балли называл модусом и противопоставлял модусную информацию диктальной. Например, в стихотворении А.С. Пушкина «На холмах Грузии» происходит последовательное изменение модальности авторских мыслей, передаваемых предложениями в изъявительном наклонении. Эти изменения можно эксплицировать путем трансформации простых предложений в сложные, в которых диктальная информация оказывается сосредоточенной в придаточной части, вводимой союзом *что*: (Я **вижу**, что) На холмах Грузии лежит ночная мгла; (я **слышу**, что) шумит Арагва подо мною. (Я **чувствую**, что) Мне грустно и легко; (я **понимаю**, что) печаль моя светла.

Указанное понимание модальности вводит иные, чем это наблюдается в рамках традиционной категории модальности, противопоставления модальных типов. Вместо оппозиции объективной и субъективной модальностей и очень дискуссионного противопоставления модальностей реальности и ирреальности данные славянских языков показывают наличие в них двух основных модальных противопоставлений: модальностей центростремительных и модальностей центробежных.

Первый тип модальностей наблюдается в предложениях в изъявительном и сослагательном наклонениях, а также в части предложений в желательном наклонении. Им присуща общая черта – ориентированность на отражение и моделирование событий и свойств действительности, а также способность к трансформации в сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, вводимыми союзом *что*.

Центробежные модальности передают разнообразные волеизъявления говорящего. Они наблюдаются в предложениях в повелительном наклонении и в некоторых случаях в желательном наклонении. Для этого типа модальностей свойственна экспликация в виде сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными с союзом *чтобы*.

Будучи категорией внешней по отношению к диктальной части, категория модальности иногда характеризуется как категория внешнесинтаксическая [5, с. 49]. Это ее свойство выступает главной чертой в отграничении от категории предикативности, которая выражает принадлежность диктальной части и опирается в своих проявлениях на категории наклонения, времени и лица.

Шарль Балли дал довольно образное определение модальности, назвав эту категорию душой предложения. Однако за этой образностью скрывается глубокий смысл. Ведь извлечение предложения

из речи и рассмотрение его как абстрактного образца в большинстве случаев ведет к потере информации о конкретной когнитивной природе выраженной в предложении мысли говорящего. В результате в предложении остается лишь общее указание на тип модальности, предложение же теряет свою душу. Этот процесс можно проиллюстрировать такими трансформациями семантики, связанными с потерей на уровне языка говорящего с его ощущениями: Я вижу, что на холмах Грузии лежит ночная мгла = Я вижу, что это есть – Это есть.

Приведенный пунктирный набросок, конечно же, не преследует цели дать сколько-нибудь детальное описание категорий модальности и предикативности (см. подробнее: [4; 6; 7]), он в первую очередь направлен на обоснование плодотворности именно антропоцентрического подхода к раскрытию основных категорий предложения, а также мысли, что наиболее адекватно эти категории можно описать, опираясь на конкретную речевую деятельность.

Заключение. Предложенная методика анализа открывает новые возможности в исследовании других эмоциональных концептов, в частности в области различных лингвокультур, что обусловлено общей тенденцией в современном языкознании к раскрытию механизмов репрезентации внутреннего мира в лексической семантике языка. Антропоцентрические подходы к описанию языка актуализируют также вопросы методологии научного исследования и связанные с ними вопросы терминологических обозначений указанных явлений.

Литература

1. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
2. Маслова, В.А. Современная лингвистика – наука о человеке, его сознании, языке и культуре [Текст] / В.А. Маслова // Гуманитарный вектор. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 6–11.
3. Мельничук, О.С. Мова як суспільне явище і як предмет сучасного мовознавства / О.С. Мельничук // Мовознавство. – 1997. – № 2–3. – С. 3–19.
4. Бріцин, В.М. Когнітивні аспекти теорії модальності / В.М. Бріцин, В.В. Мозгунов // Мовознавство. – 2013. – № 2–3. – С. 128–148.
5. Мельничук, О.С. Розвиток структури слов'янського речення / О.С. Мельничук. – К.: Наукова думка, 1966. – 324 с.
6. Бріцин, В.М. Модальність і предикативність: лінії розмежування і протиставлення / В.М. Бріцин // Мовознавство. – 2015. – № 2. – С. 77–85.
7. Брицын, В.М. Модальная организация лирики Марины Цветаевой / В.М. Брицын // Лингвистика XXI века: сб. науч. ст.: к 65-летию юбилею профессора В.А. Масловой. – М.: Флинта: Наука, 2013. – С. 69–77.

Поступила в редакцию 16.11.2018 г.

Феноменологические особенности дискурса социальной рекламы в Республике Беларусь

Солодовникова Т.В.

Белорусский государственный университет, Минск

По некоторым оценкам экспертов, социальная реклама существует в Республике Беларусь на протяжении 15 лет, однако, несмотря на это, до настоящего момента на постсоветском пространстве присутствует проблема терминологического аппарата всей сферы социальной коммуникации, обусловленная отсутствием комплексных научных исследований дискурсивных практик дискурса социальной рекламы, а также диффузностью самого термина «социальная реклама».

Цель статьи — выявление феноменологии дискурса социальной рекламы в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования послужили видеоролики социальной рекламы в Интернете и на национальном белорусском телевидении, билборды, реклама в/на транспорте, а также публикации зарубежных и отечественных ученых в данной области. При этом использовались методы эмпирического, сравнительного и статистического анализа, системный и институциональный подходы, а также другие общенаучные методы и принципы познания.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрена корреляция термина «социальная реклама» во французском и русско-/белорусскоязычном дискурсах. В результате анализа социальной рекламы в Республике Беларусь установлено, что наиболее актуальными темами социальной рекламы являются безопасность дорожного движения, борьба с наркоманией, ВИЧ, курением, а также привлечение внимания к проблеме патриотизма и статуса белорусского языка. Выявлено, что реклама на белорусском языке не носит регулярный характер, а белорусский язык применяется лишь в конкретных рекламных кампаниях. Установлены характерные для дискурса социальной рекламы случаи мимикрии: государственная реклама, мимикрируя под социальную, может являться политической и даже коммерческой. Некоммерческая же реклама, действительно, может не ставить задачу увеличения прибыли, однако она в это же время может и не являться социальной (в том случае, если не будет затрагивать острые социальные проблемы). В свою очередь, некоммерческий характер социальной рекламы не исключает возможности ее использования бизнес-структурами.

Заключение. Термин «социальная реклама» по-разному трактуется во французском и русско- / белорусскоязычном дискурсах. Основным конститутивным признаком дискурса социальной рекламы во франкоязычном дискурсе является смысл сообщения, а в русско- и белорусскоязычном — тематика и некоммерческий характер.

Дискурс социальной рекламы не обладает собственной языковой спецификой, а заимствует ее у других типов рекламного дискурса — коммерческого и политического.

Использование белорусского языка в дискурсах социальной рекламы в Республике Беларусь носит нерегулярный характер и, как правило, обусловлено тематически (привлечение внимания к статусу белорусского языка).

В русско- и белорусскоязычном дискурсах социальной рекламы преобладает «мягкий» вариант организации содержательной структуры, а во франкоязычном — «жесткий».

Ключевые слова: дискурс социальной рекламы, манипулирование, конститутивный признак, коммуникация, общество.

(Ученые записки. — 2018. — Том 28. — С. 180–185)

Phenomenological Features of the Discourse of Social Advertisements in the Republic of Belarus

Solodovnikova T.V.

Belarusian State University, Minsk

Some experts consider that social advertisements have existed in the Republic of Belarus for 15 years. However, until now in the post-Soviet space there has been a problem of the terminological apparatus of the whole sphere of social communication, which is conditioned by the lack of complex researches of discourse practices of social advertisement discourse as well as by the diffuse character of the term of social advertisement itself.

Адрес для корреспонденции: e-mail: Tatianasolodovnikova2015@gmail.com — **Т.В. Солодовникова**

The purpose of the research is to identify the phenomenology of social advertisement discourse in the Republic of Belarus.

Material and methods. *The research material was social advertisement Internet and National Belarusian Television videos, billboards, public transport adverts as well as publications of foreign and domestic researchers in this field. The methodological base was methods of empiric, comparative and statistic analysis, the system and institutional approaches as well as other general scientific methods and cognition principles.*

Findings and their discussion. *Correlation of the term of social advertisement in the French and Russian-/Belarusian language discourses is considered. As a result of the analysis of social advertisement in the Republic of Belarus it was established that the most current topics of social adverts are traffic security, combating drug addiction, AIDS, smoking, as well as drawing attention to issues of patriotism and the Belarusian language status. It was found out that adverts in Belarusian are not of regular character and cases of social mimicry typical of social discourse advertisements are found out: state advertisements which mimic under social ones can be political and even commercial. While non-commercial adverts can really avoid the task of profit increase but at the same time can be not social (if they do not touch urgent social issues). First of all the non-commercial character of social adverts does not exclude its application by business companies.*

Conclusion. *The term of social advertisement is interpreted differently in the French and Russian-/Belarusian language discourses. The main constitutive feature of the discourse of social advertisement in French discourse is the meaning of the message, while in the Russian and Belarusian language one it is its theme and non-commercial character.*

Social advertisement discourse doesn't have its own language specificity but borrows it from other types of advertisement discourse — the commercial and the political.

The use of the Belarusian language in social advertisement discourse in the Republic of Belarus is not regular and, as a rule, thematic (attracting attention to the status of the Belarusian language).

In the Russian-/Belarusian language discourse of social advertisement a «mild» variant of setting up content structure prevails, while in the French language one the «tough» variant prevails.

Key words: *social advertisement discourse, manipulation, constitutive feature, communication, society.*

(Scientific notes. — 2018. — Vol. 28. — P. 180–185)

Происходящие изменения социально-структурных отношений в современном информационном обществе, динамика взаимодействия социальных, политических групп и элит, их ценностных ориентаций и моделей поведения обуславливают пристальный интерес исследователей самых различных сфер науки к механизмам и способам управленческого воздействия на общество. Следует отметить, что теории и методологии рекламного дискурса посвящено относительно небольшое количество работ не только на постсоветском пространстве, но и за рубежом, при этом российские исследователи вынуждены в большей степени апеллировать к западным и американским источникам. Решение многих вопросов в обозначенной области до сих пор носит дискуссионный характер. Среди американских ученых, освещавших в своих научных публикациях проблематику преимущественно социальной рекламы, можно отметить Д. Бурстина, Дж. Сивулку, классика современной теории маркетинга Ф. Котлера, а также Д. Кревенса, Г. Хилла, Р. Вудруфа, Дж. О Шонесси, А. Фернхама, Б. Гантера, Ж. Бодрийяра, И. Ротцолла, П. Друкера. При этом основным ракурсом их исследований является маркетинг в политической и коммерческой сферах, изучение рынка и психологии восприятия потребителей.

В русле критического дискурс-анализа теорией манипулирования, стратегиями аргументации, механизмами убеждения, в том числе и в дис-

курсе рекламного характера, занимаются такие ученые, как Т. ван Дейк, Л. де Соссюр, С. Освальд, Д. Майа, А. Роччи.

В российской научной школе реклама как специфическая сфера между социумом и маркетингом освещена в работах И.А. Гольман, К.В. Плешакова, А.А. Романова, О.О. Савельевой, С.Э. Селиверстовой, П.А. Пименова. Важным этапом в изучении феномена рекламы явилось ее «контекстное» изучение, представленное в публикациях по социологии массовых коммуникаций. Компаративный анализ российской и западноевропейской социальной рекламы осуществлен в трудах Н.В. Старых и В.В. Ученовой. При этом непосредственно рекламным дискурсом и рекламной коммуникацией в аспекте лингвопрагматики занимаются А.В. Олянич, В.И. Карасик, В.Л. Музыкант, Е.В. Медведева.

Цель статьи — выявление феноменологии дискурса социальной рекламы в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом исследования послужили видеоролики социальной рекламы в Интернете и на национальном белорусском телевидении, билборды, реклама в/на транспорте, а также публикации зарубежных и отечественных ученых в данной области. При этом использовались методы эмпирического, сравнительного и статистического анализа, системный и институциональный подходы, а также другие общенаучные методы и принципы познания.

Результаты и их обсуждение. Еще П.А. Сорокин среди различных факторов, под воздействием которых формируется личность, выделял прежде всего социокультурные, которые «не наследуются биологически, а приобретаются в процессе взаимодействия с людьми, среди которых он рождается, воспитывается, получает образование» [1, с. 159]. Таким образом, согласно П.А. Сорокину, определение структуры любого социокультурного явления начинается с анализа родовых свойств, общих для всех социокультурных явлений, как прошлых и настоящих, так и будущих.

Следовательно, для того чтобы установить конститутивные признаки дискурса социальной рекламы, представляется целесообразным обратиться к исходным, базовым понятиям и их определениям.

Прежде всего, отметим, что под конститутивными признаками понимаем признаки, объективно определяющие сущность вещи, т.е. речь идет об онтологических свойствах дискурса социальной рекламы.

Несмотря на то, что социальная реклама существует в Республике Беларусь на протяжении 15 лет, до настоящего момента на постсоветском пространстве присутствует проблема терминологического аппарата всей сферы социальной коммуникации, обусловленная отсутствием комплексных научных исследований дискурсивных практик дискурса социальной рекламы, а также диффузностью самого термина «социальная реклама», являющего собой калькированный перевод с английского *social advertising*¹.

В мировой рекламной практике понятию «социальная реклама» соответствуют термины «public service advertising» и «public service announcement» (далее PSA). «Предметом PSA является идея, которая должна обладать определенной социальной ценностью. Цель PSA – изменить отношение публики к какой-либо проблеме, а в долгосрочной перспективе – создать новые социальные ценности» [2, с. 41].

Во франкоязычном дискурсе термин «publicité sociale» также не имеет однозначной трактовки и функционирует в двух значениях: 1) реклама, представленная в социальных сетях (вне зависимости от вектора ее направленности); 2) реклама,

призванная информировать общественность относительно определенных социальных вопросов и влиять на поведение. В первом значении термин «publicité sociale» получил широкое распространение, и бурное развитие социальных сетей с обилием всевозможной рекламы и разнообразными способами ее «навязывания» и продвижения – лишь яркое подтверждение этого факта. Во втором же значении, семантически близком к тому, что понимается под социальной рекламой в русско- и белорусскоязычном дискурсах, термин «publicité sociale» функционирует с некоторыми особенностями. Сам термин также варьируется в зависимости от авторов: *publicité sociale* «социальная реклама» [3], *publicité sociétale* «общественная реклама» [4], *communication sociale* «социальная коммуникация» [5] et *marketing social* «социальный маркетинг» [6].

По мнению французского исследователя М. Ле Нет [6, р. 6], «La communication sociale représente l'un des meilleurs indicateurs du progrès d'une nation car elle constitue une excellente solution pour obtenir l'accord du plus grand nombre dans la lutte contre les principaux maux de la société» (пер. Т.С. – *Социальная коммуникация представляет собой один из лучших индикаторов прогресса нации, поскольку служит прекрасным решением получения согласия большинства в борьбе против главных пороков общества*).

В свою очередь, Б. Даженэ в статье «BENETTON EXPLOITE L'AMBIGUÏTÉ DE LA PUBLICITE SOCIALE» отмечает, что отличительной чертой социальной рекламы является **смысл ее сообщения (sens du message)**: содержание сообщений социальной рекламы направлено на привлечение внимания к общественным феноменам и побуждает общественность задуматься над определенными ценностями и социальным поведением [7]. При таком подходе рекламная кампания торговой марки Benetton², вызывающая широкую полемику как среди обывателей, потребителей рекламы, так и в научной среде, является социальной. Отметим, что данный пример рекламной кампании трактуется многими российскими исследователями в качестве «шоковой» социальной рекламы [8; 9; 10]. По мне-

¹ Принято считать, что впервые социальной рекламой занялись американские гражданские ассоциации, призывавшие в 1906 г. защитить Ниагарский водопад от бесчинства, творимого электрическими компаниями.

² Примеры рекламных продуктов Benetton: типичные араб и еврей бьют друг друга одной рукой, а в другой держат глобус; на двух запястьях, черном и белом, надеты наручники; чернокожая женщина кормит грудью белокожего ребенка; фото кладбища со звездой Давида, символизирующее войну в заливе; поцелуй священника и монахини; фото больного, умирающего от СПИДа, и т.д.

нию Б. Даженэ, социальная реклама, в отличие от других типов рекламы, не передает никакого знания, это так называемый коммуникационный шум (*bruit communicationnel*), поскольку проблемы, поднимаемые социальной рекламой (СПИД, расизм, загрязнение окружающей среды и т.д.), существовали и до появления рекламы о них [7].

Следует также отметить, что заказчиками социальной рекламы (в той трактовке этого термина, который предстает во франкоязычном дискурсе) могут выступать государство, частные предприятия, различные социальные группировки, отдельные индивиды. По мнению зарубежных исследователей, государство прибегает к использованию социальной рекламы лишь в пиковых ситуациях, когда достигнут критический уровень затрат на решение каких-либо проблем (неправильное питание, табакокурение, алкоголизм, злоупотребление медикаментами) [11; 12]. Цель государственной социальной рекламы не предупредить дорожно-транспортное происшествие, например, а уменьшить стоимость расходов, с ним связанным. Государство может также прибегнуть к социальной рекламе под давлением со стороны определенных социальных групп, лоббирующих свои интересы: дискриминация женщин, безопасность труда, защита прав потребителей, социальных меньшинств, окружающей среды. Таким образом, цель государства, применяющего социальную рекламу, носит, по мнению зарубежных ученых, исключительно экономический либо политический характер, а главная задача – быстрыми темпами изменить поведение индивидов. Что касается частных предприятий, их цели исключительно коммерческие: им неважно, что защищать, какую идею продвигать, главное с помощью социальной рекламы сформировать собственный позитивный имидж, что впоследствии непременно скажется на возрастании прибыли. Различные социальные группировки (как, напр., Green Peace, борцы за права женщин и многие другие), как правило, продвигают исключительно социально ориентированную идею и своей целью ставят привлечение внимания правительства и широкой общественности к какой-либо проблеме. По мнению исследователей, отдельными индивидами движет чувство ущемленности их личных прав и желание изменить отношение предприятий или же общества к какой-либо проблеме. Зачастую форма выражения их посланий носит агрессивный характер.

В данном контексте отмечается, что, каковы бы ни были причины обращения к дискурсу со-

циальной рекламы, главное – это конечный результат, который состоит в том, что множество социальных акторов оказываются вовлеченными в борьбу с серьезными общественными проблемами.

Что касается Республики Беларусь, то, согласно статье 2 Закона «О рекламе» от 10 мая 2007 г. № 225-З (далее Закон)³, социальная реклама – реклама прав, охраняемых законом интересов или обязанностей организаций или граждан, явлений (мероприятий), в том числе предусмотренных государственными программами, программами в сферах здравоохранения, образования, культуры, физической культуры, спорта, социальной защиты населения, обеспечения государственной и (или) общественной безопасности, охраны окружающей среды, рационального использования природных ресурсов, в том числе по вопросам охраны здоровья населения, пропаганды здорового образа жизни, деятельности хосписов, благотворительных фондов, сохранения историко-культурного, духовного наследия, профилактики правонарушений, чрезвычайных ситуаций, развития международного сотрудничества в указанных сферах, либо иных явлений (мероприятий) социального характера, которая направлена на защиту или удовлетворение общественных или государственных интересов, не носит коммерческого характера и рекламоделателями которой являются государственные органы.

Следовательно, исходя из этого определения, социальная реклама в Республике Беларусь – реклама некоммерческого характера, главным заказчиком которой являются министерства, ведомства, комитеты, местные исполнительные и распорядительные органы.

Вместе с тем важно подчеркнуть, что в лингвистике до настоящего момента не решен вопрос о разграничении социальной и государственной рекламы, не выявлены принципиальные отличия социальной рекламы от других типов рекламы. На наш взгляд, понятия *социальная*, *государственная* и *некоммерческая* по-разному соотносятся друг с другом. Ведь государственная реклама, мимикрируя под социальную, может являться политической (напр., билборд с надписью «Человек года» или призыв голосовать за определенного кандидата на выборах в местные органы управления) и даже коммерческой (напр., если этот кандидат принадлежит к партии, лоббирующей определенные групповые интересы). Неком-

³ С принятыми изменениями.

мерческая же реклама, действительно, может не ставить задачу увеличения прибыли, однако она в это же время может и не являться социальной (в том случае, если не будет затрагивать острые социальные проблемы). В свою очередь, некоммерческий характер социальной рекламы не исключает возможности ее использования бизнес-структурами.

Вслед за А.Н. Солодовниковой, под социальной рекламой понимаем «тип рекламной коммуникации, ориентированной на широкую общественную аудиторию, соответствующей общественным и государственным интересам, целью которой является привлечение внимания к социальным (наркомания, алкоголизм, преступность, загрязнение окружающей среды) и государственным (возрождение патриотизма, исполнение гражданских обязанностей населения) проблемам и формирование норм и нравственных ценностей (уважение к окружающим, необходимость заботы о родителях) в обществе» [8, с. 6].

По мнению российского исследователя Г.Г. Николайшвили, «социальная реклама – это чрезвычайно тонкий и хрупкий инструмент. В своем развитии реклама наглядно отражает модификацию важнейших этических ориентиров в сфере фундаментальных человеческих ценностей, формирует морально-нравственные принципы общества и активно реагирует на их изменения [13, с. 6].

Социальная реклама как институциональный процесс социального взаимодействия с целевой аудиторией направлена на легитимацию своих целей, обеспечивающую стабильность общества и доверительное взаимодействие с социально-демографическими группами; структурную, нормативную и функциональную динамику с учетом приобретенного опыта социорекламной практики, активной роли целевой аудитории и необходимого финансового сопровождения [14, с. 33].

Основное отличие социальной рекламы от других типов рекламы заключается в тематике [8]. Предметно-тематические области социальной рекламы рассмотрены в работах Е.В. Степанова, Н.Н. Грибок и А.В. Ковалевой. Ключевыми темами социальной рекламы являются:

- здоровый образ жизни (против курения, алкоголя и наркотиков);
- безопасность дорожного движения;
- болезни и гуманное отношение к тяжело больным людям;
- охрана окружающей среды;
- гражданские права и обязанности, воспитание патриотизма;

- семейные ценности и проблемы детства;
- культурные и нравственные ценности (привлечение внимания к истории, формирование уважительного отношения к окружающим).

В результате анализа социальной рекламы в Республике Беларусь (видеоролики социальной рекламы в Интернете и на телевидении, билборды, реклама в/на транспорте) установлено, что наибольшую актуальность представляют следующие темы социальной рекламы: безопасность дорожного движения, борьба с наркоманией, ВИЧ, курением, а также привлечение внимания к проблеме патриотизма и статуса белорусского языка.

Обращает на себя внимание и тот факт, что реклама на белорусском языке не носит регулярный характер, а белорусский язык применяется лишь в конкретных рекламных кампаниях. Так, например, в начале 2018 г. на улицах Минска появилась новая реклама: на бордах ведущие социокультурного канала «Беларусь 3» приглашают жителей столицы «размаўляць па-беларуску». Или же, всем известный проект «А якім будзе тваё першае слова на роднай мове? Маё першае слова Дзякуй. Маё першае слова Каханне». Наблюдаются единичные случаи использования белорусского языка в рамках тематик, не связанных непосредственно с языковой проблемой: *Жыццё ад хлеба, хлеб для жыцця; Мужнасць не проста слова... гэта частка нашай прафесіі.*

Интересный пример рекламной мимикрии представляет одна из последних рекламных афиш компании Velcom под слоганом «Балуйте своих детей». В данном случае тематика социальной рекламы заимствуется коммерческой рекламой для создания имиджа социально ответственной компании. К слову, компания Velcom нередко применяет данную стратегию для привлечения внимания к компании и формированию ее позитивного имиджа. В сентябре 2017 г. Velcom совместно с коммуникационной компанией GBS при поддержке Министерства образования Республики Беларусь реализовали проект «Чытаем па-беларуску». Проект получил широкий резонанс, своим участием его поддержали и представители зарубежных дипмиссий [15].

В лингвистике активно изучается языковая специфика рекламных текстов, однако в основном на материале коммерческой рекламы. Было выявлено, что для рекламного дискурса характерно использование «позитивной» лексики и «ключевых» слов [16], широкое применение тропов и стилистических фигур

для усиления воздействия на адресата, девиантное использование графики (слитное написание слов, применение латиницы вместо кириллицы, «исправленная ошибка») [17; 18], случаи языковой игры, каламбуры.

Существует два основных подхода к организации содержательной структуры дискурса социальной рекламы: «мягкий» и «жесткий». При «мягком» варианте не ставится акцент на характеристике проблемной ситуации, используется положительная мотивация, направленная на будущее. При «жестком» варианте акцент делается на характеристике проблемной ситуации, применяется метод натуралистического описания предмета, актуализируется механизм страха.

Заключение. Термин «социальная реклама» по-разному трактуется во французском и русско- / белорусскоязычном дискурсах. Основным конститутивным признаком дискурса социальной рекламы во франкоязычном дискурсе является смысл сообщения, а в русско- и белорусскоязычном – тематика и некоммерческий характер.

Дискурс социальной рекламы не обладает собственной языковой спецификой, а заимствует ее у других типов рекламного дискурса – коммерческого и политического.

Использование белорусского языка в дискурсе социальной рекламы в Республике Беларусь носит нерегулярный характер и, как правило, обусловлено тематически (привлечение внимания к статусу белорусского языка).

В русско- и белорусскоязычном дискурсах социальной рекламы преобладает «мягкий» вариант организации содержательной структуры, а во франкоязычном – «жесткий».

Статья подготовлена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований, договор № Г18МС-003 от 30.05.2018 г.

Литература

1. Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов: пер. с англ. / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
2. Астахова, Т. Хорошие идеи в Америке рекламируют / Т. Астахова // Деньги и благотворительность. – 1994. – № 3. – С. 41–48.
3. Leiss, W. Social Communication in Advertising: Persons, Products and Images of Well-Being / W. Leiss, S. Kline, S. Jhally. – Scarborough, ON: Nelson, Canada, 1990. – 327 p.
4. Bouchard, J. L'autre publicité: la publicité sociétale / J. Bouchard. – Québec: Les éditions Héritage, 1981. – 207 p.
5. Le Net, M. La communication sociale / M. Le Net. – Paris: La Documentation française, 1988. – 151 p.
6. De Guise, J. Le marketing social / J. De Guise // Communication publique et société / M. Beauchamp (direction). – Boucherville: Gaétan Morin, 1991. – Pp. 286–333.
7. Dagenais, B. BENETTON EXPLOITE L'AMBIGUÏTÉ DE LA PUBLICITE SOCIALE / B. Dagenais // Supplément à Recherches en communication. – 1995. – № 4. – Pp. 1–50.
8. Солодовникова, А.Н. Современная социальная реклама: способы воздействия на адресата: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / А.Н. Солодовникова; Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. – Саратов, 2013. – 22 с.
9. Тулупов, В.В. Парадоксы шоковой рекламы / В.В. Тулупов, Е.Ю. Красова, Е.В. Малыгина. – Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2007. – 99 с.
10. Тихомирова, Л.С. Шоковая реклама как разновидность социальной рекламы / Л.С. Тихомирова, Л.Г. Кыркунова, И.П. Мялицина // Вестн. Северного (Арктического) федерального университета. – Сер., Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 6. – С. 138–143.
11. Caumont, D. La publicité / D. Caumont. – Paris: Dunod, 2012. – 128 p.
12. Cossette, C. La publicité sociale: définitions, particularités, usages / C. Cossette, P. Daignault. – Québec: Télémarque, 2011. – 143 p.
13. Николайшвили, Г.Г. Социальная реклама: теория и практика: учеб. пособие для студентов вузов / Г.Г. Николайшвили. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 191 с. – С. 6, 8–9.
14. Калмыков, С.Б. Социальная реклама / С.Б. Калмыков, Н.П. Пашин. – М.: Инфра-М, 2017. – 229 с.
15. Як Velcom зацікавіў школьнікаў беларускімі вершамі ды правёў паэтычны батл [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://marketing.by/keysy/yak-velcom-zatsikavishkolnika-belaruskimi-vershami-dy-prave-paetychny-batl/>. – Дата доступу: 09.01.2019.
16. Гирина, И.Г. Язык рекламных текстов: учеб. пособие для студентов экономических специальностей вузов региона / И.Г. Гирина. – Хабаровск: ХГАЭП, 2004. – 224 с.
17. Кохтев, Н.Н. Реклама: искусство слова. Рекомендации для составителей рекламных текстов / Н.Н. Кохтев. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 96 с.
18. Розенталь, Д.Э. Язык рекламных текстов: учеб. пособие для вузов по спец. «Журналистика» / Д.Э. Розенталь, Н.Н. Кохтев. – М.: Высш. школа, 1981. – 127 с.

Поступила в редакцию 03.12.2018 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Основными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языках.
2. Каждая статья должна содержать следующие элементы: *индекс УДК; название статьи; фамилия и инициалы автора (авторов); организация, которую он (они) представляет (-ют); введение; раздел «Материал и методы»; раздел «Результаты и их обсуждение»; заключение; список использованной литературы.*
3. Название статьи должно отражать ее содержание, быть по возможности лаконичным, вмещать ключевые слова, что позволит индексировать статью.
4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на заграничные публикации.
5. Раздел «Материал и методы» включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами).
6. В разделе «Результаты и их обсуждение» автор должен сделать выводы с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.
7. В заключении в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.
8. Список литературы должен включать не более 12 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа – 7.1-2003. Ссылки на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.
9. Статьи сдаются в редакцию в двух экземплярах объемом не менее 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Количество рисунков не должно превышать трех. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Фотографии в печать не принимаются. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows. Используется следующий формат страницы: красная строка – 0,5 см; поля: сверху – 2,5 см, снизу – 2,5 см, слева – 2 см, справа – 2 см.
10. Иллюстрации, формулы, уравнения, которые встречаются в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования в тексте. К каждому экземпляру статьи нужно приложить по одному экземпляру иллюстрации. Копии рисунков для другого экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и цифровые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал. В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.
11. Размерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).
12. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Электронная версия сдается на дискетах, дисках или пересылается на адрес электронной почты университета (*nauka@vsu.by*).
13. К статье прилагаются следующие материалы (на отдельных листах):
 - *реферат (100–150 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи, и ключевые слова на языке оригинала;*
 - *название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;*
 - *домашний адрес автора, номер телефона, адрес электронной почты;*
 - *рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;*
 - *экспертное заключение о возможности публикации материалов к печати.*
14. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.
15. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

GUIDELINES FOR AUTHORS

The List of scientific publications “Scientific notes of Educational Establishment «Vitebsk State University named after P.M. Masharov»” is included in the list of the scientific editions of the Republic of Belarus for publishing the results of dissertation researches in philological, historical and philosophical sciences. The main criterion for the publication is novelty and specificity of the article. The priority for publication is given to scientific articles by postgraduates in their last year (including their articles written with co-authors) on condition these articles correspond the requirements for scientific articles of the journal.

Guidelines for the layout of a publication:

1. Articles are to be in Belarusian, Russian or English.
2. Each article is to include the following elements: *UDK index; title of the article; name and initial of the author (authors); institution he (she) represents; introduction; “Material and methods” section; “Findings and their discussion” section; conclusion; list of applied literature.*
3. The title of the article should reflect its contents, be laconic and contain key words which will make it possible to classify the article.
4. The introduction should contain a brief review of the literature on the problem. It should indicate not yet solved problems. It should formulate the aim; give references to the recent articles of other authors including foreign publications.
5. “Material and methods” section includes the description of the method, technical aids, objects and contents of the author’s (authors’) research.
6. “Findings and their discussion” section the author should draw conclusions from the point of view of their scientific novelty and compare them with the corresponding well-known data. This section can be divided into sub-sections with explanatory subtitles.
7. The conclusion should contain a brief review of the findings, indicating the achievement of this goal, their novelty and possibility of practical application.
8. The list of literature shouldn’t include more than 12 references. The references are to be numerated in the order of their citation in the text. The order number of a reference is given in square brackets e.g. [1], [2]. The layout of the literature list layout is to correspond State Standard (GOST) – 7.1-2003. References to articles and theses which were not published earlier are not permitted. A complete name of the author’s certificate and the deposited copy is indicated as well as the institution which presented the copy for depositing.
9. Two copies of at least 0,35 of an author sheet size (14000 printing symbols with blanks, punctuation marks, numbers etc.), interval 1, Times New Roman 11 are sent to the editorial office. This size includes the text, charts and list of literature. Not more than three pictures are allowed. Pictures and schemes are to be presented in individual jpg-files. Photos are not allowed. Articles should be typed in Microsoft Word. The page layout is the following: new paragraph – 0,5 cm; margins: top – 2,5 cm, bottom – 2,5 cm, left – 2 cm, right – 2 cm.
10. Illustrations, formulas, equations, if any, are to be numbered in accordance with their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to each copy of the article. Picture copies for the second copy of the article should contain all the required letter and number titles. Titles of the pictures, charts and tables are to be typed in one interval. Titles of tables and pictures should not be abbreviated.
11. All dimensions used in the text should correspond the International measurement unit system (SI).
12. The electronic version should be attached to the paper copy of the article submitted to the editorial board. The electronic and the paper copies of the article should be identical. The electronic version is presented on a diskette or diskettes or is sent by e-mail (the university e-mail address is *nauka@rsu.by*).
13. Following materials (on separate sheets) are attached to the article:
 - *summary (100–150 words), which should precisely present the contents of the article, should be liable for being published in magazine summaries separately from the article as well as the key words in the language of the original;*
 - *title of the article, surname, first and second names of the author (without being shortened), place of work, summary and key words in English;*
 - *author’s home address, telephone number, e-mail address;*
 - *recommendation of the department (scientific laboratory) to publish the article;*
 - *expert conclusion on the feasibility of the publication.*
14. On the decision of the editorial board the article is sent for a review, and then it is signed by the members of the editorial board. If the article is sent back to the author for improvement it doesn’t mean that it has been accepted for publication. The improved variant of the article is reconsidered by the editorial board. The article is considered to be accepted on the day when the editorial office receives the final variant.
15. Earlier published articles as well as articles accepted for publication in other editions are not admitted.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Сборник научных трудов

Том 28

Компьютерный дизайн Е.А. Барышева

Корректор А.Н. Фенченко

Подписано в печать 29.12.2018. Формат 60х84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 21,86. Уч.-изд. л. 19.08. Тираж 100 экз. Заказ 192.

Издатель и полиграфическое исполнение — учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.